Е.В. Иванцова

Феномен диалектной языковой личности

Издательство Томского университета

2002

http://www.lib.tsu.ru

УДК 800. 872: 801. 3 (571. 16)

ББК 81. 2–3

И 23

Иванцова Е.В.

И 23 Феномен диалектной языковой личности. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. – 312 с.

ISBN 5 – 7511 – 1542 – 2

Монография посвящена исследованию речи одной языковой личности – носителя сибирских старожильческих говоров. Сущность феномена диалектной языковой личности раскрывается через анализ особенностей ее лексикона, текстов и метаязыкового сознания.

Для специалистов по лексикологии, диалектологии, преподавателей, аспирантов и студентов филологических факультетов, а также для всех, кого интересует русская народная культура и речь.

УДК 800. 872: 801. 3 (571. 16)
ББК 81. 2–3

Научный редактор – доктор филологических наук,
академик МАН ВШ, профессор О.И. Блинова

Рецензенты – доктор филологических наук,
профессор З.И. Резанова,
кандидат филологических наук, доцент Л.Г. Гынгазова

ISBN 5 – 7511 – 1542 – 2

© Е.В. Иванцова, 2002

http://www.lib.tsu.ru

Оглавление

Введение

Глава 1. Идиолексикон диалектной языковой личности

1.1. Количественные оценки лексикона личности

1.2. Типологические классы единиц лексикона

1.2.1. Грамматические классы слов как единицы лексикона

1.2.2. Общерусская, просторечная и диалектная лексика

1.2.3. Активный и пассивный словарный запас

Новая лексика

Архаическая лексика

Лексика чужой речи

Окказионализмы

1.2.4. Экспрессивная лексика

1.3. Системные блоки единиц лексикона

1.3.1. Мотивационные отношения слов

1.3.2. Формальное варьирование

1.3.3. Полисемия

1.3.4. Синонимия

1.3.5. Антонимия

1.4. Идеографическая организация лексикона

Глава 2. Языковая личность и текст

2.1. Общие особенности строения текста

2.2. Прецедентные тексты

2.3. Выразительные средства текста

Сравнение

Метафора

Гипербола

Ирония

Каламбур

Рифмовка

Ритм

Глава 3. Метаязыковое сознание личности

Заключение

Основные словарные источники

Литература

Список условных сокращений и обозначений

http://www.lib.tsu.ru

> Нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю – к человеку, к конкретной языковой личности.
>
> *Ю.Н. Караулов*

Введение

Постановка проблемы "язык и личность" имеет глубокие корни в истории языкознания. Однако, как отмечает Ю.Н. Караулов, научная традиция сложилась так, что языковая личность (далее – ЯЛ) обычно рассматривалась как бы с птичьего полета. В течение длительного времени в лингвистике преобладал абстрактный подход, утверждавший общее положение о том, что нельзя познать человека, не познав его язык [Караулов, 1987: 4].

Высказывания на эту тему можно найти еще у античных мыслителей. Известно изречение Платона "Характер человека познается в речи" [цит. по: Богин, 1973: 4]. Марк Фабий Квинтилиан (I в. н.э.) утверждал: "Qualis homo, talis ejus oratio" ("Каков человек, такова его манера изъясняться") [цит. по: Сусов, 1989: 16].

Вопрос о языке личности стал возникать в европейском языкознании в связи с постановкой таких глобальных проблем, как социальная природа языка, соотношение языка и речи и др. О необходимости изучения индивидуального языка одним из первых начал говорить В. Гумбольдт: "Все люди говорят как бы одним языком, и в то же время у каждого человека свой отдельный язык. Необходимо изучать живую разговорную речь и речь отдельного индивидуума", поскольку "только в речи индивида язык достигает своей окончательной определенности" [1984: 84]. Описывая диалектические противоречия в языке как источник его развития, В. Гумбольдт в качестве одной из антиномий сформулировал противоречие между социальным и индивидуальным: "Язык не является произвольным творением одного человека, а принадлежит всегда целому народу. Но языки можно считать творением народов, и в то же время они остаются творением отдельных лиц" [1984: 318].

Взгляды Гумбольдта, утверждавшего, что язык одновременно принадлежит индивиду и нации, были односторонне развиты младограмматиками. Главным объектом

http://www.lib.tsu.ru

изучения этой школы становится говорящий индивид. Существование языка объявлялось фикцией, реальной признавалась только речь одного лица. Акцент делался на исследовании собственной речи как наиболее известной.

Разделял позиции младограмматиков и русский лингвист, польский славист И.А. Бодуэн де Куртенэ, также склонный к абсолютизации индивидуального языка: "Нет вовсе ни русского, ни немецкого, ни какого бы то ни было национального или племенного языка. Существуют только индивидуальные языки" [Бодуэн де Куртенэ, 1963, т. 2: 131]. Племенной или национальный язык рассматривается им как абстракция, доступная для изучения через речь индивидуумов.

Как реакция на младограмматическое направление, в котором язык считается системой представлений индивида, в начале XX в. возникает противоположная тенденция – подчеркивание общественной функции языка [Кондрашов, 1979: 105]. Лингвисты утверждают: являясь продуктом общества, язык не зависит от говорящего индивида. Ф. де Соссюр разграничил язык как социальный продукт и индивидуальную речь. Отмечая их тесную связь, он акцентирует внимание на языке, который усваивается индивидом в готовом виде.

Проблема индивидуального языка затрагивается А.М. Пешковским в статье "Объективная и нормативная точка зрения на язык" (1925). Он пишет: "Хотя каждый человек говорит "как все", но это "как все" создается сложением миллионов индивидуальных языков, в том числе и моим. Всякий говорящий одновременно и подражает, и вызывает подражание, и говорит "как все", и создает это "как все"…" [Пешковский, 1959: 61]. Во взглядах Пешковского чувствуется влияние младограмматиков: индивидуальные языки в действительности не существуют в качестве самостоятельных, но мысль о том, что отдельные люди участвуют в создании языка народа, заслуживает внимания.

Сближение лингвистики с антропологией наблюдается в трудах Э. Сепира 20–30-х гг. Особенно интересна его статья "Речь как черта личности" (1927), в которой рассмотрены возможные подходы к анализу речи с точки зрения изучения личности: 1) изучение различий индивида и общества; 2) изучение различных уровней речи – от низшего до высших [Сепир, 1993].

Важный вклад в разработку обозначенной проблемы был внесен В.В. Виноградовым. В публикации "О художественной прозе" (1930) им впервые был

http://www.lib.tsu.ru

использован (хотя и не определен) термин "языковая личность". Этот выдающийся русский лингвист "…всегда останавливался на том, что относилось к человеческому фактору в языке <…> от подробно разработанной им идеи образа автора при изучении языка художественной литературы до индивидуально-авторского стиля писателя, от идеи реального функционирования языка до пристального внимания к индивидуальным речевым "неправильностям" при наблюдении над живой современной речью. <…> В работах В.В. Виноградова… постоянно подчеркивается необходимость изучения индивидуальных стилей в системе русской художественной литературы в связи с развитием литературного языка. Он даже говорил о роли личности в формировании национально-литературных языков <…> где субъективно-речевые элементы преобразуются в объективно-языковые" [Лаптева, 1989: 111, 114, 118, 123].

Во многом опережает свое время статья А.К. Соловьевой "Проблемы индивидуального говорения", опубликованная в "Вопросах языкознания" в 1962 г. Хотя написана она в основном на материале речи персонажей художественных произведений, интерес представляет выделение аспектов исследования лексических и лексико-синтаксических особенностей говорящих [Соловьева, 1962].

Своеобразным итогом начального периода изучении языка лично-сти можно считать книгу Р.А. Будагова "Литературные языки и языковые стили" [1967], в которой освещается философский аспект этой проблемы. Анализируя категории языка и речи, автор утверждает, что их соотношение должно рассматриваться в свете диалектики единичного и общего. Общее проявляется в индивидуальном, национальный язык реализуется в форме индивидуальных языков его носителей. В составе общего присутствует и индивидуальное, а индивидуальное возможно лишь на фоне общего [Будагов, 1967: 104]. "Индивидуальное нельзя сводить лишь к отклонениям от общего… Индивидуальное чаще всего преломляется сквозь призму самой категории общего". Каждый говорящий на языке "…индивидуально обращается" со всеми ресурсами языка, которые сами по себе являются всеобщим достоянием людей, говорящих на этом языке" [там же: 185].

Итак, период до 70-х гг. XX в. можно считать первым этапом в изучении проблемы "язык и личность".

Начало нового периода связано с 70–90-ми гг. XX в. Ученые все чаще начинают говорить о становлении зарождающейся области научного познания – антрополингвистики, или лингвистической персонологии, с собственным объектом,

http://www.lib.tsu.ru

методами и задачами. В это время интенсивно развиваются социолингвистика (исследующая социальные, территориальные, профессиональные, половые, возрастные характеристики говорящих), психолингвистика (рассматривающая механизмы порождения речевых актов, психологические закономерности восприятия текста и организации внутреннего лексикона человека), прагматика (анализирующая вопросы, связанные с субъектом и адресатом речи, ситуацией общения), лингводидактика (изучающая речевые способности, характер овладения человека языком), лингвистика текста (объектом ее внимания является организация текста и изменение единиц языка в нем). В интеграции с ними и одновременно в обособлении от смежных дисциплин формируется новый объект изучения – говорящий субъект, "языковая личность". Многие лингвисты отмечают "поворот к личности", произошедший в эти годы в науке о языке. Ср. ряд близких по сути высказываний: "Сердцевину функционального языкознания образует личностно ориентированная деятельностная лингвистика" [Сусов, 1988: 9]; "…в центр внимания лингвистических штудий перемещается человеческий фактор в языке vs. языковой фактор в человеке" [Телия, 1996: 9]; "Центральной смыслообразующей категорией гуманитарного знания становится единство человек и его язык в философском осмыслении этого феномена" [Чувакин, 1998: 179] и др. Заметно увеличилось, особенно в последние 5–6 лет, количество сборников научных трудов и материалов конференций с показательными названиями: "Язык, дискурс и личность" [1990], "Языковая личность: проблемы выбора и интерпретации знака в тексте" [1994], "Языковая личность и семантика" [1994], "Языковая личность: проблемы значения и смысла" [1994], "Общество, язык, личность" [1996], "Языковая личность: культурные концепты" [1996], "Человек и его язык: антропологический аспект исследований" [1996], "Язык и коммуникация: деятельность человека и построение лингвистических ценностей" [1996], "Антропоцентрический подход к языку" [1998], "Язык. Система. Личность" [1998; 1999] и др.

Таким образом, "…языкознание, – как пишет Ю.Н. Караулов, – незаметно для себя вступило в новую полосу своего развития, полосу подавляющего интереса к языковой личности" [1986: 48]. Это явление связано с общим процессом гуманизации наук, происходящим в наши дни. Ведутся дискуссии о целесообразности создания единой науки о человеке [Ломов, 1989: 6]. Все чаще учеными поднимаются проблемы, в которых понятие "человек" соединяется с понятиями окружающего мира: человек и природа, человек и научно-технический прогресс, человек и экономика, человек и культура и т.п. [Винокур, 1989: 361], в их ряду закономерно оказывается и сочетание "человек и язык".

http://www.lib.tsu.ru

Говоря о разработке данной проблемы в теоретическом плане, можно отметить, что в настоящее время определены в общих чертах понятия "языковая личность" (и более частные термины, связанные с ним – "идиолект", "дискурс", "лексикон"), "структура языковой личности", создаются ее модели и складывается типология языковых личностей, выявляются параметры описания этого феномена.

Хотя термин "языковая личность" возник довольно давно, а в наши дни активно употребляется, до сих пор он почти не нашел отражения в лингвистических справочниках. В "Словаре-справочнике лингвистических терминов" Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой речевая характеристика (или речевой портрет) определяются только как "…подбор особых для каждого действующего лица литературного произведения слов и выражений как средство художественного изображения персонажей" [1976: 364]. Понятие "языковая личность" в отечественных словарях лингвистических терминов отстутствует; до середины 90-х гг. не было оно представлено и в лингвистических энциклопедиях [Русский язык, 1979; Лингвистический энциклопедический словарь, 1990]. Статьи "Языковая личность" и "Идиолект" появились лишь в переизданной в 1997 г. энциклопедии "Русский язык" под редакцией Ю.Н. Караулова.

Термин "языковая личность", несомненно, является производным от термина "личность", который широко используется в психологии, философии и социологии. Хотя личность нередко понимается как конкретное лицо или как целостный, зрелый человек, достигший высокого уровня развития [Коллектив. Личность. Общение, 1987: 38], наиболее распространенной является трактовка личности как социализированного индивида [Тимофеев, 1971а: 24–25], человека в совокупности его социальных качеств [Александров, 1988: 16]. В ряду понятий "человек / личность / индивид", противопоставляемых как общее, единичное и особенное [Тимофеев, 1971а: 24–25], центральным является понятие "личность". С одной стороны, личность – продукт общественного развития, она производна от среды, формируется в ней, воспитана эпохой, ее общественным сознанием, психологией, культурой. С другой стороны, личность – активный субъект познавательной и трудовой деятельности, руководствующийся собственными интересами и мотивами, хотя в них преломляются общественные стимулы деятельности. Итак, в личности "…диалектически взаимосвязаны социальное и индивидуальное, общее и особенное, природное и усвоенное, воспроизводимое и творимое заново, объективное и субъективное" [Сусов, 1989: 10].

http://www.lib.tsu.ru

И.А. Бодуэном де Куртенэ дано одно из первых определений интересующего нас понятия: ЯЛ понимается им как "…вместилище социально-языковых форм и норм коллектива, как фокус скрещения и смещения разнообразных языковых категорий" [Бодуэн де Куртенэ, 1963, т. 2: 280]. Здесь намеренно подчеркнут ее общественный характер.

В работах 80–90-х гг. XX в. появляется целый ряд дефиниций ЯЛ, а сам термин начинает обретать многозначность.

Большинство современных определений ЯЛ, по сути, сводятся к наиболее раннему, данному Г.И. Богиным в докторской диссертации "Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов". Под ЯЛ им понимается "…человек, рассматриваемый с точки зрения его готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи" [Богин, 1984: 1][*].

Все приведенные определения однозначно связывают понятие ЯЛ с речевой способностью человека. Как представляется, они отражают позицию лингводидактики, для которой понятие речевой способности является центральным. Известное определение Ю.Н. Караулова, трактующего ЯЛ как "…совокупность способностей и характеристик человека, обусловливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью" [Караулов, 1989: 3], близко к лингводидактическим формулировкам, но кажется менее удачным вследствие громоздкости.

Под ЯЛ в формирующейся области языкознания – лингвокультурологии понимается "…закрепленный преимущественно в лексической системе базовый национально-культурный прототип носителя определенного языка, своего рода "семантический фоторобот", составленный на основе мировоззренческих установок, ценностей, приоритетов и поведенческих реакций, отраженных в словаре, – личность словарная"

* Ср.: "Языковой личностью считается субъект, способный осуществлять речевую деятельность, оперируя смысловыми образованиями" [Клюканов, 1990: 73]; "Личность, владеющую совокупностью дискурсных способностей… а именно ориентировки и планирования речевых и неречевых действий, формулирования плана действия в речевой форме, контроля и корректировки (по мере необходимости) речевых действий, можно назвать языковой личностью" [Пушкин, 1990: 52]; "Языковая личность – это человек, рассматриваемый с точки зрения его готовности производить речевые поступки, тот, кто присваивает язык, для кого язык есть речь" [Ейгер, Раппопорт, 1991: 6]; "Под языковой личностью понимается индивид, способный создавать закодированные обозначения внешнего мира, служащие моделью понятийной действительности и закрепленные кодификацией языкового коллектива" [Еремеева, 1991: 434].

http://www.lib.tsu.ru

[Воркачёв, 2001: 66]. Этносемантический аспект исследования ЯЛ имеет место в работах В.И. Карасика [1994], С.Г. Воркачева [1996; 1997; 2001].

Нельзя не отметить, что и в лингводидактике, и в лингвокультурологии личность рассматривается очень обобщенно: она квалифицируется как "совокупность способностей и характеристик человека" (без включения в дефиницию самого человека, наделенного этими способностями и характеристиками) либо как "фоторобот", "культурный прототип носителя языка". На наш взгляд, во многих других областях лингвистики (в том числе в лексикологии, стилистике художественного текста, лексикографии) определение ЯЛ должно опираться не на понятие речевой способности (во многом потенциальное) и не на собирательные характеристики культурологического плана, а на реальный результат воплощения речевой способности и национально-культурных, мировоззренческих установок – тексты, дискурс личности как единственно возможный для языковеда источник ее изучения.

Несколько отличается от прочих трактовка рассматриваемого понятия Г.Н. Беспамятновой. Под языковой личностью ею понимается "…совокупность отличительных качеств личности, обнаруживающихся в ее коммуникативном поведении и обеспечивающих личности коммуникативную индивидуальность" – личность коммуникативная [Беспамятнова, 1994: 10]. В противоположность предыдущим, в этом определении намеренно подчеркнут индивидуальный характер ЯЛ. Исследование речевого поведения личности в различных коммуникативных ситуациях представлено также в статье Т.И. Ерофеевой [1990].

Все три обозначившихся направления в изучении ЯЛ и, соответственно, понимания ее сущности, несомненно, имеют право на существование, отражая процесс развития лингвистики и становления новых его областей. Однако в рассмотренных работах акцент делается либо на общем, социальном, либо на сугубо индивидуальном. По определению же личность, как уже отмечалось, не сводится ни к индивидуальному, ни к социальному, представляя их синтез.

В данной работе под ЯЛ понимается личность в совокупности социальных и индивидуальных черт, отраженная в созданных ею текстах[*].

[*] В статье Ю.Н. Караулова "Языковая личность" для энциклопедии "Русский язык" наряду с трактовкой ЯЛ как "наименования комплексного способа описания языковой способности индивида, соединяющего системное представление языка с функциональным анализом текстов" появляется и новое определение, выделенное им как второе значение данного термина: ЯЛ – "…любой носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения использования в

http://www.lib.tsu.ru

Определены в общих чертах также более частные термины антрополингвистики – "идиолект", "дискурс", "лексикон", "языковое сознание". Под идиолектом, главным объектом изучения языка любой ЯЛ, понимается "система речевых средств индивидуума" [Бондарко, Щукин, 1978: 17] или "…вся совокупность речевых элементов (словарь, грамматические конструкции и т.д.), отобранная и усвоенная сознанием из арсенала средств родного языка" [Захарова, 1967: 17]. Идиолект отражается в дискурсе. Термин этот многозначен, но в данном случае под ним имеется в виду "…весь процесс говорения и зафиксированный за относительно длительный отрезок времени результат этого процесса" [Караулов, 1987: 238]. Дискурс личности – материал для ее речевого портрета. Содержание понятий "лексикон" и "языковое сознание" рассмотрено в главе первой (с. 32-33) и третьей (с. 251).

Создается общая типология ЯЛ. В.П. Нерознак [1996] выделяет многочеловеческую (в работах других авторов называемую также полилектной, совокупной, коллективной) ЯЛ – народ и частночеловеческую (идиолектную) ЯЛ – конкретного носителя языка. "Изучение идиолектной личности (языка индивидуума) во всем ее многообразии и коллективной личности (национального языка в пространстве и времени) и составляет, – утверждает он, – предмет лингвистической персонологии, а ее целью является воссоздание общего и особенного в языке, его лексиконе и в его концептосфере" [там же: 116]. К.Ф. Седов [1996; 2000] строит типологию языковых личностей на основе стратегий их речевого поведения.

Предпринимались попытки устранить многозначность термина "ЯЛ", понимая под ней только личность "этносемантическую", носителя национального языка вообще, а конкретного носителя речи называть речевой идиолектной личностью [Воркачев, 1996: 17]. Однако пока, судя по литературе, термин "речевая личность" не приживается, а "ЯЛ" сохраняет двузначность. "Коммуникативная языковая личность как совокупный объект и индивидуальная языковая личность как конкретный носитель языка не существуют друг без друга и представлены как две стороны одной медали. Языковой и речевой опыт совокупного носителя данного языка извлекается из опыта индивидуальных языковых личностей и, в свою очередь, базируется на опыте последних. С другой стороны, речевая деятельность индивида невозможна без опоры на речевой опыт и традиции социума" [Сентенберг, 1994: 14].

этих текстах системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности (картины мира) и для достижения определенных целей в этом мире" [Русский язык, 1997: 671].

http://www.lib.tsu.ru

Среди идиолектных ЯЛ намечены два основных типа, в разных работах обозначаемых разными терминами: стандартная и нестандартная ЯЛ [Нерознак, 1996: 114] или типичный, рядовой, средний носитель языка и творческая ЯЛ [Чулкина, 1987: 3] (при этом в понятии "рядовой носитель языка" акцент делается на качественных характеристиках, а в понятии "типический" – на статистических). Творческие ЯЛ также подразделяются в зависимости от степени нестандартности (по В.П. Нерознаку – архаисты, умеренные новаторы и экспериментаторы [1996: 114], по Н.Д. Арутюновой – подчиняющиеся языку или подчиняющие язык [1995: 33]). Как справедливо утверждает Б.Ю. Норман, "…законы речепроизводства одинаковы для рядового носителя языка и для великого писателя. Разница только в соотношении "доли стандарта" и "доли новаторства" [Норман, 1994: 13].

Основные различия между двумя полярными типами ЯЛ сформулированы Н.Л. Чулкиной: у творческой личности "…в идиолексиконе превалирует "продуктивное", а в словаре среднего носителя языка – "репродуктивное" начало в отношении к языку <…>. Словарь творческой личности – величина конечная по составу (количеству) единиц, но бесконечны и иногда неуловимы возможности их комбинирования; лексикон типичного носителя языка с трудом поддается количественной фиксации, но сочетаемость составляющих его единиц и возникающие между ними семантические и смысловые отношения оказываются величиной конечной и редко выходят за рамки сложившихся в процессе многократного употребления стереотипов. Таким образом, субъективный смысл, или идиосмысл, является наиболее значимым в создании образности, в построении "эстетической картины мира", отражающей особое восприятие и осмысление действительности творческой личностью при помощи языка". В словаре типичного носителя языка "превалирует не субъективный, а объективный смысл, участвующий в формировании "наивной картины мира" и служащий основой коммуникации в языковом коллективе" [Чулкина, 1987: 6]. В.П. Нерознак дополняет эту характеристику: стандартная ЯЛ отражает усредненную норму языка, нестандартная отклоняется от литературных образцов. К первому из названных типов относят прежде всего носителей элитарной речевой культуры – писателей и поэтов, мастеров художественной речи и вообще ярких индивидуальностей, по роду занятий профессионально связанных со словом (видных литераторов, лингвистов, ученых в других областях знаний). Нестандартной ЯЛ может быть и представитель антикультуры – носитель арго, жаргона и др. [Нерознак, 1996: 116].

http://www.lib.tsu.ru

Встает вопрос и о задачах каждого конкретного исследования, поднимающего проблему "язык и личность". Как считает Н.Л. Чулкина, они должны определяться выделенным типом ЯЛ: либо это "…раскрытие уникальных, личностных характеристик словаря индивида, отражающих специфические черты мировоззрения именно данной творческой личности", либо "…выяснение особенностей функционирования лексикона типичного носителя языка и через него – знаний о мире, значимых для некоторой языковой общности в целом" [Чулкина, 1987: 3].

Однако в реальной практике лингвистических исследований при изучении разных типов личности задачи так не разграничиваются. Как не раз отмечалось критиками, писательская лексикография, например, обычно не сосредоточена на описании индивидуальных особенностей речи творческой личности. Самый крупный из "писательских" "Словарь языка Пушкина" "…не отражает всех качественных особенностей пушкинского стиля. Основная его цель – описать факты общенационального литературного языка, его словарного состава, нашедшего отражение и применение в произведениях А.С. Пушкина" [Козырев, Черняк, 1989: 70], он неполно воспроизводит устную речь поэта [Кохман, 1995]. Анализ речи А.А. Реформатского, которого несомненно можно отнести к творческим ЯЛ, сосредоточен не только на характеристике индивидуального, но и на выявлении в его речи типичных черт языка старшего поколения москвичей, потомственных интеллигентов [Опыт описания…, 1989]. В свою очередь, диалектологи, наблюдавшие речь типичных ЯЛ, много внимания уделяли индивидуальным особенностям в их языке – поскольку в поле зрения исследователей попадают прежде всего личности яркие, своеобразные. Такое положение дел объясняется не столько методологическими просчетами, сколько сущностью любой ЯЛ, в которой органически переплетаются индивидуальное и типичное. Видимо, каждая ЯЛ, какой бы она ни была – "стандартной" или "нестандартной", должна подвергаться рассмотрению и с той и с другой стороны, и подведение идиолектной ЯЛ под какой-либо тип не должно сужать задач исследования[*].

При изучении ЯЛ выделяются три основных уровня абстракции: а) личность как индивидуум и автор текстов, обладающий "своим характером, интересами, социальными предпочтениями и установками"; б) личность – совокупный или усредненный носитель языка, типовой представитель данной языковой общности и более узкого входящего в

[*] Ср.: "Представляется, что любой аспект рассмотрения требует как бы раздвоенного внимания исследователя к характеристикам (описанию) речи: с одной стороны, предельная индивидуализация (речь

http://www.lib.tsu.ru

него коллектива; в) личность как представитель человеческого рода вообще [Русский язык, 1997: 671]. Подводя итоги достижений антрополингвистики в реальной практике лингвистических исследований языка личности, приходится констатировать, что, несмотря на интенсивное развитие, эта молодая область науки пока продолжает оставаться преимущественно в сфере абстрактного подхода к говорящему субъекту. Анализируется либо ЯЛ вообще как говорящий субъект (это особенно характерно для работ, находящихся на стыке антропо- и психолингвистики, антрополингвистики и лингводидактики [Залевская, 1978; Лебедева, 1991; Языковая личность: проблемы изучения и формирования, 1990; Ейгер, Раппопорт, 1991 и др.]) – первый уровень абстракции, по Ю.Н. Караулову, либо ЯЛ говорящего как носителя национального языка и культуры – второй уровень абстракции [Чулкина, 1987; Богуславский, 1994; Уфимцева, 1995; 1997 и др.].

Довольно многочисленны работы, в которых понятие ЯЛ вообще или национальной ЯЛ сужается до рамок какого-либо социолингвистического подтипа: рассматривается ЯЛ ребенка [Захарова, 1967; 1975; Седов, 1994; Сулименко, 1994; Санджи-Гаряева, 1996], городского подростка [Гуц, 1995], английского аристократа [Ивушкина, 1994, 1996], современного русского интеллигента [Крысин, 1994], жителя деревни [Пауфошима, 1989], телевизионного ведущего [Беспамятнова, 1994], реже – психологического подтипа: авторитарной ЯЛ [Пушкин, 1992], ЯЛ интраверта [Ляпон, 1995; 2000]. На стыке таких работ и исследований ЯЛ в национальном плане находятся опыты описания речи русских эмигрантов [Караулов, 1992; Голубева-Монаткина, 1997; Земская, 1995]. Множество разновидностей совокупной ЯЛ описано еще далеко не полно: возможно изучение ЯЛ школьников и дошкольников, студенческой и рабочей молодежи, "основного" и уходящего поколений, анализ территориального, профессионального, культурного, полового и т.п. варьирования ЯЛ [Сентенберг, 1994: 15]. При этом в качестве источников изучения используется речь литературных персонажей, реже – данные анкет и лингвистических экспериментов, еще реже – фрагментарные записи высказываний в больших группах испытуемых, наблюдения над которыми обобщаются до неких идеальных моделей. Ю.Н. Караулов отстаивает правомерность подобного приема, утверждая, что "практически языковая личность – это такой объект, который может быть исследован только на моделях" [Караулов, 1987: 237].

только данного конкретного человека), а с другой стороны – обязательная максимально полная привязка данного человека к биологическим, социальным и прочим группировкам" [Сиротинина, 1996: 5].

http://www.lib.tsu.ru

Подход к проблеме "язык личности", при котором поиск общих закономерностей, построение абстрактных моделей идут в направлении "от общего к частному", является пока наиболее распространенным, но представляется односторонним. Думается, что наряду с ним должен развиваться (и, вероятно, утверждаться в качестве основного) противоположный путь анализа – "от частного к общему", в центр внимания ставящий конкретных ЯЛ.

Элементы описания языка отдельной личности встречаются еще в трудах Бодуэна де Куртенэ, где представлен, например, этюд о языковых аномалиях Владека М., а также раздел о возникновении альтернаций в индивидуальном языке, особенно в языке детей [Бодуэн де Куртенэ, 1963, т. 2: 142–145, 335–347]. В современной лингвистике наиболее тесно связаны с изучением идиолектной ЯЛ области лексикографии, стилистики и диалектологии.

Объектом исследования в современной лингвистике является прежде всего идиолект носителя элитарной речевой культуры.

В отечественной лексикографии достаточно широко представлены словари языка писателей. Первыми из них были "Словарь к стихотворениям Державина" Я.К. Грота (1883) [Русский язык, 1979: 63] и "Словарь к сочинениям и переводам Д.И. Фонвизина" К.П. Петрова (1904), представлявший собой алфавитный список слов с немногочисленными примерами [Русский язык, 1997: 669]. Но наиболее интенсивно писательская лексикография развивается с 50-х гг. XX в. Широко известен "Словарь языка Пушкина" в четырех томах (1956–1961); в 60–90-е гг. опубликованы серия горьковских словарей ("Словарь автобиографической трилогии М. Горького"; "Словарь драматургии М. Горького: "Сомов и другие", "Егор Булычев и другие", "Достигаев и другие"); "Словник мови Шевченка", "Словарь языка русских произведений Шевченко", "Словарь языка басен Крылова", ряд частотных словарей к произведениям Л.Н. Толстого, М.Ю. Лермонтова, Н.А. Некрасова [Паршина, 1983; 1986], "Словарь поэтического языка Марины Цветаевой"; в Алтайском университете создан словарь В.М. Шукшина, в Литве составляется словарь языка К. Паустовского [Судавичене, Бразаускене, 1996], в Вологодском педуниверситете – словарь поэзии Н.А. Клюева [Виноградова, 2000: 3], в Германии – словарь И.В. Гете, в Польше – словарь языка А. Мицкевича [Поэт и слово, 1973].

Естественный интерес к индивидуальности писателей вызвал появление в стилистике работ, которые через рассмотрение идиостиля или отдельных его компонентов

http://www.lib.tsu.ru

вливаются в русло антропологических исследований: это серия выпусков "Очерки истории языка русской поэзии XX века" [1990; 1995], монография В.П. Григорьева о языке В. Хлебникова [1983], диссертации Л.В. Зубовой "Лингвистический аспект поэзии М. Цветаевой" [1990], А.А. Евтюгиной "Прецедентные тексты в поэзии Высоцкого (к проблеме идиостиля)" [1995], М.В. Антроповой "Личностные доминанты и средства их языкового выражения (на материале художественного текста)" [1996] и др. В несколько ином аспекте В.Е. Гольдиным рассматривается ЯЛ поэта Н.А. Клюева, на формирование которой оказали существенное воздействие как диалектная, так и книжная речевая культура [Гольдин, 1997:32–39; 2000]. В.В. Волков и Т.И. Суран в статье "Прагмалингвистика, или на пути к филологии личности" [1991] предлагают вынесенный в заголовок термин для обозначения новой дисциплины, которая исследует не просто художественный или публицистический текст, а воплощенную в нем личность.

Близким к прагмалингвистическому направлению было еще недавно интенсивно развивавшееся изучение языка В.И. Ленина, главным образом в его публицистических произведениях [Вирковская, 1961; Воронов, 1971, 1983; Юшина, 1972; Квиквидзе, 1972 и др.]; обзор таких трудов представлен в монографии И.Ф. Протченко [1985: 30–31]. В Институте русского языка АН СССР в 1972–1994 гг. велась большая работа по созданию "Словаря языка В.И. Ленина". Были подготовлены его проект, инструкция по составлению и картотека, насчитывающая около 2,3 миллиона* карточек-цитат на примерно 38000 разных слов, опубликованы алфавитно-частотный указатель к "Полному собранию сочинений" Ленина и "Фразеологический словарь языка В.И. Ленина", написаны три докторские и более десяти кандидатских диссертаций [Русский язык, 1997: 180], но с началом перестройки исследования по этой тематике были свернуты.

Выдвигается задача создания речевых портретов известных деятелей истории, искусства и науки. Часть из них связана с историческими лицами прошлого, другие посвящены нашим современникам. В статье С.Т. Арминой [1994] рассматривается как ЯЛ Фукидид (460–396 гг. до н.э.), автор "Истории пелопонесской войны", родоначальник исторической критики; В.В. Калугин [1999] исследует ЯЛ князя А.М. Курбского (XVI в.), Н.И. Гайнуллина [1995] анализирует дискурс Петра I. М.В. Пановым [1990] представлена серия фонетических портретов, отражающая историю развития русского литературного произношения XVIII–XX вв. (Петр I, его сын Алексей, князь Ю.И. Куракин, М.В. Ломоносов, А.С. Пушкин, Л. Толстой, актеры О.О. Садовская, Е.Д. Турчанинова, В.Н.

* По другим даным, около 5 миллионов [Филин, 1974].

http://www.lib.tsu.ru

Рыжова, В.Н. Яхонтов, лингвисты Д.Н. Ушаков, А.А. Реформатский, его дочь М.А. Реформатская, поэт А. Вознесенский). Элементы фонетических портретов с характеристикой интонации актеров А. Коонен, А.К. Тарасовой, И.М. Смоктуновского, Т.В. Дорониной, Е. Леонова имеются в работе В.Я. Труфановой [1986]; С.Н. Борзуновой [1986] очерчен орфоэпический портрет актера МХАТа И.М. Москвина. А.И. Девятайкиным [1989] анализировалась устная речь писательницы из Саратова Е.М. Рязановой, М.А. Кормилицыной [1996] – письма выдающегося русского лингвиста В.В. Виноградова. Материалы к речевому портрету другого видного ученого содержит "Опыт описания языковой личности" А.А. Реформатского [1989].

Значительно реже рассматриваются в лингвистике рядовые, типичные ЯЛ. Носители современного русского литературного языка изучались в статьях О.Б. Сиротининой и Т.В. Ларькиной [1989], Т.И. Ерофеевой [1990], В.В. Блажес [1990]. Речевой портрет русской эмигрантки, живущей в Германии, представлен в очерке Е.А. Земской [2000].

Пристальное внимание к личности говорящего всегда было свойственно отечественной диалектологии. Еще в начале XX в. данные, полученные А.А. Шахматовым от диалектоносителя И.С. Гришкина, легли в основу описания Лекинского говора [Шахматов, 1913]. С середины XX в. подобные исследования становятся систематическими. Шадринским ученым В.П. Тимофеевым была осуществлена попытка изучения языка своей матери, Е.М. Тимофеевой, 1897 г. рождения. Результатом двадцатилетних изысканий (1949–1969) стал "Диалектный словарь личности" [Тимофеев, 1971б] в 2792 единицы – первый опубликованный лексикографический труд такого рода. Некоторые наблюдения над данными этого словаря сделаны Т.С. Коготковой [1975]. С 1963 г. диалектологи Пермского университета параллельно с работой над словарем говора деревни Акчим Пермской области начали специальное изучение словарного запаса жительницы этой деревни А.Г. Горшковой, 1891 г. рождения, и сбор материалов для полного словаря ее языка. Была составлена картотека, но в настоящее время лексикографическая работа прекратилась. В опубликованных статьях идиолект А.Г. Горшковой рассматривается главным образом в соотношении с Акчимским говором [Грузберг, Егорьева, 1969; Андреева, Горланова, 1971; Скитова, Огиенко, 1971; Малышева, Скитова, 1997; 2000; Малышева, 1998а, 1998б]. Имеется еще несколько публикаций, посвященных частным вопросам описания языка конкретных носителей диалекта [Сахарный, Орлова, 1969; Черепанова, 1976; Лютикова, 1994], в том числе серия статей о речи членов семьи Лыковых – старожилов на реке Абакан [Из наблюдений над

http://www.lib.tsu.ru

речью Лыковых…, 1986; Слесарева, 1989; 1994; 1997; Маркелов, 1994; 2000]. Издан также своеобразный "Диалектный словарь одной семьи", отражающий территориально ограниченные элементы в речи нескольких ЯЛ, связанных родственными узами [Королева, 2000]. Диахронический аспект исследований ЯЛ намечен в работе Н.С. Бондарчук и Р.Д. Кузнецовой [1994], где рассматривается эволюция языка тверского купца Михаила Тюльпина.

Особого внимания заслуживает докторская диссертация В.Д. Лютиковой "Языковая личность: идиолект и диалект" [2000б] и опубликованная по ее материалам монография "Языковая личность и идиолект" [1999]. Это пока первая обобщающая работа по языку конкретной ЯЛ диалектоносителя – Валентины Михайловны Петуховой из Курганской области, 1920 г. рождения. Диалектная ЯЛ осмысливается автором, с одной стороны, как представитель говора, с другой – как индивидуальность, творчески преобразующая его. Описываются черты народно-поэтического стиля информанта, области его языковой рефлексии, словотворчество и некоторые тропы; имеются отдельные наблюдения над лексиконом. В.Д. Лютиковой [2000а] опубликован также дифференциальный словарь этой диалектоносительницы (3407 слов и фразеологизмов), аналогичный словарю В.П. Тимофеева. Однако в центре анализа находятся собственно диалектные языковые средства индивида; устройство лексикона исследователь рассматривает лишь в самом общем виде (констатируя его богатство, наличие в нем слов различных тематических групп, многозначных слов, синонимов и т.п.). Выводы данного исследования, как представляется, раскрывают лишь одну из граней диалектной ЯЛ, не давая целостного представления о сути означенного феномена. В связи с этим изучение языка конкретного диалектоносителя не утратило актуальности и по сей день.

Заметим, что в качестве предмета анализа налицо преобладание творческих личностей над рядовыми носителями языка. Возможно, здесь сказывается мнение Ю.Н. Караулова о том, что "На уровне ординарной языковой семантики, на уровне смысловых связей слов, их сочетаний и лексико-семантических отношений еще нет возможности для проявления индивидуальности" и общение на этом уровне "…не относится к компетенции языковой личности". "Языковая личность, – утверждает он, – начинается по ту сторону обыденного языка, когда в игру вступают интеллектуальные силы" [Караулов, 1987: 36]. Такой подход вызывает законные возражения: принимая его, "…приходится признать, что человек в рамках определенных сфер и ситуаций речевого общения не является языковой личностью" [Клобукова, 1995: 322]. Язык "простого" человека заслуживает не меньшего

http://www.lib.tsu.ru

внимания, чем язык представителей литературы. На это впервые указал С.Л. Рубинштейн более полувека назад [Рубинштейн, 1941].

Данную точку зрения развивает Г.И. Богин: "Действительно, считается основательным сопоставление текстуальных способов, какими раскрывают себя в тексте такие личности, как Достоевский и Толстой, и это вполне правомерно. Неправомерно лишь невнимание к тому факту, что, например, звучащий текст "Кисловодск мне ничуть не помог", лингвистически синонимичный тексту "И в Кисловодск этот ездил, и всё едино бюллетеню, сам видишь", тоже каким-то образом по-особому характеризует гражданина Иванова сравнительно с гражданином Петровым" [Богин, 1973: 3–4]. Б.Ю. Норман утверждает, что речь рядового носителя языка "…тоже творчество, и оно заслуживает не меньшего внимания ученых, чем профессиональное сочинительство… Речевая деятельность обычного человека – это массовое, типичное явление, это то, к чему причастны все мы" [Норман, 1994: 3]. Актуальность изучения повседневной речи обычных людей не раз подчеркивалась в работах последних лет [Шмелева, 1992; Сиротинина, 1996 и др.]. Среди множества рядовых говорящих на данном этапе развития антрополингвистики особый интерес вызывают те из них, которые являются наиболее типичными представителями основных форм национального языка.

Основным источником изучения реальных ЯЛ служат пока написанные личностью тексты, главным образом художественные. Но даже самое полное собрание произведений литератора не дает подлинного представления о реальном дискурсе ЯЛ. "Художественное произведение отражает определенное раздвоение языковой личности: с одной стороны, она представлена дискурсом его героев, с другой – опосредованно отражает языковую личность автора произведения" [Гайнуллина, 1995:116]. При этом нужно учесть, что дискурс персонажей лишь отчасти совпадает с авторским, а последний, в свою очередь, неполно отражен в художественном тексте, так как языковые средства письменной и разговорной речи не идентичны. Вследствие этого речевые портреты языковых личностей прошлого всегда будут не вполне точными, поскольку сохранились сведения только об их письменной речи, – письменная же речь у любого человека, в том числе и у литератора, занимает значительно меньшее место, чем речь устная, и по времени, и по объему созданных текстов. В таких случаях неполнота материала объяснима и неизбежна.

Диалектологические работы по языку личности используют записи устной речи (что естественно, поскольку диалект – устная форма языка), но сделанные, как правило, вручную, а следовательно, отрывочные, не дающие достоверного представления ни о

http://www.lib.tsu.ru

целостном тексте ЯЛ, ни о системной организации ее языковых особенностей в единстве диалектного и общерусского начал. Это характерно не только для исследований 50–70-х гг. (период основного сбора материала В.П. Тимофеевым и пермскими диалектологами), но и для работ последних лет, в том числе и для диссертации В.Д. Лютиковой. Анализ текстов, записанных с помощью технических средств, встречается редко, главным образом при обращении к фонетической стороне идиолекта, а сами такие тексты по объему не превышают нескольких часов звучания. Требования к текстовой базе современных ЯЛ должны быть более жесткими. Стремясь к максимально возможной объективности их описания, исследователь должен опираться на материалы, отражающие все свойственные конкретному лицу формы и жанры речи. В связи с этим усложняется задача подготовки текстовой базы исследования. Сложность состоит и в необходимости постоянной фиксации текста исследователем для создания достаточно объемного корпуса речевых произведений. Задача эта настолько сложна, что до сих пор не выполнена практически никем. При этом достичь исчерпывающей полноты даже при очень длительном сборе материала невозможно: "…личность бесконечна" [Опыт описания…, 1989: 149].

Нельзя не отметить и того факта, что почти все попытки создания речевых портретов не являются системными, затрагивая только отдельные языковые ярусы, в первую очередь фонетический и орфоэпический. Отражает разные уровни языковой системы (лексический, фонетический, стилистический) портрет А.А. Реформатского, но и он, как отмечают сами авторы, очень фрагментарен. Более того, в складывающейся практике описания речевого портрета ЯЛ (кроме названных выше, см., например: [Китайгородская, Розанова, 1995]) его фрагментарность утверждается как методологически оправданный прием: "…нужно ли представлять эксплицитно все уровни и все факты языковой системы? По нашему мнению, нет… Многие языковые парадигмы, начиная от фонетической и кончая словообразовательной, оказываются вполне соответствующими общенормативным параметрам и поэтому интереса не представляют. Напротив, важно фиксировать ярко диагносцирующие речевые пятна" [Сиротинина, 1974: 73]. Однако чем полнее будет представлен речевой портрет, тем объективнее он отразит реальную сущность ЯЛ в ее единстве общего, типичного и индивидуального. Кроме того, думается, что непременным условием системного представления феномена ЯЛ должна быть характеристика трех основных ее слагаемых: лексикона, текста и метаязыкового сознания.

http://www.lib.tsu.ru

Подводя предварительные итоги достижений антрополингвистики, можно отметить следующие моменты.

1. Доля исследований, в которых рассматривается коллективная ЯЛ, значительно больше, чем количество работ с анализом конкретных говорящих субъектов.

2. Преобладают наблюдения над творческими ЯЛ – писателями, поэтами, филологами. Самый распространенный в обществе тип – рядовой носитель языка – изучен гораздо слабее.

3. Объектом изучения чаще являются ЯЛ прошлого, реже – наши современники.

4. Большинство работ (за исключением диалектологических) основано только на письменных источниках. Все формы устной речи, занимающие доминирующее положение в объеме речевых произведений любого человека, в том числе и литератора, остаются за пределами исследования.

5. Практически отстутствует системное, детальное, комплексное описание хотя бы одной ЯЛ. Обычно анализу подвергается даже не один языковой ярус ее реализации (фонетический, лексический, стилистический и т.д.), а только его фрагменты (особенности интонации, характер вариантов, окказионализмы и т.п.).

Представляется, что современный этап разработки проблемы "язык и личность" должен быть связан:

а) с изучением, наряду с коллективными, реальных ЯЛ, в том числе живущих в наши дни;

б) исследованием разных типов ЯЛ, и прежде всего рядовых носителей языка;

в) опорой на обширную базу первичных источников – текстов, полученных в первую очередь в результате долговременного наблюдения над речью реальных информантов (а не дискурса героев художественных произведений как модели ЯЛ), с привлечением особых приемов сбора материала;

г) системным подходом к анализу полученных данных (недифференциальный принцип при сборе и описании языковых фактов; последовательное рассмотрение всех ярусов языка личности; комплексное разноаспектное исследование каждого из этих ярусов; соединение лексикоцентрического и текстоцентрического подходов к изучению

http://www.lib.tsu.ru

идиолекта; сочетание объективного наблюдения над речью информанта с обращением к проявлениям его метаязыкового сознания).

Предметом анализа в настоящей работе является феномен диалектной ЯЛ в синтезе трех основных ее составляющих: лексикона, текста и метаязыкового сознания.

Предпринятое исследование представляется актуальным для изучения как фундаментальных вопросов науки в целом (познание человека – одна из ее главных целей), так и лингвистики в частности (связь языка и речи, соотношение языка коллектива и его отдельного представителя, устройство лексикона человека и факторы, влияющие на его формирование, языковая картина мира и др.). Оно вносит свой вклад в развитие современной антропологической парадигмы лингвистики. Хотя проблема языковой личности с каждым днем всё больше привлекает внимание ученых, разработана она пока еще совершенно недостаточно. "Несмотря на осознание лингвистикой себя с давних пор как гуманитарной науки, т.е. науки о человеке, описания языка индивида, как и описания языковой личности вообще, создать до сих пор не удалось" [Караулов, 1987:85]. В свете этого утверждения осуществленная попытка создания речевого портрета конкретного человека, а на его основе – выявления сущности феномена диалектной ЯЛ также важна для решения современных проблем языкознания.

Кроме того, изучение феномена ЯЛ будет способствовать комплексному рассмотрению таких вопросов, как язык и поведение человека, язык и система ценностей, язык и психология, язык и культура и др., до сих пор изучавшихся изолированно.

Рассматриваемая в монографии ЯЛ – Вера Прокофьевна Вершинина (далее В.П.), 1909 г. рождения, русская, коренная жительница села Вершинино Томского района Томской области. Вершинино – одно из самых древних русских поселений на территории Томской области, расположенное в 33 километрах к югу от г. Томска. Село основано во второй половине XVШ в.; первоначальное его население составляли носители севернорусских говоров[*]. В этом селе диалектоносительница родилась и прожила всю жизнь, далее областного центра и окрестных деревень никуда не выезжала. Мать В.П. – уроженка села Ярское (8 километров от Вершинино), отец – местный, их родители также родились и выросли здесь. Малограмотная (как и многие из ее ровесниц, читать и писать выучилась в 20-е гг. на ликбезе, уже подростком). Детство и юность В.П. пришлись еще на годы единоличного хозяйства, сама она всю жизнь проработала в колхозе (позже в

[*] Подробнее о селе Вершинино, его истории и фонетико-грамматической характеристике Вершининского говора см.: [Блинова, 1992].

http://www.lib.tsu.ru

совхозе) и хорошо знакома со всеми занятиями крестьянского населения – от работы в поле и огороде до заготовки леса, с многообразными видами труда в домашнем хозяйстве. Была замужем; вырастила и рано похоронила единственного сына. Наиболее близко общается с семьей племянника Николая Николаевича Вершинина, 1948 г. рождения, проживающей неподалеку. Живо интересуется событиями в селе и в стране, обладает хорошей памятью, общительным характером, нестандартной, выразительной речью.

Данная ЯЛ избрана в качестве объекта изучения прежде всего как типичная: во-первых, как рядовой носитель языка, каких среди носителей языка вообще подавляющее большинство, во-вторых, как типичный житель села, владеющий одной из основных форм национального языка – диалектом. "Тип языковой личности носителя диалекта… является первоосновой национальной языковой личности" [Маслова, 2001: 77]. Со вторым параметром связан выбор ЯЛ старшего поколения, в архаическом варианте языка которого наиболее полно сохраняются черты традиционного говора и народной крестьянской культуры. В то же время информант обладает способностью к языковой рефлексии, образной и выразительной речью и вследствие этого интересен как одновременно типичный и ярко индивидуальный носитель языка.

Выбор в качестве информанта В.П. Вершининой, представителя сибирских старожильческих говоров, во многом был предопределен также степенью разработанности теоретических вопросов лексикологии и лексикографии именно на областном материале диалектологами томской лингвистической школы. Новаторские работы по изучению формального варьирования слова (О.М. Соколов, О.И. Блинова, З.М. Богословская, О.Ю. Галуза), синонимии (Г.А. Раков) и антонимии (Л.М. Райская), мотивационных отношений слов (О.И. Блинова, Т.А. Демешкина, В.Г. Наумов, Н.Г. Нестерова, М.В. Курышева, Г.В. Калиткина и др.), экспрессивной лексики (О.И. Блинова, Н.В. Жураковская, Е.В. Бельская), метаязыкового сознания (О.И. Блинова, А.Н. Ростова, И.В. Тубалова), образных средств языка (О.И. Блинова, Е.А. Юрина), труды по теории диалектной лексикографии (В.В. Палагина, О.И. Блинова, М.Н. Янценецкая) и созданная на их базе система разноаспектных словарей – прямых и обратных, дифференциальных и полных, отражающих системные связи слов и образные элементы говоров (обзор см.: [Блинова, 1998: 72–75]), дают исследователю ЯЛ инструмент для ее анализа в виде детально разработанных фундаментальных теоретических понятий лексикологии, позволяют выявить основной круг проблем, подлежащих осмыслению при обращении к новому объекту (каковым является единичный представитель говора) и опереться на уже

http://www.lib.tsu.ru

имеющиеся выводы, полученные при описании лексической системы среднеобских говоров.

При обращении к языку личности определение приемов сбора материала заслуживает особого внимания.

Изучение ЯЛ должно основываться на достаточном корпусе текстов, зафиксированных при соблюдении определенных условий. Такими материалами лингвистика в настоящее время почти не располагает. Ю.Н. Караулов пишет по этому поводу: "При попытке прямого изучения реальных лиц, конкретных индивидуальностей как языковых личностей мы сталкиваемся с двумя эстремальными случаями: либо мы обладаем исчерпывающей протокольной фиксацией произведенных этой личностью текстов, имея дело с творчеством писателя, например, либо, наблюдая за поведением конкретного человека, мы можем располагать достаточно полной картиной его действий, его поступков на протяжении определенного отрезка времени, но лишены при этом необходимых данных о его речеупотреблении (сравните с этим отстутствие в нашем языкознании удовлетворительного описания хотя бы одного идиолекта реального носителя языка). Соединить же эти два контекста при наблюдении за реальными объектами не удается, а каждый из них оказывается необходимым, но недостаточным для воссоздания структуры и закономерностей функционирования языковой личности" [Караулов, 1987: 237].

Для соединения двух названных Ю.Н. Карауловым условий – накопления достаточно полных сведений и о самой личности (ее поведении, характере, поступках), и о речевой деятельности необходим особый подход к собиранию материала. Накопленный диалектологами опыт изучения языка отдельных личностей (Е.М. Тимофеевой, А.Г. Горшковой, жителей д. Деулино, В.П. Вершининой) позволил определить в качестве основного приема изучения ЯЛ "включение в языковое существование говорящего". Термин этот, широко употребительный в японском языкознании, в отечественной лингвистике впервые употреблен Н.И. Конрадом [1959], вслед за ним – Т.С. Коготковой [1975]. У И.А. Оссовецкого он носит название "метод сосуществования" [1982: 18], у В.П. Тимофеева – "метод соучастия" [1971а]. Т.С. Коготкова определяет его как базирующийся на двух основаниях: психологической контактности между исследователем и информантом и долговременности сроков наблюдения [1975: 287], тесно связанных между собой.

http://www.lib.tsu.ru

Хотя о приеме "сосуществования" говорится пока только по отношению к диалектологии (из-за языкового барьера между лингвистом и диалектоносителем), видимо, условия "включенности" в коллектив носителей любой разновидности языка с установлением психологических контактов и долговременности наблюдения – универсальные требования при изучении языка конкретной личности, живущей в одно время с исследователем.

В.П. Тимофеев считает, что при анализе языка личности могут широко применяться также приемы саморегистрации, личностного опроса, тестирования, анкетирования, интервьюирования, исследования личностных письменных документов – писем, дневников, редакционных текстов и художественных произведений ("биографический метод"), многие собственно лингвистические приемы (наблюдения, лингвостатистический и др.) [Тимофеев, 1971а: 8-9]. Каждый из них, наряду с достоинствами, имеет ограничения в использовании и недостатки. Саморегистрация подразумевает наличие лингвистических знаний; опрос, анкетирование и т.п. дают представление лишь об отдельных элементах языковой системы; обращение к письменным документам возможно лишь в отношении пишущей личности. Вероятно, следует согласиться с утверждением У. Лабова: "Какие бы другие методы получения образцов речи ни применялись (групповые беседы, анонимное наблюдение и т.п.), единственным способом получения достаточно доброкачественного материала о речи того или иного лица было и остается индивидуальное интервью с записью на пленку, т.е. путь открытого систематического наблюдения" [Лабов, 1975: 121] (если под интервью понимать беседу вообще)[*].

При сборе материала для анализа избранной нами ЯЛ применялся прежде всего прием сосуществования (который можно отнести к разновидности приема наблюдения). Речь В.П. записывалась в условиях естественного, непринужденного общения не только с собирателями, но и с односельчанами и родственниками, в течение 1981–2001 гг. автором данной работы (первоначально ежегодно, последние 9 лет – с примерно равными интервалами через 2–3 месяца). В сборе материала принимали участие также сотрудники и аспиранты кафедры русского языка Томского госуниверситета З.М. Богословская (1981, 1982 гг.), Л.Г. Гынгазова (1985, 1986, 1987, 1989, 1990, 1991, 1992, 1993, 1994 гг.), Н.Г. Нестерова (1988, 1993, 1995 гг.), М.В. Курышева (1995 г.), Е.А. Крапивец (1993, 1996 гг.), Т.Ф. Волкова (1993, 1996 гг.). Подавляющее большинство записей (около 95%) сделано на магнитофон; их дополняет очень небольшая доля текстов, зафиксированных от руки. Ведение записей от информанта не скрывалось. В редких случаях (главным образом в

http://www.lib.tsu.ru

связи с работой над "Полным словарем сибирского говора" и "Полным словарем языковой личности") использовался также прием опроса для уточнения семантики и употребительности отдельных слов, фразеологизмов, прецедентных текстов.

При анализе материала использовался метод научного описания, включающий приемы наблюдения, интерпретации и сравнения, а также лексикографический метод (о последнем см.: [Блинова, 1997]).

Основными источниками исследования являются: 1) дешифрованные с магнитной ленты тексты, отражающие монологическую и диалогическую речь информанта, общим объемом около 10000 печатных страниц; 2) картотека "Полного словаря языковой личности", составленная на основе этих текстов (свыше 100000 карточек); 3) рукопись "Полного словаря языковой личности" (более 20000 словарных статей), созданная коллективом лексикографов под руководством автора данной работы (лично им написано около 3000 словарных статей, составлены все приложения и полностью отредактирован Словарь); 4) фонотека речи В.П. Вершининой (более 200 часов звучания).

Дополнительными источниками, привлекавшимися при анализе материала, послужили опубликованные среднеобские диалектные словари: "Полный словарь сибирского говора" (1992–1995), "Вершининский словарь" (1998–2001), "Словарь вариантной лексики сибирского говора" (2000), "Обратный словарь одного говора (с. Вершинино Томского района Томской области)" [Иванцова, 1985], "Словарь старожильческих говоров средней части бассейна реки Оби" и дополнения к нему (1964–1986), "Словарь просторечий русских говоров Среднего Приобья" (1977), "Мотивационный диалектный словарь: говоры Среднего Приобья" (1982–1983), "Словарь образных слов и выражений народного говора" [Блинова и др., 1997, 2001], "Диалектный идеографический словарь Нарымского говора" [Раков, 1988].

---

[*] Во всех названных работах приемы сбора материала квалифицируются как "методы".

http://www.lib.tsu.ru

Глава 1

Идиолексикон диалектной языковой личности

Как известно, фонетические и грамматические особенности речи наименее индивидуализированы. В них значительно больше общего, чем присущего отдельной личности. Г. Глисон утверждает, что "…активное владение языком требует почти стопроцентного знания фонологии, а знания грамматики – хотя бы на 50–90%" [Глисон, 1959: 339]. Ср. близкое к предыдущему высказывание В.П. Тимофеева: "Для нормальной коммуникации объем усвоения индивидом фонетического строя языка должен быть полным, прощаются только пороки произношения. То же можно сказать и про морфолого-синтаксические особенности. Только в объеме словаря многообразие индивидуальных языков может быть беспредельным" [Тимофеев, 1971а: 32]. Анализ идиолекта исследуемого информанта подтверждает это положение.

Кратко охарактеризуем фонетические и грамматические особенности дискурса В.П. В них отражаются черты Вершининского говора, носителем которого является данная ЯЛ.

Фонетические особенности. В системе вокализма следует отметить в качестве самых типичных черт:

– аканье (совпадающее с литературной нормой);

– переход начального безударного [о] в [и] (*игоро'д, итдохну', исвободи'ли, ит вина'*);

– появление протетического [в] перед [о] (*во'кунь, во'зеро, во'споди, во'сенью*);

– в ряде слов – появление редуцированного гласного в позиции между согласными (*шыра'м* "шрам", *шэвыря'т* "швыряет", *жыра'ть, къладо'вка, ко'ръм*).

– произношение [ы] на месте [а] в предударных слогах после шипящих (*жыле'т* "жалеет", *шыга'ть, шыфра'ны, шынпа'нско, шыро'м покати*).

Наиболее распространенными чертами в системе консонантизма являются:

http://www.lib.tsu.ru

– [г] взрывного образования (*гость, гирька, беглый*). Фрикативный [ɣ] произносится в словах с корнями "бог", "благо", в ряде междометий (*блаɣодать, боɣач, боɣогодица, аɣа, уɣу*) и в некоторых отдельных словах (*с ɣаком, буɣалтер*);

– твердые долгие шипящие (*шшу'ка, та'шшыт, шшека, я'шшык*);

– элементы мягкого цоканья (*ця'сто, поцита'ла, целовек, семь цясов, наци'слили*). [Ц] обычно призносится с призвуком [ч] (в текстах условно отражается через букву "ц");

– твердые конечные заднеязычные в корнях прилагательных и глаголов (*рва'ненькый, тёпленькый, ута'скывать, спола'скывать, опа'хывать, спёхывать*);

– смягчение [р] как перед мягкими, так и перед твердыми согласными (*а'рьмия, терьпе'нье, ко'рьни, це'рьква, серьва'нт, серьп*);

– произношение сочетания звуков [ст] в конце корня как [с] (*мос* "мост", *есь* "есть", *ки'ска* "кистка");

– произношение сочетания [вз], [вс] в начале слова без [в] (*спаха'л, стать* "встать", *зошли'* "взошли");

– переход начального безударного [вы] в [у] (*упива'ть* "выпивать", *угля'дывать* "выглядывать", *угребать* "выгребать", *ула'зить* "вылазить");

– утрата йота в положении между согласным и гласным (*сва'ття, сви'нни, но'ччу, потти', соба'ччу*);

– произношение орфографического "чн" обычно как [шн] (*су'тошный, сморо'дишный, кирпи'шный, таба'шный*), редко как [чн] (*скучно, яичный*).

Отметим интересный факт, что, наряду с собственно диалектными особенностями, произношение информанта сохраняет целый ряд черт, свойственных старомосковской норме литературного языка и ныне архаичных для последнего.

Морфологические особенности. Прежде всего, следует подчеркнуть, что для морфологической системы информанта характерна широкая представленность вариативных грамматических форм.

http://www.lib.tsu.ru

Имеются отличия от литературного языка в распределении существительных по роду и значительное количество родовых вариантов (*бассейн – бассе'йна, дитё – дитя, жар – жара, ке'сарева – ке'сарево, кило'метр – кило'метра, коноплё – конопля, стадо – ста'да, яблоко – я'блока; ливень,* м. и ж., *линолеум,* м. и ж., *молодёж,* м. и *молодёжь,* ж., *путь,* м. и ж.).

Для грамматической категории числа типично более широкое с сравнении с литературным языком распространение имен pluralia tantum (*карто'шки, варе'нья, подпо'лья* и др.). При наличии форм единственного числа преобладает употребление во множественном числе у слов, обозначающих отдельные виды пищи (*блины, пельмени*), цветов (*гладиолусы, астры, шафраны*), обуви (*валенки, сапоги, ботинки*), грибов (*боровики, грузди, рыжики*), насекомых (*мухи, букашки, клопы*), мелкой рыбы (*ерши, ельчики*) и ряда других.

У существительных мужского рода с нулевой флексией наиболее частотно в родительном падеже окончание -у(ю): *богачу, браку, броду, виду*. Слова мужского и женского рода в именительном падеже множественного числа могут иметь формы типа *биле'тья, бока'лья, бито'нья, котле'тья.*

При склонении имен собственных сохраняются архаичные формы звательного падежа: *Мотё!; Валё!*

Есть особенности в склонении ряда местоимений. Склонение личных местоимений 3-го лица с предлогом может сопровождаться утратой начального "н": *к ему ходила, у ей племянница, у их подошвы ко'жаны* и т.п. Эти местоимения, а также местоимение "тот" имеют диалектные формы при словоизменении: *лечутся ём, с имя' что я буду делать, в таё пятницу, в таю' субботу, в тем краю.*

При спряжении глаголов с основой на заднеязычные в настоящем времени могут отсутствовать исторические чередования: *вертю'сь, шутю', ля'гет, берегёшься, заблудю'сь, зажгёт, платю'* и *плачу'* и др.

Деепричастия образуются крайне редко; причастные формы встречаются несколько чаще. Краткие причастия употребляются преимущественно в женском, среднем роде или во множественном числе, редко – в мужском роде.

У ряда глаголов имеются возвратные формы, отсутствующие в литературном языке (*висе'ться* "висеть", *ню'хаться* "нюхать", *лежа'ться* "лежать"), и наоборот, невозвратные

http://www.lib.tsu.ru

глаголы могут выступать как возвратные (*оста'ть* "остаться"), возможны варианты (*запну'ть – запнуться*).

Формы сравнительной степени прилагательных разнообразны: одни совпадают с книжными литературными, другие – с разговорными литературными, третьи носят диалектный характер. Ср: *тонкий – то'ньше, пото'ньше, потоньше'й; плохой – ху'же, поху'же, плоше'е; крепкий – кре'пше, покре'пче, покрепше'; хороший – лу'чше, лу'чче, лучше'е, полу'чше, полу'чче.*

К самым распространенным фонетико-морфологическим чертам относятся стяжение в глагольных формах, окончаниях прилагательных и неличных местоимений (*знат, покупа'т, больша', ма'ленька, кака', тако'*), произношение флексии -АМИ у существительных в тв. мн. как -ИМИ (*бо'рикими, комо'чкими*), флексии -АХ у существительных. в предл. мн. как -АВ (*в неве'став, в ва'ленкав, на табле'ткав, на поми'нкав*); произношение глаголов на -ШЬСЯ во 2-м лице ед. числа с долгим [с] (*подсклизнёсся, угро'бисся*) и глаголов II спряжения в 3-м лице мн. числа с конечным [ут] (*све'тют, смотрют, сто'ют*).

Синтаксические особенности*

1. В области словосочетания:

– Специфика связи управления проявляется в употреблении отличных от литературного языка предложно-падежных форм: *Она приехала по неё, хотела увезти; По лекарства тебе кто сходит; Эту девушку позвали в соседи; Шаг по рублю – сама говорю на себя; Я так говорю: полежа-ала бы так за кем-нибудь, посидела [если бы кто-л. заботился]; И он попади под аварию! Его мотоциклом сбило.*

– При согласовании подлежащего и сказуемого существительные с собирательным значением в функции подлежащего согласуются с глаголом во мн. числе в функции сказуемого: *Весь посёлок при'мерли; Там, гыт, народ, гыт, собрались; Молодёж-то не поют, не только старики.* Аналогичным образом согласуются с глаголом существительные со значением лица, когда за обозначением единичного субъекта мыслится группа лиц: *Вон колбасы Катя привезли, чуть не ме'тру палку; А де Де'на говорили, городьбу открыть? Туды' где, дальше?*

2. В области простого предложения специфика связана с формами выражения сказуемого. Простое глагольное сказуемое может выражаться сочетанием двух спрягаемых глаголов, первый из которых имеет значение движения или состояния: *Счас ходила любовалась, сук там большой черёмухи; А молоды' за'втре запрягают коня, едут зазывают всех; Я их [цветы] посадила, они зачи'чверели сидят.* Для составного именного сказуемого со значением профессии характерно отсутствие знаменательной связки: *Кака'-то тоже с ребёночком. Она учительницей.* Типичным является способ выражения сказуемого кратким или полным страдательным причастием: *Аксиньин клубок с узлами, такой, худо нарезанный.*

Слова в функции определения занимают чаще всего позицию после определяемого слова: *А у их окошечко тако' небольшо'; Потом она ставит суп налива'т в чашечку ма'леньку.*

Частотны сочинительные ряды однородных членов с повторяющимися союзами, в том числе заключительными: *Она всё травы пьёт. Смородинник да, малинник да, тысячелистник да, зверобой она пьёт тоже; Здоровёхонький. Там намытый да настриженный да набритый да; Вот, пьёт он. ~* [*] *Она всё равно то спрячет, то воду ему нальёт, то туды' чё-нибудь да всё.*

Характерны конструкции со свернутым рядом однородных членов, имеющие знак неисчерпанности информации. Этот знак выражается двояко: сочетанием названного члена синонимического ряда (при невыраженности остальных) либо с обобщающим словом "всё" (*да всё, и всё и, да и всё* и т.п.), либо со словами и словосочетаниями, имеющими значение неопределенности (*ли чё ли, либо чё, ли как ли, чё-нибудь* и др.): *Теперь то'рты стряпают да всё, а раньше блины были; Ну так помога'т, воду носит да всё да; Ну там столько пыли – немыслимо! В окне-то. И мух, и всё; Вы его идного не оставляйте: он может с кровати упасть, с койки либо цё; Я хотела купить сходить духи ли чё; Я но'нче говорила кому-то. Я говорю: кого у вас там делать-то? То ли Крошко, то ли кому ли; Наверно, они гуляют либо чё-нибудь.*

3. В области сложного предложения достаточно частотны бессоюзные конструкции, а сочинение преобладает над подчинением.

В качестве средств связи сложносочиненного предложения выступают союзы *да* (в значении "и"), *да и, ли, али, либо* и др.: *Ты брешешь али шутишь?; Столько беспокойства,*

[*] Раздел о синтаксических особенностях речи В.П. написан в соавторстве с Л.Г. Гынгазовой.

http://www.lib.tsu.ru

да всё не по путе'; [Гадали] в носках либо, может, носков не было; "Или в суд подам, либо Лёнька сам с тобой распло'тится?".

В сложноподчиненном предложении средства связи, формирующие отношения между частями, могут иметь диалектную специфику: *Говорят, на голый лес, как рано кукует кукушка – худо; Дак он [сын] тут-то должо'н посидеть, что мать-то болеет шибко!; Я жидкий чай налила. Я из-за то пожиже, что он погорячей мале'нько; Молоко-то я пила, с того долго живу; На меня пала забота, что как я буду корову доить.*

В оформлении вопросительных предложений своеобразным является набор вопросительных местоимений: *Кого ишшешь в холодильнике-то?; Кого строют-то они? Чё строют?; Ты пошто' не можешь достать полоте'нец-то?*

Как в простом, так и в сложном предложении одной из ярких черт являются разного рода повторы и синтаксический параллелизм: *Всё сама выкопала [картошку]. Помале'ньку рою-рою, пойду полежу да опе'ть рою. [Трудно?] Трудно, как не трудно!; То'лсты, широ'ки кишки, мы их разре'зали. Да тоже выполоскали да вымыли хорошо да и скла'ли.*

Сопоставление фонетико-грамматических черт речи В.П. и особенностей Вершининского говора в целом (общий очерк последних представлен О.И. Блиновой во введении к "Полному словарю сибирского говора" [1992]) подтверждает их близость, а по ряду моментов – полное совпадение. Своеобразие ЯЛ проявляется на уровне фонетики и грамматики минимально. В связи с этим именно лексика представляет наиболее благодатный материал для изучения языка отдельной личности в его сложном соотношении с языком социума – и для характеристики ЯЛ как представителя того или иного социолингвистического типа, и для выявления индивидуального начала в идиолекте. Кроме того, характер культуры, особенности языковой и – у'же – ценностной картины мира, во многом составляющие специфику личности, проявляются прежде всего в лексиконе. Именно поэтому исследование феномена ЯЛ невозможно без детального анализа ее словарного запаса.

Под лексиконом в узком смысле слова (идиолексиконом) понимается, по определению Ю.Н. Караулова, словарь языковых единиц, известный данному говорящему и характеризующий его как ЯЛ [Человеческий фактор в языке, 1991: 91].

---

[*] Знаком ~ обозначается сокращение контекста в примерах из диалектной речи.

http://www.lib.tsu.ru

Еще в 1870 г. Бодуэн де Куртенэ наметил два основных подхода к исследованию лексикона личности. Он писал, что индивидуальный язык можно рассматривать "…по отношению к к о л и ч е с т в у (запас выражений и слов, употребляемых этим данным индивидуумом)" и "по отношению к к а ч е с т в у (способ произношения, известные слова, формы и обороты, свойственные данному индивидууму, и т.п.)" [Бодуэн де Куртенэ, 1963, т. 1: 77]. Рассмотрим с этих позиций идиолексикон нашего информанта.

1.1. Количественные оценки лексикона личности

Трудности в определении объема словарного запаса человека обусловлены как отсутствием текстовой базы, являющейся основой для объективных подсчетов, так и сложностью выявления пассивной части лексикона: "Запас слов взрослого носителя языка настолько обширен (в основном, за счет трудно выявляемых факультативных примесей), что его почти невозможно извлечь полностью даже из очень большого по объему материала" [Захарова, 1967: 26].

Оценки количественного состава лексикона человека, имеющиеся в зарубежной и отечественной литературе, очень разнородны (их подробный обзор см.: [Тимофеев, 1971а]). Ср. данные по художественным текстам отдельных авторов: у Шекспира – 15000 или 24000 слов; у Мильтона – от 7000 до 8000 слов; у Гомера – около 9000 слов [Вандриес, 1937: 177], в "Словаре языка Пушкина" – 21191 слово, в словаре поэтических и прозаических текстов Есенина – 18890 слов [Тимофеев, 1971а: 65], в "Словаре языка русских произведений Шевченко" [1985–1986] – 17488 слов (без учета приложений), в "Частотном словаре языка М.Ю. Лермонтова" [1999] – 14939 слов, в "Словаре языка басен Крылова" – более 3500 (не включены в него наиболее частотные союзы и предлоги) [Крылов, 1996]. В картотеке "Словаря языка В.И. Ленина", как уже было отмечено, представлено примерно 38000 вокабул [Русский язык, 1997: 180]. Попытки оценить словарный запас рядового носителя языка еще более неоднозначны: назывались цифры от 1000-2000 [Блинов, 1946: 8; Ефимов, 1948: 25] до 20000–30000 слов [Блумфилд, 1968: 306; Золотова, 1987: 105] и более[*]. Поскольку ни принципы выделения отдельного слова как

[*] Так, ученицей В.П. Тимофеева Л.Н. Борисовой приемом опроса установлен объем литературной лексики шахтера В.П. Борисова, двадцати лет, со средним техническим образованием. Количество известных ему единиц из словаря Ожегова оказалось равным 49021 слову [Тимофеев, 1971б: 17-18]. Японские исследователи определяют объем словаря 20-летнего студента также в 50000 слов [Неверов, 1982:56-57].

http://www.lib.tsu.ru

единицы счета, ни методика подсчетов практически никем не оговаривались, соотнести их друг с другом не представляется возможным.

Попытка определить объем лексикона диалектной ЯЛ была предпринята В.П. Тимофеевым. Для установления количества литературных слов, известных диалектоносителю, он воспользовался приемом прямого опроса информанта по словарю под ред. С.И. Ожегова. Было установлено, что из 62872 слов, зафиксированных в этом словаре, Е.М. Тимофеевой известно 27337. Составленный тем же автором словарь диалектной лексики данного информанта включает 2705 слов и 87 фразеологизмов [Тимофеев, 1971б: 17, 19]. Таким образом, общий объем лексикона Е.М. Тимофеевой, неграмотной домохозяйки, насчитывает более 30000 слов.

Данные эти, конечно, очень относительны. Условна цифра, характеризующая количество диалектных слов: "…сколько их осталось за пределами фиксации – неизвестно… они не могли быть "выспрошены" методом прямого опроса, их нет в словаре Ожегова" [Коготкова, 1975: 295]. Вызывает сомнения и методика подсчета общерусских единиц. Вот как описывает ее сам автор: "После зачтения мною слова по словарю информант подтверждала или отрицала знание его, создавая для известных слов приходящие на память контексты (словосочетания, предложения). <…> Если слово было известно, информант легко создавала привычный контекст или, если слово многозначно, несколько контекстов – в словосочетании, в предложении, в диалоге, в ситуации и т.п. Например, алюминий? – "железо"; анатомия? грамматика? – "ребята вот в школе учат" <…>, восторг? – "знаю, по-нашему радость", впрячь? – "это ваш брат говорит, а мы "запрягчи". <…> Некоторые литературные слова отождествлялись с диалектными: <…> басистый, басовитый? – "баской", <…> глазет? – "взглядывает, смотрит" (в Словаре: вид парчи). <…> Были случаи определения смысла слов по составу морфем: безупречный? – "никого не упрекает"; беспосадочный? – "в огороде не садит". <…> Многочисленны случаи своеобразной диалектной огласовки литературных слов <…>: аванес, оптобус, антерес, валес, ерань, фамиль. Многие слова известны информанту, но непосильны для проговаривания: газифицировать, демонстрировать (фильм), <…> инвентаризировать ("это вот в ревизионной комиссии") и т.д. Эти слова необходимо признать известными информанту, но и они, конечно, должны быть отнесены только в его пассивный словарь слушания и понимания" [Тимофеев, 1971а: 15–17].

Как интерпретировались все эти случаи диалектологом, не совсем ясно; представляется, что часть приведенных ответов свидетельствует об отсутствии слова даже

http://www.lib.tsu.ru

в пассивном словаре информанта. Без сомнения, прием опроса не может дать и достоверных сведений о многозначных единицах в лексиконе ЯЛ: вспомнить и перечислить все значения каждого слова в условиях такого эксперимента невозможно. На относительность подсчетов указывает Т.С. Коготкова: "27337 слов словаря Ожегова, узнанных информантом в результате прямого опроса, не равнозначны в своем количественном отношении; среди них есть какой-то процент лишь потенциальных слов, стимулированных ассоциативно в момент опроса" [Коготкова, 1975: 295]. Этот недостаток опроса осознает и сам его автор: "Конечно, метод ассоциативного опроса-стимула не позволяет абсолютно точно установить общую цифру известных информанту слов, не разделяет, главное, на те, которые репродуцируются, и на те, которые репрезентируются, то есть известны ему в сфере аудиции. Метод ассоциативного стимула не может также указать и на качество употребления известных слов, так как для этого потребовалось бы неограниченно большое исследование записанных текстов" [Тимофеев, 1971а: 65]. Тем не менее работа В.П. Тимофеева заслуживает внимания как первое и пока единственное исследование объема лексикона реального рядового носителя языка.

А.Н. Соколовой [1971: 32] объем словаря крестьянина села Мыльниково Курганской области определяется в 22000 единиц. В двух других работах по языку диалектных личностей называются лишь цифры активного словарного запаса: 8000 слов у А.Г. Горшковой (без учета числительных и имен собственных) [Скитова, Огиенко, 1971: 32], более 12000 слов у В.М. Петуховой [Лютикова, 2000а: 3].

Основным условием для получения достоверных сведений о количественных характеристиках словарного запаса личности должно быть наличие полного словаря, причем составленного на основе естественных текстов достаточно большого объема. Подсчеты по этому источнику следует считать наиболее точными, хотя и они относительны. Как отмечает польский лингвист Ежи Ворончак, трудности определения словарного состава любого живого языка (в том числе языка личности) в том, что он представляет собой открытое множество, в котором число элементов бесконечно: "…представляется невозможным составление словаря живого языка, в который нельзя было бы добавить еще одно выражение" [Ворончак, 1972: 236].

Предварительные расчеты объема лексикона на основе "Полного словаря языковой личности" позволяют утверждать, что идиолексикон диалектоносителя включает не менее 17000 вокабул (14514 нарицательных слов, 1438 фразеологизмов и около 1000 имен собственных). Если же принять за единицу счета лексико-семантический вариант слова

http://www.lib.tsu.ru

или формально-семантический вариант фразеологизма, общий словарный запас ЯЛ составляет примерно 22500 лексико-фразеологических единиц (из них 21497 нарицательных). Фактический объем идиолексикона несколько больше, поскольку часть периферийной, редко употребляющейся лексики осталась за пределами фиксации и не нашла отражения в "Полном словаре языковой личности".

1.2. Типологические классы единиц лексикона

1.2.1. Грамматические классы слов как единицы лексикона

Общие закономерности разделения слов по частям речи традиционно изучаются в сфере грамматики, однако представляется, что типологическая характеристика классов единиц идиолексикона без определения их грамматической принадлежности была бы неполной.

Подсчеты по "Полному словарю языковой личности" дают следующую картину грамматической характеристики лексикона В.П. (без учета имен собственных):

Часть речи	Количество слов	В %
Существительное	5789	39,9
Глагол	5521	38,0
Прилагательное	1673	11,5
Наречие	793	5,5
Категория состояния	174	2,0
Междометие	132	0,9
Частица	114	0,8
Числительное	87	0,6
Местоимение	68	0,5
Предлог	62	0,4

http://www.lib.tsu.ru

Союз	52	0,4
Вводное слово	38	0,3
Модальное	10	0,07
Часть слова	1	0,006
Итого	14514	

Частеречное соотношение слов интересовало всех лингвистов, изучавших язык конкретных ЯЛ. В результате мы имеем возможность сопоставить данные наших подсчетов с расчетами, сделанными при изучении речи А.Г. Горшковой [Скитова, Огиенко, 1971: 32], Е.М. Тимофеевой [Тимофеев, 1971б] и В.М. Петуховой [Лютикова, 1999: 62–63]:

Часть речи	Горшкова	Тимофеева	Петухова
Существительное	2820 – 35,2%	1035 – 38,3%	Около 30%
Глагол	3650 – 45,6%	1182 – 43,5%	Около 40%
Прилагательное	906 – 11,3%	133 – 5,0%	Около 20 %
Наречие	535 – 6,8%	211 – 7,8%	Около 5%
Кат. состояния	Не выделяет	100 – 3,7%	Данных нет
Местоимение	47 – 0,6%	2 – 0,07%	Данных нет
Ввод.-модальные	Не выделяет	9 – 0,3%	Данных нет
Частица	71 – 0,9%	10 – 0,3%	Данных нет
Числительное	Данных нет	Данных нет	Данных нет
Предлог	34 – 0,4%	5 – 0,2%	Данных нет
Междометие	21 – 0,2%	7 – 0,2%	Данных нет
Союз	Данных нет	9 – 0,3%	Данных нет

http://www.lib.tsu.ru

При сравнении нужно учитывать, во-первых, неодинаковое число выделенных исследователями частей речи, во-вторых, то, что собственно диалектная часть лексикона Е.М. Тимофеевой несколько отличается по грамматическим показателям от словника диалектоносителя при недифференциальных подсчетах. Для наглядности представим процентное соотношение четырех самых крупных грамматических классов лексических единиц (существительных, глаголов, прилагательных и наречий) у этих ЯЛ в сводной таблице:

Часть речи	Горшкова	Тимофеева	Петухова	Вершинина
Существительное	35,2	38,3	Около 30	39,9
Глагол	45,6	43,5	Около 40	38,0
Прилагательное	11,3	5,0	Около 20	11,5
Наречие	6,8	7,8	Около 5	5,5

Таблица демонстрирует как явную близость полученных результатов, так и некоторые их различия.

У всех четырех информантов существительное и глагол занимают два первых места в таблице, а прилагательное и наречие делят третье и четвертое места. В то же время у трех диалектоносителей глагольная лексика несомненно преобладает над существительными. Ф.Л. Скитова и Е.А. Огиенко считают, что это, "…по всей вероятности, является отличительной особенностью словаря диалектной речи и народно-разговорного языка в целом. <…> В словаре письменной речи обычно преобладают существительные" [1971: 33]. Позднее Т.С. Коготкова напишет: "Признание количественного преобладания глагола над существительными в устной (разговорной) диалектной речи разделяют как будто бы все исследователи, ведущие непосредственные наблюдения ее" [1975: 296]. Однако в лексиконе В.П. существительных несколько больше, чем глаголов, хотя количественное различие между ними составляет всего около 2%. Относительно близки сравнительные данные по наречиям: разброс цифр по информантам не превышает 3%. Наименее однородны сведения об именах прилагательных: бросается в глаза очень назначительная их доля в словаре Е.М. Тимофеевой, большое количество – в словаре В.М. Петуховой и, наконец, почти полное совпадение подсчетов для А.Г. Горшковой и В.П. Вершининой.

http://www.lib.tsu.ru

Вероятно, общей грамматической чертой диалектоносителей является отмеченное пермскими учеными отсутствие деепричастий и малое количество причастий [Скитова, Огиенко, 1971: 32]. То же характерно для речи В.П. Причем большинство причастных форм являются формами страдательного залога.

Квалификация особенностей соотношения грамматических классов слов в лексиконе В.П. как общерусского или типичного для диалекта, общеязыкового или характеризующегося индивидуальными особенностями представляется несколько преждевременной, поскольку имеющиеся сопоставительные данные недостаточны для глобальных выводов. В этом плане возможны только отдельные наблюдения.

Грамматические обследования литературной письменной и разговорной речи языкового коллектива носителей русского языка, отраженные в лингвистической литературе, дают следующую картину распределения слов по частям речи:

Часть речи	Разговорная литературная речь*		Письменная литературная речь**	
	Количество слов	В %	Количество слов	В %
Существительное	3375	46	2573	39,95
Глагол	2256	30	1941	30,1
Прилагательное	992	13,5	963	14,95
Наречие	463	6,3	589	9,14
Числительное	132	1,8	54	0,84
Местоимение	44	0,6	63	0,98

Если по частотности глаголы, согласно статистике, являются преобладающими в литературном языке, то по количеству разных лексем существительные значительно превосходят их, особенно в разговорной речи [Разговорная речь в системе…, 1983: 21].

* По данным монографии "Разговорная речь в системе…" [1983: 48,124,151,188].
** По данным "Частотного словаря русского языка" [1977: 928].

http://www.lib.tsu.ru

Сопоставление всех приведенных данных позволяет пока лишь однозначно утверждать, что у обследованных диалектоносителей доля глагольной лексики выше, а доля существительных ниже, чем в обеих разновидностях литературного языка (и это явление можно отнести к специфике диалекта)[***]. Преобладание прилагательных над наречиями, занимающими соответственно третье и четвертое по рангу места в иерархии частей речи, можно, видимо, считать общерусской закономерностью.

1.2.2. Общерусская, просторечная и диалектная лексика

Вопрос о слагаемых словарного запаса местных говоров является одним из принципиальных для диалектологии, поскольку он связан с определением статуса диалектов как формы национального языка. Выявление признаков диалектного слова, определение места общерусских единиц в лексической системе говора, исследование взаимного влияния литературного языка, говоров и городского просторечия всегда находилось в центре внимания языковедов (Ф.П. Филин, Л.И. Баранникова, Л.А. Ивашко, О.С. Мжельская, Н.А. Лукьянова, О.Г. Порохова, Ф.П. Сороколетов. И.А. Оссовецкий, О.И. Блинова, Т.С. Коготкова, Е.В. Борисовская и др.).

Состав идиолексикона с точки зрения соотношения с основными формами национального языка – литературным языком, городским просторечием и местными говорами – почти не исследован. Как представляется, этот параметр значим для характеристики словаря любой личности, и в особенности диалектной.

Установлено, что лексика говора включает общерусские единицы (общие для всех трех основных форм национального языка), диалектно-просторечные (общие для диалектов и городского просторечия, но отсутствующие в литературном языке) и собственно диалектные (локально ограниченные в употреблении) [Блинова, 1975: 38–41]. Соотношение этих категорий слов в говорах изучено недостаточно. "Имеющиеся немногочисленные исследования проведены с учетом двух групп слов – общенародных и диалектных, причем авторы проведенных исследований обычно не раскрывали понятий

[***] Противоречат этому подсчеты диалектных слов, вошедшие в первые 10 выпусков "Словаря русских народных говоров", очень близкие к показателям разговорной литературной речи:

существительные	16600 – 45%	прилагательные	5021 – 13,6%
глагол	11340 – 30,8%	наречия	2838 – 7,7%

[Словарь русских народных говоров, 1974, вып. 10: 3]. Однако соотношение имен существительных и глаголов в этом источнике не является показательным, поскольку в словарях дифференциального типа отражается прежде всего предметная лексика.

http://www.lib.tsu.ru

"общенародного" и "диалектного" слова, поэтому их итоги носят не только приблизительный, но и предварительный характер" [Блинова, 1975: 42].

Процент диалектных слов по отношению к общерусской лексике, по разным данным, сильно колеблется: 4–5% у Г.И. Мельниченко [1962: 4], от 12 до 20% у В.А. Сенкевича [1973: 55], 14% (и 43,8% диалектных вариантов общерусских слов) у О.И. Блиновой [1975: 43], около 1/4 части – у Н.Т. Бухаревой [1968: 97], 32,5% у Н.А. Лукьяновой [1966: 5]. Последняя цифра расценивается Ф.П. Сороколетовым и О.Д. Кузнецовой как "…очевидное преувеличение, вызванное методикой подсчета" [1987: 142]. На материале говора деревни Акчим анализ Е.В. Борисовской [1989: 107] дал следующую картину (в %):

Слова	Отрезки Акчимского словаря		
	Г	И	К
Общерусские	57,5	39,9	56,4
Разговорные	5,4	5,8	3,3
Диалектные	31,1	49,5	37,6
Просторечные	6,0	4,7	5,3

Распределение лексики в Вершининском говоре (отрезок А – З) по соотношению с основными формами национального языка отражают подсчеты О.И. Блиновой [1995: 271] из послесловия к "Полному словарю сибирского говора". За единицу анализа при подсчетах брался ЛСВ; учитывались отношения формального и лексико-семантического варьирования между единицами словаря (в %):

Разряд слов	Кол-во слов, %
Общерусские слова	58,2
Диалектные варианты общерусских слов	21,4
Диалектно-просторечные варианты общерусских слов	0,9
Диалектно-просторечные слова	3,5
Собственно диалектные слова	14,6

http://www.lib.tsu.ru

Диалектные варианты диалектно-просторечных слов	1,2

Согласно материалам "Полного словаря языковой личности", соотношение интересующих нас категорий слов в нем таково:

Разряд слов	Кол-во слов	В %
Общерусские слова	13848	59,23
Диалектные варианты общерусских слов	4851	20,75
Собственно диалектные слова	2757	11, 79
Диалектно-просторечные слова	682	2,91
Диалектно-просторечные варианты общерусских слов	670	2,87
Диалектные варианты диалектно-просторечных слов	361	1,54
Прочие комбинации	131	0,56
Помета не определена	78	0,33
Итого	23378*	

Отметим, что полученные результаты очень близки к выводам, сделанным О.И. Блиновой на основе "Полного словаря сибирского говора".

Сопоставительные данные по аналогичным источникам почти отсутствуют. Исходя из данных В.П. Тимофеева, в лексиконе Е.М. Тимофеевой соотношение диалектного и общерусского 1:10 (2732 диалектных слова и фразеологизма на 27337 литературных слов, см.: [Тимофеев, 1971б:17, 19]). Ученица В.П. Тимофеева А.Н. Соколова утверждает, что "В настоящее время… слова диалектной лексики составляют около 7% словаря крестьянина села Мыльникова (примерно 1100 диалектизмов в числе 22000 словарного

* Общее количество случаев, вошедшее в подсчеты, превышает количество ЛСВ, поскольку в него вошли также пометы при некоторых словоупотреблениях, ряде устойчивых нефразеологических словосочетаний и др. Прочие комбинации помет описаны во введении к "Полному словарю языковой личности". Помета не указывалась при окказиональных образованиях и украинизмах, цитируемых как элементы чужой речи.

http://www.lib.tsu.ru

запаса одного лица)" [Соколова, 1971:32], при этом отмечая зависимость количества диалектных элементов от характера труда, образования и возраста информанта.

Однако подсчеты шадринских исследователей нельзя расценить как точные. Уязвимость данных, полученных методом прямого опроса, очевидна и при обследовании совпадающей с литературным языком части лексикона (о чем уже говорилось), и при выявлении количества диалектных слов. Дифференциальный словарь личности не дает ответа на вопрос, сколько слов остались не зафиксированными при наблюдении. Расчеты же А.Н. Соколовой базируются на опросе по индексам, составленнным с учетом "Словаря русского языка" в 4 томах "и других словарей" (каких – не поясняется), и заведомо не могли охватить всей известной жителям данного села областной лексики. Думается, что процент диалектных слов в обоих случаях должен быть выше. Очевидно и то, что естественные тексты или полный словарь личности, созданный на их основе, являются более достоверным источником подобных подсчетов, чем данные прямого опроса.

Известно также, что в словарном запасе А.Г. Горшковой доля просторечной лексики колеблется в пределах 6–11% [Ерофеева, Скитова, 1986: 67]. В.Д. Лютиковой [1999: 41] из 9000 слов лексикона В.М. Петуховой более 3000 квалифицируются как собственно диалектные, столько же – как разговорные и более 2000 – как просторечные, но содержание этих терминов не раскрывается. А.М. Кошкаревой [1978] был проанализирован текст одной диалектоносительницы архаичного говора деревни Сергеевка Тюменской области в 1400 слов, исключая незнаменательные. Из них 65% лексических единиц составили общерусские, 31% – диалектные варианты общерусских, 0,4% – просторечные, 3% – собственно областные. Приведенные данные не вполне совпадают с нашими, но это можно объяснить как различным пониманием исследованных категорий слов, так и различием в характере говоров, которые представляют данные языковые личности.

1.2.3. Активный и пассивный словарный запас

В диалектной лексикологии ядро и периферия словарного запаса местных говоров рассматривались главным образом в аспекте его трансформации (новое/устаревающее), обусловленной, с одной стороны, общественно-историческими изменениями в реальной действительности, с другой – собственно языковыми процессами. Новая для говоров лексика изучалась прежде всего при анализе результатов воздействия на них

http://www.lib.tsu.ru

литературного языка, в меньшей степени – как результат спонтанного развития лексической системы (И.А. Оссовецкий, Т.С. Коготкова, Ф.Л. Скитова, А.А. Грузберг, С.М. Белякова, А.Н. Соколова и др.; на среднеобском материале освоение диалектами литературных слов иноязычного происхождения детально рассмотрено в монографии О.И. Гордеевой, С.И. Ольгович, Н.М. Охолиной и В.В. Палагиной "Вторичные заимствования в говорах Среднего Приобья"), архаические элементы – при исследовании устаревающей терминологии местных промыслов, описании номинаций в сфере традиционной материальной и духовной культуры (В.В. Палагина, О.И. Блинова, Ф.П. Иванова, Н.И. Толстой, С.Е. Никитина, Т.Б. Банкова, Г.В. Калиткина и др.).

Соотношение элементов активного и пассивного словарного запаса является важной характеристикой не только языка социума, но и лексикона отдельной ЯЛ. Наблюдения над языком личности в этом плане отсутствуют.

Непринужденные условия общения позволяют выявить в первую очередь лексику активного употребления, легко и свободно воспроизводимую в естественной речи и составляющую ядро лексикона человека. Активный словарный запас связан с обозначением предметов привычного повседневного быта, природы, с характеристиками человека, не ограниченными рамками каких-либо речевых жанров и высокочастотными в речи ЯЛ.

Пассивный словарь составляет низкочастотная часть лексикона (единичные случаи словоупотребления), использование которой ограничено определенными типами текстов и жанров речи, нередко вызывает затруднения при воспроизведении.

Постоянные изменения, которым подвергается на протяжении жизни лексикон человека, отражают трансформацию активного и пассивного словаря. Активные элементы могут переходить в пассивную часть словарного запаса, и наоборот.

В языке информанта можно выделить четыре основных категории слов, которые отражают видоизменения его лексикона с точки зрения активного/пассивного употребления. Это новая лексика, архаические единицы, так называемая "лексика чужой речи" и окказионализмы. Рассмотрим каждую из этих категорий.

Новая лексика

http://www.lib.tsu.ru

Исследование новой лексики позволяет проследить процесс обогащения словарного запаса ЯЛ.

Под новой лексикой понимаются все лексические единицы, вновь усвоеннные личностью на протяжении жизни. Неологизмы в узком смысле как слова, новизна которых осознается носителями языка, являются составной частью новой лексики*.

Практически во всех работах до настоящего времени эта категория слов рассматривается только в составе языка нации**. В связи с растущим интересом к человеческому фактору в языке все более актуальным становится утверждение Т.Г. Винокур: "Языковое движение одушевляется исследователями как бы без учета метафоричности положений типа "Язык пополняет свой состав…", "Язык отбирает средства для номинации…" и т.п. То есть традиционная лингвистика слабо учитывает тот факт, что язык изменяют люди, и только люди" [Винокур, 1989: 363].

Обогащение словарного запаса В.П. происходило на протяжении всей жизни информанта. Так, в 20-е гг. были освоены слова *сельсовет, коммуна, выбора',* в 30-е – *трактор, конба'йн, колхоз, дисциплина, фирма* "ферма", *по линии НКВД, автобус,* в 40-е – *стройбат, майор, фронтовик, вакуи'рованный* "эвакуированный", в 50-е – *транв'ай, мичуринский,* в 60-е – *телеви'зер, совхоз, синтетика,* в 70-е – *дефицит, бройлер, химчистка, пенал* и *стенка* "виды мебели", в 80-е – *формовка* "вид шапки", *фазенда* "земельный участок", *перестройка,* в 90-е – *амалине'з* "майонез", *лектро'нный* "электронный", *бутебро'дный* "бутербродный", *ваучер, аренда* и др. Примерная датировка произведена с учетом: а) экстралингвистических сведений о новизне реалии, обозначемой данным словом; б) показаний словарей; в) показаний метаязыкового сознания информанта.

Время появления новых слов в лексиконе личности при этом далеко не всегда совпадает с моментом их вхождения в узус. Временной разрыв объясняется в первую очередь условиями жизни деревни, в которой многие реалии или представления о них появляются позднее, чем в городе (телефон, такси, бассейн и др.) или в стране. Например, слово *хурма* освоено информантом лишь в 1994 г., хотя даже в словаре под ред. Д.Н. Ушакова помета "новое" при нем отсутствует.

---

* Оба значения термина "неологизм" используются в лингвистической литературе [см: Лингвистический энциклопедический словарь, 1990: 331].

** Некоторые наблюдения над новыми словами в лексиконе А.Г. Горшковой имеются в статье В.А. Малышевой [1998а].

http://www.lib.tsu.ru

В **тематическом отношении** новые слова разнообразны.

1. Наиболее разветвленным и объемным является поле "медицина", включающее названия лекарств *(аллохол, бесалол, дибазол, нальги'н* "анальгин", *ношпа, стрептоцидная эмульсия, стеклови'дно тело, тетрациклин)*, болезней и болезненных состояний *(алкоголизм, гриб* "грипп", *инфаркт сердца, ирги'я* "аллергия", *мастит, травма, энцефалит)*, медицинской техники (*ампула/а'нпула, аппарат (И)лизарова, пистолет* "аппарат для удаления зубов", *система, стерильные материалы, укол* "шприц"), процедур *(блокада, кардирогра'мма, массажи'ровать, медосмотр, облучать, стеризова'ть* "стерилизовать", *ретге'н)*, медицинских и социально-медицинских учреждений *(дом инвалидов, синато'рий/синато'рия, поликлиника, профилакторий)*, органов человека *(глазно' дно, нервная система, тара'нна кость, ягодица)*, врачебных специализаций *(нервопато'лог/нервнопато'лог)* и др.

2. Другая крупная группа новых слов связана с полем "работа". В основном это названия лиц по роду занятий, должности *(а'гент, буга'хтер, ветврач, зоотехник, журналист, инженер-плановик, космонавт, ле'ктрик/электрик, оператор, прораб, секлета'рь, спортсмен, фермер)* и названия учреждений и предприятий *(ателье, ба'нок* "банк", *военкомат, КБО* "комбинат бытового обслуживания", *лаболато'рия, ниститу'т* "институт", *райлесхоз, химкомбинат).*

3. Бытовая лексика составляет наиболее разнообразные и дробные группы: названия бытовой техники, приборов, механизмов и их частей *(антенна, батарейка, вентилятор, газ, калорифер, магнитофон, розетка/ризе'тка, стабилизатор, стиральная машина, телефон, электроплита)*, названия транспортных средств *(автобус, ве'лик, "камаз", маршрутка, молоковоз, "москвич", "рафик", самолёт, троле'бус)*, инструментов и сельскохозяйственных механизмов *(бульдозерная лопата, грейфер, кир, конба'йн/конба'йна, маркёр, циркулярка)*, видов пищи *(битебро'д* "бутерброд", *витаминный* "с большим количеством витаминов", *вармише'ль, газировка, геркулёс, дэже'м/жем* "джем", *комбинжир, чавыча)*, тканей и материалов *(болоневый, ДВП, жа'мша* "замша", *капроновый, лизоле'нта* "изолента", *нержавейка, плёнка* "полиэтилен", *селофа'новый* "целлофановый", *шлакоблочный)*, одежды и обуви *(дублёнка, же'нпер* "джемпер", *колготки, кроссовки, пуховик, танкетки, формовка, штормовка)*, мебели *(гарнитур, журнальный столик, мягкая мебель, пенал, стенка, сервант, триля'ж* "трильяж", *"чебурашка")*, различных предметов быта *(баллончик, палфо'н* "плафон", *плед, стеклоочиститель, термос, шланг).*

http://www.lib.tsu.ru

4. Довольно активно лексикон пополняется отвлеченными словами, заполняющими лакуны в словарном составе традиционного говора: названиями отвлеченных понятий, признаков и действий *(абсолютно, дефект, вторичный, естественный, жертва, конбини'рованный* "комбинированный", *конфликт, кризис, курсировать, момент, морально, недоброкачественный, обеспечить, промле'ма* "проблема", *расследование, сигити'ровать* "сагитировать", *скоропостижно, смертность, трагически, фактически, эксплуатировать),* обозначениями новых общественно-политических и экономических понятий *(ваучер, глюнита'рная по'мочь* "гуманитарная помощь", *дотация, кандидатура, сплошна(я) коллективизация, ле'нда/ре'нда* "аренда", *перестройка, президент, притеризи'ровать* "приватизировать", *самоокупаемость, сессия, социальный работник, фермер).*

Кроме того, в составе новых слов можно выделить тематические группы:

– "преступность": *амни'сия* "амнистия", *возбуждать дело, наркоман, наркомания, преступник, расследование, судебные издержки;*

– "обучение": *доцент, заочно, кандидат высших наук, очно, продлёнка, практика, преподаватель, техникум, факультет;*

– "культурные растения и их сорта": *"адеа'л", "адрэ'са", берли'нка* "сорта картофеля", *"новинка"* "сорт огурцов", *маргари'ты* "маргаритки", *шафраны;*

– "деньги, ценные бумаги и выплаты": *доллар, дотация, лиме'нты* "алименты", *лимон* "миллион", *пенсия/п'ензия, стипендия, чек;*

– "документы": *автогра'фия* "автобиография", *диплом, корочки* "удостоверение";

– "праздники": *Восьмое марта, День Красной Армии, День Конституции, День сельского хозяйства, Октя'брьска* "7 Ноября", *День престарелых;*

– "помещения": *вестиби'ль* "вестибюль", *зал, кормоцех, кухня, нардом* "клуб", *хрущовский* (о квартире);

– обозначения человека по различным признакам (кроме рода занятий): *алкоголик, антеллиге'нтный* "интеллигентный", *вакуи'рованный* "эвакуированный", *двоюродный, папа, ударница;*

– "названия земельных участков": *мичуринский, фазенда*;

http://www.lib.tsu.ru

– "удобрения и корма": *калийная соль, комбикорм, навоз, гринюри'рованный* "гранулированный";

– "термины точных и естественных наук": *киловатт, математика, процент, физика, энергия* "электричество", *почва, прогноз погоды;*

– "искусство, культура": *барели'на* "балерина", *кино, клуб, концерт;*

– фразеологические обороты: *всю дорогу* "постоянно", *не в курсе дела, играть роль, сбиться с правильного пути.*

Данная классификация, как и всякое деление слов по тематическим группам, весьма условна: часть единиц может быть отнесена как к одной, так и к другой группе; возможно выделение более широких и более узких объединений. Однако она ярко отражает ядро и периферию в процессе пополнения лексикона языковой личности неологизмами. Наиболее обширными являются поля "медицина", "работа" и "быт"; каждое из них включает более ста единиц. Развитость данных полей обусловлена в первую очередь их коммуникативной значимостью. Обилие медицинской терминологии объясняется также пожилым возрастом информанта и длительным пребыванием в больнице, во время которого были усвоены многие термины, в том числе узкоспециальные. С уровнем образования и культуры личности связано минимальное количество слов из сферы науки и искусства.

Хотя все приведенные слова не являются для говора исконными и были освоены информантом в течение жизни как новые, к истинным неологизмам можно отнести лишь часть из них. Многие единицы уже не воспринимаются в качестве новых; часть из них перешла в разряд устаревших *(коллективизация, колхоз, молока'нка* "пункт приема и продажи молока", *путч)* и др. К неологизмам в узком смысле слова, очевидно, относятся лексемы, появившиеся в 80–90-е гг. Неологизмы двух последних десятилетий довольно многочисленны. Несмотря на пожилой возраст, диалектоноситель активно усваивает новые слова. Лексика, пополняющая словарный запас личности в настоящее время, сохраняет основное распределение новых слов по тематическим группам, свойственное информанту вообще.

Большинство новых лексем – имена существительные; доля глаголов, прилагательных и наречий незначительна. Конкретная лексика преобладает над абстрактной.

http://www.lib.tsu.ru

Источниками пополнения лексикона диалектной личности служат иные формы национального языка – литературный язык и городское просторечие, а также ее родной говор, в котором новые слова появляются в процессе его саморазвития.

Подавляющее большинство новых слов в лексиконе В.П. имеют литературное происхождение. Среди них собственно русские образования *(МТС, плёнка, продлёнка, заочно, формовка…*) и очень весомая доля иноязычных заимствований *(сэлофан* "целлофан", *ветеран, трафарет, энергия…).* Многие лексемы имеют явно книжную стилистическую окрашенность *(рекомендовать, осадки, предоставлять, почва, продовольствие…).* Некоторые иноязычные слова, широко известные в литературном языке, не прививаются, поскольку в говоре есть их исконно русские дублеты – вероятно, более старые, традиционные для диалекта *(толчёнка* "пюре", *дрожжа'лка* "желе", *землянички* "примула"). Иногда новое иностранное слово заменяется обозначением родового понятия (*аппарат* вместо *тонометр*, *печенье* вместо *крекер*) или описательной неоднословной характеристикой *(давленье мерить* вместо *тонометр*, *мух травить*, *мух травя't которым* вместо *дихлофос в аэрозольной упаковке).* Но, как правило, новая литературная единица усваивается и формально, и семантически. Одни из таких заимствований употребляются в полном соответствии с литературной нормой (это в основном касается слов с конкретным значением, не имеющих труднопроизносимых сочетаний звуков: *витамины, мохеровый, парафин, президент, талон, этаж* и т.п.), другие осваиваются медленно и неполно.

Чаще имеет место неполное **освоение формы** новых единиц. Фонетическая освоенность определяется не столько временем вхождения слова в лексикон личности (ряд заимствований 20–30-х гг. сохраняются в модифицированном виде, тогда как среди более поздних неологизмов есть и точно воспроизводимые), сколько характером сочетаемости звуков в соответствии с фонетическими законами говора. Неполная освоенность слова нередко фиксируется метаязыковым сознанием информанта. Её текстовыми показателями являются запинки при произношении, неуверенное выговаривание, смешок при осознании искажения, употребление в высказывании лексических маркеров *ли как ли <его там>, ли какой ли <там>, ли кто, ли кто ли, или как, как их называют?, как его правильно говорят?* и т.п.:

Тоже дочка у ей гра'мотна, она преподаёт, только у ей таки' – как их называют? – стеби'льны, ли каки' ли? дураки, в обшем; Таня увидела и приносит мне – как его называют? Де… демантии'н ли как ли. Двери-то оббивают; Как её называют? Пласт-

пена, ли кто? вот это – Володя привёз… на поплавки; Ну она это… биво'лог или как… било'лог; А ей врачи сказали, у ей эти гиглоби'ны-то, я их называю неправильно, не могу я выговорить… Как их правильно? А это, у ей чё-то шибко мало было; У меня есь мале'нько бутебро'дно [масло]. Как его правильно говорят?; Диабет у ей, шибко много… Как их называют-то? ги'глов!… [смеется].

У слов с иноязычными корнями в процессе освоения наблюдается в отдельных случаях смена места ударения (*пре'дмет, медика'менты, шо'фер*). Возможно изменение грамматических характеристик – родовой принадлежности *(синато'рия,* ж., *линолеум,* ж.*)*, падежных флексий *(без осадок* вместо *без осадков)*, отступление от литературных норм сочетаемости *(А она какой-то там… научный человек, тоже; А она вот упивала те раза-то, а у ей чё-то тоже инфаркт схватил её).* Как у иностранных, так и у русских лексем с отвлеченным значением или явно книжной стилистической окрашенностью отмечено сужение сочетаемости до уровня клишированных оборотов *(лишить материнства, просту'дно состояние, читать мораль, кратковременные осадки, по назначению врача, на ваше усмотрение* и др.*).*

При формальном освоении неоднословных наименований они могут сокращаться до однословных *(машина* "стиральная машина"). В книжных фразеологических оборотах заменяются или опускаются отдельные компоненты *(сбиться с правильного пути/ пойти не по правильной пути/ пойти по плохой пути/ пойти не по пути,* ср. литературное *сбиться с истинного пути).*

Характер **освоения семантики** нового слова зависит прежде всего от того, насколько точны представления личности о новой реалии или явлении. Крайне редки случаи, когда информант употребляет слово, не имея понятия о сущности денотата: *Там сменяли. Ну хоро'ша, гыт, квартира была. Она каки'-то… хрушшо'вски двери, хрушшо'вски квартиры, а каки', я не знаю. Плохи' они, наверно? Ну и она говорит это, сменяла она. "Ой, ешо хрушшо'вска эта, давно'шна!"; Он, видно, запсиховал, она его рано разбудила, он психану'л, и не прогрел машину ничё, и так оставил на чем её там, на э'тем, как её… Не выключил он этот, и погрел мале'нько, не погрел – поехал. [Вспомнила:] На подсосе оставил и поехал так. ~ На подсосе, гыт, была она у него, ну, не прогрета-то, а какой [подсос], я ничё не знаю, токо слыхала так.* Отклонения в семантике у слов, пришедших из литературного языка, значительно более редки, чем изменения их формальной оболочки. Возможно развитие многозначности *(стройбат* "строительный батальон" – "солдат строительного батальона": *В войну в стройбате был; У её от Фёдора*

http://www.lib.tsu.ru

было, потом от этого, от стройбату-то была девочка, Люда) или изменение значения (при этом первичное значение утрачивается): *атрофированный* "импотент" *(Ну а он-то больной. Он же атрофированный); привилегия* "излишество, баловство" *(Да не надо мне, Гутя, они всё равно добудут [рыбу]. А не добудут, дак чё? Ведь это только так, привилегия, что "охота". Мало бы чё охота); афиша* "листовка" *([Глядя на листовку с предвыборной агитацией:] А второй от эти разослали, афиши, а там ешо третий какой-то… дык за всех ра'зе будешь голосовать?); первобытно* "примитивно, отстало" *(Гардеробчик отташшу. Докэ'дова я белила, они стали белить всё. Ишь, первобытно живу-то).* В результате изменения семантики вероятны случаи паронимических замен: *А я не знаю, как она будет. Просто механически* (вместо *автоматически*) *так, наверно, исчезнет и всё [об умершей, не выписанной из дома].* Модификации семантики литературного слова, в отличие от формальных преобразований, метаязыковым сознанием диалектоносителя не фиксируются.

Заимствование в говор лексики из городского просторечия наблюдается значительно реже, чем усвоение литературных слов: *блат* "знакомства, связи, используемые в личных целях", *ве'лик* "велосипед", *всю дорогу* "постоянно", *дружить* "встречаться (о влюбленных или симпатизирующих друг другу юноше и девушке)", *калым* "побочная работа", *калымить* "выполнять побочную работу, дающую дополнительный заработок", *папка* "отец", *психану'ть* "вспылить, занервничать", *свистнуть* "украсть". Просторечные неологизмы обычно осваиваются по форме и семантике полностью, но часть их остается только в пассивном словаре личности как фрагменты чужих лексиконов: *заколебать* "сильно надоесть", *капитальный* "отличный, замечательный", *заткнуться* "замолчать".

Отметим некоторые особенности **функционирования** новых слов из иных языковых подсистем.

Лексика, которая осознается информантом как книжная по происхождению, часто используется в иронических, шутливых контекстах*: [Коту, ирон:] Чё, Вася, маловато вам питанья? Больше не поступит вам. Хватит; [Гости помогают по хозяйству. В.П. смущенно и шутливо:] Сижу, эксплуатирую чужой труд; А ты, Катя, как поедешь, ты мне банку [шутл.] предоставишь. Ладно?; Муж-то меня же бросил, Катя сказывала, поди? Рассказывала? всю автогра'фию сказывала? [смеется]*[*].

[*] Ср. у носителей литературного языка в тех же стилистических целях применение диалектных или просторечных элементов [Язык и личность, 1989: 60, 156].

http://www.lib.tsu.ru

Возможно разграничение в употреблении нового и традиционного для личности слова в зависимости от темы и ситуации общения. Так, *рекомендовать* используется, как правило, если речь идет о врачебных предписаниях, лечении *(Пихто'во масло, это мне уж… Ногу [мазать]. Мне Нина Васильевна рекомендовала; А она гыт, это: рекомендуют, по стопочке можно упива'ть, кагору)*, в других случаях употребителен глагол *советовать (Да ты так, Лексе'й, знашь, я тебе не советовала бы пить)*; в бытовом разговоре обычно встречается диалектное *хо'лки (Она-то уж сильно по'лна, холки так и заворотились, ну, кверьху поднялись)*, в рассказе об уколах появляется литературное *ягодицы (Взяла да укол мне поставила, в ягодицу)*. *Папа* и *папка* применяются при обращении к детям и молодежи (причем первое – в беседе с носителями литературного языка, второе – с местными жителями), а *тятя* – для обозначения своего отца. Ср.: *А у вас папа был на фронте? [с собирателем]; "Ты пойдём, – говорю, – а то папа придёт, я нажалуюсь папе и маме расскажу всё" [с городским ребенком]; По вас дядя Коля приехал? А папка де? [с местным ребенком]; Тятя у нас помер, я говорю: "Кому помыть?"*

Заимствование из других форм национального языка осуществляется прежде всего через устные бытовые контакты с родственниками и знакомыми, в разной степени владеющими литературной нормой, молодыми или средних лет. Проводником новых слов является также радио, передачи которого информант слушает постоянно (телевизор смотрит эпизодически, книг не читает совсем, газет почти не читает). Такая лексика употребляется преимущественно при пересказе радиопередач: *Вот по радио передали… девочку трёх ли, четырёх лет… уташшыл там фулюга'н… Ну, "преступник был задержанный"; Передавали сёдня без осадок, а какой-то тоскливый день сёдня; Не депутат, а кто-то, не знаю, корреспондент, ли кто ли выступал по радио; А он его стре'лил, хотел по ногам, да убил тоже. И вот по радио передавали, и гово… если бы… Ну, "дело идёт… расследование… идёт расследование"; Передавали, пять в воздухе. В Томске передали, не по области, а в Томске. На почве заморозки, а в воздухе минус пять.*

Новообразований, возникших в самом диалекте, немного. Это в основном метонимические ЛСВ от уже бытовавших в говоре слов: *изба* "жилое помещение, в том числе благоустроенная квартира" *(Надо же, собаку купили! И зачем она вам, в избе, главно?)*, *укол* "шприц" *(Уколы пятнадцать рублей однора'зовы)*, *музыка* "магнитофон" *(Сергею музыку надо. Вот ишь какой рассудок: картошки продать, и музыку купить)*[*].

[*] Ср. также лексико-семантические образования от литературных заимствований: *первобытно, привилегия, афиша* и др.

http://www.lib.tsu.ru

Новых слов, образованных другими способами, мало: *газпечка* и *газплита* "газовая плита", *берли'нка* "сорт картофеля", *ломо'к* "лубок, твердая накладка в повязке при переломе", *молока'нка* "пункт приема и продажи молока", *молока'нщица* "работница молоканки", *сблатова'ть* "смошенничать", *прошлого'д* "в прошлом году".

К собственно диалектным явлениям можно отнести образование новых устойчивых словосочетаний на базе литературных единиц (*инфаркт сердца* "инфаркт", *кружение головы* "головокружение", *биение сердца* "сердцебиение", *кандидат высших наук* "кандидат наук") и обратный процесс упрощения литературных словосочетаний до однословного наименования за счет эллипсиса прилагательного (*камера* "морозильная камера") или утраты существительного с субстантивацией прилагательного (*мочевой* "мочевой пузырь", *поджелу'дошны* "поджелудочная железа").

Итак, новые слова составляют большую, постоянно пополняющуюся группу в лексиконе личности, обогащая ее словарный запас на протяжении всей жизни.

В составе новой лексики преобладают семантические поля "медицина", "работа" и "быт"; активно пополняется лексикон диалектоносителя словами с отвлеченной семантикой. Незначительно число новых единиц из сферы науки и искусства.

Источником пополнения лексикона диалектоносителя являются литературный язык, городское просторечие и его исконный говор. Среди новых слов преобладают заимствования из литературного языка, осваиваемые в фонетическом, семантическом, грамматическом и стилистическом плане.

Новые слова заполняют лакуны в обозначении новых понятий, обогащают стилистические возможности говора либо занимают место устаревших синонимов (об этом см. ниже, с. 58).

А р х а и ч е с к а я л е к с и к а

Архаическая лексика в идиолекте (под которой подразумеваются устаревшие и устаревающие слова в лексиконе ЯЛ) до настоящего времени не была объектом лингвистического анализа.

Выделение пласта архаизмов представляет определенные сложности. Следует отметить, что многие слова, уже не употребительные в речи младшего и среднего

http://www.lib.tsu.ru

поколения вершининцев, для нашего информанта таковыми не являются и входят в активный словарный запас. Это большая группа названий старых праздников и постов (*Нико'ла, оспожи'нки, ра'довница, Со'роки святы', устре'тенье, фили'ппповки* и т.п.), а также лексемы *тятя* "отец", *охлю'иха* "неряха", *ощеле'ть* "сойти с ума" и др.

Процесс утраты слов из лексикона протекает более скрыто, чем процесс обогащения его неологизмами, и имеет меньше лингвистических показателей устаревания лексики. Помимо выхода из употребления самой реалии или понятия, обозначаемого данным словом, прямо или косвенно на переход в пассив указывают преимущественная сфера его бытования (воспоминания) в естественных текстах, а также показания метаязыкового сознания в метатекстах, где обычно сопоставляется новый дублет с устаревшим *(Счас же "спички" зовут, а раньше "серя'нки")*. Другие показатели – затруднения при воспроизведении, забывание, модификация звуковой оболочки некогда активно употреблявшегося слова – в речи присутствуют редко: *[Рассказывает о крещении ребенка:] Надо же купа'льницу везти, как её называют? Макали туды'. Кум и кума. [Вспомнила слово:] Купель ставят, три свецьки; [О леднике на деревенском кладбище:] Как заходишь туды', так направо домик этот стоял, холодильник называли, холод… холодни'к. Холодни'к.*

Тематические группы архаической лексики в лексиконе диалектоносителя весьма многообразны. Самыми крупными из них (до 20–30 единиц каждая) являются:

1. Термины промыслов, занятий и ремесел, утративших свою актуальность для села – обозначения, связанные с обработкой почвы, сенокошением, заготовкой дров до использования современной техники, кедровым и ямским промыслом: *байдо'н* и *колотушка* "приспособления для сбивания шишек", *гоньбу' гонять* "перевозить пассажиров, почту, товары", *волоку'ша* "приспособление для перевозки сена", *зало'г* "поле, полученное после вырубки леса и корчевания пней") и, в особенности, терминология обработки льна и ткачества (*бердо', притужа'льник, це'вка* "части ткацкого станка", *золи'ть* "парить в воде со щелочью", *па'смо* "единица измерения пряжи", *па'чесать* "вторично чесать лен").

2. Названия предметов быта:

– одежды: *чирки', кали'ги* "виды обуви", *ченба'ры* "широкие шаровары", *гага'тки* "бусы", *пелени'шник* "приспособление для пеленания младенцев";

http://www.lib.tsu.ru

– хозяйственной утвари: *ска'лка* и *валёк* "приспособления для глажения белья", *ла'дка, корча'га* "виды посуды", *казёнка* "лавка у печи";

– пищи: *голова* "крупный кусок сахара", *ро'занцы* "печенье хворост";

– тканей: *товар* "материал", *кашемир, азя'мина* "виды тканей";

– средств передвижения: *дорме'з, дроги, одёр* "виды телег", *па'узок* "лодка".

3. Лексика, связанная с духовной культурой прошлого:

– обрядовая: *прида'нщики, поддру'жье, бояры* "участники свадебного обряда", *обзада'читься, баслови'ть* "элементы свадебного обряда";

– названия игр и развлечений: *разлуки, огоньки, чижики* "виды игр", *шапочка, подго'рна* "виды танцев", *вечёрка* "вечеринка";

– лексика верований – христианская (*ака'фист, херуи'м* "херувим", *купель*) и языческая (*дедушка-сусе'душка, сусе'дка, болу'дница* "нечистая сила");

– формулы речевого этикета: *спорина' тебе в тесто, спорина' тебе в пряжу, море под кормилицей, беле'нько тебе в корыте* "пожелания при стряпне, ткачестве, дойке, стирке".

4. Обозначения человека по различным признакам: *сага'й* "высокий человек", *саранча'* "дети", *пролу'бщик* "тот, кто следит за прорубью", *ча'калки* "прозвище коренных вершининцев", *садо'вски, горёвски, го'рошны* "названия жителей Вершинино по частям села".

5. Названия помещений: *винопо'лка* "винный магазин", *молока'нка* "пункт скупки и продажи молока", *нардо'м* "клуб", *горница, кабак, изба* "кухня".

Более малочисленны группы "названия учреждений" *(МТС, КБО, машинтоварищество, госторгфонд),* общественно-политических явлений (*колтивиза'ция* "коллективизация", *перестройка, путч*), видов земельных наделов (*пай, одноду'шка, двухдушка, трёхдушка),* диалектных топонимов (*Горка, Горёвка, Садо'ва улица, Тата'ры*), мер счета (*аршин, фунт*), цветовых обозначений (*поднебесный, огоньковый*) и абстрактных понятий (*лони'сь* "в прошлом году", *лони'шный* "прошлогодний"). Прочие группы представлены единичными словами.

http://www.lib.tsu.ru

В **грамматическом отношении** большинство архаичных слов – имена существительные. Количество глаголов, прилагательных и наречий незначительно. Устаревает обычно вся лексема в целом; случаи выхода из употребления отдельных ЛСВ редки (*изба* – ранее "кухня, часть дома, где готовят", сейчас – "дом, помещение для жилья").

В отличие от неологизмов, среди архаических элементов высока **доля собственно диалектных**. Из слов, свойственных традиционному говору начала XX в. (1910–20-е гг., совпадающие с детскими годами жизни информанта), только одна небольшая группа лексики христианства не относится к локально ограниченной. Литературное происхождение имеет главным образом архаизированная лексика, первоначально вошедшая в говор (и, соответственно, в язык личности) в послереволюционный период как новая.

Процесс перехода неологизмов в класс устаревающих слов связан со сменой общественных условий жизни, уходом в прошлое каких-либо исторических событий, с исчезновением ряда понятий, учреждений, должностей и т.п. (*колтивиза'ция, ударница, МТС, нардо'м, бригадир* и т.п.). Единственное диалектное слово, в 80-е гг. являвшееся новым, а ныне устаревшее – *молока'нка*.

Рассмотренная лексика находится на разных **стадиях архаизации**. В лексиконе В.П. можно выделить:

а) слова устаревшие, в непринужденной речи никогда не встречающиеся. Они выявляются только при контакте с собирателем в результате опроса. Таковы, например, старые этикетные формулы, терминология обработки льна, прядения и ткачества, названия повозок;

б) слова устаревающие, которые воспроизводятся не только при опросе, но и в живой речи. К ним относится большая часть бытовой лексики и названия помещений.

Граница между этими двумя подгруппами нечеткая, и в большинстве тематических групп есть как устаревающие, так и устаревшие слова.

На периферии лексикона находятся **фрагменты лексиконов родителей информанта**. С их влиянием (особенно со стороны матери) в метаязыковом сознании В.П. связывается лексика язычества, а также некоторые другие слова (*серя'нки* "спички", *сары'нь, сары'нишки* "дети"). Они воспроизводятся только при имитации материнской

http://www.lib.tsu.ru

речи: *Ну, мама-то всё "сары'нь" звала: "Сары'нишки! Айда'те ись!"; "Куды', сары'нишки, девали? Ножик поскрёбный не видали?"*

Устаревшая лексика верований употребляется диалектоносителем преимущественно в составе прецедентных текстов, в которых семантика архаичных слов перестает отчетливо осознаваться. Так, неясно представляется значение словосочетания *дедушка-сусе'душка* "домовой" в обрядовом тексте, которому учила мать, посылая детей поставить в стайку горшок с кашей: *"Дедушка-сусе'душка, попо'й мою скотинушку, пона'стовай нас"*. Десемантизировано выражение *раб рамён* в молитве "Сон святой Богородицы": *"Кто эту молитву знает, тот по' три раза в день читает, тот раб, рамён, от огня, от пламя, от воды, от потопа, от зла лиха' человека. Аминь". [Что значит "раб рамён"?] Ну, раб. Раб, рамён.*

Часть архаизированных слов получает вторую жизнь в системе образных средств информанта, реализуясь в составе сравнений, метафор, шутливо-иронических употреблений. В сравнениях используются архаизмы *болу'дница* и *сусе'дка*: *Воло'сья седы' да стра'шны да. Хожу как болу'дница. [Это нечистая сила?] Ну конечно, чё-то тако'. Худо' чё-то. [Мать говорила:] "Болу'дница. Заплети хоть расчеши голову-то, как болу'дница!" А кака' болу'дница, я не знаю.* Древняя семантика слова стирается (ср. в "Словаре русских народных говоров": *полу'дница* "дух, спутывающий колосья в поле"), слово употребляется как бы по запомнившемуся образцу, по сути, приобретая статус новой фразеологической единицы: *как болу'дница* "непричесанная". Аналогичным образом используется выражение *как сусе'дка*: *А потом встану, воло'сья большу'чи, я завезу' от так руки [запускает пальцы в волосы] – вот я помню! – "Зазуди'лась тут-ка! [говорит отец]. Как суседка разлохматилась"* (отметим, что и в этом случае имитируется речь одного из родителей). В образном сравнении зафиксировано и устаревшее слово *чи'сменки* "три нитки в мотке на мотовиле, старая единица измерения пряжи": *Маруся умерла, эти уехали. Останемся чи'сменками [одинокие старухи]: Настасья Ивановна, Калашникова [и я].* Метафорический перенос отмечен у термина *сдверя'живать* "сдваивать, ссучивать вдвое": *Он и давай её сдверяживать. Давай лупить да гонять.* В шутливом контексте встречается слово *винопо'лка* "винный магазин": *[Составляя бутылки в буфет:] Винополка открылась.*

Некоторые устаревшие единицы, сами переходя в пассивный запас информанта, активно используются в составе пословиц и поговорок. Так, неуместная, запоздалая

http://www.lib.tsu.ru

похвальба неодобрительно комментируется *"После свадьбы все ты'сяцки"*, тогда как слово *тысяцкий* "главный распорядитель на свадьбе" устарело.

Большинство выходящих из употребления слов у В.П. связано с исчезновением реалий, которые они обозначали. Их включение в текст либо не комментируется, либо поясняется по просьбе собирателя через подробное описание денотата: *Ну вот ла'дочки были. В печку в их картошку ставили. Они как чашка бы… гли'няна. Ну она просто чашка, только чашка разли'виста, а е'та така'.*

Часть устаревающих лексем вытесняется новыми синонимами. Под воздействием литературного языка и городского просторечия они постепенно исчезают из диалекта.

Итак, пласт архаической лексики у В.П. (в силу ее возраста и принадлежности к архаическому типу говора) более узок, чем у представителей среднего и младшего поколения вершининцев. В составе терминов местных промыслов, занятий и ремесел полом информанта определяется преобладание "женских" терминов обработки льна и ткачества.

Архаическая лексика данной ЯЛ является преимущественно диалектной и отражает материальную и духовную культуру говора.

В группе архаизмов выделяются устаревшие и устаревающие (на разных стадиях этого процесса) лексические единицы.

В устаревших словах наблюдаются процессы десемантизации, а также вовлечения их в сферу активного использования в составе прецедентных текстов, фразеологизмов, образных сравнений и шутливо-иронических употреблений.

Устаревающая и новая лексика тесно связаны между собой в лексиконе информанта.

Часть новых слов, обогативших в процессе жизни диалектоносителя его лексикон, к настоящему времени перешла в разряд устаревших: *госторгфо'нд, КБО, колхоз, колхозница, колтивиза'ция, ликбез, машинтоварищество, молока'нка, молока'нщица, МТС, нардом, перестройка, путч, точка* "МТС".

Замену старого слова на новое отражают как естественные тексты, так и метатексты. Живая непринужденная речь фиксирует начальную стадию замены одного слова другим – параллельное их употребление: *Красивый товар; Половики ткали, и мешки, и даже*

http://www.lib.tsu.ru

носили – не было тода' матерьяла; На платье товар, матерьял; Там видела, соседи привезли сколько навозу?; Он от Вали назём привёз; Назёму нет, надо навоз привезти кра'йно.

Показания метаязыкового сознания – комментарии по собственной инициативе при общении с носителями литературного языка – иллюстрируют окончательное вытеснение устаревшей единицы в пассивный словарный запас. Отмечается устаревание отдельных формальных вариантов *(А вот это бува'т, как по Писанию – Стре'тенье. А мы раньше звали "Устре'тенье". Это раньше мы звали. Второго февраля. Зима с летом встретится. А счас по Писанию в календаре – Стре'тенье; Дак она всё пускала вечеринки, посиде'нки эти, сидели-то мы. "Посиделки" зовут так-то, а раньше "посиде'нки" называли)*, в основном же осознается замена на новый абсолютный синоним: *Лонча'к – это жеребёнок годовик. Как лони'шный. Это было прошлого'д, а раньше говорили "лони'сь"; Кода уж стали ве'ликами-то звать после, а то "самока'тка". "Ой, на самока'тке проехал". У Степана тоже был ве'лик. Ну ве'лик-то вот этот, самока'ткой звали. Ну мы-то уж не звали… [Это одно и то же?] Ну конечно. Как щас зал, а раньше горница; А это "гузка" называтся. Ну как вроде бы раньше, так "жопка" называли [нижнюю часть прялки], а по-культурному-то "гузка", мале'нько повежливей.*

Кроме вышеперечисленных, к дублетным заменам в лексиконе информанта относятся также *мотыга → тяпка, рукотёрник → полотенце, играть (с кем), дра'знить (кем) → дружить (с кем)* "о симпатизирующих друг другу юноше и девушке", *изба → кухня, сары'нь, саранча → ребятишки, поднебесный → голубой, огонько'вый → оранжевый.*

По частеречной принадлежности классы архаических и новых слов в лексиконе информанта практически совпадают, по составу тематических групп находятся в отношении наложения. Общими являются группы, связанные с бытом ("хозяйственная утварь", "одежда", "пища", "ткани", "средства передвижения", "сельскохозяйственные механизмы", "помещения") и обозначающие человека. С вытеснением одних реалий другими на смену им приходят и называющие их единицы.

Вся терминология промыслов уходит в прошлое безвозвратно. Утрачивается говором и лексика, связанная с традиционной нематериальной культурой: разветвленное, обширное семантические поле, связанное с обрядами, верованиями, речевым этикетом прошлого сменяется весьма немногочисленной группой неологизмов из области

http://www.lib.tsu.ru

современной культуры. В тематических группах "медицина", "отвлеченная лексика", "культурные растения", "обучение", "преступность" архаических элементов практически нет, почти все слова являются новыми.

Поля "работа", "общественно-политическая и экономическая лексика" демонстрируют процесс устаревания бывших неологизмов, связанный со сменой идеологических установок.

Класс новых слов представляет собой открытую систему, постоянно вбирающую новые единицы; архаическая лексика – замкнутую, значительно меньшую в количественном отношении, пополняющуюся в языке личности единичными элементами.

Лексика чужой речи

Лексика чужой речи (далее – ЧР) как важная составляющая пассивного словарного запаса говорящего практически не изучена. Хотя установлено, что ЧР широко распространена и в разговорном языке, и в художественной прозе (по подсчетам Г.М. Чумакова [1977: 4], в литературе 60-х гг. XIX в. ее доля составляет 64,8%), исследовано это явление в основном с синтаксических позиций. Лексика рассматривается в таких работах лишь как способ введения конструкций с чужой речью. В синтаксическом аспекте начато ее изучение и в дискурсе В.П.: Л.Г. Гынгазовой [2000] проанализированы способы ввода информантом ЧР, соотношение воспроизведенной речи и первичных высказываний, а также авторский план ЧР.

Для исследования специфики лексикона значимы не все лексические элементы, содержащиеся в высказываниях с ЧР, а только те, которые не характерны для конкретной языковой личности.

Критерием выделения этой группы слов было употребление их только в высказываниях, содержащих цитацию ЧР; в собственно авторской речи эти лексемы никогда не используются. Выводы делались на основе двадцатилетних наблюдений над речевым поведением информанта и на базе анализа всего массива записанных от него естественных текстов. Кроме того, учитывался ряд факторов, прямо или косвенно свидетельствующих о нетипичности данной лексики для диалектоносителя: ее денотативная отнесенность, основная сфера употребления, метаязыковые указания на

http://www.lib.tsu.ru

первоисточник, из которого заимствуется слово в лексикон языковой личности; в отдельных случаях – формальные показатели неосвоенности используемой единицы.

Как правило, лексика ЧР употребляется в естественной спонтанной речи информанта: *Ну, она… на Ивана-то: "Алкаш. Алкаш". А он невзлюбил; А солдатики гыт: "Ступай домой, дед, лу'чче".*

Реже такие единицы зафиксированы в виде повторов вслед за собеседником в диалоге *(В.П. И Физа, значит, у ней это всё итошло [гнев прошел], и она, они айда' разговаривать обо'е. Ю.Н. Наорались? В.П. Наорались, ага)* или выявлены в результате вопроса диалектолога *([Говорят у вас "баско'й"?] Ну баско'й – это говорят: "О, баско'й!" Сча*с** [*] *говорят. "Баско'й, хороший, гыт, такой", баско'й, гыт, ага. Хороший. [То есть красивый?] Нет, как-то работяга такой. Живой человек).*

Эти два типа контекстов отражают разное расположение лексики ЧР на периферии словаря языковой личности: спонтанное словоупотребление единицы говорит о большей близости ее к ядерной части лексикона, спровоцированное – о максимальной удаленности элемента от центра.

Большинство контекстов содержит ссылку на **источник,** из которого заимствуется "чужая" единица. В основном это тексты радиопередач (*"по радио передавали")* или песен (*"песня така' есь"*) и речь конкретных лиц (*"солдатики", "врач", "хохлуша", "Нина Васильевна", "Мотя", "Владимир"* и т.п.).

Лексика ЧР довольно разнообразна, хотя составляет очень небольшую часть (менее 1%) словаря диалектоносителя. **По происхождению** она является преимущественно литературной и просторечной, диалектных слов значительно меньше.

В группе литературных элементов ЧР можно выделить:

а) книжную лексику высокого стиля: *"Куды', гыт, делась моя красота, кому я сердце отдала?" – так и правда. [Песня такая?] Ну; [Цитирует песню:] "У ворот стоит, в объятии цалуется с другим"; [Пересказывает радиопередачу:] Сто… сто тридцать два года женшына. "Сто тридцать втору' весну встреча'т";*

б) специальные технические термины: *На подсосе, гыт, была она у него [машина], ну, не прогрета-то, а какой [подсос], я ничё не знаю, токо слыхала так;*

[*] Полужирным курсивом в примерах отмечается эмфатическое ударение.

http://www.lib.tsu.ru

в) лексику официально-делового стиля: *Но'нче по радио передавали: двадцать семь тысяч вкладчиков… дураков [потеряли деньги]; А щас где-то самолёт разбился. ~ А он [Рейган], гыт, соболезнование выносит; Вот по радио передали… девочку трёх ли, четырёх лет… уташшыл там фулюга'н… Ну, "преступник был задержанный";*

г) обозначение реалий быта, отсутствующих в деревенской жизни и неизвестных информанту: *Там сменяли. Ну хоро'ша, гыт, квартира была. Она кака'-то… хрушшо'вски двери, хрушшо'вски квартиры, а каки', я не знаю. Плохи' они, наверно? Ну и она говорит это, сменяла она. "Ой, ешо хрушшо'вска эта, давно'шна!";*

д) наименования человека (преимущественно в обращениях): *Врач меня с ретге'на похлопал: "Вот, бабуля, молодец, перенести таку' боле'зь при таки'м возрасте"; Идёт и: "Бабулечка, дорогу'лечка! Продай мне тюльпаны!"*

Просторечие представлено главным образом именами лица, часто также в роли обращений: *"Батя, мне ложки купи деревя'нны и пришли"; Он зашёл в баню, а там тётенька. "Гражданочка, не бойтесь, хозяюшка"; А он через городьбу перелазит, через забор: "Извини, мать, извини" [обращаясь к пожилой женщине]; А теперь чё: "бабка" – мать свою родну' – "бабка". А раньше никто так не называл;* бранными именами лица: *"Маша хочет день рожденья отмечать у меня. ~ Не надо мне, алка'шки чтоб тут были!"; [Свекровь говорит сыну о невестке:] "Зашёл ко мне да наелся бы. А той кобре-то уж я не дам"; А свой мальчик, четыре годика ему было… четыре, в а'лгусте… отца зовёт "милиционер вонючий". Я говорю: дак это ра'зе можно так звать, я говорю?; А Нина Васильевна говорит: "Я тоже окрошку сделала, поели, гыт, наши охламоны" [о муже и сыновьях];* экспрессивными прилагательными и глаголами*: Я говорю: "Дак это моя племянница". – "Это капита'льна женшына!" – всё задалось мне. "Золото эта женшына, хоро'ша!"; А девчонка-то Ольге: "Вы прямо мамку там заколебали! Жила бы да и жила бы у своей матери. А чё тут-то?" А она… как она? "Заткнись!" – на её.*

Собственно диалектная лексика, употребительная в современном Вершининском говоре, но отсутствующая в активном лексиконе информанта, включает также имена лица, преимущественно бранные: *В.П. Отчаянный мальчик, шустрый, бойкий. Я прям подивилась. С. И грамотна матёнка. В.П. Чё "гра'мотна матёнка" – таки' дети; Она шла возмушшалась: "Пусь он своих вырастит арестантов, они цяс не загоняются до часу домой" [о непослушных, безнадзорных детях]; А у их запло'т упал, она выскочила, да как давай его: "Молдава'н, да бесшта'нник, такой-сякой да" [о бедном человеке, бранно];*

П.М. Ешо надо мужичка искать. В.П. А вражи'на не будет дома? ["вражиной" зовет племянника В.П. его жена]. Зафиксированы и отдельные оценочные диалектные слова: *Это говорила всё, Мотя: "Ой, красивя'ча эта Андрюшкина невеста!"; Ну, баско'й – это говорят: "О, баско'й!" Сч**а**с говорят. "Баско'й, хороший, гыт, такой, баско'й", гыт, ага. Хороший.* Другие диалектные единицы из ЧР относятся к устаревшим (см. раздел об архаической лексике, с.56).

Отмечено также несколько иноязычных слов, употребляемых при цитировании речи переселенцев с Украины: *Мы зовём "пластики" [соленой капусты], а она [украинка] "пилю'шки". Мы смеёмся, на' смех зовём "пилю'шки"; Так она зовёт – не "хоро'ше", не "га'рно" – хохлуша-то всё "га'рно" зовёт, а эта тоже как-то.*

Как явствует из приведенных выше примеров, в большинстве своем лексика ЧР представляет собой имена лица, обычно в роли обращений или бранные. Причины этого явления связаны с общим антропоцентрическим устройством лексикона языковой личности, в котором человек занимает главное место. Характер и функции этих имен лица определяются, во-первых, социолингвистическими особенностями языковой личности (ряд обращений не может быть употреблен информантом в силу его возрастного, полового или семейного статуса: *бабуля, бабуся, дедуля, дедуся* – обращения младшего к пожилому; *мать* – обращение мужчины к женщине, *дед* – обращение к пожилому мужу), во-вторых, ее представлениями о рамках речевого этикета (многие бранные единицы неприемлемы для говорящего по этическим соображениям). В то же время установка диалектоносителя на максимально точное воспроизведение высказываний с ЧР вызывает их появление в дискурсе В.П. Вершининой.

Кроме того, как элементы ЧР воспроизводятся индивидуальные особенности словоупотребления других говорящих. Среди них зафиксированы:

а) прецедентные тексты*: Раньше Марина наша говорила: "Старый долг, как но'ва находка". Всё-о говорила так!; Я говорю: "Гроб-то будете оббивать? Оббили бы". – "О'споди, при бедности да ешо нежности" – ну приду'рошна!;*

б) излюбленные выражения хорошо знакомых В.П. людей: *А он залез та'мо-ка [перекладывать печь], а я думаю: "Да наймите найм**и**те! Как перекладывать будет, дымить будет да всё". – "Не-ет, тут твою мать, сам буду!" [о брате]; Говорит, а потом ешо… "в корень", ли чё ли, мать-то [любимое выражение соседа]. Чё-то "в*

http://www.lib.tsu.ru

корень"; Катерина Васильевна всё говорила – царьствие ей небе'сно! – "умер да лежал бы уж. Умер да лежал бы". Вот тебе и лежи;

в) некоторые образные выражения, употребленные кем-либо в конкретных ситуациях: *Как Володя наш говорил, усь-я'мский: "А у меня, Вера, три мешка. Я не знаю, в который класть". ~ Валя, да Надя, да Михаил. Про детей [говорил]; Ну я утаскываю десятку, хыть дам на горю'че ему, а он: "А ты меня заправля'шь горючим, дак не берёшь? Деньги с меня?" ~ Ну, кода' подаю, кода' есь – бражонку он вы'пет тоже;*

г) индивидуальные образные номинации: *А ноги-то у ей то-оненьки таки' то'неньки, у Физы! ~ А Владимир наш её звал. "Овечка", гыт. Что ноги то'нки. Усь-я'мский. "Овечка, гыт, была"; Палку называ'т конём всё [односельчанка];*

д) словоупотребления, осознаваемые В.П. как нарушение лексических норм: *"Я рыбу сварила да, Ваня рыбу до'был, да сварили, да я так хорошо нашшерба'лась…" – так и я "нашшерба'лась". Ей надо сказать "нахлебалась", а она – "нашшерба'лась". [А "щерба" зовут уху?] Зовут. Ну так-то не говорят, что "нашшерба'лась"; Картошки – полведёрка, поди, намыла, да привезла. "Адея'льчик" ли как ли она? Нет. Как она звала, Катя? [о сорте "идеал"]; Только вот кото'ры хлеба'ть любят, дык… Физа тоже: "Мне надо всё хлёбать, мне надо всё хлёбать!" А я не люблю.*

Таким образом, лексика ЧР является одной из составляющих пассивного словаря языковой личности. У исследуемого информанта она включает в основном литературные и просторечные, реже – собственно диалектные элементы, что вполне закономерно для представителя говора.

Появление лексики ЧР в дискурсе говорящего определяется причинами как языкового порядка (отсутствием в системе диалекта книжного и официально-делового стиля, технической терминологии, установкой диалектоносителя на максимально точное воспроизведение высказываний с чужой речью, развитым метаязыковым чутьем личности, позволяющим выделить в речевом потоке нестандартные, образные слова и выражения либо отклонения от норм говора), так и внеязыкового плана (условиями жизни, социолингвистическими характеристиками языковой личности, определяющими неактуальность номинации каких-либо явлений).

Чаще всего чужая речь представлена у В.П. именами лица и экспрессивами. Примыкают к данной группе лексем единицы, отражающие индивидуальные особенности

http://www.lib.tsu.ru

словоупотребления в ЧР (излюбленные выражения, нестандартные образные номинации, случаи ненормативного употребления слов).

Данный пласт лексики формируется прежде всего при общении языковой личности с окружающими – родственниками, знакомыми, односельчанами, в меньшей степени – из радиопередач и прецедентных текстов (в основном песен). Во всех случаях путь пополнения пассивного словаря диалектоносителя – устный, через восприятие речи на слух.

О к к а з и о н а л и з м ы

К периферии словарного запаса информанта можно отнести также окказиональные элементы.

Окказионализмы имеют место в речи любого носителя языка, однако изучались они до сих пор преимущественно в языке творческих личностей – писателей. С недавнего времени начато описание окказиональных элементов в русской разговорной речи в плане исследования этой формы национального языка. Окказиональные единицы в речи конкретных рядовых носителей языка почти не анализировались; имеется их описание у диалектоносителя лишь в работе В.Д. Лютиковой [1999].

Индивидуальность ЯЛ связана с частотой появления речевых новообразований в ее текстах. Общеизвестно пристрастие к окказионализмам И. Северянина, В. Хлебникова, А. Вознесенского и некоторых других поэтов; в то же время отдельные авторы – по наблюдениям Э. Ханпиры [1972: 289], А. Ахматова, Б Пастернак, А. Твардовский и др. – избегают контекстуальных неологизмов. Вероятно, и среди рядовых носителей языка есть любители окказиональных элементов и те, кто почти не употребляет их. Доля окказионализмов в речи нашего информанта невелика; их отмечено около 30[*].

Специфика лексикона человека определяется также характером образования окказиональных элементов, преобладанием тех или иных типов окказионализмов и способов их образования.

[*] Ср.: в речи диалектоносительницы Петуховой зафиксировано более 200 новообразований [Лютикова, 1999], которые в основном являются окказиональными.

http://www.lib.tsu.ru

Хотя количество новообразований у ЯЛ незначительно, виды их в речи довольно разнообразны. В дискурсе В.П. встречаются лексические, семантические и грамматические окказионализмы с преобладанием лексических.

Появление лексических окказионализмов обычно связано с "отталкиванием" от слова-стимула в реплике собеседника или в собственной речи: *Зашли проведать меня, [ирон.:] прове'дальшыки!; [Из-за меня готовили.] Никого! Сколько гото'венья-то? "Наготовила"!* Слово-стимул, порождающее окказионализм, является чаще всего лексическим мотиватором к нему: *Како' горе. [На всю семью напало.] Угу. Напало… нападение; С. Она его ненавидит. В.П. Кто же будет навидеть-то, ты подумай сама, кто же будет навидеть-то?; В.П. Да болит у меня, болит ешо. А.М. Ну, ничё. Нормально? В.П. "Нормально"! [ирон.] Не дай бог таку' нормальнось.* Реже стимулом становится структурный мотиватор: *[Всё "дешевеет".] Всё дороже'ет; А это… жена-то у его, стра'шненьку он взял: нос так долгу'чий, прямо суды' тоже! А у самой широчу'чий да широчу'чий [шутл. о себе].* В отдельных случаях окказионализм связан с мотивирующим его словом и лексически, и структурно: *А я тоже не знаю [размер пенсии], там каки'-то добавки, там отбавки, там прибавки.* Встретился случай цепной мотивации, когда стимулом для создания первого из окказионализмов является узуальный лексический мотиватор, а для второго – окказиональное одноструктурное образование: *[Вы вслух молитесь?] Не-ет! Так от, про себя кода'. Никого! Никого. Никаки' ни вслу'хи, ни вглу'хи, никого не делаю.*

Порождение окказионализмов чаще всего связано с отталкиванием от однокорневого, а не от одноструктурного слова. Это отмечает и Э. Ханпира: "Ряд словообразовательных моделей высокой продуктивности (абсолютной продуктивности) образует слова без посредства образца… Слова образуются прямо по модели. Очевидно, это результат прочно отпечатавшегося в языковом сознании структурно-семантического каркаса" [1972: 270]. Так называемые потенциальные слова, созданные по этим моделям (вслед за В.П. Хохлачевой, В.П. Лопатиным мы включаем их в состав окказионализмов), составляют около половины всех окказиональных элементов в речи диалектоносителя. Отмечены модели: основа глагола + суффиксы -ЩИК-, -ЩИЦ- (*варе'льщик, прове'дальщик, чита'льщик, посо'бщица*), -ЕНИЈ/ЕНЈ- (*нападение, прихожденье, принесенье*), -НЈ- (*вставлянья, подбиванье*), -К- (*вставляшки*); основа наречия + -ОСТЬ (*нормальность*), основа прилагательного + -ЕТЬ (*дороже'ть*) и некоторые другие, в том числе диалектная модель "основа прилагательного + -УЧ-" (*широчу'чий*). Имеются случаи

http://www.lib.tsu.ru

редеривации (*нави'деть*), контаминации *(долготня'* "долгота дня"). Гораздо реже в качестве модели служит конкретное слово в том же контексте: *Ну жива' старушонка. С семнадцатого [года рождения]. Намного моложе. Я-то шибко ста'ренька же. [Но тоже "жива".] Плохо… плохова'. [Шутливо:] Плохова'!*

Для данной ЯЛ типично использование только русских морфем при создании окказионализмов*, преобладание аффиксального способа их образования (в виде суффиксации) при полном отсутствии новообразований ряда продуктивных словообразовательных моделей, характерных для книжного (например, сложение) или разговорного (например, усечение основы) литературного языка. Совершенно несвойственным информанту оказалось придумывание новых корней, присущее многим творческим личностям – символистам, футуристам, тому же А.А. Реформатскому.

Случаи возникновения окказиональных единиц без слова-стимула являются примерами звукоподражаний *([Передразнивает скрипящую дверь:] Уа-а-уу! Голосом ревёт)* или семантических окказионализмов, в которых "готовая" звуковая оболочка приспосабливается для сиюминутного обозначения какого-л. предмета или явления (*Так деколо'н стоит тут-ка у меня… Он тут и вся'ки… [усмехается] преподобия* (о лекарствах; окказионализм выступает в роли экспрессивной "губки" для обозначения множества предметов); *Не упала бы, стряпуха моя* (шутливо о стряпне).

Единичны грамматические новообразования, заполняющие пробелы в образовании определенных форм *("Ой, ешо унижалась перед таким говном!" – она [жена говорит о муже]. Ну не говне'й её-то*) или образующиеся по аналогии с уже имеющимися формами (*Таки' писаря', таки' грамотя', таки' чита'льшыки*).

Аналоги таких окказиональных единиц широко употребляются в художественной речи. И в литературных произведениях, и в дискурсе информанта они являются средством выразительности текста, выполняя ряд специфических функций. Окказиональные единицы используются в экспрессивной функции для создания шутливого или иронического контекста: *[Вставить бы новые.] Зубы-то? О'споди. Каки' тут вставля'шки; Анька одну тележку пособи'ла принесла, тоже, кого… [ирон.] посо'бшыца; "Поеду варить там буду Вере да". [Кто еще кому будет.] Ага. [Ирон.] Варе'льшыки!* (ср. также примеры с окказионализмами *преподобия, широчучий, стряпуха* и др.). Вместе с

* Ср.: в языковом портрете А.А. Реформатского приводятся примеры многих неологизмов, основанных на иноязычных корнях, на сочетании русских и иноязычных морфем [Опыт описания…, 1989: 149–212].

http://www.lib.tsu.ru

тем экспрессивный окказиональный элемент в паре со словом-стимулом, его провоцирующим, служит также своеобразным внутритекстовым средством связи, усиливающим его выразительные возможности: *Зашли проведать меня, [ирон.] прове'дальшыки!; [Из-за меня готовили.] Никого! Сколько гото'венья-то? "Наготовила"!; А это… жена-то у его, стра'шеньку он взял: нос так долгу'чий, прямо суды' тоже! А у самой широчу'чий да широчу'чий [шутл. о себе];* а в диалогической речи – средством поддержания речевого контакта с собеседником: *[Всё "дешевеет".] Всё дорожеет; С. Она его ненавидит. В.П. Кто же будет навидеть-то, ты подумай сама, кто же будет навидеть-то?).* Семантические окказионализмы, в том числе индивидуальные метафоры, а также окказиональные звукоподражания, повышают образный потенциал текста.

В число окказионализмов диалектоносителя попадают также и те, которые для художественных произведений не характерны, хотя широко представлены в разговорном русском языке. Эти новообразования могут появляться:

– в результате оговорки: *Сколь там долготня'? "Долготня!" [смеется]. Долгота дня. "Долготня"; Вот трёхспа'льна комната, трёхспа'льна квартира, – "трёхспа'льна" назвала! трёхкварти… трёхко'мнатна, ага;*

– при воспроизведении забываемого устаревающего слова (в этом случае типично образование окказиональных вариантов узуальной единицы): *В Кола'рово возили отце'дова [крестить]. Батюшки тут не было. Надо же купа'льницу, везти, как её называют? Макали туда. Кум и кума. Купель ставят; Домик этот стоял [на кладбище], холодильник называли. Холодни'к. И вот туды' утопленника поймают, ли кто удушится – его туды' кладут;*

– в случае незнания слова для обозначения какого-л. денотата (*Спасибо вам, принесли мне… морковницу-то эту;* в узуальном употреблении *морко'вница* "домашнее кушанье из моркови"; формальная оболочка слова используется диалектоносителем для называния нового вида продукта – морковного джема) или при неосвоенности такого слова **(***Сварили, вчара' Гена поел только. А Коля два раз две лапшинки взял, два сапога, наверно. Сапо'жки, однако, зовут эти? Взял вилкой. И всё. Валя совсем не ела [о рожках]; А чё же думаешь, он умрёт в этой… как её называют, лежат-то где? В одиночке… [В реанимации?] В ренима'ции лежал, ага).*

К этой группе можно отнести и такие случаи, когда в процессе речи говорящий затрудняется в выборе точного слова и заменяет его приблизительным эквивалентом.

http://www.lib.tsu.ru

Узуальный "заменитель" с достаточно абстрактной семантикой используется для окказионального выражения более конкретного значения: *Пришла, она вот так от глаза на меня изде'лала ["вытаращила"]: "Я, гыт, ничё не вижу". Глаза вот эдак разодрала' обо'е да так руками [вывернула веки], на меня смотрит; А эта Лиза тоже, она как из-за угла мешком напугана. Тоже кака'-то така'… недоброка'чественна ["странная"] кажется [усмехается]; Я не знаю вот какой, дом-то я не знаю, как называется ["обозначается номером, цифрой"], дом-то…; Пошто' к ей [дубленке] прилипает так шибко-то? Они из какого меха-то? ~ [Сначала светлые красивые, а потом…] Плохо произведё… произведётся ["сделается"; усмехается].*

В отличие от рассмотренной ранее группы окказионализмов, все эти новообразования объединяет номинативная функция.

Таким образом, активный словарь информанта составляет лексика, не маркированная по признакам "новое/устаревающее", "своё/чужое", высоко- или среднечастотная. Его составной частью является полностью освоенная новая лексика.

К пассивному словарному запасу относятся недостаточно освоенные новые слова; устаревающая и устаревшая лексика; лексика, используемая информантом при цитации ЧР, и окказионализмы. Все рассмотренные группы слов находятся в отношениях частичного наложения: и неологизмы, и архаизмы часто связаны в метаязыковом сознании диалектоносителя с воспроизведением их в ЧР; окказиональные единицы также могут возникать при забывании архаизмов или при усвоении новых слов. Подвижной является и граница между активным и пассивным словарем личности: возможно перемещение пассивных элементов в активный словарный запас и обратное движение, связанное с устареванием некогда широко употребительных слов, в том числе и ряда бывших неологизмов.

1.2.4. Экспрессивная лексика

Проблемам исследования экспрессивного словарного фонда как важной составляющей словарного запаса языка посвящены многочисленные работы в области общей и региональной лексикологии. Диалектологами внесен существенный вклад в изучение этой категории слов: предметом анализа являлись природа экспрессивов, их формальные типы и семантическая структура, особенности функционирования и лексикографическая интерпретация данных единиц (Н.В. Жураковская, О.И. Блинова,

http://www.lib.tsu.ru

Н.А. Лукьянова, Л.А. Новиков, Т.В. Матвеева, Н.Б. Лаврентьева, Л.В. Хаджаева, Р.Н. Порядина, Е.В. Бельская и др.).

Экспрессивно-эмоциональная лексика является значимой частью лексикона личности. Как философы, так и лингвисты неоднократно отмечали свойственное русской культуре стремление к оценочному мировосприятию, к открытому проявлению эмоций [Вежбицкая, 1996; Киселева, 1997]. Н.В. Уфимцева характеризует русского человека как "всё оценивающего". "Вообще стремление всё оценить, приписать всему определенное качество, – утверждает она, – это неотъемлемое свойство русского менталитета" [Уфимцева, 1997: 157]. Близка к высказанной и точка зрения С.Г. Шейдаевой: "Русский человек т а к видит: объект воспринимается не отстраненно-объективно, а сразу соединенным с оценочным отношением к нему" [Шейдаева, 1994: 22].

Данное свойство русской языковой личности находит естественное отражение в языке. Практически все исследователи, рассматривавшие лексикон конкретных личностей, отмечают высокую степень его экспрессивности. Ср. высказывание Е.Ю. Мягковой: "…эмоциональность [как разновидность экспрессивности. – *Е.И.*] является неотъемлемой характеристикой единиц субъективного лексикона" [Мягкова, 1988: 124].

Работ, посвященных целостному описанию экспрессивных средств текста и экспрессивности идиолексикона, нет. Лингвисты, в той или иной степени касавшиеся при описании языка конкретной личности проблем экспрессивности идиолекта, отмечают роль экспрессивных единиц в лексиконе и типичные средства ее выражения. Так, в опыте речевого портрета А.А. Реформатского лексика оценки и усиления (наряду с лексикой, обозначающей человека) называется в числе двух самых развитых полей. "Его речь, – пишут авторы этого очерка, – изобилует словами, которые передают глубину и силу переживания: "И там был совершенно изумительный состав"; "Это было потрясающе", "Это был очень замечательный человек", "Мусоргский стал моим богом!", "И мне клин", "И тогда гроб" [Опыт описания…, 1989: 168]. Затрагиваются в этой работе и более широкие проблемы создания языковой личностью экспрессивности текста. Описывая наборы излюбленных слов и оборотов как устойчивые характеристики идиостиля нескольких информантов, затрагивает вопрос об экспрессивных единицах идиолексикона и Л.В. Кнорина [1989: 119–120]. Имеются также фрагментарные наблюдения над употреблением слов с эмоционально-оценочными суффиксами в устной речи писательницы Е.М. Резановой [Девятайкин, 1989: 59–60]. На диалектном материале единственная до недавнего времени статья по экспрессивности идиолексиона была

http://www.lib.tsu.ru

посвящена уменьшительно-ласкательным существительным в речи А.Г. Горшковой [Андреева, Горланова, 1971]. В последние годы начато изучение экспрессивной части лексикона В.П. в формально-семантическом, функциональном и когнитивном аспекте в работах Е.А. Крапивец [1996; 1998; 1999; 2000а; 2000б; 2000в; 2001].

Обобщая данные исследований, в которых есть сведения об экспрессивности идиолексикона, можно прийти к выводу, что, во-первых, экспрессивные средства могут быть характерными и нехарактерными для индивидуального набора речевых единиц личности, но наличие индивидуальных экспрессивных средств более типично, чем их отсутствие (так, из шести информантов Л.В. Кнориной они оказались не присущи только одному); во-вторых, у каждой ЯЛ свой индивидуальный набор средств создания экспрессивности.

Изучаемая нами ЯЛ принадлежит к той (наиболее многочисленной) группе носителей языка, для которой использование экспрессивных средств является типичным. Ср. фрагмент рассказа В.П.:

Меня но'нче шибко приглашала – от кото'ра Лена-то живёт у дочери, Людьмила её зовут. А у ей дочка Наташа. Ну така' во'льна, така'… не дай бог! бе'гла. А она вза'муж вышла. А мужичоночка-то у ей то ли заворовался, то ли кого ли делал… каки'-то документы подделал… Восемь лет дали ему. А ра'зе будет така' девочка ждать? О-ой! Она опе'ть вышла вза'муж, да, однако, ешо уходила. А это… а её свекровь приезжала, хоро-оша женшына! Ну ей пиисят четыре ли три ли года, молода'. Дак она меня шибко приглашала. "Тётя Вера, поедем ко мне, поедем!" – на Пятом она живёт. "Поедем на' зиму, поедем! Летом уж тебя не зову, – дрова не топить, квартира у меня двухко'мнатна, поедем, поедем!" Ночава'ла у меня. "О'споди, – думаю, – пошто' поеду к чужим людя'м?".

Как можно заметить, текст информанта насыщен разнообразными экспрессивными средствами. Экспрессивность повествования создается средствами всех ярусов языковой системы: фонетическими (частотны вопросительные и восклицательные интонации, протяжка гласных – *о-ой, хоро-оша*), грамматическими (синтаксические повторы: *поедем, поедем!*, использование усилителей типа "такой": *така' во'льна, така'*…), лексическими (*во'льна, бе'гла, мужичоночка, заворовался, шибко*), в том числе междометиями и

http://www.lib.tsu.ru

фразеологизмами (*ой, осподи, не дай бог*), а также отсутствующими в данном случае, но широко используемыми В.П. тропами, употреблением синонимов, антонимов и др.*

Не рассматривая вопроса о фонетических и граммматических средствах выражения экспрессивности, остановимся на анализе собственно лексических средств – экспрессивно-эмоциональных единиц словаря диалектоносителя.

По подсчетам Н.Л. Чулкиной, в словаре типичного носителя русского литературного языка экспрессивно-эмоциональные единицы составляют около четверти всех единиц – 24,5% [Чулкина, 1987: 11]. Экспрессивная часть лексикона В.П. составляет около 17% всех ЛСВ**.

Средствами выражения экспрессивности служат аффиксы (*Коленька набрал мне грыби'шки; Шишечку кто-то дал ему, Женьке; Не хотела [есть], а… разъелась; Стал тоже прибаливаться Николай-то*), корневые морфемы (*А она прямо угодница, всё равно, Валька-то. Ходит суды', корову доить. ~ Вот надо же! Всем дои'т ходит; Она её сковородкой ишшеу'чила по голове*) либо перенос значения (*Всё выбелю, всё вы'звездю там; Ну там у их настояшшый свинарник. Как у меня же. Я тоже ничё не делаю, не подотру, ничё*). Соотношение их составляет, по подсчетам Е.А. Крапивец [1996], 52: 36: 12%. При этом у каждой из знаменательных частей речи имеются более распространенные и менее типичные средства: так, для существительных и прилагательных характерен аффиксальный, а для глаголов и наречий – корневой способ выражения экспрессивности. Почти две трети экспрессивных лексических единиц (72%) несут эмоциональную оценку, реже встречаются слова с экспрессивно-интенсивной коннотацией (23%), еще боле редки в экспрессивах случаи сочетания эмоционально-оценочного и интенсивного значений (5%) [Крапивец, 2000а].

Специфика экспрессивной части лексикона В.П. состоит в следующем.

1. Круг экспрессивных лексических единиц в диалекте шире, чем в литературном языке; соответственно шире он и у диалектной ЯЛ в сравнении с носителем литературного языка. Выражается это в наличии, наряду с общерусской, также диалектно-просторечной и собственно диалектной экспрессивной лексики (*охлю'иха* "неряшливая женщина", *вкусня'чий* "очень вкусный", *срозова'* "слегка розовый", *славне'цкий* "очень славный", *мозгови'тый* "умный, сообразительный"). При этом к собственно диалектным

* О других лексических средствах создания экспрессивности текста см. главу "Языковая личность и текст".

http://www.lib.tsu.ru

экспрессивам, вероятно, следует отнести также и значительную часть деминутивов, образованных от общерусских основ с помощью общерусских же аффиксов, поскольку наличие их в литературном языке маловероятно (с полной достоверностью это утверждать нельзя, так как даже 17-томный "Словарь современного русского литературного языка" включает лишь небольшую часть функционирующих в литературной речи деминутивов): *Счас подогреем супи'шечко; Может, дверёнки там покрасить; Лечь в прохла'дку; Я набирала дуршла'чек такой от [ягоды]; Ну то ола'динки испеку, то молоко попью, то чай попью; Накла'ла всё, дровишки, два костёрика так* и т.п.

2. Своеобразен спектр экспрессивно-эмоциональных оценок. Группа экспрессивно-эмоциональных слов в русском литературном языке, согласно перечню помет академического "Словаря русского языка" [т. 1, 1981: 14–15], включает ласкательные, иронические, пренебрежительные, увеличительные, бранные, неодобрительные, презрительные, шутливые и почтительные. Н.А. Лукьянова, характеризуя экспрессивную лексику разговорного употребления, к набору мелиоративных оценок добавляет оценки одобрения и восхищения, а пейоративных – насмешки и отвращения [1986: 48].

Лексикон В.П. содержит несколько более бедную гамму общерусских оценок. Так, в нем практически отсутствует выражение оценки восхищения, презрения, уничижения и отвращения.

Среди слов с эмоциональным значением (передающих качественную, негативную или позитивную окрашенность), у В.П. отмечена коннотативная семантика ласкательности (*Рубашечку я ему принесла, маечка была куплена; Прикидала так [лук] ботви'шечкой)* и одобрительности *(Ну у нас мастера были: тятя, Николай, Василий – они всё делали в свои'м дому, всё; Мастерица прям хорошо ты состряпала!; Таки' картошки были – мировы'!*). Оттенок почтительности (уважительности), совмещающийся с ласкательным, редок и зафиксирован в нескольких устаревших словах: *Она вышла вза'муж, от тут, к Лёньке от к этому – и тоже пойдёт: "Тятенька, мамонька, баслови'те меня!" – корову пойдёт доить; "Мамонька" звали, снохи.*

Пейоративная гамма оценок включает неодобрение, выражающее отрицательное отношение говорящего к каким-либо действиям, качествам, свойствам, отклонение от нормы в худшую сторону (*Медведи'ца – Аксинья. Ну ты вишь, как она разгова'ривать: всё в укол, в укол. Она сердита шибко; О'споди, гли-ка чё! Ты чё не пьёшь-то?; [Напилась.]*

[**] Подсчеты произведены по "Полному словарю языковой личности" (отрезки Ж, З, М, Н, О).

http://www.lib.tsu.ru

Модница!; А худо-ой назьми'шка, навоз-то, нехороший так, соло'мишка одна), пренебрежение, выражающее отношение к субъекту или объекту, чьи свойства постоянно не вызывают уважения, признания высокого качества (*Вчера позвонила матерёнка, чтобы шла домой: "Скажи там Гальке, чтобы домой шла"; Кого пры'скашь [при глажении], махры'. Прямо беда с тобой*), осуждение, связанное с оценкой нарушения каких-л. социальных норм поведения (*Так сорок рублей отдала [не весь долг], и замяла, и затёрла. Несправедли'ва. Бессо'вестна; А она разделась, в пла'вочкав… Говорили ра'нешны люди: "Народ будет бесстыжий" – правда!*) и бранные характеристики (*Я говорю: был бы добрый такой, дак… можно бы даже и… собрать чё-нибудь, послать [передачу в тюрьму] хоть бы сигареты пачек десять, купила бы – а за чё такому подлецу?*).

Среди слов собственно экспрессивных, выражающих количественные (интенсивные или экстенсивные) компоненты семантики, отмечены значения уменьшительности (*Побежала, гыт, под горку и упала; Правда, воро'тчики оставили бы мне туды', полоть огород*), увеличительности или интенсивности (*Я думаю, наверно, котиться хочет она [кошка]. Пузе'нь большу'ча!; В избе морози'шша, холоди'шша; Зубы хоро-оши были, густы' да бе'лы, не чистила никода', а хоро'ши были, не хва'стоваю. Густя'шшы, все завидовали. Только хрумото'к стоит [когда ешь]; Раньше-то я здорово мела [ела]*) и экстенсивности *(Хлеб какой-то как сыроватый; У ей были по'лоны [картошки] – ну, она гыт, плоховато*).

Кроме того, множество экспрессивно-эмоциональных слов имеют "многослойную" коннотативную семантику, в которой сочетаются, комбинируясь в разных вариантах, эмоциональные и экспрессивные семы. Из общерусских экспрессивов сюда можно отнести в первую очередь обширную группу уменьшительно-ласкательных образований: *Марлечка ма'ленька, со стола сотира'ла я; Хороший такой раскладной диванчик; Надо прибить. Гвоздо'чкими прибить; Вот до'сочки поставим, палочки забьём там где-то.*

Широко отражены в речи В.П. также случаи иронического словоупотребления, когда лексические или словообразовательные средства, выражающие позитивную оценку, вступают в противоречие с неодобрительной интонацией, в результате чего характер оценки меняется на противоположный: *Всё, гыт, это… у Татьяне Васильевне всё головушка болит, всё головушка болит… И чем-то живут, ни дров не запаса'т путём, ничё; Физа ни за чё не берётся. Рученька у ей болит, то да друго' да; Поспать любит тоже, с сыночком спят; А Гена пальчик сломал у ноги, большой – и просидел от [на больничном]… январь, февраль и в марьте прихватил; Да до'рого всё. Да два миллиончика*

http://www.lib.tsu.ru

[купить холодильник] – кого там!; Ну и тот-то хороший тоже… тоже ба'ловный мальчик. Иронически-неодобрительная интонация в подобных случаях "стирает" ласкательность, заложенную в форме слова. Отмечены и обратные случаи: интонация придает позитивную окрашенность слову с пейоративными языковыми характеристиками: *Та пройдоха, везде найдёт! Катя-то, Петровна [одобр.].*

Как собственно диалектную коннотативную семантику, соединяющую в себе разнородные эмоциональные семы, можно квалифицировать прежде всего своеобразную оценку снисходительности. Помета "снисходительное", по предложению О.И. Блиновой [1973: 81] введенная томскими лексикографами в областные словари, отражает сложную эмоциональную оценку, включающую элементы как позитивной, так и негативной окрашенности, связанную с этикетными и прагматическими установками речи. Она используется при обозначении привычных, повседневных реалий из сферы быта, хозяйства диалектоносителя: предметов домашнего обихода (*Думаю, пойду там куплю себе матерья'лишко на рубашонку; Я говорю: "Ты мне што'ришки повешай", – я што'ришки постирала; Пала'зишко постелила с Раей; Всё равно, то посудёнку помоешь, то всё, то чё-нибудь…*), домашних животных (*Гоняли на пруд, кода' погонишь – жеребя'тишки, либо теля'тишки там; А хоро'ши, гыт, свини'шки три. А две ма'леньки; И там тоже коровёнка, да тельчо'нка, да кобыла, там хозяйство*) и растений (*Нарастут всё картовчо'нки-то дома; Там в подпольях-то ничё у меня лучи'шко*) и т.п. Позитивный элемент в снисходительной оценке связан с восприятием "…свой → хороший", "свой + нужный → хороший", "свой + полезный → хороший" [Резанова, 1996: 193]. Негативный элемент в семантике оценки вызван обычно невысоким мнением о качестве называемого предмета (свойства вещи оставляют желать лучшего, не заслуживают безоговорочного одобрения, она имеет недостатки и т.п.). Но вещь эта – своя, нужная, полезная; пересечение этих характеристик и порождает оценку "снисходительности".

Ряд исследователей [Калиткина, 1990; Порядина, 1998] связывают употребление снисходительной лексики с функцией "табуирования", или магической функцией, когда намеренное уничижение, отчуждение "своего" является рефлексом мифологического типа мышления, служит "оберегом от сглаза". Представляется, что трактовка снисходительной оценки как выполняющей охранительную функцию верна исторически, но в современном языковом сознании она отодвигается на периферию. Вероятно, в настоящее время в функционировании такой лексики важнее этикетный момент. Нельзя самому подчеркивать достоинства своих предметов, даже если они объективно заслуживают

http://www.lib.tsu.ru

похвалы; нужно говорить о них как бы вскользь, не заостряя на этом внимания собеседника.

Кроме того, в лексиконе В.П. имеется еще одна специфическая группа экспрессивов со значением смягчительности (сочетающим элементы негативной коннотативной оценки и экстенсивности). Экстенсивность признака может выражаться и в литературном языке (*бледноватый, глуповатый*…), но там чаще всего передается слабая степень выраженности объективного качества предмета. В речи информанта проявление экстенсивности тоже связывается с речевым этикетом. Отрицательная эмоциональная оценка, выраженная словом или общим смыслом высказывания, смягчается заочно, если субъект оценки вызывает симпатию говорящего, и очно, чтобы не обидеть грубым словом, резким суждением собеседника. Видимо, действуют и этические правила: "не говорить о других плохо даже в их отсутствие", "не осуждать других": *Она пришла тоже Рая суды', пья'ненька; А Валя-то знашь чё? связки порвала ~. Она дикоша'ренька! Может, из-за е'того ешо. Бе'гат она знашь как? А толку-то нету; А она-то… не очень: ленева'та, говорят, грязновата и… А он-то хороший; А Гутя, она хитровата, всё равно; А от ба'ушка-то тоже тараторочка хоро'ша, старушка-то; Батюшка молодо-ой! Какой-то как ненормальненькый был, тоже служил.* В отличие от снисходительности, семантика смягчительности не описана ни в одной из известных нам работ по общей и диалектной лексикологии, не отражена она и в лексикографии, хотя ее следует, вероятно, считать общерусской чертой разговорной речи*.

Отметим, что квалификация экспрессивно-эмоциональной оценки достаточно сложна. Она не связана жестко со словообразовательными средствами выражения экспрессивности, особенно при передаче эмоциональных компонентов значения. Собственно экспрессивные семы более определенно "привязаны" к конкретным словообразовательным средствам: так, прилагательные с суффиксами -УЧ/ЮЧ-, -ЯЧ-, существительные на -ЕНЬ, -ОТОК, глаголы на -НУТЬ, -АНУТЬ, с приставками РАЗ- и ИЗ- в сочетании с постфиксом -СЯ всегда несут значение интенсивности (*бодучий, вкусня'чий, картове'нь, стукото'к, грызну'ть, бахану'ть, разъесться, исхвалиться*). Эмоциональные же семы одобрительного / неодобрительного отношения к предмету речи "поддерживаются" в слове обычно не специализированными, а синкретичными аффиксами. Например, слова на -ОНК(а) могут иметь и ласкательную, и снисходительную, и пренебрежительную оценку. Ср.: *А славный мужичонка-то, правда?* (ласкательно, с одобрением); *Запилась, Ленка-то. Мужичонка* (пренебрежительно) *ушёл*

http://www.lib.tsu.ru

[от неё] – не мужичонка, а мушшына, хороший мужик. А это, запилась – он её бросил; Наверно, машинёнка своя сломалась (снисходительно); *А машинёнка-то у его худа', купил каку'-то… "запоро'жицу". Ну она нехоро'ша была* (пренебрежительно). Достоверное определение окраски слова в таких случаях возможно только по контексту с учетом его лексического наполнения, знания ситуации, а иногда и исключительно по интонации. Ср.: *Привет там своей мамочке передай, хоть я её не знаю… передай* (ласкательно); *А потом Ольга приходит, я говорю: "У тебя мамочка вчара' не упивала?"* (смягченно, для уравновешивания неделикатного вопроса); *Саша, я тебя налуплю, тогда жалуйся мамочке своей, если будешь дверь открывать* (неодобрительно).

Способность интонации определять эмоционально-экспрессивные характеристики слова находит наиболее полное воплощение в единицах с диффузной семантикой типа *варна'к.* Ср.: *А Нине-то итдала пятнадцать [рублей]. Потому что она всё белила, как… варнак така', это прово'рна да всё; Ну, она белила, наверьху да, мыла да… Здо'рово, ну варнак она! Ой, всё равно, хоро'ша она така', работя'шша!* ("подвижный, ловкий в движениях, быстрый в работе человек", одобрительно); *Я этого зову, Женьку, "варнак". Он сильно непоседный, ой-ой-ой!* ("непоседливый, шаловливый ребенок", неодобрительно); *Смотался тут к одной [муж]… Варнак, да и всё* ("негодяй", резко неодобрительно, бранное).

Трудность определения субъективной окраски слова усугубляется и тем, что, наряду с регулярным, зафиксированным в словарях совмещением различных коннотативных сем (отраженном в пометах "уменьшительно-ласкательное", "ироническое", "снисходительное" и "смягчительное"), тексты информанта демонстрируют множество других, менее регулярных их комбинаций: *А ста'ра была хоро-оша морковёнка! Она то'ненька така', до'лгенька да сла'дка* (снисх. + ласк. + одобр.); *На столах направили: от таки' тарелочки, колбаска так то'ненька… Ну от таки' ма'леньки… Колбаски там – ну по рядочку – ну кого там? Ну мало. И зелёный лучок от такими, так по' три штучки накладено – я думаю: о'споди…* (ум.+ усилит.) и др.

3. Специфика экспрессивных единиц лексикона личности заключается и в особенностях их функционирования в дискурсе.

а) В текстах информанта, наряду с нейтральной, широко представлена экспрессивно-эмоциональная лексика.

---

[*] Упоминание о "смягчительном" значении имеется, например, в работе С.Э. Мартыновой [1992: 111].

http://www.lib.tsu.ru

Исследователи не раз отмечали повышенный экспрессивный тон диалектной речи. Эти оценки интуитивны, так как полного сравнительного анализа экспрессивных средств в разных формах национального языка пока нет. Имеются лишь некоторые наблюдения о месте экспрессивов в разговорной речи. Так, О.Б. Сиротинина утверждает, что эмоциональная лексика в разговорной литературной речи не очень употребительна; эмоциональность создается главным образом синтаксическими средствами и интонационно. Эмоционально-оценочные суффиксы используются сравнительно редко: по ее данным, на 30000 полнозначных слов встретилось только 92 словоупотребления с экспрессивными суффиксами, причем в 39 их них оценочность утрачена [Сиротинина, 1974: 56–60]. 53 слова, таким образом, составляют всего 0,1% словоупотреблений. Автором отмечается также индивидуальное варьирование насыщенности текста экспрессивными элементами [там же: 60]. Совпадают с наблюдениями О.Б. Сиротининой и выводы А.И. Девятайкина, исследовавшего разговорную речь писателей и ученых: число слов с эмоционально-оценочными суффиксами охарактеризовано как незначительное [Девятайкин, 1992: 43].

По подсчетам Е.А. Крапивец [2000в], в связном монологе В.П. на бытовую тему из 13000 словоупотреблений знаменательных слов 536 экспрессивных, что составляет 4,1%. Ровно половина из них – единицы с морфологическим способом выражения экспрессивности. Даже если учесть, что в работе О.Б. Сиротининой не приняты во внимание экспрессивы с другими способами выражения коннотативной семантики, – и в этом случае насыщенность диалектного текста экспрессивно-эмоциональной лексикой явно на порядок выше, чем в разговорной литературной речи.

Концентрация экспрессивов в тексте наравномерна. На ее "волнообразный" характер, обусловленный чередованием неэкспрессивных высказываний с экспрессивными, обращает внимание Н.А. Лукьянова [1986: 185]. Как правило, сильная эмоция порождает "пучок" экспрессивно-эмоциональных единиц текста, ее угасание отражает нейтральный фрагмент речи и т.д.

Причины высокой экспрессивности диалектного текста связаны прежде всего с отличными от литературного языка коммуникативными ситуациями, иным характером общения говорящих в диалектной среде. В большинстве случаев это неофициальное общение хорошо знакомых друг с другом людей – отсюда его бо'льшая по сравнению с литературным языком непринужденность, высокая степень субъективности, отражения личностного начала в речи. Дискурс информанта представляет собой повествование от

http://www.lib.tsu.ru

первого лица, которое обладает ярко выраженной субъективной модальностью [Лукьянова, 1983: 31]. Одной из причин является и особый круг речевых жанров, многие из которых насыщены экспрессивными элементами. Так, в диалогическом общении у В.П. чрезвычайно частотен жанр-ситуация угощения, провоцирующий соответствующую лексику: *Катя! Дай вареньице там. Садись, Кать, садись от суда. А я тут. [Внизу?] Неет, в вазочке варенье там. Кладите, ешьте! В тарелочки кладите, кушайте, так ли. На! Мале'нечко поешь хоть! Помидорчик, яичко съешь! От ишь как рукомо'йка бежит, умывальник. От соль. Бери, ешь яичко!* В монологе широко распространен жанр бытового рассказа, включающий высокоэкспрессивное описание внешности: *Тёмненький [ребенок], ага. Воло'ски чё…[рные], от таки' воло'ски, косматенький. Хорошенький мальчик так. Хороший, это… чёрьненький, глазёнки чёрненьки; А он постылый какой-то, итвратительный, правда? брюхо-то большу'че, да голый… Пошто' уж так это… Наш-то [племянник] голый мог бы ходить, он аккуратненький. А это… не люблю тако', брюхо-то. Зубы хоро'ши. ~ Ни один зуб не выпал, ничё, прямо разми'лы. Хороший он, красивый так был, брюхо бы не было большу'че;* и речевой жанр воспоминания с опоэтизацией прошлого, также насыщенный экспрессивными элементами: *А ки'слица! – ой, пойдёшь, как слеза прямо це'ла ветка. По грыбы' пойдём все – много набирали. И грузди раньше брали, и тут от только вы'дешь, на зады – рыжиков таких от дополна', дополна', аж гряда'ми ~. Только за огород выйдешь – и пошли грибы! Ой! А дожжык пройдёт, бе'лы грыбы' только блестят! Глядишь – они так, макушечки так это… оттэ'да вылазят, и дожжык прошёл, они блестят. Сильно хорошо было. Сильно хорошо.* Большое количество таких единиц содержит и речевой жанр ссоры, но для информанта он нехарактерен и встречается редко. Наконец, может быть, главной причиной повышенной субъективности диалектной речи является иной, чем в городской культуре, характер взаимоотношений между носителями языка, иные установки в общении, заложенные в ментальности, находящие отражение в языке и речевом этикете русского крестьянина. Это ориентация на доброжелательное, искреннее, открытое общение. Не случайно городские жители нередко воспринимаются как "злые", "скрытные".

б) Показательно для характеристики языковой личности сравнение частоты употребления лексики с различной экспресссивно-эмоциональной окрашенностью.

В соответствии с общерусской закономерностью интенсивность признака (*сгро'хать* "построить что-л. очень большое", *селёдища* "увелич. к селёдка", *синёхонький* "очень синий", *снежный* "обильный снегом", *соленю'щий* "очень солёный", *сорваться* "внезапно,

http://www.lib.tsu.ru

с силой возникнуть, о ветре") выражается в лексиконе ЯЛ гораздо чаще, чем его экстенсивность (*светловато* "слегка освещено", *сголуба'* "с голубым оттенком"). Иначе обстоит дело с соотношением классов оценочной лексики. Практически все исследователи экспрессивов отмечают асимметрию оценочных характеристик, проявляющуюся в преобладании негативной оценки над позитивной [Черемисина, Рыжкина, 1977: 13; Лаврентьева, 1980: 13 и др.]. Однако эта общеязыковая закономерность, распространяющаяся на лексическую систему русского литературного языка и диалектов, преломляется в лексиконе В.П. в диаметрально противоположную. Пейоративная эмоциональная лексика встречается и в лексиконе, и в дискурсе информанта значительно реже, чем мелиоративная. Причины данного явления кроются несомненно в особенностях личности говорящего, для которой позитивная оценка окружающей действительности является доминирующей.

Ласкательная оценка наиболее частотна в текстах В.П. Деминутивные образования редко отражают объективно малый размер предмета: *Там вся'ки игрушки у его эти: машинки от таки' малю'сеньки; А там кого, семь теле'жечков привёз маленьких.* Семантика реальной уменьшительности в чистом виде почти не встречается, либо сочетаясь с коннотативными семами ласкательности, либо полностью вытесняясь ими: *А у его ножка-то ма'ленька была, сороковой [размер] сапоги-то, а… ма'ленька ножка была! Пальчики аккура'тненьки, коро'теньки – вот таки' у его пальцы были, как мои, от это… у рук-то* (ум.-ласк.); *Ой! Ба-атюшки мои! два метра [рост]. Поди, ножка больша' тоже, и всё* (только ласк.).

Обилие лексем с коннотацией ласкательности можно объяснить прежде всего описанными выше условиями коммуникации в диалекте. Ласкательные формы употребляются по отношению к жизненно важным объектам, основными из которых – явления природного мира *(А днём-то ничё, солнышко было; Идёт снежок? Нет?; С ветерком, снежок-то!)*, растения и животные *(Прикидала так [лук], ботви'шечкой; В декабре, наверно, родился, от год доходит, бычок. Да от этой тёлочка, от этой коровы-то)*, пища *(Постряпаю пельмешков мале'нько; Марусе я заказывала конфеточков, она привозила мне; Ну то ола'динки испеку, то молоко попью, то чай попью; А мо'же, поставлю, супик свеженький сварю?)*, предметы домашнего обихода *(А это моя тарелочка или Гутина?; А счас пришёл, по… два ножичка, два взял, ли один ли он? Два взял, да решёточку взял [от мясорубки]; Но'венька даже есь там тёрочка лежит; А у меня там ешо были битончики – бегу'чи есь, и таки').*

http://www.lib.tsu.ru

Внешне однотипные образования при этом выполняют в тексте разные **функции**.

Зачастую деминутив отражает не столько ласкательность, направленную на объекты материального мира, сколько доброжелательное отношение говорящего к собеседнику, как бы отсвечивающее и в ласковом названии самих предметов*: *А ты бы селёдочку увезла одну домой? ~ В сэлофа'нчик положишь, да… дома поешь; Хоро'ши воло'ски. У меня тоже были хоро'ши.* Частной разновидностью его можно считать случай, когда сочувственное отношение к объекту высказывания распространяется на все высказывание в целом, порождая употребление ласкательных форм: *В Курле'к её увезли к дочери. Она пять денёчков там полежала, не пила не ела и умерла; Свои едят [дети], а ей не даёт. А Пана ~ пришла ко мне: "Вера, чё де'лат-то, гыт! Валя хотела, гыт, котлеточку взять – ну Физа ни за что не дала!"*

Кроме того, деминутивы употребляются В.П. при передаче общей положительной оценки *(Они же с ей жили-то хорошо, вчетверо'чком)*, при выражении значения приблизительности *(Я говорю: "Вася, ты кода' поедешь?" А он гыт: "Через часик поеду")*, усилительности *(Он и воду таска'т, и там колонку эту долбит всё времечко)*, а также как форма вежливости в жанрах просьбы и угощения *(Я говорю: "Таня, купи мне коври'шечко!"; [Вам чаю?] Мне кружечку… полкружечки; С пряничком попей, чай).*

"Текучесть", субъективность коннотативной семантики проявляется не только в возможности комбинирования разнородных сем в одном экспрессивном слове, но и в смене коннотации при оценке одного и того же объекта или однородных объектов в рамках одного фрагмента текста. Регистр оценки может меняться в зависимости от принадлежности объекта называния: *Полуша'лишка бы надела. Тёпленьки сапоги у тебя?* (полушалок – собственность говорящего, отсюда его снисходительная оценка, сапоги принадлежат собеседнику, доброжелательное отношение к которому вызывает семантику ласкательности); от ситуации общения: *Ножины-то каки' у ей [девочки] толсту'чи; А это, у Нины девчонка – от таки' ножины прямо то'лсты, а ростом ма'ленька.* Ср. в присутствии матери ребенка: *Кака' у тебя девочка хоро'ша. Ножки то'лстеньки, хоро'ши* (заочная оценка с увеличительной коннотацией кажется информанту грубой, при личном контакте корректируется ласкательной формой). Наконец, суть коннотации может оставаться неизменной, но меняется способ ее выражения: *Потом она [кошка] тут после'дне время одного родила, на печке. Чёрный. От такой котишше прям. От я: "Коля,*

http://www.lib.tsu.ru

возьми его, выкини!" – "Да он пусь подрастёт. Я его после на фи'рму унесу". Гена приехал: "Гена, возьми выкини!" – "А он пусь подрастёт, я его там возьму там к себе на работу там, в эту, в столярку" – опе'ть не берут! Андрюша приехал. Я говорю: "О'споди, прям кыска окотилась" – глядя-ат уже, он большой уж стал, большой! А я говорю: "От куды' бы его девать, котёночка мне этого, прямо неохота мне…" (негативное отношение выражается сначала через увеличительную форму, затем – через форму, внешне совпадающую с ласкательной, но сопровождаемую неодобрительной интонацией).

Итак, экспрессивные средства являются характерными для исследуемой языковой личности. Ей присущ широкий спектр таких средств, относящихся ко всем ярусам языковой системы – фонетическому, грамматическому и лексическому. Экспрессивная часть лексикона В.П. составляет около 17% всех ЛСВ слов и фразеологизмов.

На лексическом уровне наиболее типичным способом выражения экспрессивности является аффиксальный, менее распространенными – корневой и семантический, что соответствует их общерусскому соотношению.

Экспрессивный фонд ЯЛ отличается комбинаторностью эмоциональных и экспрессивных сем, отсутствием жесткой зависимости между словообразовательными средствами выражения экспрессивности и коннотацией лексем, "текучестью" коннотативной окраски, определяемой сочетанием многих факторов.

Специфика экспрессивной части лексикона информанта состоит:

– в более широком круге экспрессивных лексических единиц (по сравнению с лексиконом носителя литературного языка), включающем, кроме общерусских, диалектно-просторечные и собственно диалектные экспрессивы (в том числе созданные только с помощью общерусских словообразовательных средств);

– в особенностях палитры экспрессивно-эмоциональных оценок. Шкала оценок одновременно богаче и беднее литературной. В ней отсутствуют крайние звенья литературной гаммы (восхищение, отвращение), а также оценка презрения и уничижения, но имеют место диалектная оценка снисходительности и специфическая коннотация смягчительности;

---

[*] Ср.: "Деминутив выступает в этом случае транслятором положительного эмоционального отношения либо к слушающему, либо к третьему лицу" [Резанова, 1996: 179]. Целью при этом является "…создание положительного эмоционального фона коммуникации" [там же: 180].

http://www.lib.tsu.ru

– в более высокой насыщенности текста экспрессивными образованиями (в сравнении с разговорной литературной речью), что связано с отличным от литературного языка характером общения в диалекте, распространенностью речевых жанров, для которых свойственны экспрессивы, иными коммуникативными установками говорящих в диалектной среде;

– в частотности употребления лексики с различными видами коннотации. Негативная эмоциональная оценка выражается в тексте гораздо реже, чем позитивная, а интенсивность признака – значительно чаще, чем экстенсивность. Наиболее распространенной у информанта является ласкательная оценка. Деминутивы в языке В.П. имеют целый ряд функций – от выражения объективно малого размера предмета до этикетной.

Состав экспрессивной части лексикона информанта и характер ее функционирования позволяют выделить как типические черты диалектной ЯЛ, так и индивидуальные черты данной языковой личности – открытой, искренней, доброжелательной, следующей этическим нормам традиционной народной культуры.

1.3. Системные блоки единиц лексикона

1.3.1. Мотивационные отношения слов

Явление мотивации, занимающее важное место при характеристике словарного состава языка, получило свое осмысление в работах О.И. Блиновой и ее учеников. Основателем томской мотивологической школы были определены основные теоретические понятия лексикологической теории мотивации [Блинова, 1974; 1984]; в исследованиях О.И. Блиновой, Т.А. Демешкиной, В.Г. Наумова, Н.Г. Нестеровой, Г.В. Калиткиной, А.Д. Адиловой, И.В. Тубаловой, Е.В. Михалевой, И.Е. Козловой, К.В. Гарганеевой, Л.В. Дубиной, Е.В. Найдён и др. разрабатываются методологический, онтологический, функциональный, динамический, сопоставительный и лексикографический аспекты данного феномена; на материале среднеобских говоров издан двухтомный "Мотивационный диалектный словарь". До сих пор источником исследования мотивационных отношений являлись говоры, литературный русский язык (в том числе – в сопоставлении с другими литературными языками) и язык художественных произведений. Речь одного носителя языка с точки зрения ее мотивированности анализу не подвергалась.

http://www.lib.tsu.ru

Мотивированные слова* занимают значительное место в словарном запасе информанта: по нашим подсчетам, в "Полном словаре языковой личности" (отрезки Г и М) их 75,9%**. Итак, 2/3 лексикона В.П. составляют мотивированные единицы.

Словарный запас диалектоносителя демонстрирует наличие всех **типов мотивированных слов**, выявленных в теории мотивации.

Довольно широко представлены единицы с абсолютной мотивированностью, которая создается при соотнесении слова с внеязыковыми явлениями. Причем наряду со звукоподражаниями, носящими узуальный характер, – общерусскими и диалектными (*бах, бряк, буль-буль, гав-гав, гром, зык-зык* "имитация стука", *ку-ку, пи-пи* "имитация писка цыпленка", *р-р-р* "имитация рычания собаки", *свистать, скок, скрып* "скрип", *топ-топ, хлюп* "имитация всплеска воды", *ча'блить* "чавкать", *швырк / шварк* "имитация звука при бросании предмета", *шебарча'ть / шебарче'ть* "шуршать", *шум* и др.), информант постоянно создает окказиональные звуковые комплексы для передачи шумовых эффектов, звуков, издаваемых живыми и неживыми объектами: *Только ит Лекса'ндре Степановне выезжа'м, из переулка-то, а это... А Илья ф-фык! На тракторе проехал; [Передразнивает скрипящую дверь:] Уа'-а-уу! Голосом ревёт; Гутя гыт: "Я скоблила, скоблила [холодильник], да ф-ф-с! – полетели брызги"*. Обилие звукоподражаний порождает даже развитие дублетных синонимических рядов*: Машина та'мо-ка – вишь, у меня "Малютка" де стоит [под кроватью]. ~ А она легла, ну чё же – от така' толшыной! то'лста. Она её там-ка, на её ля'гет… она станет наворачиваться, она: вж³ж! вж³ж!; Вчара' легла, а там [под кроватью] у меня "Малютка" стоит. Она же чажёла. ~ Придавила, она там "зю-зю, зю-зю"; А она та'мо-ка, как по… поворо'чатся, она же здоро'ва! А там – "скыр-скыр!" эта машина-то [стиральная машина задевает за сетку кровати]*.

Относительная мотивированность, создаваемая при соотнесении лексических единиц, является преобладающей у мотивированных слов лексикона. При относительной мотивированности возможны семантические (*медведи'ца* "злая, сварливая женщина", *кряж* "сильный, здоровый человек", *малина* "плоды кустарника малины") и морфологические (*аккурати'ст* "аккуратный человек", *загореться* "начать гореть", *пырьево'й* "содержащий пырей") средства выражения мотивированности.

---

* В данном разделе используются термины томской мотивологической школы. См.: Блинова,1984.

** По подсчетам О.И. Блиновой, в нескольких отрезках 4-томного "Словаря русского языка" (Бровь – Бязь, К – Кино, Ла – Ля) мотивированные слова составляют 69,2%, в диалекте – 73,1% [1984: 50].

http://www.lib.tsu.ru

Широкая представленность относительной мотивированности связана с наличием в лексиконе личности развитой полисемии, а также обширных гнезд однокорневых слов и слов, образованных по продуктивным словообразовательным моделям.

Функционирование. Мотивационные отношения слов в речи В.П. являются самыми частотными среди всех видов системных отношений лексических единиц. По подсчетам Е.Н. Харитоновой, на одной странице текста в среднем встречается 3–4 случая их актуализации*.

Наиболее частотна в речи неполная актуализация, причем чаще лексическая *(А они тут песни пели вся'ки-ра'зны, в гармонь играли. А гармонис-то рядом живёт, хорошо играет)*, реже структурная *(Они у меня их съели все [о печенье], полу'чче-то кото'ры были на одне'м белыше'… желтыше')*.

Полная актуализация предполагает одновременное употребление в тексте и лексических, и структурных мотиваторов к мотивируемой единице:

Стряпают много, настряпают, наготовят [на похоронах]. Ла'дют, варют, готовют там; Совсем берёзовы [дрова] не родня этим, осиновым да сосновым. Прямо накладу'-накладу' осиновых, они горят, а толку… А берёза – у, жа'рка!

В "Мотивационном словаре диалектной личности", составленном Е.Н. Харитоновой, из 666 словарных статей на основе 1200 высказываний полная мотивация (лексическая одновременно со структурной) представлена только в 28 случаях, структурная – в 76, лексическая – в 562. Таким образом, их соотношение составляет 4,2: 11,4: 84,4 %.

Условия появления мотиватов в речи. Мотивационные отношения слов можно наблюдать в текстах разного типа. Естественная речь информанта насыщена случаями актуализации мотивационных отношений, не осознаваемыми В.П. Метатексты могут возникать в спонтанной речи говорящего, а могут быть спровоцированы вопросами собирателей материала. В дискурсе В.П. преобладают метатексты второго типа.

Механизм осознания мотивированности лексемы в живой речи (когда диалектоноситель по собственной инициативе рассуждает о причине наименования) наблюдается достаточно редко. Случаев спонтанной мотивации нарицательной лексики зафиксировано всего несколько:

* Е.Н. Харитонова. Мотивационный словарь диалектной личности и его источниковедческие возможности: Дипломная работа. Рукопись. Томск, 1998. 220 с.

http://www.lib.tsu.ru

"Зарьничка" называли [звезду], "зарьница". А чё она зарьница – на заре буват она, ли как, чё – я не знаю, в чём дело; Разбо'ристый [пирог, состоящий из отдельных частей]. Разбира'тся как вроде бы; Широкопёр – его даже и скотина ес, пораньше выкосить – его хорошо едят. Ну, таки', широ'ки листья, его "широкопёр" зовут.

Подавляющее большинство примеров с естественной актуализацией мотивационных отношений составляют антропонимы (реже топонимы). Наиболее частотны случаи их мотивировки при условии, если информант знаком с историей (ситуацией) номинации:

У тяти-то моёго смыло же тода'. Прям повесился дом. Обвалился берег. Его даже звали "Прокофий береговой"; Колю нашего "Бла'уз" зовут. Идут два – тут были Блауз, фамилия у их была, латыши были, здоро'вы-здоро'вы были, прямо под потолок. Сильно высо'ки были. А они идут, два брата, Иван и Роберт, а Коля-то идёт с имя'. Он маленький ростиком-то он, а те-то больши' вон каки'. А ему: "О, гыт, третий Блауз появился!" – так назвали и назвали, зовут, его и счас "Блауз" зовут; Ф.Г. Света Москва помидоры посеяла. Она Матвеева фамилия, а они Москвичи. В.П. Она – чё Москвичи? верши'нинска была. Уезжала мать её в Москву и де-то работала, в банке, где деньги делают там де-то. Ну и приехала она оттэ'дова, долго там была. Потом приехала, и так Москвичкой прозвали. Мать звали Москвичкой, и Светка Москвичка. Так и зовут.

Реже мотивация отталкивается от знания свойств денотата:

На берегу жил, его звали "Прокофий береговой"; Пова'рнишно [болото], так его зовут. Клю'квенно болото – дак там родится клюква. А от это не знаю, пошто'.

Еще реже мотивация является гипотетической:

Построил на'нял, Сергей Лысый. А он никого, какой-то, видно, лысый был, его так "Сергей Лысый" [звали]…

В условиях лингвистического эксперимента наиболее охотно диалектоносителем даются ответы на вопрос о мотивированности имен собственных:

У Коли Толю звали "Мясо". [За что?] Толстый был. Принесли в садик, они: "Вот мясо дак мясо", так и прозвали "Мясо". Толька Мясо; [А Бесом почему назвали?] Ну, прозвишше. Ну, бесился шибко он, к этому и прозвали; [Почему Самоварчик"?] А он как самовар будет такой же: он низенький, он толстый…

http://www.lib.tsu.ru

В случаях же с именами нарицательными мотивировка, как правило, осуществляется неохотно, так как информанту явно непонятна ее коммуникативная необходимость.

Позиции в речи. Актуализация мотивационных отношений предполагает только контактное употребление мотиватов в рамках одного или смежных высказываний.

При лексической мотивации они встречаются чаще всего в составе смежных предложений (Х. У): *Ага, на берегу жил. Прям на бережке; Там от теперь целина – а кто её копать будет? Мне же не вскопать;* иногда перемежающихся с предложениями без актуализации мотивационных отношений (Х ~ У): *Иди в баню, мойся, да поезжайте. Закроете дом? Али Ленка дома? Она дома, вымылась али нет?; Хоро'ши, запаши'сты, булки больши'. Кода' калачи накатаешь, так вроде навертишь да… А щас вобше' нету никакого ни запаху, ничё; Токо лет десять-пятнадцать – и всё заросло тальником. То ли его принесло откэ'дова, семя. Он же плодли'вый, растёт.*

Лексическая мотивация в составе одного предложения представлена значительно реже, в конструкциях:

Х, У: *Тут этот Николай Иванович – вот так руки' нету, прямо сильно, безрукий был; Я прям заплакала, плачу – не могу совершенно потти; Курья' как вроде застоялась, стоит, а наша-то идёт, соединя'тся;*

Х и У: *Ну, кото'ры перего'нят его. Догонят и перегонят, кото'ры хорошо-то растут [поросята];*

Х У: *А кукушка прилетела к им на эту, на антенну, и кукует.*

В отличие от лексической, отношения структурной мотивации чаще актуализуются в рамках одного предложения, в основном с бессоюзной сочинительной связью:

Х, У: *Руками копают [погреб], выкопали уж, вы'клали; Всё забуре'ло, всё закоптело. Особенно где заходил дым;*

реже – с союзным сочинением мотиватов:

Х, и У: *Кака'-то японска ли кака' была война, и герма'нска война была;*

Х, да У: *Сосно'вы, да берёзовы, оси'новы [дрова];*

http://www.lib.tsu.ru

либо Х либо У, Х ли У: *А может, он либо удушился либо итравился, ли чё ли, удавился, утопился ли – таких не итпевают;*

а также в конструкции Х У: *С клубочка на клубочек, с клубочка на носочек… Четыре пары вязала [носков].*

Структурная мотивация в составе смежных предложений (Х. У; Х ~ У) менее типична:

А кто мне вчара' говорил? "Я, гыт, шёл и кукушку видел. И ласточков видел"; Колготок сколько накупила. Ешо чё она? Прям много, много набрала.

Структурные мотиваты обычно являются однородными членами предложения либо выполняют в смежных предложениях тождественные синтаксические функции. Характеристики лексических мотиватов в этом плане более разнообразны. Между ними возможны отношения "подлежащее – сказуемое" *(А таё не избрали депутатом-то, выбора' были),* "подлежащее – определение" *(Ну вот я помри. Ну у меня же родственники таки' есь, ну они мне родны'),* "определение – обстоятельство" *(Его даже звали "Прокофий береговой". Ага, на берегу жил),* "дополнение – обстоятельство" *(Нацежу це'ло ведро и попёрла на молока'нку. Ну я сдам десять литров, себе налью там сколько, поем. Молоко-то я пила, с того долго живу),* "дополнение – определение" *(Я подумала: кода'-нибудь сварить моркови, да изрубить её, мы рубим, мелко-премелко изрубить ли на шинковке можно истереть – и потом положить туды', морко'вны пироги стряпать)* и т.п., но наиболее распространенной является выполнение роли однородных членов или аналогичных синтаксических функций:

Овечки больши' были, ой, большу'чи!; А я давай бражо'нку делать, браги изде'лала; Он гыт: "У меня не ба'ливала спина. Ни голова, гыт, никогда не болела"; Они часто, Коля кода' скажет: "Ты не мой пол, придёт Елена да вы'мыт"; Вымачивала, но всё равно ешо солёна [рыба]. Она чувствуется, что подсолёна.

Хотя группа слов, находящихся в отношениях мотивации, в идиолексиконе может быть достаточно обширной, в пределах одного контекста одновременно актуализуются обычно две, реже – три-четыре мотивационно связанные единицы:

Да я шью, вчара' сидела шила, третёвни, а кроить – худо я скрою; Утром посулила, дак тепе'рича рыбу надо взять там. У их рыбина там кака'-то есь. Хотели пирог

http://www.lib.tsu.ru

состряпать; Он стал рубить но'нче баню-то – ну, не со желанием, срубил та'мо-ка, ешо ряд ли два ли надо нарубить ешо; О'споди, чай! Чё, худо чай пить? Аксинья, айда', чашку чаю-то выпей! [А вам?] Нет, я напилась. А вы-то попейте.

Тексты демонстрируют **связь явления мотивации с другими лексическими явлениями**:

– семантического варьирования слова: *Глядишь, она [нога] у меня отломится, упаду. Прям падала, падала, с крыльца сколько раз падала, тут в кровь просекла; А иней, он тоже замерза'т, сверху па'дат, все говорят: "Иней сёдня упал";*

– синонимии: *Я говорю: "Ну увези меня до вокзала. А я там уеду на автобусе как-нибудь докостыляю там, дойду";*

– антонимии: *Одна тут из городу штук шесь ли семь ли взяла… А Вера-то, продавец: "Городски', гыт, всё в основном и берут. А вы, гыт, дереве'нски, спите".*

Функции в речи. Среди разнообразных функций мотивационно связанных слов, выделяемых в работах О.И. Блиновой [1984], В.Г. Наумова [1985], Г.В. Калиткиной [1990], Е.В. Найден [2001] и др., наиболее частотной в условиях естественного говорения является текстообразующая функция употребления мотиватов, при которой они фиксируют определенные логические этапы развития повествования:

– тезис – доказательство тезиса: *Ишь како' внимание! Если бы были внимательны они, дак не написали. Ле'ва за пра'ву ногу написали [в бюллетене]; А Коля-то же не вор, не фулюга'н никакой, ну упива'т он, ну упива'т – не ворует же;*

– логическое противопоставление: *Вот уж "недосол на столе, пересол на спине"; А кто ё знат, может, неправда. Ну, мне чё-то кажется, как правда;*

– обозначение стадий развития действия (начало – продолжение – конец): *Я стану ташшыть из капкана-то, а он [колонок] уска'кыват, кусать меня. Я пошла, говорю: "Айда', – говорю, – там мне кто-то попал в капкан", – он пришёл да его выташшыл да уташшыл; И всё расцвело, и горох расцвёл – пропал, и бобы эти свели'-свели' – пропали, и всё пропало у ей там-ка, не знаю;*

– обозначение действия и его результата: *Его брали в дети, тётка ро'стила его. Тётка и дядя. У них свои дети были, и вот они его вырастили тоже; А Нюра, она*

коро'тку стрижку носит, стригёт; Рабо'тат на почте кассиром, а зараба'тыват мало. А там она де-то работала – хорошо зарабатывала;

– видовое перечисление: *Кра'сны, это из аржано'й муки, так кисель, ягода калина, смородина там; Шерсь наши'ньгаю да пряду, напряду да;*

– пояснение: *Ну и вот, приезжа'т [жених], обзада'чутся они с парьнем… Обзада'чутся, задатки дадут.*

Разновидностью текстообразующей функции, вероятно, можно считать также функцию разнообразия языкового выражения, проявляющуюся в повторах мотивационно связанных слов:

Принёс [грибы], дак вот я их пожарила, картошку с имя', а там так изжарила; Племянница родна'. Се'стрина дочка. Сестры моей.

Мотиваты играют текстообразующую роль и при оформлении эмоционального / нейтрального тона изложения, организуя единый фон повествования, особый для каждого из речевых жанров. Так, воспоминания, связанные в памяти информанта с понятием прекрасного, вызывают в речи аттракцию (притяжение) эмоционально-экспрессивных мотиватов:

Вот глину кра'сну намесим, да с песочком, да вся'ки формочки там, ла'дочки, да чашечки, да тарелочки, да ванночки, да всё налепим, да ешо белой глиной вымажем, выкрасим.

Аналогичное явление наблюдается в речевых жанрах просьбы *(И сахарок заодномя' захвати, Катенька, ми'ленька, до'бренька)* и угощения *(Садись, Аксинья! Яичко съешь, от колбаски мале'нько, капуски, а?).*

Информативные жанры предполагают либо преимущественное употребление нейтральных мотиватов, либо чередование нейтральных и экспрессивных единиц в мотивационных цепочках:

Стирали дома. На реке чё вы'стирашь?; А потом Вера Волошина приходит, а я давай бражо'нку делать, браги изде'лала, огурцы намариновала.

http://www.lib.tsu.ru

Типичным для высказываний информативных жанров является смена нейтрального мотивата, задающего тему, последующим экспрессивным, отражающая противопоставление по признаку "чужое/свое":

Ну, мясо там дают, а там ничё нету [о пайке для фронтовиков]. Ничё, гыт, нету. А там всё брали они: и мяско' брали, и яйца брали, и всё, чё было, чё брали; Гутя пришла на стол наладила, она села пелеме'ни ела, а я только что блины-то наелась – не захотела ись. А она-то это, поела. Я-то штуки две или три пелеме'шков съела, и чашку чаю выпила.

Встречается использование мотиватов также в функции уточнения семантики (*Помог ему: выправили её [машину], выгнули*), а также в собственно экспрессивной функции (*Ну народ-то говорят: "Ну что было Татьяне позвонить к Николаю, либо к Георгию позвонить". Уж вывора'чиват всё, прямо развора'чиват всё [пьяный ломился в дом]*).

Имеют место и переходные случаи экспрессивного уточнения, в которых сочетаются обе эти функции: *Город маленький та'мо-ка, малюсенький прямо*.

Эстетическая функция мотивации, создающая эффект образности речи, малотипична для В.П. Широко используемое в художественной литературе сознательное сближение мотивированных слов с целью выделения ключевых элементов повествования, звуковой организации текста (звукопись, аллитерации, ассонансы и т.п.), свойственное творческим языковым личностям [Блинова, 1984: 147–161], для рядового носителя языка не характерно, хотя иногда встречается и в диалектной речи [Наумов, 1985, Найден, 2001]. Образный компонент метафоры может раскрываться в метатекстах В.П. через однокорневое сравнение: *Суслоны ставили, "шляпы" называли… Пять снопов поставишь суды', а потом… а шестой сноп разла'мывашь и накрыва'шь, как шляпа.*

В отдельных случаях мотивационная пара служит для создания рифмы и / или ритма повествования:

Жили в такой работе да в заботе, да в горе – кого?; Пришли, только… дымочки… пепело'чки [дом сгорел]; А пошла ему майку Мишину приташшыла, да носки наладила, да всего его нарядили – а он хоро-ошенький! Лицо-то кру'гленько да хоро'шенько, как счас гляжу. Набрился, намылся…

http://www.lib.tsu.ru

Эту подфункцию можно отнести одновременно к разновидностям текстообразующей, экспрессивной и эстетической функций.

Многие из выделенных функций в тексте накладываются друг на друга, поэтому их изолированное рассмотрение возможно лишь теоретически. Так, использование рифмы и ритма связано с общей ор-ганизацией текста, с его экспрессивными и эстетическими характеристиками; такие функции, как экспрессивная, уточнительная и эстетическая, являются более частными по отношению к тексто- и жанрообразующим, совмещаясь с ними: их наличие / отсутствие является характеристикой определенных речевых жанров и строения текста в целом.

Функционирование мотивационно связанных слов в метатекстах имеет свои особенности.

В метатекстовых высказываниях мотиватор используется, как правило, в функции пояснения:

Жига'ло – прожигали. Ну, как гвоздь длинный, такой железный. А тут ручка. В печке накаливают, так цевки прожига'т, эти деревяшки-то; Рябчик птички. [Почему так называется?] Потому что он ря'бый; Дорьме'с был, большой. И такие, долгу'шка зовут – долгие [телеги].

Метатексты демонстрируют противоположные тенденции осмысления мотивированности знака метаязыковым сознанием диалектоносителя. С одной стороны, они отражают принципиальную возможность осознания им внутренней формы слова. При этом степень осознания мотивированности у информанта может быть различной:

1) Связь между мотивирующей и мотивированной единицами легко выявляется и четко формулируется (Х, потому что У): *"Сеянка" назывался [лук], потому что посеян; Обсемьи'лись – семьёй завелись, потому так и называ'м;*

2) Мотивационная связь, вероятно, осознается, но причинно-следственные конструкции и глаголы речи в метатекстах отсутствуют: *Ну два колеса – двухко'лка; Введеньё у нас было четвёртого [декабря]. Введеньё, это говорили так, богородицу завели в божий храм – Введеньё.*

3) Мотивировочный признак называется предположительно. Мотивировка при ответе на вопрос лингвиста дается В.П., как правило, очень осторожно, гипотетически; в

http://www.lib.tsu.ru

таких метатекстах постоянны показатели неуверенности *наверно, ли чё ли, видно, не знаю, может* и т.п.: *Чашки деревя'нны были: в их суп наливали, и так. "Кита'йки" их звали. [Почему?] Ну, наверно, китайцы с их ели ли чё ли; Зовут в огороде траву, растёт карто'вница. [Это сорняк?] Сорняк, ага. [Почему так называется?] На картошках, видно, растёт, картовница, гыт; Синицу-то знам. Ну синичка, вот летают птички ма'ленъки. [А почему "синица"?] Не знаю, пошто' их так зовут. Может… дак они не шибко синие; [Почему пирог называют "ку'рник"? Он не из курицы?] Нет. А кто ё знат. Раньше из куриц, наверно, делали, так и назвали*. Подобные высказывания являются наиболее типичными для информанта.

4) Наряду со всесторонне рассмотренными в теории лексической мотивации случаями, в которых мотивационная связь единиц в высказывании обнаруживается через соотнесенность мотивированного и мотивирующего слова, у диалектоносителя встретились также отдельные примеры, где отражено представление ЯЛ о мотивированности слова, но актуализация мотивационных отношений отсутствует. При этом мотиватор либо соотносится с мотивемой только на семантическом уровне без формальной поддержки:

Его звали Костя Сопляк. А это… всё под носом мокро у его было (лексический мотиватор "сопли" заменен эвфемистическим оборотом); *[А Дикарь?] Ну Витька. ~ Ну он какой-то так не совсем… не скажешь, что дурак, ну ненормальный. И вот его тоже Дикарём зовут* (лексический мотиватор "дикий" заменен относительным синонимом); *[А Лёня Ема'н?] Да Лёнька от. [Почему его так зовут?] Не знаю, пошто'. Я не знаю, чё. Кудрявый такой, кучерявый был, ли чё ли* (названо основание сравнения, но опущен его объект – "как ема'н"; *ема'н* в говоре – "козел");

либо мотивационная связь вообще только подразумевается, никак внешне не выражаясь:

"Ты похудела" – мне не нравится так говорить, а "постарела" скажут – так ничё (*похудеть* ассоциируется с *худой* "плохой"); *Я говорю: "Каки'-нибудь духи купи ей". А это… названье-то плохо', мо'жеть, они и хоро'ши – "тувале'тна вода"* ("названье плохо", поскольку соотносится В.П. с *тувале'т*).

С другой стороны, можно говорить о затрудненном осознании мотивационных отношений слов у данной ЯЛ. Обращают на себя внимание случаи отказа от мотивировки слов с прозрачной внутренней формой: *Лайка – это собачка, лайка. Почему зовут, я не знаю. Така' порода; Мочи'шше – тоже не знаю, чё оно, в чесь чё? Мочи'шше [об озере на*

http://www.lib.tsu.ru

низком месте, в половодье заливаемом водой]; Это "ро'занцы" вот их называли [о печенье в форме цветка]. "Хво'росты" зовут, ну и "ро'занцы" звали, раньше. [Почему?] Ну как? Ну булка, кирпич ли булочка. Ну как их назовёшь? Имя такое им (характерно приравнивание мотивированного *ро'занцы* к немотивированному *булка*: названия обоих типов воспринимаются как данность – "имя такое им"). Не осознается мотивированность таких прозвищ, как *Чайник, Изюминка, Молдаван, Тоболяк* и др. Ср. комментарий по поводу прозвища "Карась" В.П. и ее более молодой односельчанки (разница в возрасте 23 года):

В.П. А от у Татьяне Васильевне брат – ну, он… мужик как мужик, не знаю… "Карась"! [зовут]. [Почему?] А кто… тоже не знаю. Таниного брата звали. [Может, он толстый?] П.М. А-а, да, он такой… плечи широ'ки у него… Ну и такой коротенький, шейка у его коро'тенька.

У информанта нет представления о закономерности такой номинации. Показательно высказывание по поводу прозвища "Агроном": *[А он агроном был?] Какой агроном? Прозвишше было у него. [А почему?] Ну… почём знаю? Дали прозвишше да и всё. [Дают ведь не просто так.] Дают да и всё. Назовут да и всё. Прозвали и прозвали. "Агроном" прозвишше было.*

В способах реализации мотивационных отношений у информанта можно видеть отражение образа мышления, характерного для традиционной крестьянской культуры. Так, А.Р. Лурия при опросе узбекских и киргизских крестьян отмечал, что "…наиболее типичным ответом для опрашиваемых было полное отрицание возможности делать какие-л. выводы на основании утверждений о вещах, по поводу которых у них не было личного опыта, а также подозрительное отношение к любым логическим операциям сугубо дедуктивной природы"[*].

Наблюдения над явлением мотивации в речи одного диалектоносителя позволяют сделать следующие выводы.

1. Мотивированность является важной характеристикой лексикона личности. Более половины лексикона составляют мотивированные единицы; мотивационные отношения слов являются наиболее частотными в сравнении с другими системными связями лексем в дискурсе информанта.

[*] Luria, A.R. Cognitive development. Its cultural and social foundations. Cambridge, 1976. P.108. Цит. по: [Вежбицкая, 1996: 309].

http://www.lib.tsu.ru

2. В словарном запасе диалектоносителя представлены все типы мотивированных слов, выявленные в теории лексической мотивации. Их соотношение соответствует общим закономерностям распределения классов мотивированных единиц как в говоре, так и в литературном языке (преобладание относительной мотивированности над абсолютной, неполной над полной, лексической над структурной).

3. В подавляющем большинстве случаев в естественной речи отражается спонтанное, не осознаваемое рядовым носителем языка проявление мотивационных связей слов лексикона. Предпосылкой для появления высказываний с осознанной актуализацией мотивационных отношений является осмысление необходимости такой мотивации (собеседник незнаком с предметом или ситуацией).

4. Мотивационные отношения слов играют важную роль в организации повествования, выполняя ряд функций. Функции мотиватов в спонтанной речи и в метатекстах различны. Большинство частных функций (фиксация логических этапов повествования, разнообразие языкового выражения, оформление тона изложения, создание рифмы и ритма) подчинено общей функции текстообразования.

5. Вероятно, можно говорить о более затрудненнном осознании мотивированности у данного диалектоносителя. Если информанту достоверно неизвестна история номинации или отсутствует опора на свой собственный внеязыковой опыт, то в большинстве случаев мотивированные единицы воспринимаются им так же, как немотивированные. Слово осознается как данность, не подлежащая анализу *("имя такое им", "дают [название] да и всё", "назовут да и всё", "прозвали и прозвали").* Возможно, отчасти эта особенность определяется и возрастом информанта.

1.3.2. Формальное варьирование

Разработка теории формального варьирования слова – также во многом заслуга томской лингвистической школы. В работах О.М. Соколова, О.И. Блиновой, З.М. Богословской, О.Ю. Галузы на диалектном материале определены границы тождества слова, выявлены основные разновидности формальных вариантов, причины их возникновения и характер функционирования в языке. З.М. Богословской составлен первый словарь вариантной лексики одного говора (села Вершинино Томской области).

http://www.lib.tsu.ru

Систематическому изучению варьирование в лексиконе одного человека не подвергалось. В отношении носителей литературного языка наблюдений такого плана нет вообще. Имеющиеся же на этот счет наблюдения над речью отдельных диалектоносителей фрагментарны.

Согласно общей гипотезе социолингвистики, процесс развития вариантов находится под сильнейшим влиянием различных социальных факторов, наиболее значимыми среди которых являются возраст, образование и место жительства [Лютикова, 1984: 8]. Уровень вариантности ниже у носителей литературно-нормированной разновидности языка и выше у диалектоносителей [Черепанова, 1976: 77]. Соответственно, в диалекте менее вариативной должна быть речь представителей архаического типа говора (старшей возрастной группы, неграмотных или малограмотных), где употребительны в основном диалектные члены вариантных оппозиций, и передового слоя говора (сельской интеллигенции, людей молодого и среднего возраста, со специальным средним или высшим образованием, употребляющих преимущественно литературные единицы). Наибольшее количество вариантов, обусловленное взаимодействием литературной и диалектной языковых систем, должно быть у представителей "среднего" слоя говора, промежуточного между архаическим и передовым.

В.П. Тимофеев, автор первого "Диалектного словаря личности", делает вывод о нетипичности вариантных отношений в лексиконе Е.М. Тимофеевой, 1897 г. рождения: "Мала в речи одного носителя говора… лексическая вариативность и вариативность фонетического и морфологического состава слова" [Тимофеев, 1971б: 20]. Такое утверждение позволило Т.С. Коготковой предположить, что высокая вариантность в диалекте "…есть сумма идиолектного варьирования, полученная из большого количества слагаемых" [Коготкова, 1979: 47].

Варианты в речи носителя "среднего" типа говора (судя по характеристике информанта: "хорошо знает диалект, но знаком также с литературной нормой)", 62-летнего жителя деревни Княжая Губа Мурманской области Я.И. Мурашова, обнаружены О.А. Черепановой на всех уровнях языка – фонетическом, грамматическом, словообразовательном, лексическом (вариативность понимается исследователем широко, как выражение одного содержания различными средствами): *делаешь – де'лашь, ешшо – ишшо, клеймо – клейно', ко'нями – коня'ми, со'сна – сона', во'лосы – волоса', живо'тный – животное, они – оне', у монахов – у монах, добрались лодками – на лодках, какого году – в каком году, нож – ножик, удочка – уда, токовать – точиться, рассол – тузлу'к, палка –*

http://www.lib.tsu.ru

ве'ньга – эти и многие другие варианты зафиксированы только на магнитофонной ленте с временем звучания в 4 часа [Черепанова, 1976].

Однако наблюдения над речью нашего информанта не соотносятся с этой стройной схемой прямой зависимости количества вариантов от социально-речевого типа говора. В.П. несомненно является носителем архаического типа говора, так же как и Е.М. Тимофеева, не имеет даже начального образования, но варианты в ее речи встречаются довольно часто. Не касаясь грамматического и фразеологического варьирования (*о'тдали – отда'ли, ки'сти – кисти', посо'дим – поса'дим, какого году – с какого году, пойти не по путе' – не пойти по путе' – пойти по плохой пути' – пойти не по правильной пути' – сбиться с правильной пути'*…), остановимся лишь на формальном варьировании в узком смысле слова как на изменении звуковой оболочки лексических единиц, не нарушающем границ тождества слова.

Всего в речи информанта зафиксировано 577 вариантных цепочек.

В **сферу варьирования** входит прежде всего лексика активного словаря информанта. На его периферии вариантные единицы возникают у лексики пассивного словарного запаса (устаревающей или входящей в лексикон из литературного языка). К периферии варьирования можно отнести также случаи воспроизведения в речи В.П. фрагментов чужого лексикона, когда "чужая" единица вступает в вариантные отношения со "своей", и случаи окказионального словообразования.

Длина вариантных рядов. Вариантные цепочки в лексиконе информанта насчитывают от двух до шести звеньев (*пи'вка – пиявка, желочь – жёлочь – желчь, тут – ту'та-ка – тут-ка – ту'та, счас – сейчас – сеча'с – щас – чеча'с, отсэ'да – отсу'да – отсу'дова – отсе'дова – отсюда*), но наиболее типичны двучленные. В Вершининском говоре число компонентов ряда доходит до 18 [Богословская, 1984: 11].

Члены вариантных рядов отличаются разной **соотнесенностью с основными формами национального языка.**

О – ДО*. Подавляющее большинство рядов состоит из общерусского члена (О) и его диалектного эквивалента (ДО): *квартира – кварте'ра, зря – здря, со'ты – соты', чесотка – чесо'та* и др.

* См. список условных сокращений.

http://www.lib.tsu.ru

О – О. Часть оппозиций общерусские, свойственные и литературному языку: *высоко' – высо'ко, видеть – видать, жар – жара, дочь – дочка, изломать – сломать, изломаться – поломаться, корзина – корзинка, кринка – крынка, колено – коленка, несчастный – несчастливый, нет – нету, нож – ножик, печь – печка, похоронить – схоронить, самогон – самогонка, свеча – свечка, сейчас – счас – щас, скот – скотина, спасть – упасть, сломить – отломить, сук – сучок, тысяча – тыща, только – то'ко, тво'рог –творог, уж – уже', чтоб – чтобы.*

ДО – ДО. Довольно часты случаи, когда ряд представлен только диалектными вариантами общерусской единицы, но сам общерусский член отсутствует: *давно'шный – давны'шный, малинэ'з – мулинэ'з* "майонез", *ле'нда – ре'нда* "аренда", *откэ'да – откэ'дова* "откуда", *пай – паёк* "земельный надел", *про'са – проса'* "просо", *свети'стый – светно'й* "цветной", *табаре'тка – тубаре'тка* "табуретка", *штрафова'ть – штрахова'ть* "страховать".

Другие типы оппозиций немногочисленны:

Д – Д (варьирование собственно диалектных слов): *ерда'нь – иорда'нь, зало'жный – залёжный, ко'пщица – ко'пальщица, маркита'н – маркита'нт, моги'лки – моги'льники, сара'пка – сара'палка;*

П – П (варьирование диалектно-просторечных слов): *вишь – ишь;*

О – ПО: *воро'та – ворота', мура'ш – муравей, муж – мужи'к, папа – па'пка, помереть – умереть, столь – столько, слу'чай – случа'й, церковь – це'рква, шофёр – шо'фер;*

ДО – ПО: *отсэ'дова – отцэ'дова – отсу'дова, вечер – вечёрка – вечеринка;*

ДП – ДО: *тенёта – тено'та, хара'ктерный – кара'хтерный, хлёбать – хлебать;*

ДП – ДП: *грибо'вница – грыбо'вница*;

П – ДП: *башкови'тый – башкова'тый, мозгови'тый – мозгова'тый, завалящий – завалёщий – завалёный;*

О – ПО – ДО: *или – али – иль – ли, свекровь – свекровка* – свекру'ха, *волосы – воло'сья – волоса'.*

http://www.lib.tsu.ru

Ср. данные З.М. Богословской [1984: 12] по Вершининскому говору в целом: О – Д – 1982 ряда, Д – Д – 338, О – ДП – 231, О – О – 225, О – ДП – Д – 91, ДП – ДП – 46, ДП – Д – 79. Здесь также налицо иная картина: во-первых, в языке личности есть типы цепочек, отсутствующие в говоре (ДО – ДО, ДП – Д), а в говоре отмечен тип ДП – Д, которого нет в языке личности; во-вторых, неодинакова иерархия: в говоре первые 4 места занимают оппозиции О – ДО, Д – Д, О – ПО и О – О, а у нашего информанта это О – ДО, О – О, ДО – ДО и Д – Д.

В языке диалектной личности имеют место все **виды формальных вариантов слова**[*]**.**

1. **Фонематические** варианты имеют различия в количестве, качестве или порядке следования фонем, составляющих корневую морфему.

1.1. Качественные различия вариантов связаны:

а) с ударными гласными:

Е/О *деревня – дерёвня, же'лочный – жёлочный, клещ – клёщ, меше'чек – мешочек, новорожде'нный – новорождённый, небо – нёбо, сме'рточка – смёрточка;*

А/Ы *куда – куды', никуда – никуды', туда – туды;*

Е/И *калоре'йный – калорийный, кварте'ра – квартира, лето – ли'то*;

А/Е *маленький – меленький, опять – опе'ть*;

О/Ы *но'нче – нынче, растопо'риться – растопыриться*;

И/О *подпихивать – подпёхивать*;

О/У *ноль – нуль*;

А/У *хряк – хрюк*;

А/О *ничё – нича'*;

Е/У *ниотку'дова – ниоткэ'дова*.

[*] В работе используется классификация формальных вариантов слова, предложенная О.И. Блиновой [1975: 97-124].

http://www.lib.tsu.ru

Имеет место и качественное различие гласных в безударном положении:

У/Ы *бува'ть – бывать, добува'ть – добывать, обмува'ть – обмывать, прибува'ть – прибывать, смува'ться – смываться, убува'ть – убывать;*

А/Е *вармише'ль – вермишель, жа – же, мариновать – меринова'ть, поцалова'ть – поцеловать, аконо'мка – экономка, аконо'мный – экономный, алименты – элиме'нты*[#*];

А/У *малинэ'з – мулинэ'з, о'кань – окунь, поларизова'ть – полуризова'ть, табаре'тка – тубаре'тка*;

А/Ы *дак – дык*[#], *ба – бы*[#],

Е/О *держать – доржа'ть, держаться – доржа'ться, телеви'зер – телевизор;*

Е/У *клевать – клюва'ть, наплевать – наплюва'ть;*

О/У *около – о'колу, хорма' – хурма*;

О/Ы *хоть – хыть;*

И/У *фулига'нство – фулюга'нство;*

А/И *атрофи'рованный – итрофи'рованный, анвали'дность – инвалидность;*

б) качественные различия согласных фонем отражают их противопоставление:

– по глухости/звонкости: *бидончик – битончик, всё-даки – всё-таки, галоши – калоши, картове'нь – картофе'нь, пала'з – палас, пе'нзия – пенсия, сладость – слатость, че'люздь – челюсть;*

– твердости/мягкости: *восемьдесят – во'семьдесять, гриб – грыб, кастру'ля – кастрюля, крынка – кринка, кручо'к – крючок, может – можеть, у'зол – узел, че'рез – через;*

– месту и способу образования: *а'нгель – а'ндель, бумажечка – гума'жечка, галоши – калоши, внук – мнук, кто – хто, комба'йна – конба'йна, ле'нда – ре'нда, люкза'к –*

[*] Знак [#] обозначает, что данный вариант входит одновременно в ряд оппозиций.

http://www.lib.tsu.ru

рюкзак, нажма'рку – насмарку, обмануть – одману'ть, отлега'ться – отлежаться, свести' – цвести.

1.2. Количественные различия "ноль звука – звук" имеют место как у гласных, так и у согласных. У гласных они встречаются:

– в абсолютном начале слова: *лиме'нты – алименты#, гроно'м – агроном, вторник – авто'рник;*

– середине слова: *крапива – кърапи'ва, мышца – мы'шица, пшено – пашено', душеврёдный – душеверёдный, ренима'ция – реанимация, пенсане'р – пенсионер;*

– абсолютном конце слова: *в – во, из – изо, к – ко, от – ото, с – со, чтоб – чтобы, уж – уже';*

у согласных – в тех же позициях:

– ить – ведь (произносится обычно в безударном положении *[вить]*), *он – вон, от – вот, де – где, это – е'то, этот – е'тот, а'нский – на'нский, вишь – ишь, о'споди – господи;*

– ку'рка – куртка, кода'-нибудь – когда-нибудь, кода'-то – когда-то, тода' – тогда, не'кода – некогда, по'здо – поздно, биолог – биво'лог, било'лог, туалет – тувале'т, радио – ра'диво, белиа'ндровый – белия'ндровый, зря – здря, сруб – струб, осуж'ать – осуждать;

– су'проти – су'против, напро'ти – напротив, маркита'н – маркита'нт, рубь – рубль.

Количественные различия могут быть связаны одновременно с гласными и согласными ("ноль звука – сочетание нескольких звуков, образующих слог"): *сколь – сколько, ирги'я – илерги'я, то'ко – только, чё-нибудь – чё-нить, аж – а'жно, стеризова'ть – пастеризовать, стерилизовать.*

1.3. Варианты могут различаться одновременно качеством и количеством гласных и согласных: *механизатор – мехлиниза'тор, мура'ш – муравей, пристоква'ша – пристоки'ша#, мла'же – моложе.*

1.4. Отмечены также варианты с меной порядка звуков: *институт – ниституу'т, кара'хтерный – хара'ктерный, концэ'вра – концэ'рва.*

2. **Акцентные** варианты различаются местом ударения. Они есть у слов всех знаменательных частей речи, кроме местоимений, и отсутствуют у служебных слов.

У существительных варьируется ударение в двух-, трех- и четырехсложных словах, причем чаще в непроизводных: *воро'та – ворота', до'ска – доска', ква'шня – квашня', по'хороны – похоро'ны, пре'дмет – предме'т, тво'рог – творо'г, про'са – проса', при'даное – прида'ное.*

Все акцентные варианты имен прилагательных однотипны: их составляют пары с ударением на основе или флексии (с суффиксами -Н-, -ОВ- и непроизводные), осложненные другими видами варьирования: *голо'дный – голодно'й#, грязный – грязно'й#, здоровый – здорово'й#, пьяный – пьяно'й#, старый – старо'й#* и т.п. Исключение составляет пара *до'йная – дойна'я,* у которой нет формы мужского рода, а потому акцентное варьирование представлено в чистом виде.

Варианты среди наречий (*высо'ко – высоко', во'время – вовре'мя, и'наче – ина'че*), слов категории состояния (*ве'село – весело*') и глаголов (*заржа'веть – заржаве'ть, нака'литься – накали'ться, ло'жить – ложи'ть, осто'порить – остопори'ть*) немногочисленны.

Отмечена у информанта и мена ударения среди числительных – собирательных (*че'тверо – четвёро#*) и количественных. В последних наблюдается развитие двуударности: *восемьсо'т – во'семьсо'т, пятьсо'т – пя'тьсо'т, шестьсо'т – ше'стьсо'т.*

3. **Грамматические** варианты – однокорневые лексемы, различающиеся при тождестве основы и лексического значения грамматическими показателями.

Грамматическое варьирование в чистом виде отмечено только у имен существительных и глаголов.

У имен существительных грамматические варианты различаются:

а) родом и типом склонения. В большинстве случаев на это указывает различие флексий: *бассейн – бассе'йна, дитё – дитя, жар – жара, ке'сарева – ке'сарево, кило'метр – кило'метра, коноплё – конопля, комод – комо'да, литр – ли'тра, метр – ме'тра, мотоцикл – мотоци'кла, одеяло – одея'ла, повидло – пови'дла, синато'рий – синато'рия, сервант – серва'нта, стадо – ста'да, трапли'н – трапли'на, фамилия – фами'лие, фо'то – фо'та, шифонер – шифоне'ра, яблоко – я'блока.*

http://www.lib.tsu.ru

В некоторых случаях грамматические различия в начальной форме имени не выражены: *ливень*, м. и ж., *линолеум*, м. и ж., *молодёж*, м. и *молодёжь*, ж., *путь*, м. и ж.

Наиболее широко распространены, как и в говоре, пары с противопоставлением мужского и женского рода, реже – женского – среднего и среднего – мужского рода;

б) характером парадигмы склонения без родовых различий: *веса' – весы, зада' – зады, постель – посте'ля;*

в) формой числа: *варенье – варе'нья, витами'на – витамины, картошка – картошки, отход – отходы, подполье – подполья, хворост – хворосты.*

У имен прилагательных это пары, различающиеся характером парадигмы. Различия в форме именительного падежа сочетаются при этом с акцентным варьированием во всей парадигме: *гру'дный – грудной*$^{\#}$, *проворный – проворно'й*$^{\#}$, *овдо'вый – овдово'й*$^{\#}$, *мокрый – мокро'й*$^{\#}$, *здря'шный – здряшно'й*$^{\#}$, *крупный – крупно'й*$^{\#}$.

У глаголов грамматические варианты различаются классом и характером парадигмы спряжения: *видеть – видать, кричать – криче'ть, намазать – нама'зить, сменить – сменять, дорожать – дороже'ть, одолеть – одоли'ть, увидать – увидеть, набре'ться – набриться.*

4. **Лексико-морфологические** варианты – однокорневые лексемы, которые при тождестве лексического и грамматического значения различаются аффиксами.

У имен существительных варьирование осуществляется за счет суффиксов:

Ø – АК *гусь – гусак,*

Ø – АНJ *пахта – па'хтанье,*

Ø – ЕНJ *спас – спасенье,*

Ø – ЕРЬ *дочь – до'черь* $^{\#}$,

Ø – ИК *муж – мужик*^{1}, *нож – ножик,*

Ø – ИЦ *лиса – лисица, гололёд – гололе'дица*$^{\#}$,

Ø – J *обряд – обря'дье*$^{\#}$, *притво'р – притво'рье*$^{\#}$, *потре'пе – потре'пья*$^{\#}$,

http://www.lib.tsu.ru

Ø – К *гряда – грядка, лягуша – лягушка, стена – стенка, сковорода – сковородка,*

Ø – НИЦ *кади'ла – кадильница*[#]*,*

Ø –АР *мошка' – мошкара,*

Ø – ИН *скот – скотина,*

Ø – ЕННИЦ *сноха – сноше'нница*[#]*,*

Ø – ОК *гриб – грибок, пай – паёк, сук – сучок,*

Ø – ОЧК *дева – девочка*[#]*,*

Ø – СТВ *богач – богатство*[#]*,*

Ø –УХ *вдова – вдову'ха,*

Ø – УШК *горб – горбушка, деда – дедушка,*

АЈ – Ј *обы'чае – обы'чье,*

АЛК – К *сара'палка – сара'пка,*

АЛЬНИЦ – ЕЛЬ *купа'льница – купель*[#]*,*

АЛЬЩИЦ – ЩИЦ *ко'пальщица – ко'пщица,*

АНИЈ –АНЈ *втирание – втиранье, питание – питанье*[#]*,*

АЧ – ОВНИК *кедрач – кедровник,*

АШК – НИК *двоя'шки – двойники*[#]*,*

В – ТИЈ *разлив – разли'тие,*

ВАНИЈ – ВАНЈ *переживание – переживанье,*

ВК – ЯВК *пи'вка – пиявка,*

ВЬ – ТК *обувь – обу'тки*[#]*,*

ЕВИЦ – ЯК *синеви'ца – синяк,*

http://www.lib.tsu.ru

ЕДЬ – ЕСЬ *мо'кредь – мо'кресь,*

ЕЗНЬ – ЕЗЬ *болезнь – боле'зь,*

ЕЙК – ЕJ *ворожейка – вороже'я,*

ЕЛК – ЕНК *посиделки – посиде'нки,*

ЕНИJ – ЕНJ *воспаление – воспаленье, зрение – зренье, осложнение– осложненье, отложение – отложенье, отношение – отношенье, помещение – помещенье, смещение – смещенье,*

ЕНИJ – ИТЕЛЬСТВ *строение – строительство,*

ЕНЬ – ИН *пузе'нь – пузи'на*[#],

ЁНОК – ЕНИК *маслёнок – ма'сленик*[#],

ЁНОЧК – ЁЛОЧК *гребёночка – гребёлочка,*

ЕРЬ – К *до'черь – дочка*[#],

ЗНЬ – ЗЬ *жизнь – жизь,*

ИР – ИСТ *массажи'р – массажист,*

ИК – ЧИК *огородик – огоро'дчик,*

ИJ – J *поколение – поколенье,*

ИВАТЕЛЬ – К *отбеливатель – отбе'лка,*

ИК – ИН *мужик* [2] *– мужчина,*

ИН – ИЩ *морози'на – морози'ща,*

ИН – ИЦ *мастери'на – мастерица,*

ИНК – К *вечеринка – вечёрка*[#],

J – НJ *оладьи – ола'дни,*

К – НИК *могилки – могильники,*

К – ОНЈ *колка – ко'лонье*#,

К – ОЧК *девка – девочка*#, *досо'чка – до'сточка*#,

К – УХ *свекровка – свекру'ха*#,

К – УШК *девка – девушка*#, *бабка – бабушка*#,

ЛЕНИЈ – ЛЕНЈ *давление – давленье, направление – направленье*,

НИК – НИЦ *надгро'бник – надгро'бница*#,

НИК – НК *дра'ники – дра'нки*,

НИК – ОК *передба'нник – передба'нок*,

НОСТЬ – УЧЕСТЬ *мо'чность – могучесть*#,

ОВАНИЈ – СТВ *наси'лование – наси'льство*,

ОВК – УХ *свекровка – свекру'ха*#,

ОВНИЦ – УНИЦ *ра'довница – радуница*,

ОВЬ – ОВК *свекровь – свекро'вка*#

ОВЬ – УХ *свекровь – свекру'ха*#,

ОК – УШК *клево'к – клеву'шка*,

ОНК – ОЧК *девчонка – девочка*,

ОТ – ОТК *чесо'та – чесотка*,

ОЧЕК – ОЧК *сыно'чек – сы'ночка*#,

ОЧК – УШК *девушка – девочка*#,

СТВ – СТВИЈ *царство – царствие*,

УШЕК – ЫШЕК *ко'лушек – колышек*,

http://www.lib.tsu.ru

УШК – ЫШК *го'рлушко – горлышко, пя'тнушко – пятнышко, со'лнушко – солнышко,*

Ц – ЕЦ *крыльцо – крыле'ц*[#]*,*

ЫШ – ЯШ *белы'ш – беляш,*

ЯГ – ЯК *железя'га – железяка;*

в редких случаях – за счет приставок:

Ø – ПОД *навес – поднавес,*

Ø – С *родственник – сро'дственник,*

Ø – У *стре'тенье – устре'тенье,*

ДО – У *договор – уговор,*

ДО – ПРИ *добавка – прибавка,*

ЗА –ПЕРЕ *заулок – переулок,*

ИЗ – ПЕРЕ *излом – перелом,*

ИС – ПО *искривление – покривление.*

Словообразовательные различия могут быть связаны и с соединительными гласными: *гужае'д – гужее'д, машинтоварищество – машинотова'рищество, пилорама – пилура'ма, птицфа'брика – птицефабрика, стеклочисти'тель – стеклоочиститель.*

У имен прилагательных варианты различаются суффиксами:

Ø – ЛЯВ *крутой – крутля'вый,*

ЕЛЬН – ЕШН – ЈЕШН *пла'тельный – пла'тешный – пла'тьешный,*

ЕЛЬСК – ЕСК *хрони'тельский – хрони'ческий*[#]*,*

ЕЩ – ЁН – ЯЩ *завалёщий – завалёный – заваля'щий,*

ЁНН – ИТЕЛЬН *продлённый – продли'тельный,*

http://www.lib.tsu.ru

ИСТ – ЛИВ *прожо'ристый – прожорливый,*

ИСТ – Н *свети'стый – светно'й,*

ИСТ – ТН *пробо'истый – пробитно'й*[#]*,*

К – ЛЯВ *вёрткий – вертлявый*[#]*,*

К – МЕНН *низкий – низменный,*

ЛИВ – Н *несчастный – несчастливый,*

ЛИВ – УЧ *бодливый – боду'чий,*

Н’ – Н *верхний – ве'рхный*[#]*, здешний – зде'шный*[#]*, лишний – ли'шный*[#]*, нижний – ни'жный*[#]*,*

Н – СК *милиционерский – милицейский*[#]*,*

НИН – ОВ *бра'тнин – братов,*

НУЧ – НУЩ – НЮЩ *грязну'чий – грязну'щий – грязню'щий,*

ОВ – ОВСК *ондатровый – онда'тровский,*

ОВАТ – ОВИТ *башкова'тый – башкови'тый, мозгова'тый – мозгови'тый,*

ОШН – ЫШН *давно'шный – давны'шный,*

УЧ – УЩ *долгу'чий – долгу'щий, матеру'чий – матеру'щий.*

Наречные варианты различаются преимущественно суффиксами:

Ø – Е *вперёд – впереде'* [#]*,*

Ø – И *вслух – вслу'хи,*

Ø – ИКА *теперь – тепе'рика*[#]*,*

Ø – ИЧА *теперь – тепе'рича*[#]*,*

Ø – О *мал'-ма'ло – ма'ло-ма'ло, внутрь – внутро',*

Ø – СЬ *вчара' – вчара'сь*[#]*,*

http://www.lib.tsu.ru

Ø – ОКА – КА *там – та'мока – та'мка,*

А – Е *завтра – за'втре, назавтра – наза'втре,*

А – ИКА *тапе'ря – тепе'рика*[#]*,*

А – ИЧА *тапе'ря – тапе'рича*[#]*,*

А – ОВА *откэ'да – откэ'дова, откуда – отку'дова, откуда-то – отку'дова-то, откэ'да-то – откэ'дова-то,*

АМ – АМЬ *пополам – попола'мь,*

Е – ЕЧА *да'ве – да'вечa*[#]*,*

Е – И *внутре' – внутри,*

ЕМУ – ЕНСКИ *по-нашему – по-нашенски,*

ЕЧА – ЧА *да'ве – да'йче*[#]*,*

КОМ – ОМ *сухомя'том – сухомя'тком,*

МЯ – ОМ *дармя' – даром,*

НУ – НОЙ – НОМУ *по–ма'терну – по–ма'терной – по-ма'терному,*

О – КО *немного – немножко*[#]*,*

О – У *неподалёко – неподалёку, подо'лго – подолгу, пома'ло – помалу, помно'го – помногу,*

ОЈЕ – ОЈОМ *вдвое – вдвоём*[#]*;*

реже – префиксами:

Ø – В *замуж – вза'муж, замужем – вза'мужем,*

Ø– ПО *мимо – помимо,*

В – ПО *вдвое – подвое*[#].

Глагольные варианты различаются чаще префиксами:

http://www.lib.tsu.ru

Ø – РАС *ска'зывать – рассказывать,*

Ø – С *пускать – спускать,*

В – ПО *вставить – поставить,*

ВЫ – ИЗ *выбрать – избрать,*

ВЫ – О *вычистить – очистить,*

ВЫ – ОТ *выключить – отключить, выдать – отдать,*

ВЫ – ПЕРЕ *вывернуться – перевернуться,*

ВЫ – РАЗО *выдрать – разодрать,*

ВЫ – СО *вырвать – сорвать,*

ДО – НА *добиться – набиться,*

ЗА – С *задаться – сдаться, захватить – схватить,*

ЗА – ПРИ *застыть – пристыть,*

ИЗ – С *изде'лать – сделать, изде'латься – сделаться, изломать – сломать,*

ИЗ – ПО *изломать – поломать, изломаться – поломаться,*

НА – О *надеть – одеть, надевать – одевать,*

НА – ОТ *налупить – отлупить,*

НА – ПО *накрыть – покрыть,*

НА – С *навешать – свешать,*

О – ПО *окрасить – покрасить,*

О – ОБ *осудить – обсудить,*

ОБ – РАЗ *обменить – разменять*[#]*,*

ОБ – С *обменить – сменить*[#]*,*

http://www.lib.tsu.ru

ОТ – ПРО *отдать – продать,*

ОТ – С *отломить – сломить,*

ОТ – У *отвезти – увезти,*

ПО – ПРО *поздравить – проздра'вить,*

ПО – РАЗ *поделить – разделить,*

ПО – С *похоронить – схоронить,*

ПО – У *помереть – умереть,*

ПОД – ПРО *подбить – пробить, подбивать – пробивать,*

ПРИ – У *пристать – устать,*

РАЗ(О) – С(О) *разменять – сменять*[#], *разменяться – сменяться, разогреться – согреться,*

С – У *стащить – утащить, спасть – упасть,*

в более редких случаях – суффиксами:

А – ОВА *брезгать – брезговать, исповедать – исповедовать, проведать – прове'довать, хвастать – хва'стовать,*

А – ЫВА *назанимать – наза'ймывать*[#],

Е – ЕВЕ *запле'снеть – заплесневеть,*

ЕВА – ОВА *танцевать – танцова'ть,*

ЕВА – АВА *ночевать – ночава'ть,*

И – ОВА *кири'ть – ки'ровать*[#], *посове'титься – посоветоваться,*

УЧ – АН *сгорбу'читься – сгорба'ниться;*

в отдельных парах – постфиксами:

http://www.lib.tsu.ru

Ø – СЯ *висеть – висе'ться, допить – допиться, лежать – лежа'ться, нюхать – ню'хаться, оста'ть – остаться.*

Значительную часть вариантных цепочек можно отнести к смешанным, сочетающим разные виды варьирования: *неу'жли – неуже'ли* (фонематическое + акцентное), *игла – иголка* (фонематическое + лексико-морфологическое), *вы'боры – выбора'* (акцентное + грамматическое), *вёрткий – вертлявый* (фонематическое + акцентное + лексико-морфологическое) и т.п. Наиболее частыми комбинациями являются сочетания фонематических и лексико-морфологических (*могу'честь – мо'чность, на'волока – наволочка, сюда – суда' – суды'*), фонематических и акцентных (*далёко – далеко', се'реда – среда, четверо – четвёро, хлёбать – хлебать*), акцентных и грамматических (*полный – полно'й, крупный – крупно'й, толстый – толсто'й*), грамматических и лексико-морфологических различий (*верхний – ве'рхный, женщина – же'нска, надгро'бник – надгро'бница, пахта – па'хтанье, печь – печка*), другие переходные случаи встречаются реже.

Около трети всех вариантов в речи информанта составляют фонематические (36,3%), на втором месте лексико-морфологические (29,0%), третье место занимают грамматические (7,0%) и акцентные (6,7%). Значительная часть вариантных рядов (21,0%) носит смешанный характер. Ср. в Вершининском говоре: лексико-морфологические варианты – 46%, фонематические – 34%, акцентные – 11%, грамматические – 9% [Богословская, 1984: 13]. Таким образом, при одинаковом распределении формальных вариантов по типам налицо их разное соотношение в говоре и языке личности. Особенно заметно различие в количестве лексико-морфологических вариантов.

Частеречные характеристики формального варьирования слов отражает таблица:

Тип вариантов							
Часть речи	Фонем.	Акцент.	Грамм.	Лекс.-морф.	Смешан.	Итого	В %
	Количество рядов						
Существительное	97	23	33	75	72	300	48,9

http://www.lib.tsu.ru

Глагол	29	8	10	58	11	116	18,9
Наречие	23	4	–	27	4	68	11,0
Прилагательное	18	1	–	18	27	64	10,4
Частицы	17	–	–	–	1	18	2,9
Предлоги	11	–	–	–	–	11	1,8
Числительное	6	3	–	–	1	10	1,6
Категория состояния	4	2	–	–	2	8	1,3
Местоимение	7	–	–	–	–	7	1,2
Союзы	6	–	–	–	–	6	1,0
Модальные глаголы	3	–	–	–	1	4	0,7
Междометие	2	–	–	–	–	2	0,3
Всего	223	41	43	178	129	614	
В %	36,3	6,7	7	29	21		100

Из таблицы видно, что формальное варьирование затрагивает все грамматические классы слов – как самостоятельные, так и служебные. Среди всех выявленных вариантных рядов почти половину составляют имена существительные (48,9%). Второе место со значительным отрывом занимают глаголы (18,9%), третье почти в равном количестве делят наречия и прилагательные (10,4%). Ср. данные З.М. Богословской [1984: 6] по Вершининскому говору в целом: существительные – 1663 ряда, глаголы – 648, наречия – 204, прилагательные – 429 – т.е. 55,4: 21,6: 6,8: 14,2 %. Таким образом, и в языке личности, и в говоре первенство за именем существительным и глаголом, но налицо различие в числе вариантных цепочек среди наречий и прилагательных.

Доля вариантов у слов других частей речи невелика и не превышает 3%. Интересно, что среди служебных частей речи наибольшее количество формальных вариантов отмечено у частиц.

http://www.lib.tsu.ru

Показательно также неравномерное распределение по грамматическим классам вариантов разных типов. Фонематическое, в отличие от всех других типов варьирования, представлено максимально полно и встречается не только у самостоятельных, но и у служебных слов. Только фонематическому варьированию подвержены союзы, частицы, предлоги, модальные слова и междометия. Грамматические варианты отмечены лишь у существительных и глаголов. Акцентное и лексико-морфологическое варьирование занимает промежуточное положение между этими крайними позициями и встречается преимущественно у существительных, глаголов, прилагательных и наречий.

Причины возникновения вариантов специфичны у каждого из их видов.

Фонематическое варьирование у слов иноязычного происхождения связано с их приспособлением к русской фонетической системе (устранение зияния: *биолог – биво'лог, иорда'нь – ерда'нь;* упрощение структуры сложных для произношения слов: *пастеризовать – стеризова'ть, илерги'я – ирги'я, аккумулятор – кумуля'тор*). В отдельных случаях варианты иноязычных слов появляются под влиянием живых диалектных фонетических особенностей. Например, в Вершининском говоре начальное О регулярно переходит в И (*игоро'д, игуре'ц* и т.п.) – в результате у прилагательного *атрофированный* возник вариант *итрофи'рованный*, так как начальные А и О в безударном положении не различаются.

У русских слов варьирование обусловлено редукцией безударных гласных, утратой начальных и конечных согласных, упрощением групп согласных при беглом произношении (*о'кань*[*] *– окунь, господи – о'споди, вишь – ишь, вот – от, только – то'ко, хоть – хыть, дак – дык, су'противе – су'проти, маркита'нт – маркита'н, рубль – рубь, куртка – ку'рка, некогда – не'кода, сегодня – сёдня*), связано с отражением фонетических явлений, свойственных более ранним периодам развития языка (*мла'же – моложе, душеврёдный – душеверёдный, осужа'ть – осуждать, новорожде'нный – новорождённый, держаться – доржа'ться*), а также с законами сочетаемости звуков в потоке речи (*из – изо, с – со, от – ото*).

Для всех лексических единиц независимо от их происхождения причиной появления фонематических вариантов могут быть процессы ассимиляции (*пенсия – пе'нзия, свободный – слобо'дный, лучше – лу'чче, вчера – вчара', ночевать – ночава'ть, нынче – но'нче, бывать – бува'ть, фулига'нство – фулюга'нство, мариновать – меринова'ть*),

[*] Написание отражает редукцию безударного гласного (о'[къ]нь).

http://www.lib.tsu.ru

реже диссимиляции звуков (*мимо – ни'мо, вермишель – вармише'ль, компот – конпо'т*), влияние произношения однокорневых слов (*сладость – сла'тость,* ср. *сла[т]кий, нервопато'лог – невропатолог,* ср. *нервы*), установление новых мотивационных связей вариантной единицы (*хряк – хрюк,* ср. *хрюкать, клевать – клюва'ть,* ср. *клюв*), постепенная утрата говором бывших регулярных фонетических закономерностей, которые сначала становятся лексикализованными, а затем разрушаются и в лексикализованных единицах (так, наряду с регулярным переходом Ц → С *свести', свет, свето'чек, свети'стый* – отмечено более редкое *цвести*; следы некогда регулярного перехода К → Т, Г → Д, А → Е отражены в вариантах *букет – буте'т, кипятильник – типяти'льник, гля – для, герань – дера'нь, опять – опе'ть, а'нгель – а'ндель*; более ранние нормы произношения отражены в парах *цалова'ть – целовать, ничё – нича'*).

Акцентное варьирование обусловлено в основном взаимодействием акцентных типов (*темно – тёмно*, ср. *весело', давно';* но *ши'бко, пло'хо…, пья'ный – пьяно'й,* ср. *гри'бный, ста'рый,* но *бойко'й, ловко'й…* и т.п.), а также влиянием ударения в однокоренных словах (*по'хороны – похоро'ны*, ср. *похоро'нка, похоро'нят…*).

Грамматическое варьирование связано с взаимным влиянием продуктивных и непродуктивных глагольных классов и типов склонения, отчасти с фонетическими и историческими процессами. Причины лексико-морфологического варьирования кроются в десемантизации аффиксов, вариантности мотивирующих основ, взаимодействии словообразовательных моделей и др.*

К общим причинам существования формальных вариантов в говоре можно отнести интенсивное взаимодействие диалектов с литературным языком, а также отчасти с городским просторечием.

Функционирование вариантов

Условия появления в речи.

1. Наиболее характерным для диалектоносителя является употребление формальных вариантов слов в условиях непосредственного, естественного монолога или диалога, без влияния извне. Оно типично для всех видов варьирования:

* Более подробно конкретные причины формального варьирования слова изложены в работах О.И. Блиновой [1975] и З.М. Богословской [1984].

http://www.lib.tsu.ru

А счас тля-тля там [на смородине], как тенёта; Де'на но'нче говорит белить надо, большу'чи тено'та; А я пошла да ворота'-то отодвинула. ~ А он чё-то пошёл, да в воро'та-то упал; Сколько мучился! Сколь перетерпел; Ты видала у меня в этой, в бане – чугунка-то така', чугун-то большой?

Как частную разновидность такого употребления можно рассматривать появление вариантов у лексики из пассивного словаря информанта. В этом случае варьирование звуковой оболочки возникает:

– при освоении новых слов (воспроизведение "трудных" слов с иноязычными корнями) – в результате появляются фонематические варианты: *А он нигде не рабо'тат, работать нечего там, там мехлиниза'тором… механизатором работал, а счас убрали его; Ну у ей признали как… хрони'тельска… хрони'ческа эта боле'зь;*

– при воспроизведении в речи устаревающих слов ("вспоминание" их, отражающее начало процесса утраты этих единиц даже из пассивного словарного запаса) образуются лексико-морфологические варианты. Ср. рассказ о крещении: *Надо же купа'льницу везти, как её называют? Макали туды' [ребенка]. Кум и кума. [Вспомнила слово:] Купель ставят, три свецьки.*

2. Реже варьирование возникает при повторе слова за собеседником в диалоге. Такое явление отмечено для всех видов вариантов, кроме лексико-морфологических:

Ю.В. Телевизор он себе купил, – ну, через Валю. Ну, через сестру. С дистанционным управлением. За тыщу двести. В.П. За тыщу двести – телевизор Вале пришёл, ну как вроде по талонам ли по чему ли (повтор за молодым племянником; нормативное для В.П. произношение – *телеви'зер);*

[Вас клещ кусал?] А кто ё знат? А чё? Охота тебе, чтобы меня клеши укусил? (повтор за собирателем; обычно произносит *клёши*);

В.П. Кто был? Е.Н. Дак а это шофёр его. В.П. Шофёр? (повтор за дочерью племянника; нормативно для В.П. *шо'фер).*

3. Возможно также проявление варьирования при передаче чужой речи (воспроизведение речи собеседника):

http://www.lib.tsu.ru

Она фуфайку надева'т, я говорю: "Ты мою… ты не мою фуфайку надева'шь?" Она: "Нет. У меня вот предме'т" – сигареты ута'скивать [из кармана] (передает речь дочери односельчанки, сама последовательно произносит *пре'дмет*);

Потом Ка'тюшка идёт, Поля вышла, она: "Катину до'чку…" – как? Катину? П.М. Ну, Катя, Чечина. В.П. "Катину до'чку… дочку' убили" (корректирует свою речь, отражая типичное для украинки ударение *дочка'*);

Я зашла, он гыт: "К ба'ушке?" Я говорю: "Можно?" – "Можно". Я зашла. Он гыт: "К бабушке?" я говорю: "Ага" (воспроизводит речь городского мальчика, заменяя привычный вариант *ба'ушка* на литературный *бабушка*);

Лена вчара' прибежала – она меня в баню звала – она там де-то криче'ла, а я не слыхала. Сижу тут-ка, она: "Баб, ты чё, не слышишь, ли чё ли?" Я говорю: "Нет, а чё?" – "Да я тебя кричала, кричала… В баню пойдёшь? Ступай мойся" (передает речь дочери племянника, сама произносит *криче'ть).*

Во всех подобных случаях появляется низкочастотный вариант, свойственный носителю литературного языка (реже – носителю другого языка) и не характерный для В.П.

Позиции. У фонематических и акцентных вариантов преобладает дистантное расположение, а грамматические и лексико-морфологические варианты встречаются как в дистантной, так и в контактной позиции.

Функции. Наиболее ярко особенности функционирования вариантов проявляются при их контактном расположении.

1. Центральная функция для всех видов формальных вариантов слов – замещения (или самокорректирования), в которой отражается ориентация диалектоносителя на нормативное словоупотребление. В современных условиях существования диалекта на него интенсивно влияет литературный язык. В метаязыковом сознании диалектоносителя даже старшего поколения живет представление и о диалектной, и о литературной норме. Понятие нормы связано также с частотой употребления единицы в говоре в целом и в языке отдельной личности. Эти факторы, иногда разнонаправленные, определяют возможности контактной замены вариантов по параметрам "более частотное – менее частотное", "общерусское – диалектное". Ср.:

http://www.lib.tsu.ru

а) замена на более частотный у информанта вариант:

О – ДО: *Уходила она замуж, дочка-то её. А это… тоже, гыт, вышла вза'муж, тоже, гыт, разошлась; И вот она гыт: "Я стирала. Но'нче… сёдня, гыт, две верёвки, и но'нче, гыт, четыре верёвки я настирала, и сёдня надо потти' ешо стира'ться";*

ДО – О: *Утром это пошли, гыт, Рая гыт корову угонять – из зау'лка там, переулком тем, угоняют они;*

б) замена на менее частотный у информанта вариант:

О – ДО: *Такси наняли бы да приехали ба; Сколько же он – я говорила? Сколь тысяч дал? Двенадцать?;*

ДО – О: *А он бы туды' бы не пошёл, если бы – так уволился, ли как ли. А то он ходил туда, на свою работу; Картошкими начинишь их [кишки]… Сырыми картошкими. Они жарются тут-ка. Картошки там, в корыте, нарублю, сечкой, угу. Лучку поло'жу, перчику мале'нько. ~Ну, они же не вре'дны – чё, картошка там!*

2. Функция уточнения (уточнение, конкретизация характеристик слова):

а) грамматических – для лексико-морфологических вариантов, осложненных грамматическими различиями:

Без похоронной не отпевают. Да, надо похоронку, обязательно; Я ему дала триста рублей, три со'тельных. Он приходит ко мне, получил деньги, приходит. Две сотни подал, одну пятисотку – за сотню же.

В обоих случаях форма субстантивированного прилагательного уточняется формой существительного, в которой нет несоответствия между частеречным значением предмета и средствами его выражения;

б) семантических – для лексико-морфологических вариантов:

А у ей сестра её, она моя хре'сница. Она: "Поезжай к хрёсне! вставь окошки хыть!" Это, "поставь ей окна, вставь хоть ей" (приставка В- уточняет направление действия и, кроме того, образует регулярную антонимическую оппозицию с *выставить* "вынуть оконные рамы"); *Ну, они скоро выкопали, машиной трактором этой… сара'пкой… сара'палкой… копалкой* (суффикс -К- многозначен; подбирается слово с более специализированным суффиксом и образованное по продуктивной модели, созвучное с

http://www.lib.tsu.ru

копалка); *На что она до'ржит гусей-то? Только, может, неслась гуси'ца-то ра'зе летом? А так – гуся', гусака, да гуси'цу до'ржит* (уточняется принадлежность к мужскому полу в противопоставлении женскому).

Функция уточнения свойственна грамматико-морфологическим* и лексико-морфологическим вариантам.

3. Экспрессивная функция (создание или усиление экспрессии высказывания).

При контактном употреблении эта функция типична прежде всего для лексико-морфологических и грамматико-морфологических, реже для грамматических вариантов.

а) Происходит замена нейтрального варианта на экспрессивно-эмоциональный.

Чаще всего нейтральный вариант заменяется на субъективно окрашенный, не имеющий четкой эмоциональной оценки:

Он гыт: "Я на свои'м паю косил, на свои'м пайке'"; Кино было, дак мать и дочь влюбились в идного. И дочка моло'денька, и вот влюбились, не знаю, чё дальше будет…

Информативный, нейтральный план повествования переводится в субъективный, "отстраненный" объект начинает восприниматься как часть мира языковой личности, что находит выражение в изменении варианта. Аналогичные ряды исследователи (З.М. Богословская, О.Ю. Галуза) относят к стилистической функции, где различие в употреблении единиц связывается с информативным и обиходно-разговорным стилями. Но отнесение таких вариантных образований к разным стилевым пластам диалекта представляется спорным. Современный диалект – очень слабо дифференцированная в стилевом отношении форма языка, реализующаяся главным образом в обиходно-разговорном варианте; другие стили (официальный, народно-поэтический, публицистический…) фрагментарны. Речь В.П. выдержана в рамках этого стиля, с небольшими вкраплениями народно-поэтического, сниженного и, в еще меньшей степени, официально-делового. Контексты, в которых употребляются "стилистические" варианты, не отличаются по условиям, тематике, целям общения и не различаются, следовательно, стилистической принадлежностью.

На выбор варианта в экспрессивном контексте могут влиять особенности его употребления:

* Под грамматико-морфологическими подразумеваются комбинации лексико-морфологических и грамматических вариантов.

http://www.lib.tsu.ru

Дед у их получает четыре тысячи. Ну и вот он [его сын] козыря't за деда как вроде. А кого? А деда жырёт тоже так… не дай бог. Замена нейтрального *дед* на слово *деда*, используемое обычно при непосредственном близкородственном контакте как этикетная доброжелательная форма (так же, как *баба* в сравнении с *бабушка*, *мама* в сравнении с *мать*…)* в сочетании с грубым *жрёт* создает контекст иронически-неодобрительный.

б) Происходит усиление экспрессивности контекста за счет повтора:

Я говорю: "Ну ты на меня не загадывай [что попадется рыба в сеть], я, – говорю, – несча'стна така', несчастли'ва, не попадут".

4. Информанту не свойственно стремление говорить грамотно, "по-культурному" (отмеченное у некоторых других жителей этого села) при беседе с более образованными собеседниками. Поэтому функция "языкового перевода" (с сознательным отказом от более привычного для себя словоупотребления), выделенная З.М. Богословской у вариантов Вершининского говора [1984], для В.П. нетипична. Лишь несколько примеров с некоторой долей условности можно отнести к проявлению этой функции:

Замесила [тесто] да легла. [В пять часов темно'?] Ну, тёмно! И в шесь тёмно. Темно'; Ты видала у меня в этой, в бане – чугу'нка така', чугун-то большой? [при разговоре с собирателем].

Любую замену диалектного варианта на литературный нельзя признать "языковым переводом", так как общерусский эквивалент может свободно использоваться информантом и при общении с диалектоносителями (*помере'ть – умереть*, *изде'лать – сделать* и др.).

При дистантном употреблении вариантных единиц выбор одной из них также определяется, очевидно, прежде всего ее соответствием норме.

Для части формальных вариантов в дистантной позиции можно говорить и об экспрессивной функции:

а) редукция звуков в таких лексических единицах, как *ить*, *прям*, по сравнению с более нейтральными *ведь*, *прямо* – один из показателей повышенной экспрессии контекста. Ср.: *А у Гути прохладно прямо; Прям много, много набрала; Мне Вера Павловна сказала, я прям радёхонька;*

* Такие варианты, находящиеся в отношениях дополнительной дистрибуции, О.Ю. Галуза называет

http://www.lib.tsu.ru

б) сдвиг ударения на флексию в ряде имен прилагательных связан с подчеркиванием проявления признака. Ср.: *Окошки замарала тряпкой гря'зной; Наберу карто'вочек я. Ешо надо намыть, набрать. Грязны'-прегрязны'!; А нос исчеса'лся – чё к чему? Говорят, выпить да на пья'ного смотреть; Петраков сидит, и он – пьяны' в дым!*

Говорить о функции уточнения при дистантном расположении вариантов сложно.

Кроме таких факторов, как частотность, системная соотнесенность вариантных единиц с основными формами национального языка, степень эмоциональности контекста, на выбор лексической единицы могут оказывать воздействие:

– темп речи (у фонематических вариантов, ср.: *дак, хоть* – и *дык, хыть* при убыстренном произношении);

– сочетаемость. Ср.: *Он не разбира'т, чтобы ему принесли, налили, – как Коля наш. Ему надо, чтобы пода'ли всё. А тот без рук, без ног воро'та иткрыва'т* (основной вариант у В.П. – *ворота'*, менее частотное *воро'та* закреплено в поговорке и связано с ее ритмической организацией). Сочетаемость влияет на выбор акцентных вариантов;

– парадигматические связи варианта. Так, в вариантном ряду *морковь – морковка – морковки – морко'шка* "растение" и "собир. плоды этого растения" (частотность 20 : 7 : 1 : 1) суффиксальные варианты в 5 случаях из 9 "поддержаны" наличием структурных мотиваторов (*картошки, картошка*), но ни в одном из 20 словоупотреблений варианта *морковь* одноструктурные образования в тексте не отмечены.

Два последних фактора играют важную роль в функционировании лексико-морфологических вариантов.

В целом можно сказать, что разным видам формальных вариантов свойствен разный характер функционирования: условий появления в речи, типичных позиций, функций, факторов, влияющих на выбор вариантной единицы. По этим параметрам фонематические варианты близки к акцентным; лексико-морфологические и грамматические имеют меньше общих черт. Отметим, что контактное употребление, при котором возможность осознанного выбора варианта резко возрастает, чаще наблюдается у аффиксальных вариантов (грамматических, лексико-морфологических и грамматико-морфологических). Все типы вариантов объединяются функциями замещения (самокорректирования) и экспрессивной; грамматическим вариантам присуща также функция уточнения

неполными [1982: 13].

http://www.lib.tsu.ru

грамматических характеристик, лексико-морфологическим – уточнения семантических характеристик слова.

Частотность. Формальные варианты в языке личности различаются частотностью употребления. При этом возможно:

а) регулярное употребление одной формы и единичное – другой: *туды'* – 113 словоупотреблений, *туда* – 3, *во'семьдесять* – 22, *восемьдесят* – 1, *ворота'* – 10, *воро'та* – 2, *пи'вки* – 7, *пиявки* – 1 и др.;

б) явное преобладание одного из вариантов при достаточной употребительности другого: *де* – 93, *где* – 28, *кто* – 87, *хто* – 28, *куды'* – 81, *куда* – 12, *может* – 59, *мо'жеть* – 19, *от* – 332, *вот* – 161 и др.;

в) теоретически вероятно равночастотное употребление единиц, но говорить о нем пока представляется преждевременным, поскольку оно представлено низкочастотными словами и вывод на ограниченном материале может быть ошибочным.

По мнению О.Ю. Галузы, группа а) образует зону слабого варьирования, а две другие – зону сильного варьирования [Галуза, 1982: 10–12]. Но если, по ее наблюдениям, в Албазинском говоре Амурской области многие варианты слабой зоны находятся в стадии угасания (один из членов вариантной пары устаревает, высокочастотным является общерусский компонент, низкочастотным – диалектный), то в отношении речи нашего информанта этого утверждать нельзя.

Отметим ряд тенденций в частотности употребления вариантов исследуемой языковой личности:

1. Среди вариантов, различающихся количеством звуков, чаще употребляются более лаконичные (*это – е'то, этот – е'тот, там – та'мока, т'амка, о'споди – господи, о'бшем – в обшем, в о'бчем, де – где, де–то – где-то, де-нибудь – где-нибудь, ить – ведь, мо'же быть – может быть, ли – а'ли, или, уж – уже', прям – прямо, счас – сейчас, тут – ту'тока, ту'тка, ишь – вишь, пи'вки – пиявки* и др.), что соответствует тенденции к экономии речевых усилий и устной форме существования диалекта.

2. В оппозициях "О – ДО" высокочастотным чаще является диалектный член пары, чем общерусский (*бува'ть – бывать, куды' – куда, пе'нзия – пенсия, вчара' – вчера, тёмно – темно, изде'лать – сделать, стира'ться – стирать, це'рьква – церковь, карто'шки –*

картошка и др.). Вероятно, объясняется это в первую очередь архаическим социально-речевым типом говора информанта, принадлежащего к старшему поколению.

3. В парах общерусских вариантов ("О – О"), как правило, более частотен тот, который имеет разговорную окрашенность в литературном языке (*счас – сейчас*, *нету – нет*, *дочка – дочь*, *схоронить – похоронить* и др.). Исключение составляют *только* и *тысяча*, более частотные, чем *токо* и *тыща*.

Подведем итоги.

Бо'льшая часть лексикона информанта не подвергается формальному варьированию. В то же время формальное варьирование занимает значительное место в языке исследуемой личности, несмотря на ее принадлежность к архаическому типу говора. Варьированию звуковой оболочки подвержена прежде всего лексика активного словарного запаса.

В языке личности варианты различаются типом формальных соответствий, частеречной принадлежностью, соотнесенностью с основными формами национального языка и характером функционирования.

В идиолексиконе отмечены фонематические, лексико-морфологические, акцентные, грамматические варианты и варианты смешанного типа. Самым распространенным является фонематическое варьирование, второе место занимают лексико-морфологические варианты, число грамматических и акцентных вариантов невелико. Длина вариантных рядов достигает шести звеньев.

Спектр грамматических классов вариантов различен для разных типов формального варьирования. Наиболее широк он у фонематических, наиболее узок – у грамматических вариантов. В целом формальное варьирование характерно главным образом для знаменательных частей речи – существительных, глаголов, наречий и прилагательных (по убывающей).

Члены вариантных цепочек по-разному соотносятся с основными формами национального языка (литературный язык, говоры и городское просторечие). Подавляющее большинство цепочек состоит из общерусского члена и его диалектного эквивалента (эквивалентов), что говорит об интенсивном взаимодействии диалектов с литературным языком на современном этапе их развития. Распространенными являются также ряды О – О, ДО – ДО и Д – Д.

http://www.lib.tsu.ru

Формальные варианты, как правило, употребляются в естественной речи диалектоносителя без внешнего влияния; реже варьирование возникает в результате повтора за собеседником или при имитации чужой речи. Для них свойственны функции замещения, уточнения и экспрессивная. На выбор варианта в речи влияют его частотность, соотнесенность с формами национального языка, степень эмоциональности контекста, темп речи, парадигматические, синтагматические и эпидигматические связи данной единицы. Более частотными в речи диалектной ЯЛ являются диалектные варианты (в сравнении с общерусскими) и варианты с меньшим количеством звуков (в сравнении с менее лаконичными).

Формальное варьирование в языке личности имеет сложное соотношение с варьированием во всем говоре. В речи информанта отмечено около 1/5 всех формальных цепочек слов говора[*]. Имеются и такие варианты, которые в говоре не зафиксированы. Сопоставление показывает, что при общности типов рассматриваемых единиц Вершининский говор и язык одного диалектоносителя отличаются количественным наполнением каждого типа, их иерархией и особенностями употребления.

1.3.3. Полисемия

Явление полисемии широко изучалось в литературном языке, значительно меньше оно исследовано в говорах. На диалектном материале рассматривались типы смысловых отношений между ЛСВ слова (Э.В. Васильева, А.П. Чудинов, В.В. Резцов), ставился вопрос о разграничении полисемии и омонимии (В.Г. Арьянова, О.И. Блинова, Т.А. Коровaненко), о связи многозначности с другими лексическими явлениями (О.И. Блинова, Г.А. Мординова); исследователей интересовало также отражение семантической структуры диалектного слова в словарях (О.В. Загоровская, Ф.П. Сороколетов). Идиолектная многозначность практически не анализировалась; имеются лишь отдельные упоминания о количестве многозначных слов в лексиконе конкретных диалектоносителей [Тимофеев, 1971б: 22; Скитова, Огиенко, 1971: 31].

Прежде всего встает вопрос о пропорции многозначных и однозначных лексем в словаре личности. Пока ясной картины нет даже в отношении языка коллектива. По мнению Р.А. Будагова, "Подавляющее большинство слов любого современного живого

[*] З.М. Богословской проанализировано 3002 ряда формальных вариантов в Вершининском говоре [Богословская,1984: 13].

http://www.lib.tsu.ru

языка, имеющего длительную литературную традицию, являются многозначными" [1976: 237]; такова же точка зрения К.А. Левковской [1956: 38]. Существует даже мнение, что "…в языке нет абсолютно однозначных слов", и что это "общеизвестный факт" [Долгова, 1980: 12]. Как утверждает Р.А. Будагов, около 80% слов в русском литературном языке (а также в польском, французском, испанском, английском, немецком) полисемичны [1976: 263]. Э.В. Кузнецова считает, что "Такие слова составляют примерно половину лексического состава современного русского языка" [1989: 119]. Подсчеты, произведенные Н.А. Лукьяновой [1966: 9] на материале новосибирских говоров по словнику в 4000 единиц, совпадают с выводами Э.В. Кузнецовой.

Результаты подсчетов по материалам "Полного словаря языковой личности" резко расходятся с приведенными выше данными. Распределение слов и фразеологизмов по количеству значений в лексиконе ЯЛ выглядит так:

Количество значений в слове	Количество слов	Количество значений в слове	Количество слов
1	11298	16	4
2	1884	17	2
3	632	18	3
4	314	19	1
5	136	20	2
6	73	21	1
7	50	23	1
8	29	26	2
9	26	27	2
10	19	29	1
11	13	30	1

http://www.lib.tsu.ru

12	10	35	2
13	6	36	1
14	5	55	1
15	7	57	1
			Всего 14514

Фразеологизмы распределяются по количеству значений следующим образом:

Количество значений во фразеологизме	1	2	3	4	5	
Количество фразеологизмов	1335	75	9	6	1	Всего 1438

Таким образом, несомненно преобладающими в нем оказались однозначные лексико-фразеологические единицы (12633 из 15954, т.е. 79,2% против 20,8% многозначных)[*].

Является ли это типичным для лексикона личности, утверждать сложно из-за отсутствия сопоставительных идиолектных материалов и противоречивости сведений даже для русского литературного языка. Выборочные подсчеты по "Полному словарю сибирского говора" ближе к нашим данным, чем к цифрам Н.А. Лукьяновой: на букву "М" из 671 слова 524 однозначных (78%), на "Г" из 701 слова однозначных 579 единиц (82,6%). Исследование Н.Я. Сердобинцева по "Словарю современного русского литературного языка" (т. 1: А – Б, т. 2: В) показало, что на 10515 анализируемых слов однозначными оказались 83,5% [1981: 9]; В.А. Девкин определяет количество полисемантов в немецком языке на уровне 13–15% [1979: 170]. Пермские ученые лишь констатируют, что в словарном запасе А.Г. Горшковой много слов с двумя-четырьмя и более значениями [Скитова, Огиенко, 1971: 31], но их соотношение с однозначными не

http://www.lib.tsu.ru

приводят. В.Д. Лютикова [1999: 61] отмечает, что в идиолексиконе В.М. Петуховой многозначных слов более 3000 (из 9000). У Е.М. Тимофеевой из 2705 слов 220 (т.е. всего 8,1% словника) имеют 2, 3, иногда 4 значения [Тимофеев, 1971б: 22]. В последнем случае следует учесть, что это словарь дифференциального типа, а диалектные слова менее многозначны, чем общерусские [Херольянц, 1966: 192].

Распространенность моносемичных единиц в словаре диалектоносителя, таким образом, возможно, является отражением общеязыковой картины, а также связана, на наш взгляд, с обилием в говоре конкретно-предметной лексики, экспрессивных образований и фразеологических единиц, которым обычно не свойственно развитие полисемии (среди фразеологизмов В.П. однозначных – 92,84%). Очевидно, как коннотативные семы, так и связанность значения препятствуют развитию многозначности.

Если говорить о характере полисемии, то многозначные лексемы в языке диалектной личности чаще всего двузначны (12,11% от общего количества, или 55,5% от количества полисемантов). В меньшей степени распространены трех-четырехчленные структуры (от общего количества – 3,96 и 1,98% соответственно, от числа полисемичных лексем – 18,15 и 9,06%)[*]. Многозначные слова с количеством ЛСВ от 5 и выше более редки, свыше 12 значений – единичны (в каждой группе меньше 10 слов). Четко прослеживается общая закономерность: количество полисемантов в языке личности обратно пропорционально числу ЛСВ в многозначном слове. Иными словами, чем больше у слова значений, тем меньше таких лексем в лексиконе личности[**].

Не раз отмечалась связь многозначности слова с его принадлежностью к грамматическому классу. В лингвистической литературе сложилось мнение, что "…смысловая структура глагола шире, чем имени существительного, и круг его значений подвижнее. Еще более эластичны значения качественных прилагательных и наречий" [Виноградов, 1972: 19]. По нашим данным, среди пяти основных знаменательных частей речи, для которых характерна многозначность, картина выглядит так:

---

[*] При подсчетах учитывались ЛСВ нарицательных слов и фразеологизмов (за исключением формальных вариантов слов). Оттенки значений подсчитывались на равных правах с самостоятельными ЛСВ.

[*] Ср. подсчеты Н.Я. Сердобинцева: двузначных – 80%, трехзначных – 14%, четырехзначных – 3% от количества полисемантов [1981: 9].

[**] В русском литературном языке эта зависимость тоже прослеживается, хотя не так ярко. Е.А. Минаковой проанализировано 106 полисемантов-существительных. Ср. соотношение числа ЛСВ и количества слов: 3 – 18, 4 – 17, 5 – 22, 6 – 22, 7 – 13, 8 – 7, 9 – 1, 10 – 3, 11 – 2, 12 – нет, 13 – 1 [Минакова, 1991: 33].

http://www.lib.tsu.ru

Часть речи	Количество лексем	Из них многозначных, в %
Глагол	5515	27,67
Наречие	791	24,15
Категория состояния	174	24,14
Прилагательное	1673	20,03
Существительное	5785	15,93

Из таблицы видно, что наибольшее число многозначных слов в сфере глаголов, наименьшее – среди имен существительных. Наречия, слова категории состояния и прилагательные занимают промежуточное место.

Распределение слов с разным количеством значений по грамматическим классам отражено в таблице на с. 124-125. Число n-значных единиц указано в процентах по отношению к числу слов данной части речи.

Максимальное число отмеченных ЛСВ у существительных – 10–12 (это лексемы *дело* – 12, *место* – 10, *время* – 10), прилагательных и местоимений – 11–13 (*большой* – 13, *худой* "плохой" – 13, *чё* – 13, *какой* – 12, *маленький* – 11), наречий – 12–15 (*как* – 15, *так* – 13, *где* – 12)[*]. Особенно многозначны глаголы: 35 ЛСВ зафиксировано у *идти*, 30 – у *пойти*, 27 – у *брать* и *взять*, 20 – у *ходить*. Среди служебных частей речи рекордное число значений имеют предлоги: *на* – 57, *в* – 55, *за* – 36, *с* – 35.

Все ЛСВ многозначного слова связаны между собой наличием общих сем, но они могут быть как непроизводными, так и производными непосредственно друг от друга.

1. ЛСВ могут изначально формироваться добавлением к некоему семантическому ядру дифференциальных сем, характеризующих каждое значение. Между ними наблюдаются отношения не последовательной производности, а равноположенности:

Я ломала помело, руки все вымазала; Все налепим [посуду], да ешо белой глиной вымажем, выкрасим этой белой глиной (***вымазать*** 1. загрязнить, выпачкать, 2. окрасить);

[*] Исключение в "Полном словаре языковой личности" составили прилагательное *хороший* (29 ЛСВ) и наречие *хорошо* (26 ЛСВ), но, возможно, в данном случае необычная многозначность обусловлена индивидуальной интерпретацией материала автором этих словарных статей.

http://www.lib.tsu.ru

Из кадочки все огурцы выклали; Руками копают [погреб], выкопали уже, выклали (***вы'класть*** 1. извлечь что-л. откуда-л., 2. вымостить, обложить чем-л. стены).

2. ЛСВ полисеманта связаны отношениями производности. При этом основные способы развития многозначности совпадают с общенародными. Ими являются метафорический и метонимический перенос.

http://www.lib.tsu.ru

Распределение многозначных слов по грамматическим классам

Часть речи	Количество значений																													
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	23	26	27	29	30	35	36	55	57
	Количество слов в %																													
Существ.	84	11	3	1,2	0,25	0,15	0,03	-	-	0,05	-	0,01	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Глагол	72,3	50	5,9	2,7	1,4	0,7	0,5	0,3	0,3	0,1	0,09	0,1	0,01	0,07	0,05	0,07	0,03	0,03	0,01	0,03	-	-	-	0,03	-	0,01	-	0,01	-	-
Прил.	80	12,25	2,9	2,2	1,01	0,4	0,6	0,1	0,06	0,1	0,2	-	0,1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	0,06	-	-	-	-	-
Наречие	75,85	12,4	5,4	3,3	0,9	0,75	-	0,25	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	-	0,1	-	-	-	-	-	-	-	0,1	-	-	-	-	-	-	-
Кат. сост.	75,9	16,7	3,45	2,3	0,6	0,6	-	-	-	0,6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Местоим.	45,9	16,7	6,9	8,3	2,8	5,55	1,4	2,8	1,4	4,2	1,4	1,4	1,4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Числит.	95,4	4,6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Вводн.	78,9	13,1	5,3	2,6	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Модальн.	60	20	10	10	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Союз	42,3	15,4	7,7	9,6	7,7	5,8	1,9	-	1,9	-	1,9	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1,9	1,9	-	-	-	-	-	-	-	-
Предлог	46,8	17,8	1,6	6,45	3,2	-	1,6	-	1,6	1,6	3,2	1,6	-	1,6	3,2	-	-	1,6	-	-	-	-	1,6	-	-	-	1,6	1,6	1,6	1,6
Частица	45,6	21	10,5	5,3	7	1,75	2,6	0,9	4,4	-	-	-	-	-	0,9	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Междом.	81	12,2	2,3	2,3	1,5	-	0,75	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

http://www.lib.tsu.ru

а) Метафорический перенос на основе ассоциаций по сходству отражает подобие:

– по сходству формы, внешнего вида: *Я говорю: "Галстук надели бы на него"; Она [собака] чёрна вся, а здесь белый галстук и лапки бе'ленькие, и хвостик мале'нько бе'ленький* (***галстук*** 1. полоска ткани, охватывающая шею, 2. светлая полоска на груди животного); *Надо же, прямо своего гнезда не име'т [кукушка]; Я одно гнездо выкопала – шесь штучек, хоро-оша [картошка] гнездо* (***гнездо*** 1. место для кладки яиц, 2. скопление клубней, развившихся из одного корня);

– по сходству качества признаков, свойств: *Чё-то по'моха на наш край. Боле'зь привязалась; А счас мотор сгорел [в холодильнике]. Она взяла да позвонила. А ей сказали: "Са'ма больша' боле'зь у нас на триста пятьдесят тысяч, са'ма дорога' "* (***боле'зь*** 1. Нарушение нормальной жизнедеятельности организма, 2. неполадка механизма);

– по сходству действия: *Она гыт: "Мне некогда, потти надо, бежать"; Ну кровь-то бежала сильно, гыт* (***бежать*** 1. поспешно направляться, 2. быстро течь, литься); *Вилкой в меня, гыт, бросил вилкой, да в ногу, гыт, так больно не воткнулась, гыт; А это чё-то воткнулась, смотрю [альбом с фотографиями]* (***воткнуться*** 1. войти острым концом во что-л., 2. начать пристально рассматривать что-л.);

– по сходству местоположения: *Поля гыт: "Я номер телефона дам"; Когда хороший лён родится, тогда тонкий, как нитки двадцатый номер* (***номер*** 1. порядковое число предмета в ряду однородных, 2. размер предмета, обозначенный особым словом).

б) Метонимический перенос на основе ассоциаций по смежности представлен такими моделями, как:

– действие → место действия: *Так они уж, наверно, близко к выезду; А Мокрушина [улица] – это на выезде* (***выезд*** 1. отправление куда-л. на транспорте, 2. место, путь, по которому выезжают);

– вместилище → вместимое: *Она взяла баночку и унесла; Рубь двадцать баночка [джема]* (***баночка*** 1. сосуд цилиндрической формы, 2. содержимое этого сосуда); *Там траву рвала да всё, складывала в ведро; Моркови восемь ве'дер, однако, наре'зала* (***ведро*** 1. сосуд с дугообразной ручкой, 2. количество чего-л., вмещающееся в такой сосуд);

http://www.lib.tsu.ru

– часть → целое: *Катя-то де, там морковки не дёргат?; Буду стряпать пироги с маком, пироги с черёмхой, пироги с морковкой и с яйцом* (***морковка*** 1. огородное растение, 2. его съедобные утолщенные корни);

– предмет → изделие, материал, продукт из него: *А я уташшыла Леночке туды' – алой да какой-то такой цветок; И он прописал мне алой, алой прописал [ставить] уколы* (***алой*** 1. многолетнее растение, 2. лекарство из этого растения);

– действие → предмет: *К венцу едут, в це'рькву, раньше всё венчались; Венцы надевают, венцы таки' были, как колпаки;* (***венец*** 1. венчание, 2. предмет ритуала венчания); *А счас и выпивка отстала, и еда отстала, всё; Ну, наставила всё, закуску и выпивку принесла* (***выпивка*** 1. процесс употребления спиртного, 2. спиртное) и др.

Обращает на себя внимание "дефектность" семантической структуры многих названий плодовых растений. В литературном языке они обычно двузначны, обозначают как дерево, так и его плод. В языке диалектоносителя (как и в вершининском говоре) подобные слова (*банан, виноград, вишня, гранат, груша, хурма*…) моносемичны и служат только для обозначения плодов соответствующих растений, что можно объяснить внеязыковыми причинами. В то же время бинарность структуры полисемантов сохраняется в названиях местных растений (*малина, виктория, морковка, картошка*…).

Как и в литературном языке, ЛСВ многозначного слова могут быть связаны по радиальному и линейному (цепочечному, ступенчатому) типу, в лексемах с большим количеством значений эти виды связей обычно комбинируются.

Пример радиальной связи:

Вести. 1. Идти с кем-л., сопровождать кого-л. куда-л. (*Босиком обо'е ходют, и девочку босиком ведут*).

2. Управлять, руководить чем-л. (*[Дружка] порядок ведёт, а поддру'жье уж угошша'т там, налива'т вино да*).

http://www.lib.tsu.ru

3. Протягивать, прокладывать в определенном направлении (*Телефонный кабель прокапывают ведут, он там начальником*).

4. Служить путем куда-л. (*Я говорю это… [Песня] "Тропинка милая, куды' ведёшь, куды' зовёшь"*).

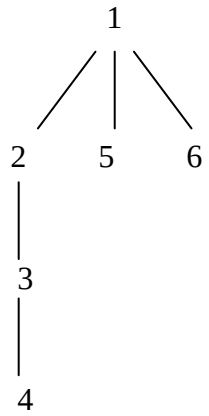
Пример линейной связи:

Воз. 1. Повозка с кладью (*Вот в яму спустится конь, во'за не видать, коня не видать*).

2. Количество груза, которое поместится на такой повозке (*За воз, за воз. От ей-богу. Четыре [тысячи за воз навоза]. Ну воз… ну конский воз, там будет машина ра'зе? какой возишка?).*

3. О большом количестве чего-л. (*А… Людьмила Георгевна тоже покупала. Припёрла тода' целый воз [гостинцев]).*

В полисемантах с четырьмя и более ЛСВ преобладают комбинации этих типов связей:



Вода. 1. Прозрачная жидкость без цвета и запаха (*Нету воды в умывальнике?*).

http://www.lib.tsu.ru

2. Эта жидкость, составляющая реку, озеро (*Где ни'зко место, туда вода зальётся*).

3. Объем этой жидкости и ее уровень в водоеме (*Говорят, что когда вода прибывает, вверьху дожжи – сюды' придут*).

4. Половодье (*Теперь нет такой воды-то*).

5. Водопровод (*Таня говорит тоже: "Я прямо дивлюсь, как вы без воды"*).

6. Обильный пот (*Вся в воде лежу, прямо споте'ла без ума*).

Наличие словаря личности и словаря коллектива, представителем которого является данная личность, позволяет сопоставить реализацию явления полисемии в идиолекте и в говоре. Основные случаи соотношения полисемантов сводятся к следующим:

а) Совпадение системы ЛСВ многозначного слова:

	говор	идиолект
грязный		
– Покрытый грязью	+	+
– Запачканный, нечистый	+	+

б) Система значений многозначного слова в говоре богаче, чем в идиолекте:

	говор	идиолект
вести		
– Идя вместе, направлять движение	+	+
– Идти во главе, направляя движение	+	–
– Управлять движущимся предметом	+	–
– Управлять, руководить чем-л.	+	+
– Преподавать учебную дисциплину	+	–

http://www.lib.tsu.ru

– Прокладывать, протягивать, проводить		
в определенном направлении	+	+
– Служить путем куда-л.	+	+
– Сводить	+	–

в) Система значений многозначного слова в говоре беднее, чем в идиолекте:

	говор	идиолект
горе		
– Душевное страдание, глубокая печаль	+	+
– Событие, вызывающее душевное страдание	+	+
– О чем-л. тяжелом, трудном	–	+
– Тягостная обязанность, долг	–	+

г) Частичное наложение:

	говор	идиолект
грести		
– Работать веслами, приводя в движение лодку	+	–
– Плывя, делать движения руками в воде, над водой	–	+
– Копать, рыть землю движениями, подобными движениям пловца	–	+
– Собирать в кучу, подбирать		

http://www.lib.tsu.ru

граблями, лопатой и т.п.	+	+
– В большом количестве,		
быстро и жадно скупать	–	+

Явление полисемии тесно связано с другими видами системных отношений в лексиконе личности: мотивационными, антонимическими и синонимическими.

В словаре информанта полисемия осложняется мотивационными отношениями, которыми связаны все ЛСВ каждого многозначного слова.

Связь с синонимией и антонимией проявляется обычно в том, что одно многозначное слово в разных значениях "притягивает" разные антонимы:

маленький "небольшой по размерам, объему, площади, величине" – *большой, корыстный, крупный, здоровый (У их две спа'льны, зал большой, а кухня ма'ленька, шибко ма'ленька; Доедай! О'споди, дак они [котлеты] коры'стны? Ма'леньки; Ма'леньки [пироги] делать не люблю. Вот у меня рука несёт всё делать больши', делать кру'пны);*

маленький "невысокого роста" – *высокий, большой (Тятя у нас высокый был, а мама ма'ленька была; Николай был маленький, так не шибко ростом большой был. А я больша', и тятя большой был).*

Теоретически возможны случаи, когда антонимическими отношениями охвачены все значения полисемантичных слов [Иванова, 1982: 25], но они редки и в языке личности не отмечены (так, у лексемы *маленький* антонимия с *большой* представлена только в 8 значениях из 11).

Связь полисемии и синонимии также проявляется и в словаре, и в текстах языковой личности. Исследователи указывают, что синонимические отношения многозначных слов богаче и шире, чем у однозначных [Нуриахметова, 1977: 59]. Как и у антонимов, разные ЛСВ полисеманта входят в разные синонимические оппозиции:

баба "жена" – *жена (А Танька сказала, Володькина баба, жена, что он, гыт, та'мока);*

баба "женщина" – *женщина (А он взял бабу с ребёнком… женшыну с ребёнком взял).*

Таким образом, ЛСВ многозначной лексемы избирательно формируют синонимические и антонимические парадигмы. У глагола *говорить*, например, из 9 зафиксированных значений антонимия с *молчать* отмечена лишь в одном ЛСВ "выражать что-л. в устной форме, произносить" *(Я молчу, ничё уж не говорю, кото'ры: "Вот, я работала…")*. Четырехзначный глагол *глянуться* актуализует синонимические отношения со словами *любить и нравиться / ндра'виться* в значении "соответствовать чьему-л. вкусу" *("Кристалл" был, я его пошто'-то не люблю, он мне не гля'нется как порошок; Тебе не гля'нется, а им нравится тут, хорошо);* в значениях "испытывать чувство симпатии" и "чувствовать склонность к лицу противоположного пола" отмечены связи только с синонимом *любить (Я её люблю, мне гля'нется така', Ирка; Она умерла, а он меня сватал, Николай Прокофьич. Я пошто'-то не любила его, не гляну'лся мне. Ну вот и живу одна)*. ЛСВ "устраивать, быть довольным чем-л." синонимических отношений не актуализует.

Реализация явления полисемии в языке личности обнаруживает в первую очередь общеязыковые характеристики этого феномена. Соотношение многозначных и однозначных слов, распределение полисемантов по грамматическим классам и по числу значений, модели развития полисемии и типы связей ЛСВ в многозначном слове являются, видимо, универсальными для всех разновидностей русского национального языка и для идиолектов его носителей. Специфика диалекта состоит, вероятно, главным образом в наполнении моделей развития многозначности конкретным материалом и в отличной от литературного языка их продуктивности (регулярности). Об индивидуальном начале в реализации полисемии можно говорить при изучении системы значений каждого многозначного слова в сравнении с ее представлением в говоре. При этом возможны случаи их полного совпадения и частичного наложения в нескольких комбинациях. Частотность отдельных ЛСВ в речи ЯЛ также не всегда совпадает с частотностью, зафиксированной в говоре.

1.3.4. Синонимия

При изучении синонимии предметом внимания в региональной лексикологии являлись: соотношение синонимики говора, группы говоров и диалектного языка в целом, источники образования синонимических парадигм, типология синонимов и синонимических рядов, функции разных типов синонимов в речи диалектоносителей (Н.А. Лукьянова, Р.В. Херольянц. В.Н. Кретова, Ф.Г. Андреева, Н.Т. Бухарева, С.Р.

http://www.lib.tsu.ru

Качинская, Л.И. Омельченко, О.И. Блинова, Г.А. Раков, Г.А. Мординова, В.Г. Маслов и др.).

На материале языка отдельной личности проблемы синонимии почти не рассматривались. Есть лишь отдельные работы по изучению этого явления в языке писателей – М. Горького [Кривонкина, 1967], И.А. Крылова [Шершевская, 1980]. Синонимия в идиолексиконе рядового носителя языка, в том числе диалектоносителя, исследованию не подвергалась.

В дискурсе В.П. приемом сплошной выборки из текстов выявлено 1144 единицы (не считая вариантных и экспрессивных образований от них), входящих в 467 синонимических рядов.

Частеречная характеристика. В отношения синонимии в лексиконе информанта вступают слова всех знаменательных частей речи, а также отдельные служебные слова, некоторые устойчивые словосочетания и фразеологические обороты. Преобладают однородные синонимические цепочки из глаголов (202 ряда, или 43,3%), существительных (118, 25,3%), прилагательных (68, 14,6%), наречий (24, 5,1%) и слов категории состояния (13, 2,8%). Единичны ряды вводных слов (*видно, может/мо'жеть, может быть, однако, поди*), местоимений (*всякий, всякий-разный; кого, чё*), междометий (*зык-зык, стук-стук*), частиц (*ага, да, ну, угу*), фразеологизмов (*в дым, в дужи'нку*) – в совокупности 1%.

В речи диалектоносителя отмечены также регулярные синонимические отношения между словами разных частей речи – в тех случаях, когда существительное или глагол выражают значение признака или состояния, а прилагательное – значение счетной единицы:

Недавно построили дом – вот они другой год живут, ли третий ли, второй год, наверно (прилагательное – числительное); *А он глухой был у нас, недослы'шал* (прилагательное – глагол); *А меня мани'т париться. Охота попариться* (глагол – категория состояния); *Кого там. Песте'рь. Смирный* (существительное – прилагательное), а также между лексическими и фразеологическими единицами:

"Матрёна в положении, Матрёна брюха'та"; Ну а чё она, ни холеры не де'лат. Мне-то ничё не де'лат она; Прям рёвом ревёт вот, горькими слезами плачет, а… ревёт прямо!

Смешанный характер носят 37 рядов (7,9% от общего количества).

Длина ряда. Синонимические ряды в лексиконе информанта насчитывают от 2 до 17 звеньев. Средняя длина ряда составляет 2–3 синонима. Самыми объемными являются ряды глаголов и прилагательных, у других частей речи цепочки не превышают 4–5 единиц.

Рекордным по объему – 17 слов – является ряд синонимов, обозначающий отклонения в психике человека. Проиллюстрируем его примерами из речи В.П.:

И она така' же, не понима'т, дурочка. И дети. Один совсем дурак, а двое-то, ну, сла'беньки умом, ну ничё вроде ба. А брат совсем ненормальный; А эта Анна Петровна чудна' кака'-то. Она придёт, молчит, молчит. Не скажешь, что дурна', а вот каки'-то заскоки; Поди, уж не все дома у него, папочки с мамочкой нету; Тепер'ича работал и работал, и на него нашло. Тяти с мамой не было, как раньше говорили; Она мале'нько потеряла колечко, ну маленько дуркова'та стала, а он-то ничё; А с ём чё? Он тоже повёрнутый, тоже мале'нько чух-рюх; Она же ненорма'льна, куды' люди, туды' и мыслете; Кто поруга'тся, шибко набросится: "Вот шшыльна' так шшыльна'. Дурочка"; Дикарь, дикоша'рый, дурачок – говорят на таких [об орущем коте]; Вот, Арсентий стал. Дурачок был в Ла'риной. Мно'ги так говорят; У ей часто шарики за ролики заходят. Она меша'тся.

Наиболее длинные цепочки связаны также с обозначением физического воздействия *(бахану'ть, ба'цкнуть, долбану'ть, дробалы'знуть, ощеу'чить, поддеть, полысну'ть, стегнуть, ударить, хлестануть; набу'цкать, набить/избить, навози'ть, надавать, нажва'рить, налупить/отлупить, нахлестать, нащелка'ть)*, насильственного удаления откуда-л. (*выгнать, выдворить, выпереть, выпихнуть, выкинуть, выключить, вышвырнуть, отжить, отправить, попросить)*. Немного короче ряды со значением перемещения в пространстве (*отправиться, побрести, пойти, покостыля'ть, попереть/попереться, поползти, потянуться)*, внешней привлекательности человека *(видный, красивый, красавец/красавица, синпати'чный, славненький, смазливенький, хороший/хорошенький)*, его темперамента *(бедовый, бойкий, вёрткий/вертлявый, ёмкий, крутлявый/крутой, непосе'дный, отчаянный, отчаю'га, подвижный, пробитно'й, пробо'истый, проворный, сорванец, шоботно'й, шустрый)*, роста *(коротенький, маленький, небольшой, невысокий, низенький, шпингалет)*, телосложения *(жирный, здоровенный, полный, солидный, толстый, хороший)*, а также глаголов с интегральными семами "есть" *(жрать, исть, кушать, лопать, мести, наворачивать, хря'мкать)*,

"умереть" *(замереть, погибнуть, пропасть, скончаться, спечься, убраться, умереть)*, "сойти с ума" *(ощеле'ть, подури'ть, помешаться, сойти с ума, тряхну'ться, чёкнуться)*, прилагательных с размерным значением *(большой, богатый, громадный/огрома'дный, корыстный, крупный, хороший)*, обозначающих общую отрицательную оценку человека *(неважный, никудышный, нехороший, отвратительный, плохой, постылый, худой)* или предмета *(негодный, неважный, незавидный, нехороший, плохой, худой)*, наречий со значением усиления *(без ума <без разума>, до сме'рти, до упаду, здо'рово, сильно, шибко)* и положительной оценки *(здо'рово, неплохо, нормально, размило, славно, хорошо)*, вводных слов, выражающих предположение *(видно, может/мо'жеть, может быть, наверно, однако, поди)*.

Такое деление синонимических рядов на многочленные, объемные и включающие минимальное количество элементов далеко не случайно. С одной стороны, оно связано с причинами их образования в языке. У ряда слов, прежде всего из области предметной лексики (но не только), возникновение синонимической цепочки обусловлено взаимодействием различных форм национального языка, когда исконное для говора слово вступает в синонимические связи с единицей, пришедшей из литературного языка или городского просторечия (*сила* О, *о'дяг* Д; *окосе'ть* П, *опьянеть* О). Формирование синонимической парадигмы отчасти происходит и при саморазвитии каждой из этих подсистем, в результате которого возможно возникновение некоторой избыточности различных форм для выражения одного и того же содержания (*базар* и *рынок* О; *навя'литься* и *нале'зть* "навязаться" Д). Появление объемных синонимических рядов объясняется также свойствами денотатов со сложными многоаспектными характеристиками: каждый член ряда обозначает различные грани этих свойств. Но несомненно и то, что, с другой стороны, длина цепочки (как и частотность употребления синонимов) тесно связана с языковой картиной мира личности и наиболее пространные ряды отражают наиболее значимые для говорящего стороны окружающей действительности.

Типология

1. Члены синонимического ряда характеризуются разной **соотнесенностью с основными формами национального языка**.

http://www.lib.tsu.ru

В составе парадигм имеются собственно диалектные, диалектно-просторечные и общерусские элементы, а также их варианты. Большинство рядов носит смешанный характер: *ленивый* О, *охлю'истый* Д; *кормить* О, *потчевать* П, *угощать* О; *глянуться* Д, *любить* О, *ндра'виться* ДО; *махры'* Д, *шмутки* П, *тряпки* О и т.п. Наиболее широко представлены парадигмы с соотношением компонентов О – О (*варежки, рукавицы*), О – ДО (*давно'шный, старый*), О – Д (*льдина, глы'за*). Цепочки синонимов, где общерусские единицы отсутствуют (Д – Д), встречаются редко: *захря'деть, захуде'ть* "зачахнуть"; *объе'дистый, обжо'ристый* "прожорливый"; *подрабо'таться, подъе'сться* "частично утратиться при еде, о зубе".

2. В подавляющем большинстве случаев в плане **формальной организации** синонимы являются разнокорневыми единицами (*берег, яр; недовольный, сердитый* и т.п.). Однокорневые синонимы немногочисленны: *бить, убивать* "отстреливать животных"; *молчать, помалкивать; скоро, скоропостижно* и некоторые др.

3. В языке исследуемой личности отмечены все **семантические типы** синонимов, традиционно выделяемые лексикологами.

Доля дублетов, абсолютно тождественных по значению, достаточно высока (не менее 222 рядов, т.е. около 47,5%), что обусловлено в первую очередь интенсивным взаимодействием говора и литературного языка, а также некоторой избыточностью форм выражения у каждой из этих подсистем:

А холостой, неженатый счас; Я это в чи'сленнике, в календаре видала, Макар кода' родился.

При этом часть из них является абсолютными синонимами по семантическому критерию, но не вполне тождественна с точки зрения функционирования (частотности, сочетаемости, устарелости/новизны в речи информанта). Г.А. Раков выделяет их как особый подтип функционально-лексических дублетов [1988: 35].

Относительные синонимы, которых около 52,5%, различаются оттенками значения:

А он глухой был у нас, недослы'шал (интегральная сема "нарушение слуха", различия – в степени проявления признака); *Я так… кого, неграмотный человек, тёмный* (интегральная сема "необразованный", дифференциальные – "плохо умеющий читать и писать" и "невежественный").

http://www.lib.tsu.ru

Как разновидность относительных можно рассматривать эмоционально-экспрессивные синонимы, которые отличаются от других членов ряда эмоциональными и собственно экспрессивными компонентами значения[*].

Показательно, что в группу относительных синонимов входят слова только знаменательных частей речи. Отмеченные в лексиконе синонимичные междометия, частицы, а также местоимения являются дублетами – вероятно, в силу их семантической опустошенности, высокой степени обобщенности и "грамматичности" значения.

Граница между абсолютными и относительными синонимами нежесткая, поскольку последние могут нейтрализовывать в контексте свои различительные признаки и употребляться как дублеты (*кадка, бочка; день рожденья, именины; папиросы, сигареты*).

Члены синонимического ряда могут различаться с точки зрения экспрессивно-эмоциональной окрашенности. Выделяются цепочки, состоящие только из нейтральных компонентов:

А так на кладбище видала. На моги'льниках там, на кладбище.

Но около трети всех рядов включают экспрессивные лексические единицы или состоят только из них:

А это, только пришли – и она нарисовалась. Ну она надоела, правда!; Владимир был, три ведра привёз грибов, да как один, гыт, все – разми'лы, хоро'ши; Да лаются, матерятся. Ой! Ну с кем-нибудь так если свяжутся, ругаются.

Экспрессивные компоненты ряда могут вносить оттенок интенсивности проявления признака или действия (ср. *смеяться – хохотать, заливаться, рёвом реветь* "сильно и долго смеяться"; *сильный – лютый* "очень сильный") либо выражать общую негативную или позитивную эмоциональную оценку (в разных вариантах, от смягченно-иронической до резко неодобрительной, ср.: *украсть* – нейтральное, *взять* и *утащить* – смягченно-неодобрительное, *свистнуть* и *упереть* – резко неодобрительное; *беленький* и *светленький* – ласк. "светловолосый"). При этом в составе ряда могут объединяться экспрессивно-эмоциональные синонимы с комбинацией сем "интенсивность" + "неодобрительная оценка", "интенсивность" + "одобрительная оценка", но нетипичными

[*] Многие выделяют дублеты, относительные и экспрессивные синонимы на равных основаниях. Ср. класификацию Г.А. Ракова, где собственно синонимы в отличие от дублетов делятся на семантические и эмоционально-экспрессивные [1988: 35-36].

http://www.lib.tsu.ru

являются цепочки с разнополюсной оценкой на шкале эмоциональности*. Согласно общей языковой закономерности, негативная оценка представлена у синонимов гораздо шире, чем позитивная, эмоциональных синонимов несколько больше, чем собственно экспрессивных, а у последних чаще выражена интенсивность признака, чем экстенсивность.

Стилистическая дифференциация синонимов, достаточно разветвленная в литературном языке (где выделяются высокое, поэтическое, книжное, официально-деловое, нейтральное, раговорное и просторечное, см.: Новиков, 1982: 237), в языке диалектной личности представлена гораздо беднее. В говоре хорошо ощущаемое носителем литературного языка различие нейтрального, разговорного и просторечного нередко стирается. Так, слова *жрать, морда, брюхо, переть* часто используются В.П. как нейтральные. Ср.:

Он недоносок был у ей, вынули через брюхо; Беременна-то. Я думала, что она… маленький живот-то будет, а теперь большой; Счас на брюхо лягу, попробую ешо. Ой! Вобше-то я любила на животе лежать, спать кода' – а счас не могу, прямо ноет; Он заворотил, попёр прям [бревно]. Это вот такому мужику надо, под потолок, а он прям ташшыт; Они [родственники] здо'рово жрут, всё. И покупают всё, помногу – но'нче шесь ячеек [яиц] взяли, Валя им купила. Молоды', жрут. Он ничё не ел, а сердце-то дю'жило, здоро'во, видно.

По данным "Словаря синонимов русского языка" [1970], в литературном языке *болеть* – нейтральное, *хворать* – разговорное; *наверно* – нейтральное, *поди* – просторечное, *видно* – разговорное; *здесь* – нейтральное, *тут* – разговорное. Ср. в идиолекте В.П.:

Она хворала; Мать-то болеет шибко; Ну, в октябре, наверно, в первых чи'слав, а это легла в больницу; Она, поди, думает, что много [варенья]; Ну она выросла тут, здесь.

Стилевые различия в подобных высказываниях отсутствуют, синонимы могут употребляться в функции замещения.

* Ср.: "Часто в контексте встречаются, наряду с исследуемыми синонимами, еще несколько эмоционально окрашенных слов, причем они имеют одинаковую "направленность": или все положительную, или все отрицательную" [Раков, 1988: 64].

http://www.lib.tsu.ru

С низким стилем в лексиконе информанта связаны слова грубые или грубоватые (на фоне нейтральных или более смягченных эквивалентов): *су'чить* "изменять супругу" (ср. *бегать*), *засу'читься* "стать распутной" (ср. *забе'гаться*); *полюбо'вник* (ср. *друг*), *снюхаться* "вступить в любовную связь" (ср. *смотаться, связаться*), *нажраться* "напиться допьяна" (ср. *напиться*), *выжрать* "выпить спиртное" (ср. *выпить*), *засрать* "запачкать" (ср. *загадить*). Грубая лексика соотносится в сознании говорящего со сферой низкого (нарушение супружеской верности, пьянство, физиологические отправления).

Книжный оттенок сохраняют несколько слов из области медицины (*удалять*, ср. *дёргать* /зуб/, *ягодица*, ср. *хо'лка*), а также слово *супруга* (ср. *баба*, *жена*).

Синонимов высокого стиля меньше, чем сниженного: *погубить* (ср. *убить*), *погибнуть, скончаться* (ср. *умереть, пропасть, замереть*). Несколько особняком стоит прагматически доброжелательное *кушать* (ср. *исть*).

Функционирование

Большинство компонентов синонимической цепочки находятся в активном употреблении личности. К пассивному словарному запасу относятся прежде всего новые и устаревающие лексические единицы. Синонимические ряды отражают процесс диахронического изменения лексикона информанта. Они пополняются за счет новых слов, проникающих в говор из книжной речи (*скоропостижно, удалять, ягодица*). Иногда цепочки включают лексические единицы из чужой речи, отражая первый этап усвоения неологизмов (*разбежаться*, ср. *разойтись*, *алкоголик* и *алкаш*, ср. *пьяница*). Отдельные члены синонимических рядов находятся в стадии устаревания (*брюха'та* "беременная", *о'дяг* "сила", *товар* "ткань", *назём* "навоз") или устарели (*мотыга*, *сары'нь* "дети").

Условия появления в речи. Синонимы появляются в естественных текстах информанта, как в монологической, так и в диалогической форме:

Тёрка у меня была така', как баночка. Шинковочка;

В.П. Иван Степанович тоже молодец, хороший. Ну он тиховатый был. Г.Д. Иван Степанович? В.П. Ну он спокойный, просто спокойный.

http://www.lib.tsu.ru

Наиболее часто синонимы продуцируются в монологической речи В.П. Видимо, динамичный монолог с быстрой сменой реплик не способствует актуализации синонимических отношений.

В редких случаях синонимы воспроизводятся в тексте под влиянием чужой речи:

В.П. Ну он худо учился, шибко, гыт, худо. С. Плохо? В.П. Плохо, сильно плохо.

Позиции в речи. В исследованных текстах наблюдается как дистантное, так и контактное расположение синонимов.

При дистантном употреблении каждый из членов синонимического ряда употребляется изолированно, в разных речевых отрезках:

А он гыт, ну говорят, что похудел. Брюхо было, а счас нет; А я вижу, что пузе'нь-то большу'ча;

Я говорю:"Зачем брал [замуж]? зачем с ей связался?" А он говорит это: "Да я чё, она сама налезла"; Навалили, отгуляли [свадьбу]. А теперь и говорит: "Ты сама навя'лилась".

Более типична контактная позиция; при этом синонимические отношения актуализируются главным образом в составе одного предложения с сочинительной связью в роли однородных членов. Случаи бессоюзной сочинительной связи (конструкция Х, У) являются наиболее распространенными:

Окна страмны' таки', шибко гря'зны; Я счас каюсь, жалею: надо было мне взять от неё денег-то; На кровать там, на койку положь; Рожковой-то налила немножко, маленько, грамм пиисят; А я легла на это, как её? на скамейку, на лавку-то и т.п.

В составе двух предикативных единиц, связанных семантически, отмечены конструкции:

Х. У: *Он её ка-ак поддел! Ударил; А я так славно ушла туды'! Прямо хорошо; Си'льна боль. Под ле'ву грудь прямо лю'та боль; Я говорю: край мне, прям гибель!; Я прихожу – она [кошка] всю рыбу съела! Не досталось ничё. Всё подчистила; А я как-то не люблю чёрный хлеб. Тебе нравится, ага?*

Х. А У: *Мне гля'нутся шибко они [желтые картошки]. А которым не нравются.*

При этом смежные предложения отличает синтаксический параллелизм структуры; второе из них обычно является редуцированным вариантом первого, с эллипсисом некоторых членов предложения (чаще подлежащего и второстепенных членов):

Она другой раз говорит, да как-то часто, я не могу её понять другой раз; Говорит, говорит, да так чё-то быстро;

Светы'-то у меня пропали все. Погибли прямо все;

И к дому побрёл кое-как, и туды', к Маше. По вино пошёл.

Наиболее частотны конструкци Х, У и Х. У, прочие низкочастотны.

Самым типичным является парное употребление синонимов:

Ты им подписала домик-то, избушку-то?; В избе холоди'шша, морози'шша; Я пошла туды'. А там рёв, стоно'та. Аня там ревёт, плачет; Ну он такой проворный, как вроде шустрый; Танцевали, плясали… всё делали; Да лени'ва она, охлю'иста, никого не де'лат; Ну упала, гыт, растянулась.

Изредка встречаются синонимические триады:

Набре'тся – хорошенькый, красивый, синпати'чный; Бедо'ва, отча'янна, да бо'йка [женщина]; А попадёте [в тюрьму], говорю, это ж стыд, страм, позор!

Более трех синонимов подряд не отмечено.

Многие пары синонимов имеют стабильный порядок употребления в контактной позиции. Ср.:

На моги'лкав. На кладбишше растёт [чистотел]; В нашем краю много его на моги'лкав, на кладбишше; Поеду… к сыну на моги'лки скоро… на кладбишше;

*А все, как приезжают, так наряжаются в рабо'чу одёжу и пошли вкалывать, работать; А муж-то помер, она как начал**а** вкалывать работать!*

Значительно реже встречаются случаи союзного сочинения:

Х да У: *Хороший такой… славный да хороший; А Галя-то бежит, прям матерится да это руга'тся вся прямо!; Я от всё хвораю шибко да болею; "Я Физе Васильевне говорю, что у вас всё раскидано да разбросано, да всё завалёно";*

Х ли У ли: *Дак наза'втре идёт, смеётся, даже не сказал, что "тётя Вера, простии меня, ли извини ли";*

ли Х, ли У: *Чё-то – ли учительница, ли там… преподаватель;*

Х, и У: *Какой-то пьяный ехал, и он тоже нетрезвый был; Спицами зовут, и игла… иголкими;*

и Х, и У: *И расходились, и разводились, и сам хотел поджигать эту квартиру;*

ни Х, ни У (зафиксировано только в устойчивом словосочетании *ни сил, ни о'дягу): Нету… ни сил, ни о'дягу.*

Гораздо реже синонимия реализуется в предложениях с противительной связью:

Х, а У: *Было, клюку выбрасывали [против града]. Ну клюку да лопату, ли кого ли там. Ну и то я не убрасывала, а так всё… помню, как чё-то вроде выкидывали; [На которых пёс] не лает, а на которых рвёт; Кода' уж стали ве'ликами-то звать после, а то "самокатка"; Где печка, теперь кухней зовут, а раньше "изба".*

У относительных семантических и экспрессивных синонимов встречаются противительные конструкции "не Х, а У" и "не Х, ну У", особенно ярко высвечивающие семантические оттенки близких по значению слов:

Муж тоже погиб у ей. Не погиб, а умер дома; Хороший парень! Ну упивать шибко упивал. Пил. Не упивал, а пил; Полну'ча была! Не скажу, что то'лста, ну по'лна, хоро'ша.

Возможно употребление пары синонимов без паузы в конструкции "Х У", когда второй из них выступает в роли приложения:

А.П. Отец тоже пьёт – там только один за одне'м идут, как… куда-нибудь. В.П. В кабак пивнушку; Жижицу похлебала бульончик, да и всё;

либо оба члена пары образуют осложненное сказуемое*:*

И Рожкова пришла нарисовалась – о господи!; Андрюшка выл прямо плакал горькими слезами!

Имеют место также конструкции Х / У, в которых второй синоним замещает позицию первого при коррекции высказывания:

Берите масло-то! Чё, глядеть… смотреть на его? Берите; А он взял бабу с ребёнком… женшыну с ребёнком взял; Мне гля'нутся шибко они. А которым не нравются; Чё погля'нется – он всё съес. Чё было, всё на столе. Только бы ему понравилось.

В неоднородных рядах, где синонимы по-разному соотносятся с основными формами национального языка (О – Д, О – ДО, О – П, О – ПО), первой чаще употребляется диалектная или просторечная единица:

Я это, в чи'сленнике, в календаре видала; Ой, шибко удобно. Сильно удобно у них; Мамин яшшык там ешо был, большу'чий сундук; А счас брюхо ему прорезали, живот.

В общерусских рядах (О – О) на первое место нередко выдвигается компонент, имеющий в толковых словарях литературного языка помету "разговорное":

А у нас тоже хворали, болели кото'ры; *Ничё не поела. Худа' девка. Нехоро'ша.*

Общерусские синонимы с оттенком книжности обычно занимают второе место в паре:

Я хорошо ела. Питалась я хорошо; Она умерла. Сразу, скоропостижно.

Причины такого явления, вероятно, связаны прежде всего с частотностью членов синонимической парадигмы: при контактном употреблении первым воспроизводится более частотный.

Функции в речи. В отличие от письменной речи и в особенности от художественных текстов, где возрастает роль сознательного начала в отборе слов, спонтанная устная речь отражает интуитивный выбор языковых средств. Функции их употребления определяются поэтому только с позиций исследователя-лингвиста, извне, по объективным характеристикам текста.

При контактном употреблении информантом синонимов в условиях естественной речи можно выделить следующие их функции.

1. Замещение одного синонима другим в речевом потоке (без изменения семантики высказывания) наиболее характерно для В.П. Эта функция свойственна дублетам. Распространенность ее обусловлена высоким процентом абсолютных синонимов в лексиконе диалектоносителя. Однако внешне сходные случаи замещения используются в речи с разными целями.

http://www.lib.tsu.ru

а) Л.А. Новиков отмечает, что замещение "…позволяет избежать повторения одних и тех же слов, однообразия в изложении" [1982: 230]. При этом "Чаще всего функция замещения реализуется в сменяющих друг друга частях текста, предложениях (или его частях)" [там же]. Такое стремление к разнообразию повествования, присущее прежде всего авторам письменных литературных текстов, достигается сознательной авторской правкой. В устной речи это стремление проявляется бессознательно, интуитивно, но также имеет место:

В.П. Ну я их [мелкие помидоры] не люблю. Т.В. Мне тоже они не понравились. В.П. Нет, мне не гля'нутся они; Да тебе же худо будет, тебе же плохо будет; Погодю' маленько, ешо дня два, три, подожду; Тяжёла жизь счас, тру'дно время, всё говорят; "Ты мне принеси баночку". А он мне припёр, баночку, трёхлитро'ву.

б) Замещение может происходить также в случаях нарушения акта коммуникации и служит при этом для устранения коммуникативных помех. Не услышанное, не понятое собеседником слово говорящий заменяет на дублетную единицу:

В.П. Ткать, я говорю, тоже хочу, резать [тряпочки для половика]… и никого. С хворью связалась. С. С чем? В.П. С хворью. С болезнью; В.П. "Я, гыт, нажарила, поела [грибы] да захворала". Г.Д. Чё? В.П. Заболела.

Естественно, что такую роль синонимы выполняют только в диалоге.

в) Функция языкового перевода, выделяемая рядом исследователей диалектной синонимии, для естественной речи В.П. нетипична. Спонтанное пояснение диалектного слова литературным эквивалентом носителю иной формы национального языка практически отсутствует в дискурсе. Объясняется это и долговременными условиями сбора материала, когда собиратели не воспринимаются как чужие, посторонние люди, и естественным характером записанных текстов, и, наконец, индивидуальными особенностями речи информанта, которому почти не свойственно "приспособление" к речи окружающих, изменение манеры выражения при общении с более молодыми и образованными собеседниками. "Языковой перевод" обычно провоцируется вопросами лингвиста "Это что?", "Что это значит?" и т.п.:

Тоже род ягоде этой. [Что?] Урожай; Ну, так-то верста'ться со мной чё? [Что значит "верстаться"?] Ну, сравниваться.

http://www.lib.tsu.ru

Однако такие случаи можно рассматривать и как разновидность замещения для устранения коммуникативных помех.

2. Регулярно представлены в исследуемом материале и фрагменты речи, в которых синонимы отличаются друг от друга отдельными элементами значения. Такие случаи квалифицируются лингвистами как проявление функции уточнения. Уточнение – "…способ многогранного, разностороннего представления в языке того или иного явления действительности" [Новиков, 1982: 181]. Сложное, многоаспектное обозначаемое недостаточно полно выражает свою сущность с помощью одной из единиц лексикона. "Возникает необходимость одновременного употребления сразу нескольких сходных и вместе с тем различных единиц, несовпадающие стороны (семы) которых с разных точек зрения были бы "направлены" на обозначаемый объект (явление), вскрывая в нем все новые и новые стороны, делая его "выпуклым", как бы стереоскопически воспринимаемым. Этот процесс… напоминает наложение "мазков", красок в живописи, постепенно уточняющих очертание предмета, делающих его выразительным и многогранным, богатым разнообразными ассоциациями" [Новиков, 1982: 232].

а) В функции уточнения могут выступать и дублеты, когда второй из них вводится для устранения вероятности неоднозначного понимания высказывания (многозначное слово поясняется через однозначное):

А потом бабы-то поехали, жёны-то и'хны, они одёжу им отдали; А я говорю: дак это, купишь кода'-нибудь, побольше будешь, постарше, да купишь; А Валя приходит ко мне: "Тётя Вера, скажи, как тесто ставить, заводить"; А там две бутылки вина у меня стояли, водки, и брага эта.

б) Уточняться может сама информация – при этом можно говорить о самокорректировании как подфункции по отношению к функции уточнения:

А он глухой был у нас, недослышал (*глухой* "полностью или частично лишеный слуха", *недослышал* "о частично лишенном слуха"); *Ну и это, и машину всю разбил, девочку эту искале… [чил], изувечил* (*искалечить* "сделать калекой", *изувечить* "нанести увечья").

В таких случаях используются относительные синонимы, которые, в отличие от дублетов, изменяют семантику высказывания. Синоним с более обобщенным значением сменяется синонимом с более конкретной семантикой:

http://www.lib.tsu.ru

Мужики-то меня взяли да не пускают никого, взяли да под лавку поло'жили. Запихали (уточняется способ действия: "поместить что-л. в лежачем положении" + "быстро, втиснув куда-л."); *После, гыт, зашёл в автобус, заскочил* (конкретизируется характер движения: "войти, проникнуть куда-л." + "скачком, быстро").

Возможен и обратный порядок синонимов – от более частного значения к более общему:

Валя, же она разгу'льна, весёла ("любящий погулять, повеселиться" + "полный веселья, жизнерадостный"); *"Поля, ты там это, замаскируй маленько, чтоб не видать было" [брагу] – она замаскировала, там чем-то закрыла* ("прикрыть чем-л., чтобы не было видно" + "пряча, чтобы не могли найти, заметить").

Синоним в постпозиции нередко применяется для смягчения более категоричной характеристики качества, выраженной первым из относительных синонимов:

А он [чеснок] меленький, некрупный; А куды' к деду? Там некуда. Ну близко так-то, недалёко; От така' [девушка], да ма'ленька, небольша'.

3. Коннотативная функция проявляется в тех случаях, когда употребление синонима создает или усиливает (либо ослабляет) экспрессию контекста. В этой функции используются как дублеты, так и относительные синонимы. Слабую экспрессивность высказыванию может придавать контактная актуализация даже нейтральных синонимов:

Мотя говорит: "Ой, что ты раскидываешь, разбрасываешь всё"; И расходились, и разводились, и сам хотел поджигать эту квартиру.

Более яркая экспрессивность проявляется при употреблении ряда оценочных синонимов:

Он же не пойдёт. Такой твердолобый, настырный ("упрямый", неодобр.); *И вот таки' картошечки, ну прям таки' неприя'тны они, непригля'дны* ("вызывающий негативные эмоции" + "непривлекательный на вид", неодобр.).

4. Использование экспрессивно-эмоционального синонима на фоне его нейтрального эквивалента можно рассматривать как промежуточную между уточнительной и коннотативной функцию экспрессивного уточнения, при которой конкретизируется степень проявления признака, качества, свойства, действия (+ возможная оценка обозначемого):

Гляжу, она воды налива'т [в тесто]. Я говорю: "Да ты куды' столь набуро'бливашь-то?" ("наполнять что-л., вливая жидкость" + "излишне много, неодобр."); *А потом говорит: "Не ели ли моло'сно?" А сам, гыт, творогу намешают, да мяса накладут – он навора'чиват тоже* ("принимать пищу" + "с жадностью, в большом количестве, неодобр."); *Много у ей одёжи, она хорошо одевалась. Здорово даже* (положительная оценка + ее усиление); *"Вовка проехал?" – это Танин брат. А я говорю: "Хоть бы и проехал, я его не узнала, на мотоцикле пролетел да и всё"* ("проследовать куда-л". + "быстро, миновав кого-л.").

Кроме обычно отмечаемой функции создания или усиления экспрессии у В.П. часто наблюдается "смягчение" экспрессии в экспрессивном синонимическом ряду, переход от более категоричной оценки к менее категоричной. Очень типичными являются конструкции:

Она уж окосела, опьянела; А мужик краси-ивый, синпати'чный и т.п. (ср. выше в функции уточнения: *меленький, некрупный; близко, недалёко; маленький, небольшой*).

5. Наряду с контекстами, где синонимы выполняют одну из перечисленных функций, в речи информанта встречается множество высказываний, в которых их использование является, по существу, афункциональным. Подобное явление характерно для дублетов. В отличие от контекстов, где синонимия служит для устранения монотонности речи, абсолютные синонимы актуализуются в этих случаях в близкоконтактной позиции:

Знашь чё, гардероп, шифонер-то убери отсэ'дова; Моточек один, кулубо'чек у меня остался; И холостой, неженатый счас; От ишь, как рукомо'йка бежит, умывальник и т.п.

Данная особенность, видимо, следствие некоторой избыточности лексической системы говора.

В немногочисленных у данной личности, как уже отмечалось, метатекстах синонимы употребляются в особых метаязыковых функциях:

а) перечисления (перечисляются основные компоненты синонимического ряда):

Ну, "са'нки" говорят, и "сано'чки". "Салазки" говорят; Спицами зовут, и игла… иголкими;

http://www.lib.tsu.ru

б) противопоставления (противопоставляются, сопоставляются члены синонимического ряда, обычно устаревшие и новые):

Теперь от говорят "ребятишек много" или "детей много", а раньше "сары'нь". "Сары'нь много"; А мы тятей звали раньше, отцов-то, "мама" да "тятя";

в) языкового перевода – только при вопросе собирателя (примеры см. выше на с. 142).

В исследованиях по синонимии отмечается, что разным семантическим типам синонимов соответствуют разные речевые функции. Так, Г.А. Раков на материале Нарымского говора Томской области приходит к выводу о том, что для дублетов характерно прежде всего употребление в целях языкового перевода и для устранения монотонности речи; синонимы эмоционально-экспрессивные используются в уточнительной и коннотативной функции, а относительные семантические – главным образом в функции уточнения, конкретизации [Раков, 1988: 63–67]. Наш материал дает основания для несколько иных выводов. Тексты информанта свидетельствуют о том, что дублеты концентрируют весь спектр возможных функций употребления синонимов – языковых (замещение, уточнение, коннотативная) и метаязыковых (перечисление, сопоставление, языковой перевод), причем доля последних очень незначительна. Для тесно связанных разновидностей семантических и экспрессивных относительных синонимов характерны функции уточнения и/или усиления/смягчения экспрессии.

Частотность. Члены синонимического ряда различаются в языке личности частотностью употребления. Статистика показывает, что частотность диалектных и просторечных синонимов в большинстве случаев выше, чем общерусских. Ср. подсчеты в тексте объемом 850 страниц:

шибко 73, *очень* 21, *сильно* 18, *до смерти* 1;

пособить 11, *помочь* 1;

дополна' 19, *много* 1

(исключение составил один ряд: *наверно* 96, *однако* 28, *поди* 8, *может* 8, *видно* 2).

Общерусские синонимы, имеющие в литературном языке разговорную окрашенность, также употребляются чаще нейтральных: *хворать* 23, *болеть* 15; *худо* 21, *плохо* 7.

http://www.lib.tsu.ru

Преимущественно нелитературный характер доминанты синонимического ряда можно объяснить типом языковой личности информанта, представляющей архаический слой говора.

Различаются по частотности употребления и синонимические ряды в целом. Предварительные подсчеты позволили выделить те из них, которые наиболее часто встречаются в речи информанта (естественно, в каждом высказывании актуализуется только часть ряда, если он многочленный):

видный, красавец/красавица, синпати'чный, славненький, смазливенький, хороший/хорошенький "внешне привлекательный, о человеке"	49
полный, толстый, хороший, жирный, здоровенный	23
хороший, славный, добрый	15
маленько, немножко/немного, мало, маленечко, крошечку, чуточку	14
украсть, утащить, взять, упереть, свистнуть	14
сухой, тонкий, худой, щуплый, кожа да кости	12
принести, припереть, притащить	9
меленький, небольшой, некрупный	8
хорошо, здорово, неплохо, нормально, размило, славно	8
шибко, сильно, без ума <без разума >, до упаду, до смерти, очень, здорово	8
Нравиться, глянуться, любить	7
плохой, неважный, негодный, нехороший, незавидный, худой (о предмете)	7
криче'ть, орать, реветь, рёвом реветь	6
исть, жрать, кушать, лопать, мести, наворачивать, хря'мкать	6
кладбище, могилки/моги'льники	6

http://www.lib.tsu.ru

близко, недалёко/недалёчко, рядом	6

Большинство высокочастотных синонимических рядов многочленные (среди рядов с частотностью 7 и выше нет ни одного двучленного), включают экспрессивные единицы или состоят только из них. Цепочки, обозначающие признак (прилагательные, наречия), преобладают над обозначающими действие или предмет. Самые частотные ряды, занимающие первые три позиции, связаны с оценками человека (с точки зрения красоты предмет оценивается всего в двух высказываниях, животное – в одном, 49 контекстов характеризуют людей). Главенствующей в оценке субъекта является для информанта внешняя привлекательность. Это постоянный объект описания:

Он синпати'чный был так-то на личико, хорошенький; А там от этого мужа-то девочка бе'ленька така', хоро'шенька, ну не така'. Эта красавица прям, чёрна така', краси'ва; Да и вобше синпати'чна, Мотя-то была. Хоро'ша; Она краси'ва была, синпати'чна; Хоро'шенька така', на мордочку ничё, смазли'венька; Парень-то видный, хороший так и т.п.

Наряду с общей оценкой привлекательности как непременным атрибутом характеристики индивида (думается, что она определяется в первую очередь представлением о красоте лица), В.П. обращает внимание прежде всего на особенности фигуры, связанные с ее полнотой. Небольшая полнота в крестьянской эстетике расценивается как привлекательная, чрезмерная тучность воспринимается негативно:

Полну'ча была! Не скажу, что то'лста, ну по'лна, хоро'ша; А на лицо-то ничё, а така' то'лста, неподви'жна. Мать-то по'лна была.

Третью по частотности позицию после эстетических оценок занимают этические оценки личности:

Мне приходила врач, там Валентина Максимовна, в о'бчем она до'бра, хоро'ша; Сла'вна женшына, хоро'ша; Он мне нравится, хороший парень, славный; От эта Маруся – она сла'вна так, хоро'ша женшына, мне гля'нется!

Очень показательна асимметрия в частотности синонимических рядов. Так, привлекательность человека отражается в 49 случаях, а непривлекательность – всего в двух; полнота – в 23, а худоба (всегда связанная с негативной оценкой) – только в 12; общая позитивная этическая оценка поведения *(хороший, славный, добрый…)* встречается

http://www.lib.tsu.ru

в 5 раз чаще, чем негативная *(худой, нехороший, плохой…)* и соотносится как 15:3. Всё это несомненно свидетельствует о свойственных данной ЯЛ доброжелательности, неконфликтности в отношениях с окружающими.

Системные связи.

1. Отношения синонимии в тексте могут осложняться мотивационными связями лексем. Синонимы в контактной позиции иногда вступают в отношения мотивации, чаще структурной:

Ну но'нче как осень пошла: морози'на прям, холоди'на; Я думаю: о'споди, чё они за меня будут болеть? Отваляюсь, отлежусь; Ну така' была крутля'ва-вертля'ва. Подви'жна была она; Она всё покупа't тоже – сразу, сходу.

Наиболее характерно это для наречий и приставочных глаголов.

Отношения лексической мотивации между членами синонимического ряда редки:

А пробо'иста она, шибко бо'йка. Пробо'иста, пробитна', всё!; Он помалкыват, не говорит ничё. Он молчит, ничё не говорит.

2. Отношения формального варьирования между членами синонимического ряда невозможны, поскольку синонимия – явление междусловное, а варьирование – внутрисловное. В рамках высказывания могут встречаться формальные модификации одного из синонимов, но и эти случаи нечасты:

Даша девочка родилась у них тут-ка – они суды' привозили, эта баба, Елена тут была. Но'ва-то жена была здесь; Дак она всё пускала вечеринки, посиде'нки эти, сидели-то мы. "Посиделки" зовут так-то, а раньше "посиде'нки" звали.

3. Связь отношений синонимии и полисемии выявляется только в составе лексикона, не актуализуясь в тексте. ЛСВ одного слова образуют разные синонимические ряды:

баба "жена" – *жена, супруга;*

баба "женщина" – *женщина, тётенька;*

бить "наносить побои" – *возить, дубасить, лупить;*

бить "ударом раскалывать" – *ломать;*

бить "добывать охотой" – *убивать*.

Чем большее количество значений имеет слово, тем больше у него вероятность образования нескольких синонимических рядов. Так, *большой* и *взять* входят в 5 рядов, *бить*, *маленький* и *болтать* – в 3 ряда.

4. Связи отношений синонимии и антонимии, проявляющиеся в лексиконе в виде синонимо-антонимических парадигм, находят отражение и в тексте. Один из синонимов (реже – пара) актуализует свои отношения с антонимичными по значению словами:

Рабо'тат-то хорошо. А ес-то худо. А худо, кода' плохо едят; Он такой худой, такой страшный стал! Полненькый, личико кру'гленько было, хороший был парень-то.

Сопоставительные данные, которые бы позволили разграничить в явлении идиолектной синонимии общеязыковое, обусловленое формой национального языка и индивидуальное, фрагментарны.

Нет единства выводов относительно частеречного распределения синонимов. По сведениям Л.К. Лыжовой [1969], в одном из воронежских говоров из 215 синонимических рядов 96 – субстантивных, 85 – вербальных и 34 – адъективных. Такая же картина – в литературном "Кратком словаре синонимов русского языка" В.Н. Клюевой [1956], где из имен существительных – 286 рядов, из глаголов – 184, из прилагательных – 113. Наши выводы расходятся с этими, но соотносимы с подсчетами на материале русской разговорной речи и языка художественных произведений: в обеих сферах преобладают глагольные синонимические ряды, существительные занимают второе место [Разговорная речь в системе…, 1983: 15–16].

Словарный запас В.П. подтверждает наблюдения многих диалектологов [Херольянц, Кретова, 1966: 316; Коготкова, 1967; Раков, 1988: 13] о распространенности лексических дублетов и экспрессивно-эмоциональных синонимов в говорах в отличие от литературного языка.

Типичным для диалекта является смешанный характер синонимических рядов с точки зрения соотнесенности с формами национального языка [ср.: Блинова, 1975: 157].

Наиболее интересный материал для сопоставления дает монография "Разговорная речь в системе функциональных стилей русского языка. Лексика" [1983], где анализируется синонимия в русской разговорной речи и в языке художественных

http://www.lib.tsu.ru

произведений современных писателей. Наблюдения над разговорной литературной речью свидетельствуют о бедности в ней синонимических отношений. Утверждение "…синонимы в разговорной речи довольно редко встречаются в речи одного и того же лица" [там же: 17] дополняется еще более категорическим: "…синонимические ряды в пределах речи одного лица практически отсутствуют, в пределах одного разговора встречаются редко, обнаруживаются лишь во всем массиве записанных разговоров, но даже в нем обычно представлены одним компонентом, как правило, самым частотным" [там же: 20]. Многочленные ряды очень немногочисленны, даже четырехкомпонентная цепочка является исключением [там же: 15]. Большинство синонимов в разговорной речи нейтрально. Редкие случаи контактного употребления двух синонимов не имеют ни уточняющих, ни градационных, ни эстетических функций, их использование тавтологично. Причем разговорная речь рядовых и творческих носителей языка в этом плане принципиально не различается. Это подтверждают наблюдения над устной речью семи писателей и пяти ученых из Москвы и Саратова [Девятайкин, 1992: 31]. В художественной речи те же авторы широко используют синонимы [там же]. Художественные тексты включают как двух-трех-, так и многокомпонентные ряды, для которых типично сочетание разностилевых (нейтральных, сниженных и возвышенных) элементов, разнообразие функционального употребления: для создания образов персонажей, для выражения отношения автора к изображаемому, с целью избежать повтора или для передачи градации [Разговорная речь в системе…, 1983: 11–20]. Таким образом, сравнение с нашими данными свидетельствует об очень существенных отличиях (в отношении богатства синонимических рядов, разноплановости их компонентов и развитости текстовых функций синонимов) явления синонимии в речи диалектоносителя от его реализации в разговорной речи и в то же время о его значительном сходстве с синонимией в художественных текстах.

У творческой ЯЛ – носителя литературного языка – выявлены резкие различия, связанные с характером употребления синонимов в письменной (художественной и научной) и устной, разговорной речи. Языковая личность диалектоносителя, владеющего почти исключительно только устной формой речи, не отличаясь такой раздвоенностью, более целостна в этом плане. Как это ни парадоксально, но рядовая ЯЛ (в ее диалектном варианте) по особенностям реализации синонимии оказывается более близкой к ЯЛ писателя в ее наиболее творческих проявлениях – художественных текстах.

Итак, специфика проявления синонимии у данной личности состоит:

http://www.lib.tsu.ru

– в соотношении грамматических классов синонимов (большинство из рядов – глагольные);

– соотношении типологических классов синонимов (высокий процент дублетов; распространенность цепочек, включающих эмоционально-экспрессивные элементы; преобладание рядов, неоднородных по соотнесенности с основными формами национального языка; слабая стилевая дифференциация рядов);

– особенностях функционирования синонимов в речи (преимущественная актуализация синонимов в монологе; доминирование контактной позиции; стабильный во многих случаях порядок употребления синонимов в высказывании; широкий спектр языковых функций их использования, особенно у дублетов, и нетипичность метаязыковых употреблений; тесная связь синонимических отношений с мотивационными и антонимическими и более слабая – с отношениями варьирования). Объем синонимических рядов и частотность синонимов в тексте позволяют реконструировать некоторые фрагменты ценностной языковой картины мира личности и судить о психологических особенностях говорящего.

Явление синонимии в речи информанта имеет много общих черт с его реализацией в языке художественных произведений и значительные отличия от синонимии в разговорной литературной речи.

1.3.5. Антонимия

Лексикологи, занимающиеся проблемами антонимии, ставят задачи разграничения подлинных и квазиантонимических оппозиций, исследуют типологию антонимических пар и словообразовательных гнезд антонимов, их функционирование в речи. Работы на диалектном материале в данной области немногочисленны: анализировалась специфика диалектной антонимии в целом (Р.В. Херольянц, В.Л. Козлова) и в связи с ее частеречной организацией (А.П. Шварц, Н.Т. Свистунов), взаимодействие антонимических и синонимических отношений (Б.Д. Воробьев, А.Д. Ли). Антонимия в рамках одного говора (сел Нарым и Вершинино Томской области) исследовалась Л.М. Райской и Н.В. Кононовой.

Если синонимия в идиолексиконе уже начинает привлекать внимание лингвистов (хотя еще только на материале языка писателей), то антонимические отношения в этом

http://www.lib.tsu.ru

аспекте до сих пор не рассматривались. Лишь в небольшой статье Л.М. Райской [1997] есть некоторые наблюдения над антонимическими противопоставлениями, которые не совпадают с системой нарымского говора и воспроизводятся только в речи отдельных информантов.

В дискурсе В.П. Вершининой выявлено 318 пар антонимов.

Частеречная характеристика. Антонимические оппозиции имеют место среди существительных *(парень – девка, день – ночь)*, прилагательных (*больной – здоровый, мягкий – жёсткий*), наречий (*раньше – тапе'рь, редко – часто*), глаголов (*забыть – вспомнить, любить – ненавидеть*), слов категории состояния (*охота – неохота*), местоимений (*тот – этот*).

Отдельные пары носят смешанный характер:

– прилагательное – существительное (*Она дурочка, а я шибко у'мна; "Тётя Вера, Вовка дурак ли умный?"; [Ощупывая бока кошки:] Сухарь. Маленько полу'чче стала ешо. Дак от я кормила бы, мясо бы ела она дак... по'лна была бы. Я ей не даю шибко мяско'-то*);

– местоимение – прилагательное (*Ну пусь Шаламов чужой человек, приезжий, но свои-то, дереве'нски были; Чужо' носить не люблю, и не люблю, чтоб моё носили; "Дак а Рамиль-то чужой!" – "Ну, а это тоже наш!"*);

– числительное – прилагательное (*Разбежались, гыт [супруги]. Один там, друга' тут; Первый блин, гыт, комком, а у меня последний комком*);

– прилагательное – глагол (*Я мать её знала, жива ли умерла ли она?*);

– категория состояния – глагол (*Ну вот, а ты напомни ему – правда или, может, врут?*).

В этих случаях один из членов пары приобретает грамматические признаки другой: прилагательное субстантивируется (*умный*), прилагательное и глагол приобретают значения категории состояния (*врут, жив – умер*). Порядковые числительные типа *первый* некоторые лингвисты исключают из состава слов этой части речи, находя у них больше свойств прилагательных [Шанский, Тихонов, 1981: 128-129].

http://www.lib.tsu.ru

У информанта отмечены также отдельные антонимические оппозиции с неоднословным наполнением одного или обоих членов пары:

Бесплатно, дак ездит, а за плату бы не стала ездить ка'жный день в город; Поди, правда говорит, ли врёт?; А мать совсем редко-редко [пила], в рот не брала. А тётка запивалась до смерти. Это… пила, шибко!; Тоже маленький ростиком, коренастенький, а так маленький ростом, небольшой, в Кольку он [сын]. А Лена высо'ка, та ничё.

Такого рода явления не отмечаются словарями, но обычны для живой разговорной речи и отвечают всем основным признакам антонимов (контрастность семантики, сходная сочетаемость, употребление в характерных для антонимов синтаксических конструкциях). Появление этих противопоставлений вызвано отсутствием в языке однословных наименований (*говорить правду, за плату, не брать в рот*) или развитием устойчивых сочетаний у многозначных слов (*маленький ростом*).

Исследователи отмечают количественную неравномерность в распределении антонимии по частям речи. В.А. Иванова утверждает: "…прилагательные являются наиболее типичной частью речи для антонимов" [1982: 119]. Согласно подсчетам Л.А. Введенской, большую часть ее словаря антонимов русского литературного языка занимают прилагательные, ненамного меньше доля существительных [1973: 28]. Не совсем совпадают с этими наблюдениями данные по языку диалектной личности. Антонимичные прилагательные явно преобладают (около 35% всех пар) над антонимами других частей речи; 20% составляет доля наречий, 17% – глаголов, 15% – существительных, 3% – слов категории состояния, 1% – местоимений, 9% приходится на остальные (смешанные) пары.

Т и п о л о г и я

1. Общепризнанно деление антонимов на разнокорневые, однокорневые и энантиосемичные **в зависимости от формальных средств выражения семантической противопоставленности**.

В лексиконе диалектоносителя разнокорневые антонимы составляют большинство (около 77%). В русском литературном языке они также являются наиболее представительным классом [Новиков, 1973: 70]. Однокорневые пары образуются обычно с помощью префиксов. Соотносительными приставками являются:

http://www.lib.tsu.ru

В – ВЫ *вставлять – выставлять, включить – выключить*;

В – ОТ *включать – отключать*;

ВЫ – ЗА *вылететь – залететь, выпустить – запустить*;

ВЫ – ПРИ *вывезти – привезти*;

ВЫ – ПРО *выиграть – проиграть, выписать – прописать*;

ВЫ – С *вы'класть – скласть*;

ЗА – ОТ *закрываться – открываться, закрыть – открыть*;

ЗА – РАС *застегнуть – расстегнуть, запечатать – распечатать;*

ЗА – Ø *заочно – очно;*

НА – С *налить – слить;*

НЕДО – ПЕРЕ *не'досоль/недосо'л – пе'ресоль/пересо'л;*

РАС – С *расходиться – сходиться;*

ОТ – ПРИ *отвязать – привязать*;

ПРИ – У *прибавлять – убавлять, приехать – уехать*.

Однако регулярнее других используется модель Ø – НЕ: *красивый – некрасивый, ладно – неладно, самостоятельный – несамостоятельный, правда – неправда, удобный – неудобный* и т.п., всего 31 пара. Для части оппозиций, обозначающих половую принадлежность (включаем их в состав антонимов на основании контрастных сем "мужской – женский", отмеченных всеми словарями антонимов), средством ее выражения являются суффиксы (*правнук – правнучка, свёкор – свекровь, сам* "самец" – *саму'шка* "самка"). Есть переходный между однокорневыми и разнокорневыми случай выражения противоположности первыми частями сложного слова (*высокодо'йная – низкодо'йная*).

По поводу диалектной энантиосемии у исследователей нет единой точки зрения. И.А. Оссовецкий утверждает, что "В русском диалектном языке энантиосемия встречается достаточно часто" [1982: 61]. Н.И. Толстой считает, что "…семантическая система диалекта (языка) избегает энантиосемии" [1969: 101]. Второе суждение, вероятно, ближе к

http://www.lib.tsu.ru

истине. Во всех среднеобских говорах обнаружено 7 энантиосемичных слов [Тюрина, 1983]. При детальном изучении антонимии в одном из них – Нарымском – энантиосемия отмечена не была [Райская, 1985: 5].

В языке В.П. зафиксирован один случай энантиосемии: *Ну хоро'ша [мука]. Хоро'ша, басловлёна. Мука хоро'ша. Высший сорт* (*басловлёный* "о чем-л., вызывающем одобрение"); *А семя-то сколь на ей [мокрице], басловлёной, на траве-то! Не дай бог!; А он тоже, басловлёный, выпить любил. А работать не шибко любил* (*басловлёный* "о ком-чем-л., вызывающем неодобрение").

Кроме того, в дискурсе информанта достаточно широко распространена присущая всей разговорной речи энантиосемия, создаваемая ситуацией и определенным "интонационным контуром" иронии [Брагина, 1986: 73]:

Я говорю, поди, "милый" какой придёт к жене-то своей [о пьяном], постылый-то какой!; А они худо едят, кого там! "Едоки".

2. **По соотношению с основными формами национального языка** можно выделить общерусские пары (*густой – редкий, новый – старый*), просторечные оппозиции (*баба – мужик*), собственно диалектные (*по-белому – по-чёрному* "о бане с печью, имеющей дымоотвод или без него", *по-новому* "по новому стилю" – *по-старому* "по старому стилю") с их вариантами в разнообразных комбинациях. Большинство пар общерусские, довольно много антонимов с соотношением О – ДО (*туды'* "туда" – *обратно, большой – ма'сенький* "маленький", *хороший* "красивый" – *некрасивый, чистый* "предназначенный для приготовления пищи" – *поганый* "предназначенный для нечистот"), остальные группы немногочисленны.

3. **По типу выражаемой антонимами противоположности** (следуя классификации Л.А. Новикова) в языке личности можно выделить те же группы, что и в литературном языке. Широко распространены контрарные антонимы, выражающие качественную противоположность (*бедно – богато, холодный – тёплый*) – 50%; несколько реже встречаются комплементарные, обозначающие дополнительность противопоставления (*свой – чужой, благоустроенный – неблагоустроенный*) – 27%; еще меньше векторных антонимов, служащих для отражения противоположно направленных действий, свойств и признаков (*жениться – разжениться, залететь – вылететь*) – 23%.

http://www.lib.tsu.ru

Ф у н к ц и о н и р о в а н и е

По наблюдениям Л.М. Райской, "Антонимия является таким типом системных отношений в лексике, которые актуализуются (воспроизводятся) значительно реже, чем отношения синонимии, полисемии или мотивации" [Райская, 1985: 2–3]. В речи изучаемой личности антонимия занимает более значимое место. Дискурс информанта отражает примерно равную вероятность актуализации антонимических и синонимических связей, уступающих по встречаемости лишь мотивационным отношениям. Средняя частота появления одной пары – 0,13 на страницу печатного текста.

Антонимические противопоставления в речи диалектоносителя реализуются в определенных, типических **синтаксических конструкциях**.

В составе предложения это конструкции (по убывающей частотности):

Х, а У: *Ну, пе'рва-то он слышал, а потом оглох; Большой-то не надо огород, а маленький взяла бы;*

Х // У: *А если из городу так бы туды' ехать, то он направо, Маруся налево; Ну, от в субботу приехала, в воскресенье уехала в Па'ску;*

Х ли У: *Чё, пожила и так, худо ли хорошо, прожила век; Люди больны' ли здоро'вы;*

Х ли У ли: *Пра'ва ли ле'ва ли сторона?; Я не помню, много ли мало ли я там повалялась это;*

Х, не У: *Ну, ряды коро'теньки там, не до'лги; Хоро'ша девочка така', хоро'ша девочка, прямо не скажешь, что плоха';*

Х, и У: *Здоро'вы не делают, и больны' не делают; Он там уж уключал его, и включал;*

Х да У: *Женился да разошёлся с бабой-то; Увёз бы туды' да оттэ'дова;*

Х, У: *Пошёл да купил. Хоть дорого, дёшево, ну…;*

Х с У: *Чёрный с белым, от такой [кот];*

то Х, то У: *А та-то [фельдшер] ей не'кода будет, то у ей ребёнок, то у ей на вызов, то туды', то суды'…;*

то ли Х, то ли У: *То ли он живой, то ли неживой;*

ни Х, ни У: *Ни день ни ночь не спал*;

Х али У: *А так-то больша' али ма'ленька [собака]?;*

Х, да и У: *Худо так: свои возьмут, да и чужи'*;

не Х, У: *Не худа' она так-то, по'лна;*

и Х, и У: *Дак и дедушке, и бабушке не отдас [ребенка];*

Х или У: *Может, и правду было, или неправду.*

Антонимические отношения актуализуются также в составе двух предикативных единиц, связанных семантически (вторая из них часто эллиптическая). Отмечены конструкции:

Х. У: *Неохота Гале жить в городе. Охота в деревне; Мало, гыт, женшын было. Только мужики всё были;*

Х. А У: *Кухня-то ма'ленька. А комната-то больша'; Вот счас така' жизь. А раньше така';*

Х. Ну У: *У меня есь, ста'ры [картошки]. Ну я све'жи копала*;

Х. Ли У ли: *С ума сошли бабы. Ли мужики ли;*

Х. и У: *Ну я то'лста не была всё равно. И худа' не была, нет;*

Х. Не У: *Проходили [овцы]! Да'йче. Не сейчас!;*

Х. Л и У: *Мо'же быть, тако', норма'льно [давление]? Ли ненорма'льно. Не знаю;*

Х. А то У: *Правда, было бы всё хорошо. А то ишь, всё плохо;*

Х. И не У: *Ну, молода' она была су'проти его. Ну и он не старый, конешно;*

Не Х. У: *Колька-то, он не прожорливый, мало ес… ну, Сергей вроде ничё. Лена тоже мало ес. Мало… таки', маловы'тны.*

Обычно исследователи рассматривают синтаксические конструкции с антонимами только в составе предложения. В Нарымском говоре основным структурным типом

http://www.lib.tsu.ru

является Х, а У (около 45% всех контекстов), затем Х // У, Х и У [Райская, 1985: 15]. В речи информанта особенно частотны конструкции Х. У; Х, а У; Х. А У; Х // У; к среднечастотным можно отнести Х ли У; Х, не У; Х. Ну У; Х. Ли У ли; прочие низкочастотны.

Синтаксические конструкции тесно связаны с **функциями** использования антонимов в дискурсе данной языковой личности.

У В.П. преобладает употребление антонимов в функции противопоставления (74% всех контекстов), в первую очередь логического:

Счас на талоны, а раньше на паи давали; Дорогой стал [сахар] – кто возьмёт там дешёвый-то?

Реже встречается экспрессивно-эмоциональное противопоставление:

А Люда, она хоро'ша така', и вы'держана… Катя там, дочка друга', дак она заполо'шна! А эта хоро'ша; Тре'звы-то все люди, а напьются, так… все не'люди.

В этой функции высокочастотны конструкции Х. У; Х, а У; Х. А У; Х // У; менее частотны – Х, не У; Х. Ну У; другие низкочастотны.

В функции взаимного исключения отмечено 13% всех примеров:

Ну ты её потряси, она жива ли мёртва ли?; Может, лу'чче бы? Ли хуже ли было?; А я даже не знаю, много ли мало он чита'т.

Наиболее частотны конструкции Х ли У; Х. Ли У ли. Отметим, что обычным для информанта является значение сильной дизъюнкции, что совпадает с наблюдениями на материале литературного языка [Новиков, 1985: 22] и говора [Райская, 1985: 16].

Функция соединения до общего целого составляет 9% всех контекстов:

Сын-то дурачок, да и дочка-то дурочка; Так старух семьдесят ли восемьдесят шшытаю, таких – молодых и старых; Жили муж с женой.

Более регулярными являются конструкции Х и У; Х да У; остальные представлены единичными примерами.

Редкой является функция чередования (4% контекстов):

http://www.lib.tsu.ru

Утром пробудилась. И это, заснула; Я выключу. Включи-ка!; То туды', то суды' пальцы тянет.

Чаще других при этом используется конструкция "то Х, то У".

Не отмеченным в текстах диалектной личности оказалось употребление антонимов в выделенных Л.А. Новиковым функциях превращения одной противоположности в другую и охвата всего класса предметов [Новиков, 1985: 23]. Не свойственна данному информанту и подфункция классификации, выявленная Л.М. Райской [1985: 16] на диалектном материале: она присуща главным образом метатекстам и в естественной речи встречается редко.

В речи диалектоносителя выделяются пары антонимов с высокой и низкой **частотностью**. Большинство антонимических противопоставлений низкочастотно. Среди высокочастотных первое место со значительным отрывом от других занимает оппозиция *большой – маленький* (20 случаев актуализации антонимических отношений). Далее, по степени убывания частотности, стоят пары:

мало – много	13	*пе'рва – потом*	5
хороший – плохой	11	*Включить – выключить*	5
молодой – старый	11	*Красивый – страшный*	4
мало – много	13	*пе'рва – потом*	5
хороший – плохой	11	*Включить – выключить*	5
молодой – старый	11	*Красивый – страшный*	4
суды'/сюды' – туды'	10	*дешёвый – дорогой*	4
хороший – худой	9	*по-новому – по-старому*	4
баба – мужик	7	*тепло – холодно*	4
вечером – утром	7	*сын – дочь/дочка*	4
пьяный – трезвый	6	*мать – отец*	4
хорошо – худо	5	*раньше – счас/сечас*	4

http://www.lib.tsu.ru

хорошо – плохо	5	*новый – старый*	4
хороший – нехороший	5	*один – другой*	4
девочка – мальчик	5	*долгий – короткий*	4

Таким образом, наиболее частым в речи В.П. является противопоставление по размеру, величине, количеству (*большой – маленький, много – мало, долгий – короткий*). В равной степени значимы также общие оценки предмета или явления как положительного или отрицательного (*хороший – плохой, хороший – худой* "обладающий положительными качествами" – "обладающий отрицательными качествами"), *хорошо – худо, хорошо – плохо, хороший – нехороший*) и обозначения пространственных ориентиров (*суды'/сюды' – туды'*). Достаточно частотна также группа характеристики человека по полу (*баба – мужик, мальчик – девочка, сын – дочь/дочка, мать – отец*), внешности и поведению (*хороший* "красивый" – *худой* "некрасивый", *хороший* "с хорошим характером" – *худой* "с плохим характером", *хороший* "упитанный" – *худой* "тощий", *пьяный – трезвый, красивый – страшный*) и обозначения временных координат (*вечером – утром, пе'рва – потом, по-новому – по-старому, раньше – счас/сечас*). Сопоставительные данные по частотности употребления антонимов в литературе отсутствуют, и можно лишь предполагать, что выявленные противопоставления отражают как общеязыковые закономерности, так и индивидуальное восприятие мира языковой личностью.

Отметим, что все высокочастотные пары антонимов, за исключением просторечной *баба – мужик,* являются общерусскими или (реже) диалектными вариантами общерусских. Ни один из членов высокочастотных антонимических оппозиций не относится к собственно диалектным словам.

В дискурсе языковой личности отражены **связи антонимических отношений слов с другими видами системных отношений** в лексике.

1. Исследователи давно заметили тесную связь антонимии с синонимией, говоря о наличии синонимо-антонимических парадигм. Л.М. Райская утверждает, что "…для речи диалектоносителей характерно нанизывание синонимов в антонимических противопоставлениях" по типу: *А он такой спокойный, Юрка, с вечера спит до утра, а у*

Лили вон дочка-то по всей ночке – неугомонная, неутиши'мая была, – ой неспокойная! [Райская, 1985: 8]. В текстах нашего информанта наблюдается несколько иная картина. Преобладает парное функционирование антонимов:

"Поди, дорого?" – дёшево ей надо!; Похудела я, всё равно. Счас маленько поправилась.

Значительно реже, но регулярно встречаются двойные пары антонимов:

Ты меньше трезвый бываешь, больше пьяный; Один стожок хороший, а другой маленький так.

2. Тесно переплетаются антонимические отношения с мотивационными. В мотивационных отношениях находятся все однокорневые антонимы. Они связаны лексической мотивацией:

"Он некрасивый у меня". Ну она-то краси'ва; Запушшу его [кота], не выпушшу, он вылезет.

Среди разнокорневых антонимов есть и не связанные мотивационно (*С гостя' начинать ли с хозяина?; Вот бежишь опе'ть там работать, некогда итдыхать*), и связанные (*Не обязательно по-моему. По-своему заправляй /кровать/*); в последнем случае встречается только структурная мотивация.

В целом можно сказать, что для антонимов в языке исследуемой личности более характерны отношения структурной мотивации, нежели лексической. Особенно высока доля находящихся в отношениях структурной мотивации слов среди наречий.

3. Связи антонимии с отношениями формального варьирования актуализуются у информанта в пределах одного контекста редко:

Тут топят, а там-ка… там сало виси'тся.

Обычно лишь один из возможных вариантов образует в высказывании антонимическую пару. Таким образом, в тексте отношения антонимии и формального варьирования слова почти не пересекаются.

4. В лексиконе В.П. отражены связи отношений антонимии и полисемии, хотя в рамках отдельного контекста они также не выявляются, их можно обнаружить только в словаре. Ср. систему оппозиций многозначного прилагательного *худой*: "непригодный для

http://www.lib.tsu.ru

пользования" (*Не говорит, что хоро'ша будет, ли худа' печка – ничё не говорит*); "нездоровый, чахлый, плохо растущий" (*Чё-то цветы стали худы'. Были хоро'ши, похудели*); "с тощим телом" (*Я то'лста не была… И худа' не была, нет; Он такой худой, такой страшный стал. Полненький… хороший был парень-то*); "плохой по моральным качествам" (*У Ани худой кара'хтер. А у Агани кара'хтер хороший*); "тяжелый, трудный" (*Худа' жизь-то шибко. Хоть и говорят, что хоро'ша*). Связи антонимии и полисемии осложняются, как правило, синонимическими отношениями.

5. Взаимодействие антонимии и омонимии в лексиконе информанта проявляется слабо. Отмечены лишь омонимические наречия и слова категории состояния, дающие антонимические оппозиции: *хорошо*^{1} *– худо*^{1}, нар. (*Рабо'тат-то хорошо. А ес-то худо*); *хорошо*^{2} *– худо*^{2}, кат. сост. (*Хорошо, хорошо у нас было, у тяти. А у Степана было худо*).

К **индивидуальным речевым особенностям** данной личности можно отнести существование оппозиций с экспрессивными "наслоениями" на один из членов пары: *Хоро'шенько ничё не приснится, всё плохо'; "Принесу", – пья'ненька-то. А тре'зва не принесла; Ну он высочу'шшый, она ма'ленька, цалу'ет ему руки – давно не видала [сына]; Нос у ей долгенькый узенькый… А у меня нос широкый [в]он какой* (наряду с ними функционируют пары *хороший – плохой, пьяный – трезвый, высокий – маленький* и т.п.).

Специфика речи информанта проявляется также в наличии квазиантонимов с неполярной, смягченной противопоставленностью: *А селезе'нь так неважный бы. А уточка хоро'ша*. Такие пары нередко образуются с помощью лексемы *ничё: Она мале'нько потеряла колечко, мале'нько дуркова'та стала, а он-то ничё; А у ей кухня-то ма'ленька, комнатки-то ничё; Плохи' [картошки] посерёдке, а на горке вроде ничё.*

Итак, отношения антонимии занимают важное место в системе языковых средств личности.

У исследуемого информанта преобладает антонимия в сфере имен прилагательных. Большинство антонимов в лексиконе В.П. по формальным средствам выражения семантической противопоставленности – разнокорневые (однокорневых значительно меньше, энантиосемичные единичны), по типу выражаемой противоположности – контрарные (реже встречаются комплементарные и векторные). Основная масса антонимических оппозиций общерусская, нередки также пары с соотношением компонентов "общерусский – диалектный вариант общерусского". Употребление собственно диалектных антонимов в дискурсе нечастотно. Самой типичной для

http://www.lib.tsu.ru

антонимов данной ЯЛ является функция их логического противопоставления; реже наблюдается функция экспрессивно-эмоционального противопоставления, взаимного исключения, соединения до общего целого и чередования.

Специфика антонимии в лексиконе и дискурсе данной ЯЛ заключается: в типологическом разнообразии антонимических оппозиций по соотношению с основными формами национального языка; в своеобразии набора синтаксических конструкций актуализации антонимов и в более узком (в сравнении с литературным языком) спектре функций их использования в речи. Индивидуальные особенности обследуемого информанта выражаются также в характере частотности употребления антонимических пар, в наличии противопоставлений с экспрессивной окрашенностью одного из членов пары и квазиантонимов, составляющих периферию антонимических связей в речи.

1.4. Идеографическая организация лексикона

Изучение лексической системы на основе выделения классов семантически близких слов имеет в диалектной лексикологии давние традиции. Описание лексико-тематических групп (среди работ томских ученых можно назвать труды по предметно-бытовой, производственно-промысловой, непредметной лексике, лексике флоры и фауны Е.П. Молчановой, Ф.П. Ивановой, В.П. Палагиной, О.И. Блиновой, В.А. Сенкевича, В.Г. Арьяновой, Р.Я. Тюриной и др.) с развитием теории лексической семантики начало перерастать в исследования полевой организации лексического состава языка (на диалектном материале известны работы К.И. Демидовой, Л.Г. Гынгазовой, В.Л. Козловой, Л.А. Чернейко, А.В. Печниковой и др.).

Разработка теории русской идеографии ставит перед диалектологами новую задачу – создание диалектных идеографических словарей. Концепция такого словаря (на материале Нарымского говора Томской области) впервые была разработана и воплощена на практике Г.А. Раковым. В настоящее время ведется активная работа по составлению идеографического словаря русских говоров Среднего Урала (О.В. Востриков).

Идеографическая организация индивидуального лексикона до настоящего времени не была предметом исследования лексикологии, в том числе и диалектной. Отсутствует в лингвистике пока и идеографический словарь отдельного индивидуума[*]. Между тем

[*] В.П. Тимофевым выделены тематические группы внутри "Диалектного словаря личности", но какой-либо системы в их расположении нет, и идеографический словарь как таковой в этой работе

http://www.lib.tsu.ru

классификация понятийных групп, реально представленных в идиолексиконе, способствует пониманию его устройства и является важной характеристикой ЯЛ.

В связи с тем, что полный идеографический словарь диалектной личности еще не создан, ограничимся при анализе его фрагментом (поле "Человек"), составленным М.Ю. Обложко[*]. Он охватывает 2800 слов на А – Я из лексикона В.П., характеризующих непосредственно человека, его внешние и внутренние качества, действия и поступки. Анализируемый фрагмент включает 195 семантических полей. Семантическое поле вслед за Л.А. Новиковым понимается как "…иерархическая структура множества лексических единиц, объединенных общим (инвариантным) значением" [Новиков, 1989: 231]. Осознавая неполноту представленного во фрагменте словаря материала, мы полагаем, что наполнение полей, характер их организации, а также соотношение объемных и мелких групп единиц в нем отражают реальное положение вещей.

Человек во всех проявлениях его свойств – основная тема, которая затрагивается в речи информанта. Актуальность лексико-семантического поля "человек" свойственна, видимо, всем формам разговорной речи, в том числе и диалектам, "что лишний раз подчеркивает известную мысль об антропоцентричности языковой модели мира[**]. В разговорной речи антропоцентричность усиливается и превращается в эгоцентричность, так как субъектом большинства высказываний в ней является "я"- говорящий" [Столярова, 2000: 433]. В соответствии с этим поле "Человек" стоит в центре идеографической схемы. Бо'льшая часть лексики из речевого запаса В.П. – понятия, обозначающие какие-либо свойства, качества человека, его действия и поступки, взаимодействие с окружающим миром.

Во фрагменте идеографического словаря личности можно выделить несколько групп семантических полей, характеризующих человека как биологическое существо, как члена социума, а также отражающих его связи с Вселенной через ряд априорных понятий. Наполнение семантических полей в идиолексиконе неодинаково. Их объем находится в прямой зависимости от актуальности того или иного понятия для данной ЯЛ и от частотности связанных с ним тем в дискурсе информанта. Отметим самые объемные поля.

отсутствует. Тематическая классификация идиолексикона в работе В.Д. Лютиковой [1999: 45–50] также охватывает только собственно диалектные слова.

[*] М.Ю. Обложко. Идеографический словарь диалектной личности (фрагмент): Дипломная работа. Рукопись. Томск, 1999. 145 л.

[**] По подсчетам Т.С. Коготковой [1975: 296], в "Диалектном словаре личности" слов, относящихся к характеристике человека непосредственно или опосредованно, 1704, т.е. более половины.

http://www.lib.tsu.ru

При характеристике человека как биологического существа выделены поля "пол", "возраст", "телосложение", "рост", "тело". Наиболее обширным является поле "тело" (108 единиц)*. Его величина и разветвленность, вероятно, связаны с полифункциональностью этой лексики, служащей и для обозначения внешнего облика человека, всегда отмечаемого В.П., и в частотных у нее темах болезни. Большим является также поле "рост", представляющее значимую для информанта черту внешности.

Среди полей, отражающих восприятие действительности через органы чувств, наиболее объемные связаны со зрением (30 слов), в меньшей степени – со слухом (21 слово). Вкус, обоняние и осязание представлены слабо.

Большая группа семантических полей включает единицы, обозначающие потребности человека ("одеваться", "спать", "отдыхать", "еда", "справлять нужду" и др.). В центре данной группы находится макрополе "еда" ("питаться" – 74 слова, "готовить" – 36, "кусать" – 9, "вкус" – 6 слов). Крупным является поле "спать" (25 слов). Значительно по объему поле "пристрастия" (47 слов), в основном содержащее единицы с обозначением пристрастия к спиртному.

Чрезвычайно обширно и разветвленно макрополе "болезнь", отражающее названия разнообразных заболеваний, болезненных состояний и их проявлений, лечения, выздоровления и здоровья (поля: "болезнь" – 36 слов, "выздороветь" – 15, "сумасшедший" – 33, "инвалид" – 17, "лечение" – 20).

Семантические поля, отражающие психические характеристики человека, разнообразны, но обычно невелики по объему. Наиболее крупные поля в этой области – "мышление" (20 слов) и "память" (14 слов). Многочисленные микрополя отражают имеющиеся в лексиконе информанта обозначения черт характера и поведения человека ("добрый", "грубый", "ба'ловный", "капризный", "спокойный" и др.). Самые большие в этой группе поля – "аккуратный" (20 слов), "быстрый" (16 слов) и "ругаться" (33 слова), одновременно входящее в макрополе "речь".

Среди полей, обозначающих эмоции, душевные состояния и настроения ("плакать", "переживание", "сердиться", "напугаться", "брезговать" и др.), значительным является поле "весёлый" (21 слово).

* Наличие формальных вариантов у отдельных слов при подсчетах не учитывалось.

http://www.lib.tsu.ru

Многоаспектны социальные характеристики человека, представленные в лексиконе ЯЛ. Несколько полей отражают общее понятие о человеке как члене коллектива ("коллектив", "посторонний", "национальный"); имеются в идиолексиконе поля с различными характеристиками связей и взаимоотношений людей в обществе ("знакомый", "одинокий", "общение", "отношение", "помогать", "гость", "заботиться" и др.). Наибольшее количество единиц включают поля "любить" (21) и "дружба" (17 слов). Однако самыми объемными среди социальных характеристик являются макрополя "труд", "родня" и "речь".

Трудовая деятельность человека отражена в 36 семантических полях. Наиболее абстрактное поле "труд" включает 34 слова. Весьма велики поля "профессия" и "должность" (65 и 22 единицы). Прочие содержат названия конкретных видов работ, преимущественно в области домоводства и огородничества. Крупными являются поля "готовить (еду)" – 36 единиц, "рукоделие" – 25, "дёргать" – 28, "лить" – 22, "копать" – 20, "грести" – 19, закономерно отражающие основные повседневные занятия данной ЯЛ. Несколько особняком стоит большое семантическое поле "драться" (33 слова), которое лишь условно можно отнести к трудовой деятельности. Обширно семантическое поле "торговля" (34 единицы), отражающее и вид трудовой деятельности крестьянина, и способ приобретения чего-л. в собственность, а также связанное с понятием собственности семантическое поле "забирать" (23 слова).

Очень объемны поле "родня" (87 слов) и примыкающее к нему "жениться" (39 слов), свидетельствующие об особой важности родственных, общинных связей в традиционном говоре.

В макрополе "речь" наиболее значимы объединения "говорить" (58 слов), "ругаться" (33), "кричать" (17), "обмануть" (15), "имя" (12) и "хвалить" (11).

Среди априорных понятий доминирующее положение занимает макрополе "движение": "навещать" – 5 слов, "бежать" – 18, "скакать" – 13, "упасть" – 4, "лазить" – 17, "плавать" – 7, "вернуться" – 4, "останавливать" – 5, "искать" – 9 слов и др. Максимальное наполнение в нем имеют семантические поля "перемещать" (62 единицы), "идти" (47), "ехать" (28) и "кидать" (21 единица). При обозначении априорных качеств и состояний особенно выделяется макрополе "чистый", в которое входят группы "замарать" (18 слов), "мыть" (12), "выметать" (4), "стирать" (15), "белить" (8) и "аккуратный" (20 слов).

http://www.lib.tsu.ru

В области характеристик социальных институтов выделяются на общем фоне поле "преступление" (21 слово), относящееся к сфере права, и "религиозный" (31 слово) из сферы идеологических понятий. Объем первого из них определяется кругом интересов ЯЛ, второго – особенностями воспитания, полученного информантом.

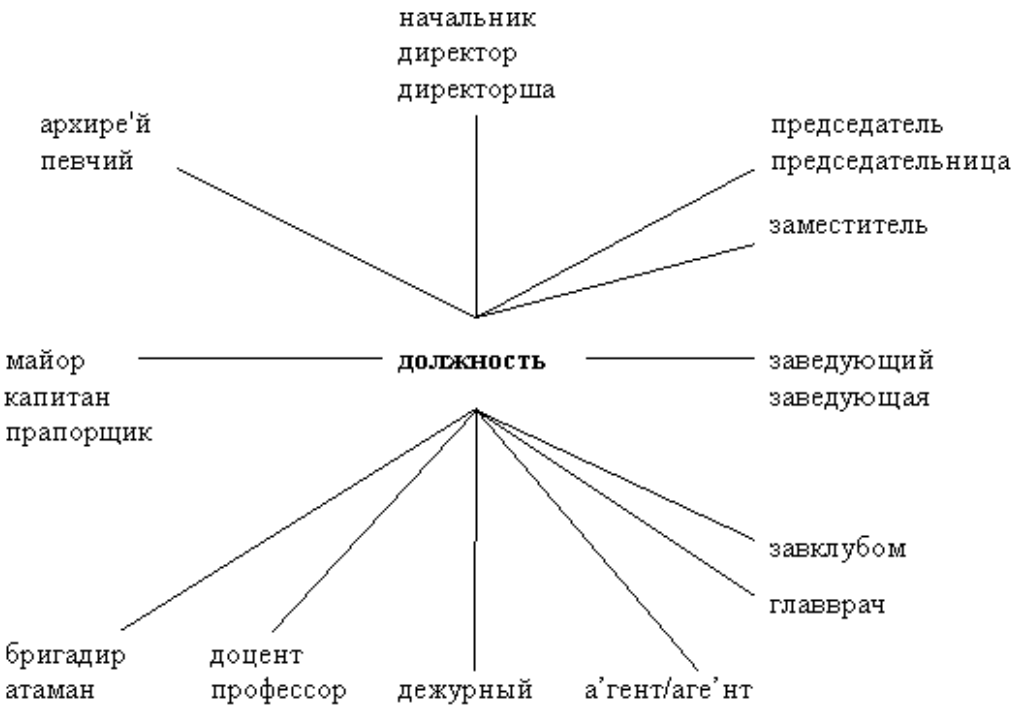
Показательны малый объем или полное отсутствие в идиолексиконе тех или иных семантических групп. Так, слабо представлены в нем понятия из области образования и воспитания, науки и техники, литературы и искусства (некоторое исключение составляет поле "грамотный" из 19 единиц), промышленности и строительства, ремесел и промыслов, неактуальные для данной ЯЛ в силу ее образования, воспитания, места жительства, рода занятий и времени исследования лексикона.

Структура идеографического употрядочения слов не линейна, а иерархична. Элементарной единицей его является лексико-семантический вариант. Внутри полей слова объединены в группы, где различия в значении слов минимальны. Группа полей, связанных с каким-л. понятием, может образовывать, в свою очередь, макрополе.

Внутри семантического поля можно проследить вариантные, синонимические и антонимические отношения, а также отношения деривации.

Полевые структуры не имеют одной стандартной схемы. Организация поля определяется количественным и качественным составом лексики, входящей в него. Часть семантических объединений слов представляет собой радиальные структуры. Например, в полях "профессия" и "должность":

http://www.lib.tsu.ru



Немногочисленны линейные поля. Их линейность, учитывая деривационные связи и грамматические характеристики слов, относительна. Таково, к примеру, поле "быстрый", включающее характеристики энергичного, темпераментного, подвижного человека:

быстрый

подвижный

проворный / проворно'й

шустрый

шустренький

расторопный

прыткий

бойкий / бойко'й

бойковатый

вёрткий

вертлявый

вертеться

крутлявый

отчаянный

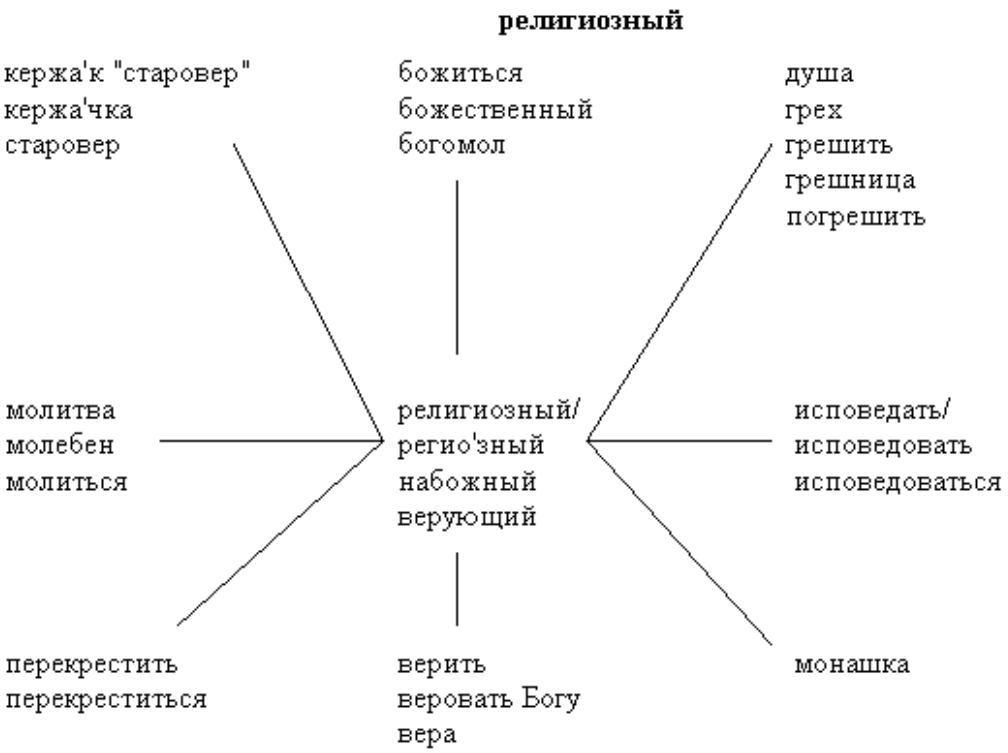
жи'вочком "быстро"

быстро

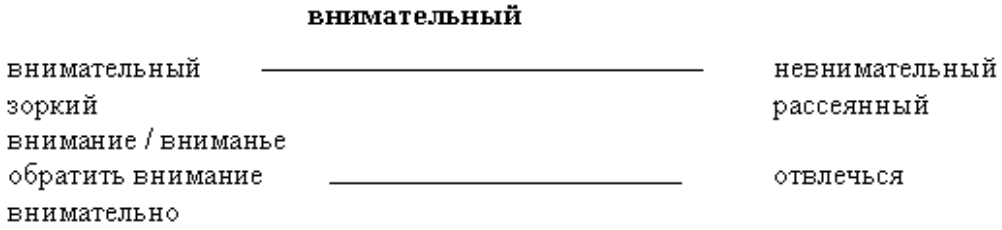
быстренько.

http://www.lib.tsu.ru

Бо'льшая часть полей представляет собой комбинации этих структур:



Семантические поля могут отражать тематические, деривационные, синонимические и антонимические связи составляющих их единиц. Самым распространенным является сочетание синонимических (или синонимо-антонимических) парадигм с деривационными:



Полевое устройство лексикона характеризуется асимметрией. Так, полно и разносторонне представлены характеристики физических действий и состояний человека и слабо – сфера психической деятельности; обширным является поле "болезни" и незначительным – "здоровье", поле "умирать" многочисленнее, чем поле "жить", и т.д. Асимметрия типична и для макрополей. Например, в макрополе "речь" резко контрастны поле, отражающее процессы устной речи, и небольшое по объему поле, связанное с явлениями письменной речи; основному макрополю с общей семой "говорить" противопоставлено микрополе "молчать"; весьма значительна группа слов с интегральной семой "кричать" и лишь одна единица имеет семантику "говорить тихо".

http://www.lib.tsu.ru

Анализ каждого из полей, представленных в идиолексиконе, дает возможность детально исследовать языковую картину мира личности. Идеографическое описание лексикона позволяет проанализировать, насколько велико то или иное поле в сравнении с другими семантическими полями, какие речевые проявления получают в нем наименования, а какие остаются немаркированными, что подвергается оценке, а что нет, тем самым давая материал для проникновения в систему ценностных ориентаций субъекта.

В качестве примера рассмотрим наполнение макрополя "речь" в лексиконе В.П. Анализ лексики дополнялся привлечением пословиц, поговорок и сравнений из дискурса информанта, имеющих отношение к этому полю. Вместо толкования значений приводятся высказывания, иллюстрирующие семантику и употребление данных единиц.

Значимость речи как важнейшего средства человеческого общения находит отражение и в сознании говорящего, и в его языке. Поле "речь" входит в число самых обширных в лексиконе диалектоносителя. Слова, связанные с понятием "речь", обозначают речевые действия по приему информации (*спрашивать, расспрашивать, допытываться*) и (значительно чаще) по ее передаче. Получают наименование сам процесс говорения (*говорить, сказать, предложить*), процесс говорения и одновременно его характеристика (*болтать, заикаться, кричать*), различные виды речевого воздействия на собеседника – рационального (*командовать, распоряжаться, разрешать*) или эмоционального (*просить, ругать, укорять*), определенные речевые ситуации (*баслovля'ть, извиняться, отказаться*), проявление эмоций (*каяться, жалеть*), результаты номинации (*величать, называть, называться*) и др. Одни единицы обозначают характеристики речи нейтрально, лишь констатируя их наличие, другие содержат оценку важных для говорящего особенностей речевого общения. Для изучения ценностной картины мира особенно интересны последние.

В лексиконе личности восприятие и оценка речи отражаются в разных аспектах.

1. Диалектоноситель отмечает и комментирует формальные качества речи.

а) В первую очередь находят отражение в идиолексиконе характеристика голоса, восприятие слуховых особенностей речи:

– убыстренный темп повествования: *Тараторка. Мужичонка-то этот; Он руга'тся ли чё ли? Никого не поймёшь, сыпет; Я говорю: "Катя, ты не была [на кладбище]?" – "Ой, я так заболела, так заболела…" – она така' трешшотка, ты её не знашь?*

– излишняя или недостаточная громкость речи: *Прямо придёт, орёт, сидит, крикунья така'; Она тиха'. И раговор тихо'й. Кака'-то тихова'та; Я и не сужу, так она смирна, тихоре'ченька, тихоре'ча.*

Индивидуальные особенности произношения или дефекты речи отмечаются, но не получают эмоциональной оценки:

Синпатичная така', тоже карта'венька; Он мале'нько пришепётывал; Она гнуса'ва – ну в нос говорит; Да говорит-то как-то в нос он шибко – полипы, видно, у него; Она там её: "Это, Анюта, кущяй, кущяй!" – она така', шепеля'ва ли кака' ли; Ну так мале'нько пригну'сывал, как разговор-то у него; Я говорю: "Может, он заика'тся, не говорит либо чё"; Вчера Лексе'й Макарьич опе'ть вечером крякал да крякал, пьяно'й-препьяно'й. Ой! [о манере "кряхтеть" при разговоре]; Кто меня звал в гости-то? Ну как-то говорит, прямо это… с прижи'мом как-то так: "Приезжай! приезжай!" ли "приходи!" скажет, "приходи!" – как-то ит души, с прижи'мом так от говорят. Это и Мотя тоже любит это говорить. С прижи'мом [об эмфатическом ударении].

Оцениваются не только объективные, постоянно присущие говорящему физические свойства голоса, но и ситуативно проявляющиеся особенности звучащей речи, которые отражают представление о речевом этикете. Негативно воспринимаются повышение тона голоса и грубые, непочтительные интонации:

А потом я после-то к им прихожу, он [племянник] опе'ть чё-то на меня – как заорёт, это после сена-то. Я говорю: "Ты чё нава'дился на меня реветь-то таку' беду? – говорю. – Это дома орёшь, дак я говорю, и тут на меня так же, а я тебе чё?"; А я говорю: "А Коля-то де?" А она так взъелась на меня: "О'споди, а я почём знаю? Он не был тут-ка!" ~ А я говорю: "А ты чё? Я тебя чё, обругала ли чё ли, чё ты на меня взъелась?" А она так потише, потише стала.

б) На уровне создания текста одобрительно воспринимается разговорчивость, способность говорящего к развернутому, связному повествованию:

О, как по воде бредёт. Ну она ничё и не запина'тся и ничё. Вот я чё думаю сказать, забуду, а она…; Она не перестаёт так почти говорить, говорят: "Вот говорунья так говорунья, ой, надо же, така' говорунья"; Он хороший мальчик, кура'тненький такой, ага. Разгово'ристый, говорит и всё; Таню можно записывать. Да хоть чё она может говорить, но она не шибко находчива на речь-то.

Во фразеологии диалектоносителя отмечается также находчивость говорящего, умение парировать реплики собеседника:

Мишка-то, гыт, идёт, матерится. А Иван, гыт, привязался, да эта баба… Лида ли как ли её зовут там. "Ты чё таку' беду руга'сся идёшь, матери'сся? Кому нужно твои матерки'?" А… А Валя-то в карман не полезет за словом: "О-осподи! А вы бабу совсем убили! Да по'д берег бросили. ~ И то ничё! И не страшно. А чё матерки? Пусть он матерится, ветер унесёт, и всё".

Логика строения текста почти не находит отражения в лексиконе. Единственная пословица на эту тему иллюстрирует одно из правил речевого поведения – необходимость завершенности высказывания: *"Ой, не знаю, сказать – не сказать тебе, тётя Вера?" – "Надсе'кла, дак отрубай!"*

Интересно, что в лексиконе личности очень немногочисленны слова для обозначения структурных особенностей развертывания повествования (в литературном языке они представлены довольно широко: *заговорить, продолжить, подхватить, добавить, повторить, поправиться, прервать, окончить* и др.). Отмечено только два глагола – *обратиться* и *перебивать: Я кода'-то обратилась к ей [соседке], я говорю: "У тебя нету, Нина, табле'точков от головной боли какой-нибудь таблетку?"; А Маруся-то тут-ка перебива'т: "А я, гыт, приду голосовать…".*

Слабо выражено в словаре информанта также и наличие / отсутствие образных средств в речи говорящего: *Не-ет, у меня мало [прибауток, поговорок]! А от Физа – дак она де только чё берёт.*

2. Содержательные оценки речи более многочисленны и частотны, чем формальные.

а) Содержание речи оценивается информантом прежде всего с точки зрения его истинности. Негативную оценку получает:

– намеренное искажение истины: *Врут-врут, врут-врут, и с такими друзья, и с такими, и врут – и как-то е'то и ничё. Моргают и всё; Да мужик-то не шибко самостоятельный, врёт: скажет, где огонь, а там вода; "А у меня та'мо-ка семь миллионов лежало" – неужели семь миллионов оставит здесь? Врёт. Наверно, болтливый; А после приходит и говорит: "Ты, Вера, меня уж извини… Сколько он [платок] стоит?" – ей охота узнать. Я говорю: "Тринадцать". Я уж не соврала, ничё. Не люблю врать; Вот уж мне-то поверь, я не вруша, никода' не вру ничё; "Одма'нывать она*

не будет. Она, гыт, и не вруша, ничё"; Таки' трепачи'шки, не дай бог, несамостоя'тельны люди; "Да она у меня семя огуре'шно просила". Дак а зачем вёдра-то? Под семя огуре'шно? Ну, в общем, они заврались;

– преувеличение истинных фактов: *Хвастливый с богатым в ряд; Не похвастовать, дак не пожить; "Хоро'ша, хоро'ша" – прям исхвалился до смерти; Болтовни, гыт, хвастни там дополна'; Она мале'нько любит прихвастнуть-то;*

– несоответствие содержания речи конечному результату: *Вот кто-нибудь сказал, что "я тебе сделаю сёдня", а сам не пришёл. Вот говорят тоже "обреми'зил" – обманул верне'; Сули'ха Недава'ся родна' сестра. Посулила – не дала. Вот раньше Катерина Владимирова была – ну чё бы её ни спроси, она обязательно не откажет. Ну хоть чё так посулит и не дас; Болтушка он, прямо такой несамостоятельный. В город хотел меня увезти, пропал куда-то; "Ты не заботься из-за дров, тётя Вера, ты не заботься, не заботься. Мы тебе привезём…" А сам никого. ~ Он говорит: "Напьются да сулятся! Напьются пья'ны как, тода' сулят, гору богатства насулят. Не люблю я таких". Я говорю: "Я тоже не люблю болтать здря языком";*

– лицемерие, неискренность: *За глаза костят, а в глаза лестят; Мо'же быть, она лестли'ва, я не знаю, в душе-то у ей я не была; Лестли'вый человек. Кото'рый он не самостоятельный, а который такой лестливый, "ти-ти-ти-ти-ти…"; Вот алю'сница, алю'сит; Не знаю, может, она алю'слива, может, она уважи'тельна.*

Ненамеренное искажение информации имеет более смягченную отрицательную оценку:

Ну мале'нько чё-то перепутала она. Так-то она не блу'дня; Нет, это я так буро'блю, чё попало говорю; В.П. Кода' он бра'ный-то? Чё-то в мае де-то, однако. Н.Н. Кто, Мурзи'нцев? В.П. Ну. Н.Н. Нет, он… В.П. Он осенью, я чё собираю!; Продали [квартиру] они, за двадцать пять тысяч, однако, продали. [Тысяч?] Да. О'споди, завралась, кого там… За двадцать пять миллионов, наверно.

Весьма показательно, что именно с правдивостью говорящего связана наиболее общая негативная или позитивная оценка человека через понятия "самостоятельный / несамостоятельный":

Он самостоятельный, не соврёт нигде, ли'шно говорить не будет; Она же несамостоя'тельна, председатель сельсовета, нехоро'ша, болтушка, соврать может,

сплетни сводить может; Нехороший он, я всё думала, что он такой самостоятельный, не вруша.

Ср. метаязыковой контекст с толкованием слова *несамостоятельный* самим информантом, где явно подчеркиваются именно его речевые признаки:

[Несамостоятельный – это какой?] Ну плохой. [Вообще плохой?] Ну плохой, конечно. Я дак в пе'рву очередь говорю: "Какой несамостоятельный-то! Чё попало говорит, врёт, гыт, так от…" [Только который врёт?] Ну, и так… трепач какой-то. Нехороший. Несамостоятельный. Я так говорю: "Это хороший человек, самостоятельный". Видать, что как… по разговору. Ну вот Крошко' – я скажу: самостоятельный, хороший. А вот этот Владимир, Танин отец, – дак он какой-то мелочно'й прям чё попало говорит. Я посидела с ём, думаю: ну, якорь тебя! Это, на лавочке. Я думала, что… пожилой мушшына, на пе'нзии, шеисят лет – неужели так говорить чё попало? Ну он чё попало может сказать. Я говорю: от, несамостоятельный он.

б) Неодобрительно оценивается и несоответствие содержания разговора здравому смыслу:

У Фи'зе нашей, у снохе' болела рука. Она говорит это: "Ой, думаю, как Анька приедет, так в город меня, в город в больницу положат, и заставлю итрубить врачей". Ну кто рубил, когда, кому руки? "Заставлю итрубить, итрубить!" Я говорю: "Да ты чё болта'шь-то чё попало? ~ Все бы итрубали бы, чё болело бы! Нихто' не отруба'т". ~ Я говорю: "Ты чё собира'шь чё попало?"

в) Еще одно существенное коммуникативное требование – соблюдение норм речевого этикета, вежливости в отборе слов. В лексиконе отражаются представления информанта о неумеренном и / или немотивированном употреблении бранной лексики:

Есть у нас тут Аксинья, ох ругательница, ох страмо'вка – не дай бог!; Ха'лка – ну это кото'ра ругается шибко. Говорили: "От ха'лка дак ха'лка!"; А ругаться станут – ой! Будут там ругаться – дак, наверно, в Бату'риной слыхать. Да лаются, матерятся – ой! Ну с кем-нибудь если свяжутся, ругаются; Иван поха'бливый, не дай бог. Матерится шибко. Не может так поговорить. Каки'-то матерки' лю'ты.

Требования к женской речи при этом более строги, чем к мужской, о чем свидетельствуют сравнительные конструкции:

Ой, как она его материла! Мужики так, Александра Степановна, не выражаются, как она; И как-то уме't прям [ругаться], как мужики!

г) Не одобряется и чрезмерная концентрация рассказчика на собственной персоне, расцениваемая как нарушение этики:

"Я купила". Так она пошто' я'кат-то? "Я да я" – бе'ла свинья".

д) Во фразеологии отражаются характеристики человека, который может сказать что-то резкое, бестактное:

В баню попросится, она: "Ступай к Рае да мойся" – вот так отвеча't ей. Язык-то долгый у неё;

а также остроумного, язвительного собеседника:

А у Лексе'я Иваныча был отец Иван Реми'лыч. Он совсем дурачок был. ~ Муж-то у ей, вышла замуж, да парится шибко… "Я, гыт, говорю: "Ты, гыт, как Иван Ремилыч прямо запарился". Он гыт неделю со мной не разговаривал", – это она мне расска'зыват. Она тоже была остра на язык, мать-то у их: "Ты, гыт, как Иван Ремилыч".

Такие содержательные характеристики речи, как ее информативность, доступность, увлекательность изложения, в лексиконе не маркируются.

3. В словаре диалектоносителя отражен также характер условий передачи информации. Важным фактором этически нормативного общения является выбор условий сообщения информации, часто обозначаемый фразеологизмами *в глаза* и *за глаза*. С их помощью могут отмечаться заочные и очные формы именования:

А его Ильёй зовут, а в глаза-то И'лей; Они в глаза-то меня бабой зовут, за глаза бабой Верой.

Информант предпочитает открытое, искреннее общение, высказывание своего мнения о собеседнике в его присутствии:

Я не люблю таких, Катя. Я люблю – мне в глаза сказать охота всё, если чё я знаю – в глаза скажу: хороший дак хороший, плохой дак плохой. А она – ой! прям ой! нахва'ливат: то да друго' да; А я – как раньше, один мужик говорил: "Ба'ушка Варвара в глаза всё говорила" – Варвара кака'-то была. Да в глаза всё, гыт, говорила: чё надо, она в

http://www.lib.tsu.ru

глаза скажет. Я говорю: "Я тоже как ба'ушка Варвара! Я сразу леплю"; Я говорю ей: "Ты колючка!" В глаза говорю.

Хотя у диалектоносителя есть свое представление об этических границах очной критики, и их нарушение говорящим тоже отражается в высказываниях:

Дак она придёт, она меня же руга'т. В глаза сидит и меня руга'т; И Аксинья… ну, она как любила это в глаза сказать чё. Может быть, она мале'нько повёрнута уже была така', всё равно она стала под после'д-то.

Находит выражение в лексиконе необходимость сохранения конфиденциальности сообщаемой информации негативного характера:

Наш тоже где-то подпил, гыт, пришёл. Они же овечек про'дали. Ну, Физа, так уж, горя мало – не в перенос, конешно. Она [жена] бы купила ему, дала на бутылку, он бы и успокоился; Много получили кото'ры [квартир, льгот]. А кото'ры погибли, дак… фига. А я вот, это, думаю – правда, не в обсу'д, не в перенос, а… я-то прямо всё думаю: как это получа'тся-то так?

В этом случае отрицательные оценки связаны с осознанием нежелательности передачи информации с точки зрения говорящего. Негативное восприятие обусловлено и несдержанностью говорящего – при несоблюдении этических норм или по иным причинам:

У тебя есь бражонка мале'нько? Я их [о диалектологах] не боюсь, чё они, доказывать [доносить] будут?; Беда прямо с ей: чё на уме, то и на языке; Дак ведь она сама с языком высунулась: "Я уйду отсюда, уйду!"; Я говорю: "У меня есь коньяк ешо". Ну надо бы? Кто за язык тянет, кто чё?; А она ходит треплет, гыт, по деревне; Она, гыт, стала парить [калину], а я говорю: "Ты уж не могла вытерпеть, чё тебе, легше стало, высказала, ты зачем выска'зываш-то?" Она: "Ой, чай не пьёшь, е'ту, калину паришь, я прям терпеть не могу её. Запаху терпеть не могу". Ага, я говорю: "Ну, терпеть, ну чё, легше стало? Промолчала бы, да и всё бы"; Таня, видно, Ольге, а та мне: "А ты, баба Вера, долгоязы'ка. Я тебе про квасок сказала, а ты уж бабе Моте передала"; "Ты далёко ли, тётя Вера?" А я говорю: "Поехала, гулять, – говорю, – на Усть-Сосновку!" Край надо было [сказать], так за язык меня ташшыли!; Я говорю: "Гулять поехали, на Усть-Сосновку" – за язык как кто выташшыл; "Она [тележка], гыт, изломана". А меня как за язык всё равно кто вытянул! Я грю: "Дак а у вас на чем таскали?"

Позитивная оценка связана с готовностью слушающего к исполнению воли говорящего, отсутствием возражений, покладистостью:

"Ты иди, мне помоги в погреб сходить". Он досло'ва, всегда сходит; "Серёжа, сбегай по тётю Полю" – он сразу же побежал, досло'вечка; Он сразу досло'вечка побежал. Ну ничё, слово никако' от себя-то ли'шно не промолвил… И он ни слова не сказал. Это так и говорят: "досло'вечка". Или чё дали досло'вечка, или чё сделали там досло'ва.

4. Ряд единиц лексикона сочетает в себе характеристики содержательной и формальной сторон речи, а также правил речевого поведения:

Валя сама грубова'та, я посмотрю на её, дак она тоже… сидит да чё-нибудь рявкнет. Груба' всё равно она (неодобрительно оценивается грубый тон, несдержанность в отборе слов); *Ну слов пять, может, буркнет* (невежливость тона, нежелание общаться, поддерживать разговор); *Он вчара пришёл – как он? [Изображает:] "Дай денег на пачку папирос!" – от так. Ты бы как-нибудь повежливей бы сказал бы. А то прям… заревут как с полки упадут* (отсутствие этикетных форм вежливости, грубость тона); *Он [муж] смотался к другой… А я стала ворчать, правда – тоже буду ра'зе молчать? Тоже… молода' была да…* (раздражительный тон, негромкость и неотчетливость речи, выражение неудовольствия); *Вот вишь кака': так сидит подку'сыват, подку'сыват: "Чё и не было, тапе'рь говорят, чё и не было!"; Ну ты вишь, как она разгова'ривать: всё в укол, в укол. Серди'та шибко; Я говорю ей: "Ты колючка!" В глаза говорю. Прям, колючка. Ка'жного человека ука'лывашь* (язвительность интонаций, стремление обидеть собеседника); *А с матерью руга'тся [дочь], говорят… Ага, огрыза'тся* (сердитый, грубый тон, непочтительность при ответе на вопрос или замечание старшего); *Ивану отдай полностью бутылку, пусть они не вякают; А ты знашь, что они землю делили, это Шура возника'т прямо: "Марусе земли не будет"; Ну и говорит это: "Напился, гыт, опе'ть пьяно'й да уступа'т, гыт". Горе!.. Счас, гыт, ворчал; "Вы'пете, – говорю, – да права кача'те"* (резкая, требовательная форма высказывания, неуместность речевых проявлений с позиций говорящего).

Итак, семантическое поле "речь" занимает важное место в тезаурусе индивида. Анализ лексикона позволяет сделать некоторые предварительные выводы о ценностных ориентациях личности в области речевых проявлений. В системе характеристик речи содержательные ее аспекты представлены более широко, чем формальные, что

свидетельствует о приоритете содержания над формой для говорящего субъекта. Отрицательные наименования преобладают над положительными, воспринимаемыми в качестве нормы. Логичность и информативность повествования, его увлекательность, доступность, а также эстетические свойства речи, вероятно, рассматриваются рядовым носителем языка как второстепенные и оценке в лексиконе обычно не подлежат. Требования к речи – это говорение в среднем темпе, при средней громкости, истинность информации, соответствие нормам этики и речевого этикета, уместность речевых проявлений. В оценках речи отражается стремление языковой личности к соблюдению социально значимых правил доброжелательного, неконфликтного, эффективного общения.

Таким образом, идеографическое представление лексикона личности позволяет исследовать языковую картину мира, отраженную в нем. Устройство лексикона свидетельствует об антропоцентричности картины мира информанта. Поле "Человек" расположено в центре идеографической схемы, не связанные с ним поля занимают периферийное положение. Наполнение полей определяется актуальностью соответствующих понятий для данного говорящего и частотностью связанных с ними тем в его дискурсе.

Анализ поля "Человек" дает возможность исследования системы значимых для говорящего явлений действительности, особенностей восприятия им мира и его оценки. Характеристики человека в лексиконе В.П. отражают основные биологические потребности индивида (еда, сон, одежда и др.), дают представление о главных способах познания действительности информантом (основными среди них являются зрение и – в меньшей степени – слух), а также о специфике оценки им внешности человека (телосложение, рост, пол, возраст отмечаются прежде всего).

Отличительной чертой идиолексикона В.П. является слабая представленность в нем сферы психических характеристик человека как весьма абстрактных, не свойственных диалектоносителю и, возможно, рядовому носителю языка вообще.

Отметим самые обширные поля: "труд", "тело", "болезнь", "еда", "родня", "речь", ярко отражающие систему ценностей диалектной ЯЛ: необходтмость поддержания физического начала (при меньшем внимании к психической сфере человека), значимость здоровья и труда как основы жизнедеятельности, особую важность для нее семейных, родственных связей. Существенным для информанта является также понятие речи как основы общения.

http://www.lib.tsu.ru

***

Анализ идиолексикона исследуемой ЯЛ позволяет сделать следующие выводы относительно его количественных и качественных особенностей.

1. Словарный запас В.П. включает около 17 тысяч слов и фразеологизмов (из них около 1000 имен собственных). С учетом многозначности исследуемых единиц объем идиолексикона составляет не менее 22,5 тысячи лексико-семантических вариантов слов и формально-семантических вариантов фразеологизмов.

2. Распределение единиц лексикона по грамматическим классам свидетельствует о преобладании в словаре ЯЛ имен существительных (39,9%). Второе место занимают глаголы (38%), третье – прилагательные (11,5%); количество слов других частей речи колеблется от 5,5% (наречия) до сотых долей процента.

3. Общерусские элементы в словаре информанта составляют 59,2%, собственно диалектные – 11,8%, диалектно-просторечные – 2,9%. Существенна доля диалектных вариантов общерусских слов (20,8%). Диалектно-просторечные варианты общерусских слов и диалектные варианты диалектно-просторечных слов немногочисленны.

4. Частотность и широта употребления слова в разных речевых жанрах определяют деление словаря ЯЛ на активный и пассивный словарный запас. Активный словарь составляет лексика широкой сферы употребления, высоко- или среднечастотная, пассивный – низкочастотная, используемая только в рамках отдельных жанров или ситуаций общения. Изменение идиолексикона с точки зрения активного/пассивного употребления отражается в таких разрядах слов, как новая лексика, архаические единицы, лексика чужой речи и окказионализмы.

Новая лексика в лексиконе В.П. разнобразна; это большой, открытый, активно пополняющийся класс слов. Неологизмы заполняют лакуны в словарном составе традиционного говора, а также вытесняют из употребления традиционные названия реалий. Источниками пополнения словаря личности служат прежде всего литературный язык, в меньшей степени – городское просторечие и родной говор. Заимствование из других форм языка осуществляется через устные каналы информации. Новые слова в речи информанта осваиваются в формальном, семантическом, грамматическом и стилистическом плане.

http://www.lib.tsu.ru

Устаревающая лексика представляет собой замкнутые, немногочисленные по составу тематические объединения слов, находящиеся на разных стадиях архаизации и пополняющиеся единичными словами. Главенствующим в трансформации лексикона, таким образом, является процесс его пополнения. Участвуют в этом процессе также окказиональные элементы и лексика чужой речи, находящиеся на периферии словарного запаса личности.

Все упомянутые классы слов пересекаются, частично накладываясь друг на друга: неологизмы, архаические и окказиональные лексические единицы могут воспроизводиться как элементы чужой речи; некоторые окказионализмы возникают при употреблении новых или устаревших слов, относящихся к пассивному словарному запасу личности. Граница между активным и пассивным словарем ЯЛ подвижна, исторически изменчива: широко употребительные в определенный период слова (в том числе неологизмы) могут со временем переходить в разряд устаревших, и наоборот: архаические лексемы иногда получают "вторую жизнь", начиная активно функционировать в речи.

5. Ярко характеризует специфику ЯЛ экспрессивная часть ее словарного запаса. Она составляет около 17% словника. Особенности идиолексикона информанта определяются более широким (в сравнении с носителем литературного языка) кругом экспрессивных лексических единиц, своеобразием спектра экспрессивно-эмоциональных оценок (отстутствие оценки восхищения, презрения, отвращения, наличие коннотации снисходительности и смягчительности), "текучестью" экспрессивно-эмоциональной оценки, зависимостью ее от контекста и отсутствием жесткой связи со словообразовательными средствами выражения экспрессивности. Эмоциональная лексика с негативной оценкой встречается в дискурсе В.П. значительно реже, чем с позитивной, интенсивность признака выражается чаще, чем его экстенсивность. Широко употребительны ласкательные формы, являющиеся маркерами жизненно важных объектов действительности, отражающие доброжелательное отношение к собеседнику, выражающие ряд оценочных и этикетных смыслов.

6. В лексиконе и в дискурсе изучаемой ЯЛ отражены такие виды системных отношений лексических единиц, как формальное и семантическое варьирование, мотивационные, синонимические и антонимические связи. Варьирование представляет собой тип внутрисловных, синонимия и антонимия – межсловных оппозиций, мотивационные отношения занимают между ними промежуточное место.

http://www.lib.tsu.ru

В области внутрисловных отношений полисемия, охватывающая около 21% лексем, преобладает над формальным варьированием, которое покрывает 4% словника. Ряды с формальным варьированием элементов достигают 6 звеньев, зафиксированное в "Полном словаре языковой личности" максимальное количество ЛСВ у полисеманта – 57.

По данным этого же словаря, около 76% всех лексем являются мотивированными. Количество слов, способных вступать в речи в синонимические или антонимические отношения, на порядок меньше. При этом синонимические связи значительно богаче и разнообразнее антонимических (467 синонимических рядов включают 1144 единицы, против 318 пар антонимов). Цепочки синонимов насчитывают до 17 членов.

Исследование дискурса ЯЛ показало, что на уровне текста наиболее частотна актуализация мотивационных связей (причем преимущественно в сфере лексической мотивации). Второе и третье места делят контактная синонимия и антонимические пары, реже актуализуются отношения формального варьирования. Полисемия обычно выявляется только в лексиконе.

Анализ обнаружил наличие тесных связей синонимии с антонимией, той и другой – с отношениями мотивации, а также мотивационных отношений с полисемией. Связи формального варьирования с другими видами системных отношений более слабые.

Прослеживается зависимость между грамматическими характеристиками лексемы и ее способностью вступать в системные отношения. В целом эти отношения более присущи знаменательным, нежели служебным частям речи. Формальное варьирование особенно распространено среди существительных, полисемия – у наречий, синонимия – у глаголов, антонимия – у прилагательных.

Особенности межсловных системных отношений проявляются также в своеобразии их функционирования – наборе синтаксических конструкций, в которых актуализуются синонимы, антонимы, мотиваты, в спектре функций их речевого проявления, в частотности употребления тех или иных видов оппозиций.

7. Предварительный анализ словарного запаса ЯЛ подтверждает уже сложившееся в лингвистике мнение об антропоцентрическом устройстве лексикона, подкрепляя этот теоретический тезис конкретным материалом. Поле "Человек" находится в центре схемы идеографического словаря личности. В данном макрополе широко отражены биологические и социальные, в меньшей степени – психические характеристики индивида. Наполнение семантических полей зависит от актуальности того или иного

http://www.lib.tsu.ru

концепта для данной ЯЛ и от частотности связанных с ним тем в дискурсе информанта. Наиболее объемные поля позволяют выявить центральные в системе ценностей ЯЛ понятия: "здоровье" (представленное отраженно, через определение болезней и болезненных состояний) и "труд", являющиеся основой жизнедеятельности, "семья", значимость которой особенно велика в крестьянской культуре, сохраняющей следы общинного уклада жизни. Отсутствие в идиолексиконе отдельных полей или слабая представленность их в нем (наука и техника, литература и искусство, промышленность и строительство) также показательны для характеристики малограмотного диалектоносителя старшего поколения. Малочисленность семантических групп, связанных с традиционными ремеслами и промыслами, свидетельствует об утрате потребности в них на современном этапе даже у представителей архаического типа говора.

http://www.lib.tsu.ru

Глава 2

Языковая личность и текст

Характеристики текста, традиционно изучавшиеся в стилистике художественной речи, а позднее ставшие предметом исследования в работах по психолингвистике, синтаксису, лингвистике текста, в диалектологии пока не получили развернутого освещения. Некоторые общие особенности организации диалектного текста выявлены Т.С. Коготковой, В.Е. Гольдиным, Т.А. Демешкиной; на материале говоров анализировались отдельные виды тропов: сравнение (С.А. Бойцов, Н.В. Горланова), метафора (Э.В. Васильева, Н.Б. Билева, В.А. Малышева, М.Э. Рут, Е.А. Юрина), олицетворение (О.И. Блинова); томскими диалектологами О.И. Блиновой, С.Э. Мартыновой и Е.А. Юриной опубликован "Словарь образных слов и выражений народного говора".

Исследования, в которых предметом анализа является текст, уже в силу самой постановки решаемых задач (процессы понимания и конструирования текста, вопросы его атрибуции, определение лексического богатства речевых произведений и др.) затрагивают в той или иной мере индивидуальные особенности восприятия текста и текстопорождения. Однако в центре внимания таких работ находится выделение общих свойств и типов текстов, а не конкретные тексты как продукт речевой деятельности реальных ЯЛ [Общение. Текст. Высказывание, 1989: 57]. Между тем специфика ЯЛ проявляется не только в характере лексикона, но и в особенностях создания текста: он отражает способ формирования и формулирования мысли и индивидуален у каждого говорящего [Калентьева, 1989: 77]. Для каждого человека типичен свой набор сфер и форм речи и организации текста в них.

Под текстом в данной работе понимается часть дискурса, обладающая признаками связности, цельности и эмотивности [Сорокин, 1988: 8].

Обобщающие работы по строению текста отдельной ЯЛ нам неизвестны. Имеются фрагментарные наблюдения на этот счет в речевом портрете А.А. Реформатского [Опыт описания…, 1989] и более частные исследования некоторых языковых средств строения текста индивида (прецедентные тексты, повторы и др.) [Лютикова, 1994; Малышева, Скитова, 2000]. В рамках комплексного анализа речи В.П. Вершининой томскими лингвистами начато описание системы речевых жанров данной языковой личности

http://www.lib.tsu.ru

[Демешкина, 1994; 2000: 95–101; Гынгазова, 1998; 1999; 2001; Казакова, 1999; 2000а; 2000б; 2001] и синтаксического яруса идиолекта [Гынгазова, 2000; Гузий, 2001; Диденко, 2001].

2.1. Общие особенности строения текста

Для нашего информанта, диалектоносителя старшего поколения, преобладающей является устная форма речи. Жанры письменной речи немногочисленны (письма, записки, открытки) и занимают факультативное положение. Типично общение при непосредственном контакте со слушателем (с недавнего времени отмечены также разговоры по телефону). В.П. не свойственны все сферы официально-деловой, профессиональной, научной и художественной речи. Главенствуют тесно переплетающиеся бытовые и личные темы (повседневные происшествия, работа, жизнь родственников и знакомых, воспоминания), реже освещаются события общественной жизни. В дискурсе имеют место диалог, монолог и полилог.

У носителей литературного языка с высоким уровнем образования состав жанров устной и письменной речи значительно шире[*].

К **индивидуальным чертам строения текста** у В.П. можно отнести следующие.

1. Развернутость и конкретность повествования. Информант разговорчив; на вопрос собеседника дается исчерпывающий ответ. При создании монолога практически не нуждается в поддерживающих репликах слушающего. В беседе активна, словоохотлива. Объемный текст создается без усилий, отрывистые короткие реплики не характерны. Средняя длина монолога с развитием одной темы составляет 500 словоупотреблений. Повествование изобилует подробностями: именами конкретных лиц, передачей их высказываний, указанием на время и место действия, количественными характеристиками предметов, действий, явлений и т.п.

Приведем образец типичного рассказа.

[*] Ср. перечень областей языковой коммуникации у А.А. Реформатского: письменная речь – научная проза, художественная проза, поэма, мемуары, дневник, стихи, письма, дарственные надписи на книгах, деловые, официальные жанры; устная речь – лекции, доклады, выступления, общение с коллегами, личные беседы, бытовое общение, разговоры по телефону [Опыт описания…, 1989: 150].

http://www.lib.tsu.ru

Дак а от я тоже так же [сгорела]. Ушли на работу мы: Степан уехал в Луча'нову, по конба'йну, а я ушла тоже, на поля. А потом это, все спят, а мне пошто'-то не спится. Я говорю: "Давайте, порабо'тамте пораньше, да… побольше, да это, не будем долго итдыхать", – всё равно всё с меры да со шшоту было-то, хоть чё делали, – я говорю: "Да домой подёмте пораньше". Много нас там женшын было! – "Ну, чё! Ну да, чё да… Давайте, итдохнёмте!" Ну мне не спится! Ну не я одна, много там сгорело так баб-то. А от эта са'ма Татьяна-то Лексе'вна надумалась тоже… Вышла вза'муж – ну лет ей восемнадцать было, кода' она уходила, может, не было ешо восемнадцать-то? Она с двадцать первого году, а пожар был в тридцать девятом, весной. Ешо, наверно, восемнадцать ей не было. Ага. А раньше это, – она вышла тут, на Горке, де Пана Ку'зина, ты бува'ла у ей раньше тут-то, али нет? Как де загорело… Ну, Физа де жила, Василия Егорьича живёт-то, – мале'нько подальше туды', через… ну, через один дом, один дом только рядом с Физой. Она тут в этот дом выходила вза'муж. А раньше это, чигу'нки были таки' больши' – ну он у меня в бане есь одна чигу'нка… угли замачивали, самовары-то грели. Она взяла да это… пришла, из госсорфо'нд-то, а угли эти – корзинка стояла, гыт, тут двухру'шна така', плетёна, из прутьев, в къладо'вке. А тут спичка, гыт, така'. А на спичке полови'чка висе'лась, половик, видно… так, как раньше это всё было, я всё знаю. И она вы'сыпала в корзинку эти угли-то. Они вроде тёмны; а там окошечко – а их стало раздувать. И это, угли-то разгорелись, как бы от так от, как в печке бы разгорелись. И половичка тут-ка как-то спы'хнула, нагрелась. И корзина, корзинка-то загорелась. И всё загорелось, она пока выпарила бельё-то, да пошла полоскать, и оттэ'дова-то идут – а там уж дом-то догора'т! Тоже всё сгорело. Дак её – ой, её так срамили её, ругали так! Хотели даже – она пряталась, её хотели в огонь бросить. Угу. Ругали, шибко её ругали. [Не били?] Нет. Да она пряталась, кто будет бить её, она пряталась. [Где?] Бегала куды'-нибудь, спрячется да и всё.

А я-то… И я – с полей-то иду, а тут пеньки, только дымочек идёт! А у нас домик-то был в тридцать девятом только… В тридцать девятом сгорели, а мы перешли в тридцать пятом. Хороший домик был! От как рядом с этим от – Лексе'я Николаича, Каря'кина дом такой… Напро'ти Поли мы жили-то. Ой, Степан приехал – тоже к пеплу. Встреча'т меня бежит – он уважал меня, правда, дружно мы жили. Он бежит меня, стреча'т: "Ну ничё, не мы одни, ничё, не горюй уж, ну чё, не мы одни…" – угова'ривать меня. А чё "не мы одни"? – прям нагишом остались. Картошки все сгорели, пашени'ца была, и рожь была и, мука и… – всё сгорело! Анба'р сгорел, коню'шна сгорела, курицы… –

и всё погорело. А поросята… свиня' с поросятами была – кто-то куды'-то выташшыли, выгнали. Спаслись, ага. Коровы на полях были. Идут – реву-ут коровы, не знают, куды' заходить-то: дым! От мы тода' к Нюре Ко'лчиной, она: "Вера, пойдёмте к нам!" От письмо-то [от нее получила]. Мы с ей подруги были. Вместе работали. Вязали помно'го. Больше меня дак нихто' не навязывал, ей-богу, Катя! А я это она от и счас [в письме] помяну'ла: "Тысячу снопов нихто' не навя'зыват".

Вот сколько тода', я не знаю, домов… Двадцать с чем-то сгорело. Ну-ка, счас я пошшытаю. Это, так: Кара'мышев – раз, Андрей Иваныча – два, Василия Егорьича – три, Михал Егорьича – четыре, Прокофий Степанычев – пять, Лексе'я Ларионыча – шесь, Иван Афанасьича – семь, Иван Миха'лыча – восемь, Кири'лин – девять, Марьи Матвевнин – десять, Михаил Степанычев – одиннадцать, наш – двенадцать, наш последний. На нашем пожар остановился. Наш – двенадцать… Трифон Афанасьичев – тринадцать, Михал Гаврилычев – четырнадцать, сельсоветский дом был – пятнадцать, тут Пётра Михалыч… Пётра Дими'трич – семнадцать… винопо'лка была – восемнадцать… Марьи Мефодьевны – девятнадцать, Василь… как его? пошто' я забыла-то? Фёдор Васильич, ли как ли его? – двадцать. Двадцать, двадцать, двадцать… Забыла, как?.. Ланпе'й, обшем, был – баба-то, шибко уж она ругалась! Обшем, двадцать три ли чё ли дома сгорело.

Обращает на себя внимание тесно связанная с детальностью предельная точность и конкретность изложения. Видимо, она также является важной характеристикой диалектного текста. Ср.:

А у это, у Татьяне Фалалеевой-то, Танька така', девочка – ну ей пять лет, наверно, шестой, однако… ли пятый ли? год. Пять, наверно. Залезла на дерево на како'-то там – на чё она залезла? на берёзу ли чё ли? да упала оттэ'дова, да руку изломала, да с отко'лом (наряду с общим принципом детальной конкретизации через имена собственные и числительные в данном фрагменте показательна коррекция неопределенно-обобщающего *залезла на дерево* на конкретное *на берёзу ли чё ли*).

Стремление рассказчика предельно конкретизировать ситуацию отмечалось как типичная черта диалектной речи В.Е. Гольдиным [2000: 228], говорящим о пространственной или социальной "привязке" называемых диалектоносителем объектов. Заметим, что в текстах обязательно присутствует также конкретизация временного плана повествования.

2. Связность текста и подчеркнутая логичность речи.

Монологическая речь В.П. отличается высокой степенью связности: композиционной, логической и внутритекстовой (связь отдельных высказываний внутри текста).

Несмотря на множество деталей, говорящий не нагромождает их, не "вязнет" во второстепенном, всегда помня о цели разговора и последовательно развивая изложение. Многие монологи напоминают маленькие рассказы с завязкой, развитием сюжета, кульминацией и развязкой. Целостность повествования в некоторых случаях подчеркивается кольцевой композицией:

[Поспите!] Да ты чё! Ты знашь чё, я никода', я днём не сплю. Ну так уж – та-ак, не знаю, кода'. Ночью-то чё делать? Ночь-то… и так другу' ночь худо сплю. Кото'ру ночь сплю, кото'ру не сплю. А е'то… я эдак от прилегла, а Коля говорит: это Анна Григорьевна хоронить… А я хотела сходить днём – "ну пойду, говорю, с кем-нибудь схожу туды'". А потом это… думаю: нет, уж я за'втре пойду, да провожу. А… всё равно в хороших отношениях всё были с ей, раньше-то, давно, кода' они тут приехали. Я вязала ей, сколько перча-атки, рукави-ицы, носки-и… А мне чё-нибудь… на складу' работала – мешки давала. От таки' мешки шириной прямо – ой! поди, по десять ве'дер войдёт. Ну чё ей, жалко было, колхо'зны-то? дас мне. Одея'лу давала, меняла на ху'деньку… две ли… Я Вале дала её. А потом это… тут как-то не стала, не стала ходить, и она так и… Николай-то помер лет шесь уж. Ну, кода' после Николая-то – мало походила. А то… тут я говорю: "Пойду я". А Поля пришла, я говорю: "Пойдём за'втре". А у ей корова отелилась, да чё-то там… послед не отходит, ли чё ли… А Поля-то не… Я ждала, всё, собиралась, совсем – пальтишко выташшыла, полушалок поло'жила… только ду…[маю]: как зайдёт Поля, так пойдём. Ну от время… Я говорю: "В час приходи". Время было час. Я подождала-подождала – да "дай прилягу", да прилегла. И легла от так же, да и уснула. И не знаю, как… Ну я тода' всю ночь не спала, чё-то мне не поспалось. От другой раз ничё не болит – уснуть не могу. А другой раз и болит. Ну а, тут это… Я… Татьяна Лексе'вна подошла, гыт, постукала – молчок. А я даже не слышала. Правда, за сон заручаться – дык… Ну, я только задремну'ла. Только я уснула. Я легла в час – дак я не сразу, как легла, так уснула, я ешо лежала, а Татьяна пришла полвторого ко мне. А потом это… А я посыпа'ю здесь! Она гыт: "Я зашла в и'збу, да говорит: "Здравствуйте". А тут никто не отвеча'т. Я, гыт, то ли хотела там сесь, а потом думаю: посмотрю". Посмотрела, а я от так свернулась, так от, и лежу. Она подошла да гыт: "О'споди… Я,

гыт, села тут на стул. А потом думаю: о'споди, она жива ли?" Это, за' руку-то меня дёрнула – ой, я как испугалась, соскочила. Прям испугалась. А она: "О'споди, тебе надо закрываться, пошто не закрылась". Я не подумала, что я усну, даже не подумала! А от уснула да и всё. Ага. Ну она гыт: "Я пошла Анну Григорьевну похоронить да и это… не могу дальше потти, прямо устала". А я думаю… А мне-то неохота [с ней сидеть], мне охота было сходить. Ну и… так и не пошли мы. За ворота' вышли, кода' несли, постояли и вернулись домой. А так я не сплю, никода' не сплю, чтобы спать мне днём. Летом кода' уж это… бува'т. А счас-то…

Несколько чаще рассказ завершается обобщением, подчас нравоучительного характера: *"Убью, гыт, застрелю, гыт". Что дом подписали [не ему]. Всем надо богатство в наследство; И вот неграмотны были и не знай чё выдумали. А может и лучше, что выдумали.* Завершенность повествования подчеркивается также частотными у В.П. присказками *вот такие (какие) дела, вот такие пироги.*

Иногда кольцевая композиция и сентенция могут совмещаться в одном тексте:

Тоскливо было [когда соседка уехала на зиму в город]. А счас ни черта', привыкла. А пе'рво-то всё у ей свет горит, она подолгу сидит – всё чё-нибудь вяжет да… Она тако' распуска'т ста'ро, да вяжет та'мо-ка… А кого там, раз, два наденут, да пропадёт всё. Из старого, кого уж? Ну, так она аккурати'ска: што'пат всё… Сидит подо'лго, до одиннадцати часов всегда сидит. А я лягу да топо'рю глаза, туды' гляжу всё. А теперь нету свету. Тоскливо было, тоскливо прямо! Вы'дешь – на улицу тоскливо, и дома тоскливо. Как её… А счас ничё кажется. Правда, человек гыт ко всему привыка'т, и в берлоге хорошо. Так и я.

Текст, особенно монологический, строится в соответствии с правилами логики. Повествование последовательное, без "перескакивания" с одного на другое. Информант стремится к словесному выражению всех этапов изложения. Ср. фрагмент диалога с подругой:

В.П. Вчара'… третёвни приехали Валя… не соврать бы… ~ А у меня мука – всё равно у меня есь. Я думаю: о'споди, у их там… они возьмут тут-ка дома, дак а оттэ'дова-то они могут [привезти муки], там же дополна', крысы теперь её съедят! А куды', Поля? Крысы съедят.

П.М. Крысы съедят, съедят, они прям хорошо подъедают.

http://www.lib.tsu.ru

В.П. Я посмотрела, а у ей така' бочка стоит… ну от така' вышиной. Ну вот как у меня, дак ешо больше бочки, а у их поменьше, таки' были. Ну, сколько там? прям не могу…

П.М. [перебивает] Ну ладно, там муки много, я знаю. Вера, а… вы договорились, ты постряпала, и они увезли всё.

*В.П. Ага. Ну и вот. У ей это… Я [шутливо] хочу сказ**а**ть, обязательно! Бочка стоит, а на бочке крышка, желе'зна же. А тут мешок стоит. А я посмотрела, а он ве-есь проеденный уже! [затем подробно рассказывает о том, что как итог разговора уже обобщила П.М.].*

Корректируется рассказ не с самого начала (с опущенной завязкой):

Я пришла к Рае, а обшем… шла я из магазина, и Рая шла. Поля пошла домой, Рая пошла домой. Она: "Пойдёмте и пойдёмте ко мне, я тебе молока дам, пойдём, подём…" – и я пошла, к Рае. Пришла, мы пельме'ни сварили…;

В обшем, Аксинья говорит… Ну, с краю уж [начну]. Овечек гнали, а к Владимиру забежала чужа' овечка. Ну, там она живёт, далё-око, де Маруся Ермолаева, там живёт эта баба. Анна Ивановна Карпухина её зовут. А забежал баран к им, к Владимиру. Ну, а он гыт: "О'споди, бе'гат, гыт, забежал, и загнали его". А шёл сын и'хный, Лёня. Да говорит: "Дядя Володя, пусь он у вас, гыт, побудет, ночует, а завтра выгонишь". Он гыт: "Ладно, чё". А он его, видно, приэкономил ли чё ли, правда-неправда, ну вот точно, ей-богу, у их мясо было баранина в то время, я помню. А Нюра-то, видно, де-то сказала, что загнали барана, а утром пошли стреча'ть, кода' гнали овечек, посмотрели, а его уже не было в стаде, этого барана-то. А Нюра-то сказала, что он заколол, эта хозяйка барана-то. Заколол Владимир, гыт, закололи. А е'той-то [Аксинье] кра'йно надо, она шибко така', ей кра'йно надо сказать. Ну я услыхала, а мне-то како' дело? Меня же не задевает, заколол он – не заколол. Не пойманный – не вор. Ну и вот. А она [Аксинья] Владимиру-то говорит, Татьяне: "Баран-то зашёл у их Карпухиных к вам, а вы закололи его, Владимир-то заколол".

Ассоциативный отход от намеченной темы также отмечается (*Да, вот я разговор-то завела, ишь, а перекинула [на другую тему]*) и подлежит корректировке.

В качестве вывода из рассказа В.П. часто подчеркивает, "к чему завела разговор":

http://www.lib.tsu.ru

А она пошла в школу – ну она была где-то в августе, в после'днив чи'слав, видно, – а потом это, Поле и говорит: "Вера-то как сдала, гыт, здорово", – вот к чему разговор-то веду; К чему я хотела сказать?; Я к этому-то и хочу сказать; Чё-то я хотела почему-то вывод-то вывести, и забыла. [Смеется:] Какой вывод-то был?

Диалог – менее логичная форма повествования, но и в нем при отклонениях от темы информант последовательно возвращается к предмету речи (*Десятый раз начинаю!*), пока не расскажет до конца.

Речь диалектоносителя течет плавно, затруднения в выражении мысли очень редки. Поиск слова имеет место только при употреблении некоторых элементов пассивной части лексикона (в ситуации забывания, неуверенности при передаче чужой речи, при воспроизведении неосвоенных неологизмов). Практически отсутствуют у В.П. заменители пауз *э-э-э, и-и, м-м, значит, так сказать, понимаете* и т.п. – кстати, довольно часто встречающиеся в средней и младшей возрастной группах носителей Вершининского говора (показательно в этом отношении сравнение речи В.П. и ее племянника, 1948 г. рождения). В ряде случаев их роль выполняет частица *это* (часто в сочетании с союзами и/или с частицей *вот*): *Я была в церькви, дак это, тоже батюшка-то читал проповедь; Тепе'рича это, поехал на Басанда'йку девок встречать; Мажу всем [больную ногу], и вот это, вроде отпустит мале'нько; Я говорю: работал-работал, зарабатывал это, квартиру – и вдруг собрался в деревню; Ну и говорит это: "О'споди, Вера, ты всех, гыт, хвалишь"; Морковь сварила, а это, не стала ись-то; "Приедет, – говорит, – она, дак тода' уж это, расспрошу у ней"; Валя, Гена, я, Лена и это, Сергей поехали копать [картошку];* реже – местоимение *этот*, согласование в роде с которым может отсутствовать: *Вот с черёмушкой поешь пирожок, с этой поешь, с рыбкой, поешь!; А я пошто' скла'ла эти-то, помидоры в банку?; А хлеба… этой, муки пятьсот грамм только дают; Там грыбы' поставила, да эти, как они, чеснок да лук; А у нас здесь тоже одна, кончила как вроде этот, училишше, на медсестру; И он привёз нас, свалил: "Поеду курево искать", – у этого, у больницы; А тут ему конфеты дали, этот…"Птичье молоко"*. Как отмечает Н.Г. Бойкова, чем меньше степень подготовленности речи и чем меньше контроль за речью, тем парафонов должно быть больше. Однако большое значение имеет уровень речевых навыков говорящего [1988: 41]. При полной неподготовленности речи и слабом контроле за ней в диалектной среде высокий уровень организации повествования обусловлен, видимо, прежде всего традициями речевой культуры, сохраняющимися у

http://www.lib.tsu.ru

представителей архаического типа говора, а отчасти – и индивидуальными способностями говорящего.

Связность текста создается также за счет связи высказываний внутри него. Последняя обеспечивается за счет:

а) служебных слов – союзов и частиц (*а, и, теперь, ну, ага, вот, тоже, ладно* и др.), выполняющих одновременно со своей основной текстообразующую функцию. Они служат для развертывания повествования, являясь средством связи высказываний или их частей, могут фиксировать определенные этапы его развития (зачин, развитие темы, заключение):

В городе они живут. А он директор железнодорожный те'хникум, Фалалеев Валерий Михалыч; Прямо, гыт, это, вылетает, прямо кусками, кровь. И скончался; Ну, он побежал туды'. Сразу побежал! Ага, побежал; Ну и теперь она назавтра-то пошла, попась-то к ним не может, они закрыты; Убежал оттуда у меня мыш, в картошки, в эти, в яшшык. Теперь это, я чё-то выхожу, а – хто же? Коля… брал эту, хлопушку… Однако, он? "Мыш", – гыт! Да хлопушку взял; Вот платье надо было сшить – Катя, ты не уме'шь кроить-то?; У нас Коля… он как раз в Мико'лу родился двадцать второго мая, и вот он тут родился; А Гутя тоже нынче: "Зашла, гыт, я в столовую, на рубь семьдесят поела, и путём не наелась"; Ну и он высадил их, они вышли. Ладно. Прошло это время сколько, он поехал; Ну и ладно, тепе'рича это я стою в коридоре там…;

б) повторов[*]. Типичны для В.П. прежде всего повторы одного и того же слова в смежных высказываниях:

Татьяна Лексе'вна была у меня, на днях кода'-то, а это… мы с ей выпили. Я говорю: "Выпем?" – а рюмки-то больши'… – я говорю: "Выпем давай". О'споди, всегда… пряники, конфеты, всё накупит и деньги не берёт. Ну и… Я говорю: "Выпем?" Она: "Не-ет, нет, я не буду!" А я выташшыла, рябину, было у меня, выташшыла. Да это, подала ей. Ну и это… выташшыла. Да распечатали с ей. Она: "Давай я распечатаю?" Распечатали, я налила – она така', вроде прия'тна… От ишь, рука-то кака'! загребаю – не могу… а

[*] Ср.: "Лексический повтор может рассматриваться не только как выразительное средство и стилистический прием, но и как средство выдвижения, обеспечивающего структурную связанность целого текста и устанавливающего иерахию его элементов. <…> В перечне средств связи лексический повтор занимает едва ли не первое место" [Берневега, 1994: 124–125]; "Функционально повторы служат структурированию текста и обеспечивают тем самым его цельность и единство. <…> Чередование повторов различных слов создает своеобразную сеть переплетений в тексте, делающую текст не только расчлененно структурированным, но и сотканным воедино" [Супрун, 1995: 139].

рюмки-то больши' у меня, вон те, – а мы с ей по одной выпили – она сла'дка, вроде… хоро'ша. И я давай ешо выпила. Обшем, я говорю: "Давай вы'пем по одной ешо?" Она: "Не-ет-нет-нет!" Я говорю: "Ну давай пополам". Ну и налила. Ага. И выпили.

Кроме обычных внутритекстовых связей замещения "имя → местоимение" (*Татьяна Лексе'вна → она; рябина → она*), мало типичных для В.П., и слабых семантических повторов (*прия'тна → сла'дка, хоро'ша*), бросается в глаза обилие буквальных повторов одних и тех же лексем, как бы "перетекающих" из предложения в предложение и скрепляющих весь текст. Наиболее частотные слова (*выпить* повторяется 8 раз, *давай* – 5 раз), являющиеся ключевыми, обозначают тему текста, маркер *я говорю* (также 5 раз) помечает речь автора при самоцитировании [Гынгазова, 2000: 235], остальные единицы дублируются 2–3 раза.

Реже основной тип буквального повтора дополняется повторами однокорневых слов:

Натаскал… А воды-то у нас не было – дня три уже, может, пять – не знаю, сколько. Не было воды. А я снег… – кастрюля у меня така', я принесу ведро снегу, да в кастрюлю. А тёпленька-то станет вода, я ковша два в кастрюлю полью, это… в ведро-то, да накладу – оно много натает-то, опе'ть тут… так кастрюля це'ла была. Ешо голову мыла дома, баню топить холодно, а воду… воды-то не было тут-ка, счас потепле' было, могла бы истопить – а е'то… думаю: не буду топить. А голова чешется, нет терпенья прямо. А всё равно чешется. Я возьму да дома вымою.

В этом случае максимальное количество повторов ключевого слова (*вода* – 5 раз), как и предыдущем тексте, и менее частотные буквальные повторы (*не было, кастрюля, ведро, голова, снег, чешется, топить, дома*) осложняются повторами *топить → истопить, мыть → вымыть*, отражающими мотивационные связи слов. В связи с этим явлением может возникнуть избыточность таких повторов (с точки зрения литературной речи), гипермотивированность, вероятно, отражающая специфику диалектного текста: *[Валя скупая?] Ну конечно. А Мотя тоже скупа' была. У ей тоже скупось была. Она тоже скупилась.*

В художественных текстах внутритекстовые связи более разнообразны.

Т.М. Николаева [1977] отмечает, что определение типов связности текста может оказаться полезным и для жанровых характеристик, и для характеристик индивидуального авторского стиля.

http://www.lib.tsu.ru

3. Некатегоричность повествования. Эта характерная черта диалектной речи, отмечаемая многими лингвистами, в полной мере присуща и текстам В.П. Категорически утверждается только то, что достоверно известно из личного опыта самому информанту. В связи с этим высокочастотна обширная группа знаменательных и незнаменательных показателей неуверенности в истинности передаваемой информации. К ним относятся:

а) модально-вводные слова (*бы'шно, видно, кажется, может/ мо'жеть, может быть / мо'же быть, наверно, однако, поди*), выражающие предположительность суждения, вероятность его, неуверенность в точности суждения или передачи информации:

Он много получа'т, я забыла, сколько он тысяч-то бы'шно, не соврать бы. Чуть не триста ли больше тысяч получил; А Ира тоже бы не против в деревню, ну Коля-то, видно, не хочет; Полила [лук], кажется, мале'нько получше стал; Недослышал он… Я думаю, может, по породе, у нас мама глуха'; А, наверно, холод будет сёдня, холодно; Они живут Рабочая… не знаю, сколько, девять, однако; А в городе, поди, дешевле за воду;

б) служебные слова и их сочетания: модальные частицы (*вроде, ли,* часто в сочетании с местоимениями, наречиями и другими частицами), некоторые союзы (*то ли*), изолированно или в комбинации друг с другом выражающие тонкие оттенки неточности сообщения: *А я садила свои-то картошки, вот эти бе'лы-то, а они вроде желтоваты; А говорят, как вроде он с тридцать пятого году, вроде бы; Она вот в Троицу ли когда ли умерла, старуха-то; Наверно, на почту ходил, куды' ли – не знаю; Думаю ~, не усну ли. Нет, не могу; Чё это гудит-то? Холодильник ли чё ли?; Второй год уж, как земляной медведо'к ли кто ли там [в огороде]; То ли он приставля'тся куражится, ли чё ли; Напился вчара' пьяный, не знаю, то ли его выгнали с работы;*

в) множество слов и словосочетаний, ситуативно выполняющих эту функцию: *не знаю, токо слыхала так, правда ли неправда* и т.п.

Текст обычно сочетает все три типа показателей некатегоричности:

Всё равно посадили [в тюрьму]. Ну и сечас… ну, это, мо'жеть, и врут. При тебе же да'йче Люда говорила. А я до е'того слыхала, что просют его пять ли шесь миллионов, как вроде… за чё-то там, заплатить… не знаю, за чё. Ну, может, за мана'тки, кото'ры воровал. Не знаю. Ну это так… говорят, а кто чё. Неправду, мо'же быть, это. А де он возьмёт пять-шесь миллионов? Сидеть будет если так, если правда… Может, неправда. И е'то, может, неправда. Что Люда-то да'йче сказала. Что шибко статья стро'га,

больша'. Не знаю. Мо'жеть, неправда. Ли правда, мо'же быть; Я не знаю, какого он года-то. Ну, в войну такие они [дети] были, большие уж. Наверно, тридцать… какого? не соврать бы. Ну, тридцать, может, пятого, ли какого, не знаю, каки' года, не помню. Некатегоричность текста определяется установкой говорящего на максимальную достоверность, истинность повествования.

Заметим, что отмеченные выше средства дополняются множеством других способов создания некатегорических высказываний. К ним можно отнести регулярно встречающееся у В.П. смягчение полярных оценок – как отрицательной (*А у Гути была настойка, так нева'жненька… ху'денька так…; Ой, така' бо'йка! А учится неважно; Чеснок от неважный, надо полить мне его тоже будет; Хороший [муж]. Жена-то так нева'жна по ему-то бы, ху'денька; Ну четыре-то, гыт, хороших, а пятый-то неважный поросёночек*), так и положительной (*Ленка, та хорошо училась, ничё, а он-то плохо; Ты ездила отдыхать-то? Ну ничё там, хорошо? Пирог ничё, только мале'нько подопрел; Тряпочка у меня была получше… ну и е'та ничё; А он такой синпати'чный молодой-то был. Да он и счас ничё*), смягчение резких отрицательных оценок лица (*Я его помню, он какой-то мале'нько ненормальненькый был; А у Ани-то рука совсем отказала, полуризова'ло, она же горба'тенька; Глу'пенька така' она стала [о пожилой женщине]*), смягченные способы выражения отрицания (*Я говорю: "Тебе не'кода?" – "Ничё, ничё, тётя Вера, иди"*) и побуждения (*Гутя, может, где увидишь, купи мне столовый нож, нету ножа; Маруся! Мо'жеть, ешо выпьешь?*). В этих случаях некатегоричность высказываний обусловлена неавторитарным характером языковой личности, системой ее этических взглядов, преломляющихся в правилах речевого поведения (воздерживаться от осуждения и чрезмерной похвалы, не говорить плохо о других, избегать авторитарных форм общения).

Средства выражения категоричности высказывания значительно беднее и менее частотны в речи В.П. Наиболее регулярными среди них являются наречие *точно* (*У их мясо баранина была, это точно; Сводит, сводит, она точно сводит [бородавки]*), частица *конечно ("Мало ли пережила, наверно?" Я говорю: "Конешно"; "Чё, до'рого?" Я говорю: "Ну дорого, конечно")* и фразеологическое словосочетание *<а>как же ([А выкуп платят?] А как же!; Полу'чче так [больная нога], ну как же! Ра'зе я смогла бы стряпать?)*. Многообразны, но низкочастотны частицы и фразеологизмы для выражения категорического отказа, отрицания (*Ни за что не взял [деньги], а вино надо!; Н.Н. Дак у кого как, дома у всех форточки. В.П. Нима'ло! У вас же нету; Она [врач] посмотрела:*

"Ничё подобного, у вас нерв воспалился, ничё подобного!"; Рыбу начиняли. [Кашей?] Ну, кашей! Мясо'м каким-нибудь и др.).

4. Личностная окраска речи. "Я" говорящего постоянно видно в разговоре, его дискурс приоткрывает ЯЛ индивида.

Как и для городского просторечия, для диалектов типичен коммуникативный антропоцентризм. Тексты сосредоточены преимущественно на теме "человек", а воплощается она чаще всего как "я и событие", "событие в моей жизни", "событие моими глазами" и т.п. [Матвеева, 1990: 47; Юнаковская, 1998: 196].

Личностное начало проявляется не только в выборе тем, которые интересуют В.П., но и при их раскрытии. Информанту присущи определенность позиции, наличие своего взгляда на положение вещей. Формальные признаки текста также свидетельствуют об этом явлении. Ярко выраженное субъективное начало отражено в высокой частотности местоимения *я,* занимающего первое по употребительности место в дискурсе диалектоносителя среди всех местоимений, а также других слов, связанных с менталитетом ЯЛ, свидетельствующих о системе ее взглядов, представлений, суждений (*знать*, *думать*, *хотеть*, *говорить*, *хороший*, *хорошо*, *плохой*, *плохо*, *худой*, *худо*, *любить*, *глянуться* и др.); в повышенной эмоциональности повествования, создаваемой многообразными средствами всех ярусов языка – от фонетического и грамматического до лексического (см. раздел "Экспрессивная лексика").

5. Слабое проявление самоповторов. По отношению к идиостилям можно говорить о такой индивидуализирующей их черте, как наличие/отсутствие самоповторений [Григорьев, 1983: 199]. Для рядового носителя языка самоповторы в отдельных речевых жанрах (связанных с рассказами о прошлом, с воспоминаниями о наиболее ярких, значительных событиях, запечатлевшихся в памяти человека), очевидно, неизбежны, но речь идет о степени их выраженности. Некоторые представители Вершининского говора воспроизводят такого рода рассказы в почти неизменной, как бы раз и навсегда застывшей форме. В отличие от них, речь В.П. характеризуется слабым проявлением повторов: тематика текстов очень разнообразна и редко дублируется, но даже при неоднократном возвращении к одной и той же теме повествование варьируется по форме – могут меняться детали, акценты в изложении, степень конкретизации, обновляется часть словника.

http://www.lib.tsu.ru

Так, повторенный несколько раз в течение дня с разными собеседниками рассказ об убитой у односельчан корове, которую застрелили, якобы приняв за лося, приобретает в каждом случае новые черты. Первый из них в беседе с диалектологом наиболее подробен (398 словоупотреблений), содержит преамбулу о владельцах коровы, недостаточно хорошо знакомых собеседнику *(Там Никулин, в тем краю живут – ну, де Татьяна Лексе'вна, за ими туды' ешо. Ну а эти живут, как сын-то Надежды… по этой улице. Де моноли'тны дома, ну, суды'. От как… как рассказать? Ну, как Нина Даниловна, дальше клуба, там переулок туды' пойдёшь за переулок, там живёт Надежда Костанти'новна),* и убивших корову *(А Гутин брат двоюродный, а у его два сына – Юрка да… Игорь да Лёнька. Ну и вот. Они эту корову-то убили…).* Этот текст монологичен, выдержан в информативном ключе. Два других сообщения на ту же тему в беседе с односельчанами – подругой и родственником – более лаконичны (165 и 263 словоупотребления), представлены развернутыми монологическими репликами в диалогах; в них широко используются цитация речи жителей села, комментарии к этой истории. Здесь отсутствует описание действующих лиц, но значительно усилены оценочные характеристики участников события и происшествия в целом *("Хотели лося убить, да корову убили". Угу. Я говорю: на дурака рассказ-то ешо).*

6. Диалогичность текста и широко используемая цитация. В.П. присуща как монологическая, так и диалогическая форма речи. "Способность произносить длительные монологи, редкая у современных горожан, – отмечает Р.Ф. Пауфошима [1989: 47], – свойственна многим пожилым людям (преимущественно женщинам), живущим в деревне". У В.П. нередки обширные монологи. В то же время речь информанта отличается диалогичностью. Соотношение диалога и монолога в имеющихся у нас магнитофонных записях 3:1 (фактическое соотношение еще более контрастно, поскольку диалоги с собирателями материала отражались неполно). Если вслед за авторами книги "Язык и личность" делить людей на монологистов и диалогистов, то нашего диалектоносителя можно отнести к категории диалогистов. Даже монологи часто представляют собой рассказы в лицах о том или ином происшествии ("диалог в монологе"):

Витька приносил мне этот раз: "Тётя Вера, мёд надо тебе?" Я говорю: "Зачем?" – "Дай тебе полью!" А… такой… ну, как вроде бы… брага ли квас ли там. Жидкий. Я говорю: "Ты де взял-то?" – "Да в Косого'ровой покупал. Сто во'семьдесять тысяч" – о господи, "покупал"! Ни денег, ничё нету. А я говорю: "Чё сто восемьдесят тысяч?" – "Ну, банку я покупал". Я говорю: "Ты не ври! Ты мне не ври, – говорю, – Виктор, я не люблю,

кода' врут". Я говорю: "Я покупала, дак по девяносто тысяч". – "Ну я две… я две банки-то брал! [смеется]. Так и получилось, гыт". То сказал "банку покупал", то две. "Сто восемьдесят тысяч за банку". Я говорю: "Ты не ври".

Диалогичность текста ЯЛ создается за счет включения в свою речь фрагментов чужих и собственных высказываний. Постоянно цитируется речь конкретных лиц – односельчан, знакомых, родственников, причем диалектоносительница воспроизводит не только лексику, зачастую нетипичную для нее самой, но и структуру фразы, характерные интонации, подражает тембру голоса, темпу речи, иногда даже особенностям жестов и позы говорящего:

*Ночует – он**а** домой, **о**н домой, он**а** домой, **о**н домой. Ну дак а он чё, к ей пойдёт всё делать ешо? А она: "К ему ра'зе пойду? " Она и говорит: "Я в раба' не пойду. Тут надо в раба' пойти. Огород большой, всё надо делать"; У его много одёжи. А ничё не носил. Фуфайка… хлястик оторванный, се'ренька фуфайчонка, всё ходил. Я говорю: "Дай я пришью, дай!" – "А-ай!" – "Дай пришью!" – "А-ай! Ла-адно!"; "У нас, гыт, всё, гыт, Андрей… чё-то говорят кото'ры, на меня, походит". А Валерий Михалыч гыт: "Не дай бог, чтобы на тебя!" А он открыва'т, форточку-то, папироску выбросил [изображает, сердито:] "Я не про то говорил! Что на тебя похо… походит ли чё ли там. Я про то говорю… Ты как тёшша: всё умирать собира'шься и не умира'шь"* (см. также примеры в разделе о чужой речи и главе о метаязыковом сознании).

Широко применяется и самоцитирование: *Она-не она… не знаю прям. Ну подошла к ей, спросила, я говорю: "Вы меня извините, Марья Михална, – говорю, – это вы?" Она гыт: "Я. А ты хто?" Я говорю: "А я Вера. С Вершининой, – говорю, – ездили кода'-то суды'". Она: "Ой, ой!" – поймала меня, поцеловала, прижала, тоже я… – "познакомились" с ей! Ну, узнали друг друга.* Как отмечает Л.Г. Гынгазова, "Передача собственной речи очень типична для В.П… Как представляется, это связано с особенностью восприятия мира носителем диалекта, при котором из всего многообразия мира в зону осмысления попадает прежде всего то, что включено в личную сферу говорящего, то есть фрагменты бытия, центром которых является он сам" [Гынгазова, 2000: 235].

Другой вид цитации – включение в речь прецедентных текстов. Они заслуживают специального рассмотрения как важный источник изучения прагматических установок ЯЛ.

http://www.lib.tsu.ru

2.2. Прецедентные тексты

Особенности языка личности связаны, наряду с другими факторами, и с характером используемых прецедентных текстов (термин Ю.Н. Караулова [1992: 16]) – распространенных и часто воспроизводимых текстов, знакомых широкому кругу носителей языка и отражающих культуру данного общества. Прецедентные тексты могут включать цитаты из произведений мировой литературы и фольклора, классические крылатые слова, а также цитаты из популярных песен, кинофильмов, рекламы и т.п. Знание прецедентных текстов есть показатель принадлежности к данной эпохе; они отражают культурный уровень социума и его членов, национальную принадлежность личности, ее мировоззрение и одновременно являются яркой характеристикой конкретного человека.

Прецедентные тексты пока изучены слабо. Их описанию в русском языке посвящена кандидатская диссертация Л.П. Дядечко [1989]. Появились первые работы по прецедентным текстам в языке личности: А.А. Евтюгиной описано это явление в поэзии В. Высоцкого [1995], В.Д. Лютиковой [1994] рассматривались пословицы и поговорки в речи диалектоносительницы В.М. Петуховой из Курганской области.

Анализ речи В.П. показал, что центральное место среди ее прецедентных текстов занимают тексты фольклорного происхождения. Полностью отсутствуют тексты, источником которых являются произведения художественной литературы, крылатые выражения, средства массовой информации; крайне редки цитаты из классических музыкальных произведений с установленным авторством. Такой круг цитируемых источников можно считать типичным для диалектоносителя старшего поколения, с низким уровнем образования, жителя села[*].

В число прецедентных текстов изучаемой личности входят прежде всего пословицы, поговорки и присказки; их более 300. Именно эти жанры фольклора не случайно

[*] Ср. источники прецедентных текстов у А.А. Реформатского: 1) художественная литература – поэзия ("Чаще всего звучал Пушкин, потом Лермонтов, Некрасов, А.К. Толстой, Блок, Пастернак, Есенин, Маяковский") и проза "от Гоголя до Бабеля"; 2) тексты романсов и опер; 3) крылатые выражения и афоризмы, в том числе на языке оригинала; 4) отдельные частушки. Пословицы и поговорки не упоминаются [Опыт описания.., 1989: 186–187, 197–200]. У В. Катаева в их число входят цитаты-реминисценции из произведений Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Толстого, Маяковского, Бунина, Мандельштама, Ахматовой, Булгакова, Бальзака, Золя, Дефо и др. [Дядечко, 1989: 14–15], у В. Высоцкого – сакральные писания, мировая художественная литература и искусство, классическая литература и искусство, русский фольклор (сказки, пословицы), мифы Древней Греции, речи известных ораторов, политиков, вождей, революционные песни, тоталитарный язык, советская реклама, фильмы, популярные теле- и радиопередачи, русский городской романс и русский цыганский романс (при этом прецедентные тексты понимаются широко – от высказываний до имен собственных) [Евтюгина, 1995].

http://www.lib.tsu.ru

занимают центральное место: они многочисленнее других и значительно шире прочих жанров охватывают разнообразные стороны действительности. Кроме того, обобщающий характер народной афористики, заключенная в ней житейская мудрость и нравоучительный элемент соотносимы с опытом и наблюдениями над жизнью пожилого человека.

Пословицы и поговорки представляют собой своеобразную энциклопедию мира. Они вторгаются во все области человеческой жизни, касаются всех предметов. Анализ прецедентных текстов, используемых личностью, позволяет увидеть систему взглядов на мир, отраженных в языковой форме. В составе прецедентных текстов можно выделить:

1. Тексты философско-мировоззренческого характера, рассматривающие универсальные категории человеческого бытия:

– причина и следствие: *посеяно, да [в]зойдёт; было бы ударено, да вспухнет; даром чирей не садится, и тот почешется; не кладёшь, и (дак) не найдёшь; не пропадёт за собакой палка <: кода'-нибудь укусит >;*

– возможность и действительность: *не отпадёт голова, дак прирастёт борода; сорвал много в поле цветов, да все не сорвёшь;*

– тождество и различие: *те же штаны, да наз'адь; что в лоб, то и по лбу; кака' до бани, така' и после бани; сменял кукушку на я'стрепа;*

– сущность и ее проявление: *зима не без морозу;*

– время: *и Петрова дня нет [как что-л. наконец произошло];*

– жизнь и смерть: *живой про живо' и думает; смерть причину найдёт; земля всех примет; смерть не спра'шивает; кому не умереть, дак всему миру не сперть;*

– вечное движение жизни с ее утратами и обновлением: *был да сплыл; свя'то место не бува'т пу'сто;*

– старость и болезни: *старось не младось; не бойся смерти, бойся старости; что старый, то и малый; был конь да изъездился; пора костям на место; не ел – не мог, а поел – ни рук, ни ног; шаг по рублю; не умрёшь и время проведёшь; ись ешь, а еда тебя ест; на тем свете найти не могут;*

http://www.lib.tsu.ru

– молодость и красота: *краси'вы (хоро'ши) не были, а молоды' были;*

– любовь: *под крыльцом, да с молодцом; погля'нется сатана лу'чче я'сна сокола';*

– добро и зло: *зло на зло и идёт;*

– законы познания: значимость опыта и практики в познании и достижении результата *(не пойма'шь, дак не узна'шь; кого спрашиваете, больного о здоровье; первый блин всегда комом);* бесконечность постижения мира *(век живи и век учись, а дураком помрёшь);* важность сравнения как фактора объективного познания *(пре' худе худо, а бе'з худа ешо хуже).*

2. Тексты, отражающие морально-этические нормы поведения в обществе. Иногда такая норма предписывается прямо, иногда она скрывается в негативной или позитивной оценке поведения.

Пословицы и поговорки утверждают ценность родственных связей, приоритет собственного семейного уклада и хозяйства над чужим, даже если они и далеки от идеала: *худо', да своё; худой, да свой; худо' моё и хоро'ше моё; хоть и плохо огород загорожен, да овечки не едят; худой, да хозяин; говённа, да хозяйка; ху'до, да дома, хорошо, да в людях.* Терпимость к недостаткам родственников, умение прощать их – лейтмотив большой группы высказываний. Утверждается отсутствие обязательств перед человеком, если не связан с ним узами родства *(я не венчана с ём; детей не хрести'ть с кем-л.);* осуждается корыстность родственных отношений *(муж жену любит здоро'ву, брат сестру бога'ту).*

Народная афористика характеризует отношения детей и родителей, воспросы воспитания *(не та мать, кото'ра родила, а та мать, кото'ра вырастила; у кого детей нету, у того и горя нету; чё худо', то отцово, чё хоро'ше – в меня; от свиньи не будет бобрёнок, всё равно поросёнок; кто ни родится – сама буду водиться; лежит поперёк лавки – тода' только учить его надо. А повдоль ля'гет, тода' уж поздно; хоро'ша дочь Аннушка, хвалит мать и ба'ушка),* затрагивая проблемы безотцовщины *(чей бы бычок ни скакал, а телёночек наш)* и осуждая избавление женщины от нежеланных детей *(явленных-то нет, а давленых-то сколько хошь).* Иронично и метко говорится о супружестве: *кореновик везет хорошо, а пристяжна' скачет; кому на ком жениться, тот от того и родится.* Поговорка напоминает и о необходимости поминования умерших: *мёртвый у ворот не стоит, а своё берёт.*

http://www.lib.tsu.ru

Освещаются правила ведения дома, хозяйства: утверждается труд как его основа *(дом не велик, а стоять не велит)* и необходимость отдыха *(сон дороже всего),* роль женщины в создании домашнего очага *(без хозяйки дом сирота),* говорится об источниках доходов и расходов *(не пил бы, не ел, дак куды' бы чё дел; мале'нько укра'дешь, и то лу'чче купленного),* одобряются запасливость и рачительность, на которых зиждется благосостояние *(запас пазуху не дерёт; пока дают, дак бери; у их и рыбка не уплывёт, и ягода не уйдёт; дорого, да мило),* но отрицается корыстолюбие, жадность *(всех денег не соберёшь).* В высказываниях находят отражение правила ухода за растениями *(ранний урожай к поздно'му не ходит)* и животными *(что телёнок, то и ребёнок; у коро'ве на язычке молоко),* приготовления пищи *(пошла стряпня, рукава стряхня'; недосол на столе, а пересол на спине; съедят свиньи да работники)* и ее употребления *(на век не наешься; дай бог отлега'ться, никогда не буду так наедаться; посуда чистоту любит; чем добру пропадать, лучше брюху лопнуть).* Значимой является тема гостеприимства и правил приема гостей *(соловья баснями не кормят; гостя' встречают по одёжке, провожают по уму; гостей провожают так: богатых провожают, чтобы не упал, а бедных, чтобы не украл).*

В общении с людьми на первое место выдвигается тема взаимных расчетов и обязательств как основы хороших отношений: *чаще счёт – до'ле дружба; уговор дороже денег; как словом, так и делом; Сули'ха Недава'ся родна' сестра; брать да отдавать – не стоит связываться; <в копна'х не сено,> в долгу не деньги; дала руками, а ходи ногами; старый долг как но'ва находка; так и чирей не садится < – и тот почешется>; не с коровой договариваться; был отдам, да помер.* Отмечается преимущество точных измерений *(вес да мера – не попова душа).* Говорится о правилах дарения и приема подарков: *на', боже, кото'ро нам не гоже; дарёному коню в зуб не смотрят; пока дают, дак бери; дарёно не дарят.*

Наряду с проявлениями взаимопомощи *(с миру по нитке – голому рубаха)* в качестве нормы принято и невмешательство в чужие дела, отстраненность от них *(не наш конь, не наш воз, не нам везти; на чужу' кучу глаза не пучу).*

Паремии провозглашают дружелюбие, понимание интересов другого важными факторами успешной коммуникации *(не ставь палку в колёса; кошке на хвост наступи, и та окрысится).* Утверждается необходимость таких правил поведения, как осмотрительность *(подальше положишь, поближе возьмёшь; плохо не клади, вора в грех не вводи; утро мудрене' вечера; не знашь броду, дак и не лезь в воду; цыплят по осени*

http://www.lib.tsu.ru

считают), терпимость к проявлению другой точки зрения *(богу молись, а чёрту в глаза не плюй; чё ни худо', то и забавно; хоть горшком назови, токо в печь не ставь; вольному воля, спасённому рай; всяк по-своему с ума сходит; хозяин барин)*, необходимость компромиссов *(волк в стадо, дак вой по-волчьи; блюй да цалуй; нужда заставит сопливого целовать; надо, чтобы волки сы'ты и овцы це'лы)*. Несоблюдение этого принципа, неумение прийти к взаимным уступкам рассматривается как глупость *(на базаре два дурака: один дорого просит, другой дёшево даёт)*. В конфликтных ситуациях говорится об опасности скрытого врага *(кото'ра собака лает, та лу'чче не укусит, а кото'ра не лает, дак укусит та)*, о доказательности предъявленных обвинений *(не поманный – не вор)*, о справедливой связи вины с наказанием *(не пропадёт за собакой палка, когда-нибудь укусит)*.

Высоко ценится своевременность действий и поступков *(ждать да догонять – не дай бог; до'рого яичко ко Христову дню; кода' свето'к рвут – кода' светёт; рано свёл, на по'здо навёл; не вовре'мя гость хуже татарина)*. Отмечается сила привычки в мотивации деятельности (*привыкла собака за возом бежать и за простыми санями бежит*) и необходимость выбора для успешного достижения цели *(за семью зайцами погонишься, ни одного не поймаешь)*.

Существенное место в этикете отведено нормам речевого поведения: *надсе'кла, дак отрубай; у кого чё болит, тот о том и говорит; вшивый всё про баню; ти'хо молчанье – короткий ответ; Дарья-дыра, тут и была*.

Оценивается статус человека в обществе и соответствие этого статуса возможностям и реальным поступкам человека: *сыт голодному не разумеет; по Сеньке и шапка, <по ядрёне матери колпак>; вшивому поросёнку везде худо; ну кто пьяный свечку Богу ставит?; но'ва метёлка хорошо метёт; свинье и то в году праздник есть; удалось лягуше в воду скочи'ть, и то заяц напугал*. Выражается неодобрительное отношение к таким качествам, как:

– избалованность, капризность: *губа у него не дура, язык не лопата; дай голому рубаху – толста';*

– простодушие: *быть проще' – скорей пове'шут; чё на уме, то и на языке; простота хуже воровства;*

– назойливость, проявление излишней инициативы: *в ка'жной дыре затычка (де дырка, там и затычка); не умрёт, дак удушить придётся;*

– лживость: *скажет, где огонь, а там вода; и наврёт, дак недорого возьмёт;*

– изворотливость: *в воде будет, суха' вылезет*;

– лицемерие, двуличность: *за глаза костят, а в глаза лестят; мягко стелешь, зёско спать будет; противна нищему гривна;*

– неосмотрительность: *пока гром не грянет, до тех пор не перекрести'мся;*

– хвастливость: *после свадьбы все ты'сяцки; хвастливый с богатым в ряд; не похва'стовать, дак не пожить; калина говорила: "Я с мёдом хороша". А мёд ей говорит: "А я и без тебя хорош"; я да я – бе'ла свинья;*

– легкомыслие: *в жопе ветер, в поле дым; куды' ветерок, туды' и умо'к;*

– несговорчивость, упрямство: *ему говорят "стрижено", он "брито";*

– скупость: *гости'на еда до поро'гу; собака на сене: сама не ест, и людя'м не даёт;*

– неблагодарность: *ни спасибо, ни насе'рил;*

– чванство: *из грязи да в князи*;

– завистливость: *господи, господи, убей того до' смерти, у кого денег много да жена молода'*;

– невнимательность: *вот тут залетело, вот тут вылетело;*

– торопливость: *поспешишь – людей насмешишь;*

– ограниченность мировоззрения: *залез червяк в редьку и думает: слаще нет;*

– пьянство: *нет такого молодца, чтоб поборол винцо, а всё винцо сборет-то; пьяному море по колено; не бей кнутом, напо'й вином; затянули собаку в колесо.*

Частотны характеристики умственных способностей человека: *ума нету, дак кожаный не пришьёшь, болтаться будет; ума нету, а жить охота; сила есть, ума не надо; у женщины во'лос длинный, а ум короткий; дак а дураков ра'зе сеют, они сами*

родятся; век живи и век учись, а дураком помрёшь. Интересно, что пословицы о глупости в основном звучат при оценке собственных поступков (как элемент самоуничижения), тогда как другие отрицательные качества оцениваются у окружающих.

Среди оценочных прецедентных текстов преобладают имеющие отрицательную оценку: положительное качество осознается как норма и обычно не выражается в паремиях.

Пословицы говорят о богатстве и бедности *(гол как соко'л; очистил боже, ни куля, ни рогожи; голому собраться – только подпоясаться; На чё купить? – На вши. – А вши-то де взять?)*, именно с бедностью связывая честный труд простого крестьянина *(прожи'ли век за холщовый мех; богатый не будешь, а горбатый будешь; не отдашь душу в ад, так не будешь богат)*. Вероятно, именно в силу тяжести работы, вместо благосостояния приносящей только потерю здоровья, излишнее усердие в работе на общество расценивается народом как глупость *(дурак работу любит, а работа дурака; ума-то не было: брала много, кидала далёко; дорвалась до бесплатного)*. По этим же причинам с понятием труда вообще связана его негативная оценка *(работа не коза, в лес не ускака'т)* – в отличие от всегда позитивной, уважительной оценки мастерства *(дело мастера боится; одна мучка, да не те же ручки)*. Труд рассматривается как вынужденная необходимость, как средство выживания *(не потопаешь, дак не полопаешь)*. Пословицы и поговорки иронически повествуют о сытной жизни без труда и хлопот *(чё солдат гладок? – наелся да на' бок)*, неодобрительно – о работе спустя рукава *(пень колотить да день проводить)*. О лени говорится и с шутливой иронией *(маленький дождишко, а лентяям отды'шка)*, и с сарказмом *(жрать только любит сладко, а срать гладко)*. В то же время в тяжелой, полной горя, труда и нужды жизни *(горе не по' лесу, а по' людям ходит)* есть место оптимизму: *голенький – "вох", а голеньким бог [помогает]; беда, гыт, это не беда тогда, когда беда придёт во двор, а тогда беда, когда её выжить нельзя*. Терпение *(терпи, казак, атаманом будешь)* и смирение, покорность своей судьбе *(привыкнешь, дак и в аду хорошо; живёт кошка, живёт собака – и мы так живём)* утверждаются как средство, помогающее преодолеть жизненные трудности. Утешением служит и осознание единства частной, личной судьбы с судьбой всего общества: *что в миру, то и нам*. Говорится о необходимости достижения результата в любом деле *(дело по делу, а суд по форме; где сена клок, где вилы в бок; не в коня овёс травить; не кладёшь – не найдёшь)*, о важности деятельной, активной жизни, невзирая на обстоятельства: *меня хоронить, а я боронить; умирай, а зелье хватай; умираю, а ногой дрыга'ю; умирать собирайся, а рожь сей; живой про живо' и думает*.

http://www.lib.tsu.ru

Отношение к религии в фольклоре иронично-критическое: *вес да мера не попова душа; поп кадит кадилою, а сам глядит на милую.* Народное мировоззрение далеко от религиозного фанатизма: *Богу молись, а чёрту в глаза не плюй.* Поговорки призывают надеяться прежде всего на себя, а не на божественное провидение: *бог-то бог, да сам не будь плох.*

Народная афористика, таким образом, – "…это своеобразный неписаный моральный кодекс народной жизни, пронизанный заботой о создании высоконравственной личности" [Прокошева, 1988:9].

3. Тексты, отражающие эстетические оценки. Их немногочисленность по сравнению с предыдущей группой прецедентных текстов свидетельствует о приоритете этических норм над эстетическими в традиционном народном мировоззрении. Это пословицы о соотношении красоты и пользы, внешних и духовных качеств личности: *не доила, лишь бы по' двору ходила; с красоты (с лица) воду не пить; красота приглядится, ум пригодится.*

4. В прецедентных текстах проявляются также различные модальные характеристики и эмоциональные состояния: невозможность осуществления чего-л.: *<ро'жки ма'леньки надо>, да их нету; "бы" мешает; близко локоть, его не достанешь и не укусишь; с избы бы на' борону упала; не привязанный, а визжишь; низачем да ночуешь)* или трудность такого осуществления *(на людей калач купить),* недовольство *(покажется небо с овчинку),* озабоченность *(не было печали, черти накачали);* неизвестность *(на воде вилами написано),* насмешливо-ироническое неодобрение *(заявилась не запылилась).*

Примыкают к пословицам и поговоркам присказки – стереотипные формулы в определенных ситуациях *(не к нам будь сказано* – при разговоре о болезни, *лёгок на помине* – о приходе только что упоминавшегося человека, *не к ночи помянуть* – если речь идет об умершем) либо ситуативные стандартные ответы или возражения на слова-стимулы *(нельзя – нельзя только на небо зале'зти; не хочу – поцалуй косачу; отдам – был отдам да помер; я сам – сам с уса'м; [емкость слишком большая] – из большой не выпадет; моряк – с избы бряк; Катя-Катя-Катерина – нарисована картина; голова болит – жопе легше).*

Среди прецедентных фольклорных текстов, употребляемых В.П., имеются также отдельные заговоры (*у сороки боли, у воро'не боли, а у меня заживи* и некоторые другие), приметы народного календаря *(Илья льдинку бросил в воду; Егорий с водой, а Мико'ла с*

http://www.lib.tsu.ru

травой), загадки *(не лает, не кусает, в дом не пускает)*, отдельные частушки и фрагменты народных песен, сохранившиеся в памяти информанта, сказки *(Николай-то говорит: "Ты сама пья'на, а Лиза тре'зва. Ты, наверно, как эта… лиса… жура'вь лисицу ли чё ли по'тчевал? Сама пила, а её, наверно, мало подавала ей")*, легенды (о хлебе "на собачью долю", о появлении серпа) и байки *("Ру'сски бабы ка'жный день голову чешут, не воют, а вы, гыт… в год раз, и то плачешь")*.

Из текстов иного характера отмечено несколько молитв. Зафиксировано лишь три случая цитирования текстов музыкальных произведений с установленным авторством: *Ну, чё в городе новенького? Цены набавляют, наверно, всё. "Просют цену набавлять" – песня така' есь; Поют же: "Один раз… день рожденья… раз в году"; Пусь горит [электричество]… "Гори, гори, моя звезда"*.

В отличие от пословиц и поговорок, эти тексты включаются в речь редко, обычно не повторяются и не образуют целостной системы.

Народная афористика, напротив, имеет системный, регулярный характер и высокочастотна в речи информанта. Это типично для рядового носителя языка, особенно диалектоносителя, в сознании которого важнее чувство связи с социумом и опора на его опыт, в том числе и языковой, чем проявление индивидуального творческого начала. Истинность коллективного опыта часто подчеркивается самим говорящим: *У кого детей нету, и правда, и горя нету; Правда, не отдашь душу в ад, не будешь богат; Привыкнешь, гыт, дак и в аду хорошо. Правда, так и есь; Был конь да изъездился. Правда чё говорят, пословица недурна*. Опора на коллективный опыт выражается и в обычной форме пословиц с употреблением частицы *гыт* или глагола *говорят*. Таким образом, в прецедентных текстах проявляется общность коллективной ЯЛ и ее отдельного представителя.

В то же время общий языковой опыт используется личностью не механически. Обычно соглашаясь с народной мудростью, В.П. иногда оспаривает ее: *Посеяно, да [в]зойдёт. А кода' и не зойдёт, это непра'вильна пословица*. Ср. фрагмент диалога с односельчанкой:

З.Р. У нас мама говорила: "Была бы, гыт, коровка да курочка…"

В.П. А стряпать будет и дурочка.

З.Р. А от не' из чего – попробуй испеки-ка!

В.П. Ай, и есь из чего, да не испекут!

З.Р. И есь из чего, не испекут, пра'ильно.

В.П. Эта пословица дурна'. И есь из чего…

З.Р. Угу. По-моему, тоже дурна'.

В.П. И есь из чего – не умеют печь.

Диалектоносителем осознается тождественный или противоположный смысл многих высказываний, подмечаются противоречия в них, отражающие разный взгляд на одно и то же явление: *"Не доила, лишь бы по' двору ходила!" А кото'ры гыт: "с красоты воду не пить", "с лица воду не пить", "красота приглядится, ум пригодится", так…*

Поговорка может комментироваться, подвергаясь трансформации с учетом современных условий жизни. Так преобразуется традиционное *шаг по рублю* с увеличением возраста и ростом инфляции: *Шаг по рублю, поди, дороже. Поди, теперь и сто рублей шаг. Не по рублю; Шаг по рублю. А счас, наверно, по тысяче.*

Индивидуальность данной личности проявляется также:

а) в более широком использовании фольклорных прецедентных текстов – пословиц и поговорок по сравнению со многими другими жителями своего села;

б) характере отбора из общего корпуса пословиц, связанных с условиями жизни, повторяющимися ситуациями, личными взглядами и оценками самого говорящего. Так, с возрастом информанта связана частотность тем старости, болезни, смерти; с мировоззрением и характером – развитость тем "порядочность и обязательность взаиморасчетов", "труд", "важность компромиссов, терпимости и осмотрительности", "необходимость деятельной, активной жизни", отражающие систему ценностей языковой личности;

в) особенностях использования прецедентных текстов. Пословицы и поговорки используются ситуативно (*Да мужик-то не шибко самостоятельный, врёт: скажет, где огонь, а там вода; Правда говорят, гостиная еда до порогу: только пришла – ись хочу*), другие жанры – ситуативно (например, байка о расчесывании волос – при причесывании) или ассоциативно *(Надоел кобель, никакого толку, не лает. Не лает, не кусает, в дом не пускает).*

http://www.lib.tsu.ru

Информанту свойственно использование пословиц не только в переносном, но и в буквальном смысле. Ср.: *Пошла на завод [племянница]. И там – залезла, как червяк в редьку, и думала: "лучше нету", и сидела тут-ка, на заводе-то; Какой-то гнус [в огороде]. Залез, гыт, червяк в редьку, и ду'мат: "слашше нет". И правда.* Подобные примеры не единичны. Так, при обсуждении покупки кур комментируется: *Всё, говорят, правда: куриц, гыт… цыплят по осени шшытают;* если речь идет о холодной зиме – *Зима, гыт, не без морозу*; при выпечке блинов – *Первый блин, гыт, комком, а у меня последний комком* и т.п. Вероятно, здесь мы видим возврат к истокам рождения поговорок, которые возникали в ходе наблюдений над конкретными жизненными ситуациями и лишь постепенно приобретали обобщенный, переносный смысл.

Широкий спектр используемых информантом прецедентных фольклорных текстов с их глубоким смыслом и афористичной образностью, отличающихся отточенной, выразительной формой, свидетельствует о богатстве языка и духовного мира личности.

2.3. Выразительные средства текста

Каждой ЯЛ присущ свой набор выразительных средств текста. Выразительность речи вслед за Б.Н. Головиным [1988: 182] понимается как особенность ее структуры, способствующая поддержанию внимания своей организацией. Рассмотрим некоторые из этих средств, наиболее яркие и интересные с точки зрения характеристики ЯЛ. К ним можно отнести ряд тропов и фигур речи (таких, как сравнение, метафора, ирония, гипербола и каламбур[*]), а также наличие рифмы и ритмизации прозаической речи.

Выразительные средства текста изучались языковедами в связи с исследованием идиостилей, прежде всего у поэтов. На материале языка поэзии были обнаружены:

– тяготение к прямому слову либо насыщенность тропами у разных авторов;

– предпочтение одних тропов и фигур речи перед другими;

– различный характер конструирования тропов;

[*] В квалификации большинства из них в лингвистической литературе нет единства. Метафора и гипербола обычно причисляются к тропам, а каламбур – к фигурам речи. Сравнение и ирония относятся то к первой, то ко второй группе. Не вдаваясь в терминологический анализ и учитывая объединяющие эти единицы общие характеристики (наличие общих функций в тексте, возможность однословного и неоднословного выражения, формальную близость многих из них и нередкий синтез в одном словоупотреблении), проанализируем эти явления как однопорядковые.

http://www.lib.tsu.ru

– специфика употребления одного и того же вида тропа у отдельных поэтов [Очерки истории языка…, 1990: 148–150].

В отношении дискурса В.П. можно утверждать, что его нельзя назвать насыщенным тропами, однако они встречаются достаточно часто. Господствующее место среди них принадлежит сравнению.

С р а в н е н и е

Хотя уже установлено, что сравнения являются показательными элементами идиостиля [Очерки истории языка…, 1990: 90], тема "сравнения и личность" пока разработана недостаточно. Идиолектные сравнения рассматривались в произведениях творческих личностей – русских писателей и поэтов: М. Горького [Плющ-Высокопоясная, 1963], А. Фета [Копылова, 1986], Н. Заболоцкого [Цыб, 1994], Н. Гумилева [Красина, Сыпченко, 1995], Ю.М. Нагибина [Болотнова, 1995]. Е.А. Некрасовой [1982] осуществлено сопоставительное описание сравнений как компонентов идиостиля А. Блока, Б. Пастернака и С. Есенина. Имеются также диссертационные работы по сравнениям французских, английских и американских писателей: Р. Роллана [Абдушукурова, 1969], Дж. и Д. Даррелов [Гаспарян, 1994], Р. Брэдбери [Наставшева, 1979] – в типологическом, функциональном и лексикографическом аспектах.

Сравнения как часть языковой системы рядового носителя языка пока изучены недостаточно. И.Н. Щукиной [1991] рассматривалось функционирование устойчивых литературных сравнений в речи А.Г. Горшковой; В.Д. Лютиковой [1999: 135–147] – компаративные конструкции, их функции и характер создания образности у В.М. Петуховой; Т.Ф. Волковой [1996; 1998; 1999; 2000а; 2000б; 2001] начато исследование сравнений В.П. Вершининой в формально-семантическом, функциональном аспектах и в плане сопоставления с вершининским говором.

Среди выразительных средств текста образные сравнения в речи нашего информанта являются наиболее частотными и разнообразными: их отмечено более 400, а вместе с логическими – около 600. В среднем на 20 страниц текста приходится один компаративный оборот [Волкова, 2000б: 42]

Для сравнений информанта характерны следующие **конструкции**:

http://www.lib.tsu.ru

– КАК + существительное с предлогом или без него (иногда с определением): *И там тувале'т и ванна, и всё там, да ой! Я приехала домой – как в погреб какой-то; Там затягыват окошко-то [льдом], как заплатка бува'т; Ну круго'м вертю'сь, как на шише';*

– КАК + глагол (иногда с дополнением): *Сколь накла'ла, как украла; [Снег валит] как лопатой кида'т; Други' сделают как вольют, а этот шибко уж ху'до;*

– КАК + причастие: *Дак эта рука была как выточена, хоро'ша;*

– С(О) + существительное в вин. падеже: *Разбухла чуть не со стол;*

– ПО + существительное в дат. падеже: *Ручки – от по пальчику, по пальцу моёму будут;*

– В + существительное в тв. падеже: *Напрядёт шерсть, от в палец толшыной;*

– Существительное в тв. падеже: *А у меня была бутылка така'. ~ Она от така' от, плашечкой; Да кака' сковороди'шша была, сто'гом картошек, прямо мешать нельзя было!;*

– наречие со значением уподобления, образованное от существительного: *Всё пузыри-то полопались все у него, всё тело-то, всё, гыт, в хлебе этом, в зерне… По-коровьи, гыт, орал;*

– существительное в им. падеже + это же существительное в тв. падеже: *Надо не забыть мясо, холодильник оттаять. Мясо выташшыть – а кого я завтра? Кось косью будет.*

Основная их масса представлена конструкциями с союзом КАК, прочие можно отнести к факультативным.

Семантика сравнений. Субъектом сравнений у диалектной личности в первую очередь выступает человек, в том числе и сам говорящий. Сравнения, таким образом, служат для характеристики и оценки других, а также для самооценки. Наиболее частыми объектами сравнения являются предметы быта и животные, несколько реже – человек. Другие сферы жизни – природные явления, абстрактные понятия – отражены слабо. Самым распространенным основанием сравнения является внешнее сходство субъекта и объекта. При этом признак, положенный в основание сравнения с одним и тем же объектом, может варьироваться. С.А. Бойцов, анализируя устойчивые сравнения в

http://www.lib.tsu.ru

брянских говорах, пришел к выводу об однозначности сравнений, где объектом является предмет, в отличие от многозначных сравнений с животными [1986: 11]. У В.П. такое противопоставление отсутствует. Многозначность распространяется на обе выделенные С.А. Бойцовым группы сравнений. Ср.: *как камень* – "твердый", "неподвижный"; *как палка* – "прямой, тонкий", "гладкий", *как свинья* – "малоподвижный", "неряшливый", "неразборчивый в еде"; *как коза* – "постоянно жующий", "передвигающийся скачками" и т.п. Более того, как показывает материал, многозначные или омонимичные сравнения у нашего информанта чаще встречаются в группе "предметы", чем в группе "животные". Является ли это индивидуальной особенностью информанта или спецификой сибирских говоров в отличие от брянских, еще предстоит выяснить.

Сравнения диалектоносителя носят "денотативный" характер, при котором сравнительный оборот порождается непосредственно окружающей человека внеязыковой действительностью. Показательно в этом плане множество сравнений, в качестве объекта которых выступает холодильник – центральный предмет на кухне В.П. (как основание сравнения фигурируют различные его качества – величина, объем, цвет, твердость): *От такой растолстел! как холодильник!; Хоро'шенька была, а счас от така' толшыной, как холодильник стоит!; Ну тот-то татарин, прям морде'нь – чуть не с холодильник; Здорова', здорова'! прям как холодильник здоро'ва; От таки' чурки! Ой, с холодильник кото'ры; Ну там голи'мый песок! Как холодильник, прям белый песок!; Ой! Они [отмороженные ноги] от таки', как холодильник, даже пожелте'; Поля от така', как холодильник бе'ла, гыт, сжелта'! Сильно болеет; А собачка как холодильник бе'ла, гла'дка – как поросёнок!; Да кого "выздоровела"? Как холодильник бле'дна-бле'дна вся!; У меня окорочка были, лежали – два… две штуки. Знашь чё, они как холодильник пошто'-то белёхоньки стали – прости меня о'споди, я даже побрезговала!; Юрочка был тут-ка, а я, это, – ишь чё, како' тело. ~ А е'то, я за[дела]… ой, вот такой, как холодильник [стучит костяшками пальцев об стол]. Наверно, нигде ничё, натянутый. Я грю: "Ой, тело-то како'". [А] у меня как тряпка.*

Большинство сравнений носит конкретный характер. Конкретными обычно являются все компоненты – субъект, объект и основание сопоставления. Сравниваются конкретные действия с конкретными действиями, конкретные лица или предметы – с конкретными лицами, предметами, животными и т.п., главным образом на основе внешней похожести: *А титьки-то каки'! Как эти, наволочки. Перо высыплено, а матрасовки остались одне'; То'лстенька така' [цепочка]. Вон у Вали, дак… как сороковой*

http://www.lib.tsu.ru

номер нитки. То'ненька. Параллель "абстрактное / конкретное" для сравнительных оборотов В.П. не характерна. Как правило, такие сравнения не являются индивидуальными, а представляют собой общерусские компаративные фразеологизмы или их варианты и отражают ощущение времени: *Ой, как сёдня всё было, как сечас! [в воспоминаниях]; Прожил, гыт, во'семисять один, во'семисять два года – как один день. И не видал, гыт. Неохота, гыт, умирать; Всё, как век не было. Заехал, замолчали и всё.*

Отмеченная особенность, несомненно, связана с механизмом порождения сравнений у рядового носителя языка. Стимулом для образования сравнений служат прежде всего окружающие информанта вещи, животные, люди. Мир отражается в сравнениях диалектоносителя в первую очередь через зрительные ассоциации: *Внучат припёрли це'лу машину, как селёдки; То аккура'тненька, гыт, така'! Прям как ступочка. Шибко хоро'ша девочка;* гораздо реже – через тактильные: *Хожу к нашим в баню, а у них пол холодный – как лёд!; Ну не поверишь, как иго'лкими колет [мошка].* Примеры передачи вкусовых и слуховых ощущений немногочисленны: *Покупал мне кто-то здесь – как камни, разжува'ть нельзя. Пряники, ага. Как глина; Мальчик какой. Как звонок орёт.* Обоняние своего отражения в сравнениях не находит.

Таким образом, основную массу сравнений рядовой ЯЛ порождает то, что постоянно "перед глазами" информанта.

Образные сравнения диалектной личности характеризуются ассоциативным объединением неоднородных сфер действительности, контрастных с точки зрения носителя литературного языка (живое/неживое, человек/предмет, человек/животное и т.п.). Чем менее однородными являются сопоставляемые денотаты, тем ярче образ. Но вполне возможно, что в народном языковом сознании быт и природа, живое и неживое не противопоставлены, а тесно связаны между собой. Об этом свидетельствует регулярный характер переносов, демонстрирующий единство природного с бытовым, повседневным (*Мох там драли. А мох, дак как половики больши' бы таки', такой прям мягкый такой – дома' строили; Тут хоро'ша земелька, как чашечка тут внизу-то она, хорошо; [Снег валит.] Угу. Как лопатой кида'т),* характеристика животных через человека *([Муха] лета'т, как сумаше'чча)* и человека через животных *(Кото'ру ночь прямо сплю, как пропа'шша*[*]*)*, распространение свойств живого на неживое, в том числе антропоморфизм ряда сравнений (*Это, ла'нпочка перегорела, тут перегорела, в сенях перегорела, на вернаде перегорела. Ну скажи, как ишшеле'ли ["сошли с ума"]. Долго горели. А тут все*

перегорели; Но'нче мясо – было три куска, я тут поло'жила, кто уташшыл кода', не знаю. Я его поло'жила в кастрюльку там. Хватилась – его нету. Ну ты подумай-ка, как с ногами ушло!; Пошто'-то сковорода пу'пом стала). Показательно употребление одних и тех же сравнений в отношении человека и предмета. Ср.: *У той Вали Нюриной грудь отня'та, лежит как плас; И кабину, гыт, всю помял, и колёса отлетели, гыт, а… всё, гыт, как плас лежит, вся изломана [машина].*

Сравнения по соотношению с формами национального языка. В речи диалектоносителя встречаются как общерусские сравнения (*Подмазали, губки подкрасили – ну она [покойница] как жива, гыт, лежала; Ну, кровь-то ручьём бежала; Она как на иголках, она же торопится без ума*), так и их диалектные варианты (*А сама как стату'й стоит: "Лена, одень меня! Сергей, одень меня!" – её одевают, она руки совсем не может поднять; Я говорю: "О'споди, куды' девался? Как скрозь земли' провалился?" – от так говорю я; А она бе'гат, бе'дна – как рыба об лёд бьётся, молоко, всё покупа'т, ташшыт им. Измаялась вся на нет).*

Имеют место также собственно диалектные сравнения: *Останемся чи'сменками. Маруся умерла, эти уедут… [Как?] "Чи'сьменка" называ'тся [три нитки в мотке на мотовиле]. Три… старухи: Настасья Ивановна, Калашникова… [и я]; Как на ела'ни [нагорожено на столе]. ~ Тесно. Поставить негде.* Их круг достаточно широк. К диалектным следует отнести не только сравнительные обороты, включающие нелитературные лексические единицы, но и те сравнительные конструкции, которые при общерусском лексическом составе отличаются характером ассоциаций, не свойственным рядовому носителю русского литературного языка: *Засохла, как бычий хвост. Угу. Курит! Курит, без ума курит. Пьёт и курит.* Видимо, специфически диалектными следует считать и образные сравнения с уподоблением одних животных другим, часто парадоксальные с точки зрения носителя литературного языка: *Корова-то, это, привезли солому, она гыт как собака её хвата'т, придёт с полей. А кого там на полях? Заморили их; Прямо летят как собаки [мухи]; Так быком кормили бы [не стельную корову].* Во всяком случае, в словаре "Устойчивые сравнения русского языка" [Огольцев, 1992] не отмечено ни одного сравнения такого рода.

Интересно, что практически отсутствуют просторечные сравнения. Вообще разграничение этих выразительных средств текста по их соотношению с основными формами национального языка является сложным, поскольку они очень неполно

---

[*] *Пропащий* в вершининском говоре – "мёртвый (о животных)".

отражены в толковых литературных и диалектных словарях, а литературного словаря образных сравнений (за исключением небольшого учебного словаря В.М. Огольцева) нет до сих пор.

Языковая картина мира в сравнениях. Общерусские сравнения могут служить материалом для изучения национальной картины мира, а диалектные – для исследования ее регионального варианта. И те и другие в их совокупности позволяют судить о картине мира и системе ценностей языковой личности.

Совокупность сравнений дает представление о материальной культуре социума, фиксируя названия предметов быта и их существенные признаки, закрепленные в языковом сознании информанта: *Опухла [нога] как колотушка; Спираль там рвётся, как от гнила' нитка; А он насадил [лопату], че'рень хороший-прехороший, её наточил, как бри'товка, принёс; А гроб-то какой как корыто – так от высокий, она туды' далё-око лежит-то. Как в корыте; Хозяйство как метла на старика навесили; А у ей таки': ну, как ухватиком были [кривые ноги].*

Достаточно широко распространены также сравнения со знакомыми информанту предметами и явлениями мира природы, особенно с животными: *Как коза жую. Редиску сорвала; Хожу как корова. Пристала сёдня; Ташшыт всё [в хозяйство]. Как крыса; Не люблю кра'сно [обувь]. Как гусь; Тебе одной-то кого? Ты столько ешь, как кыска. Кыска моя больше ес! Больше!; Хожу как овечка топаю ногами; А у их окошечко тако' небольшо' – она как шшучо'нка, Валька-то, прямо бедо'ва! она вылезла в это окошечко-то, помаленечку; Надоел как го'рька редька; Вот он тринадцатого году, ишь какой выглядит, как арбуз хороший. Не поработал, не надсадился; Как ветер лес лома'т в голове.*

Названия животных или растений, не характерных для места проживания языковой личности, в образных сравнениях единичны и используются, если в национальном сознании существуют связанные с ними стереотипы. Так, орел символизирует здорового, крепкого, бравого, а обезьяна (или мартышка) – забавного, вызывающего смех или непривлекательного человека: *Все живы, здоровы… как орлы!; А Валя-то надела платок, да суды' перетянула, да от так как-то губы-то изде'лала – знашь, она кака'? Как безья'нка, гыт!; Тётя Нюра подпила. Т**а**к я хохот**а**ла! Стоит вот здесь около холодильника, согнулась ешо, ма'ленька така' – "А чё? А чё?" Ну чудна', как мартышка кака', да то'лста; Мать у их горбата, шибко горбата. Така' была хоро'ша, така'*

стро'йна. И даже не может, вот так голову подпира'т. Ну она как безья'нка, лет восемьдесят уж было.

Образные сравнения предметов отражают прежде всего их сопоставление по следующим признакам:

а) размер. Крупные слезы сравниваются с градом, большие метелки проса – с кулаками, грибы – с тарелками; мелкие овощи и ягоды – с виноградом, мошками, гнидками, мышатами, грибы – с гвоздиками, пуговками, спичечными головками и др.: *Он столь кастрюль, ишь как иголкой ткнуто [дырочка], от куда её? Всё равно бежит; А там вот таки' грузди, вот таки'. Вот как тарелки больши' кото'ры; Ну они шибко ме'лки [помидоры], как гнидки; А но'нче я покопала – там от таки' [мелкие картошки], как мышата кра'сненьки;*

б) форма. Рога барана сравниваются с калачом, серьги – с колечками или шариками, купель – с рюмкой или вазой, огород – с чашкой, ребенок в распорках – с самолетиком и др.: *Много такой [моркови] рогаткой, прям це'ло ведро, уроды; Оно в серёдке как розочка, и по краям так как чашечка [форма для печенья]; И селезёнка так от вдвое свёрнута, как конверт;*

в) плотность вещества. Что-л. густое сравнивается с киселем, манной кашей, холодцом, твердое или жесткое – с деревяшкой, палкой, стружкой, воском, резиновой подметкой, камнем/каменным, дублёным, спрессованным, железом, кирпичом, змеиным выползком, жидкое – с брагой, квасом, мягкое – с тряпкой, с пуховой подушкой: *Она [краска] так-то хороший цвет-то у ней, а… ста'ра, устарела. Как каша ма'нна сварёна; Хоро'ша, как холодец прям [о варенье]; Картошки как это, камни жёстки, с полей; Я но'нче поцеловала хлеб. Ой! как от подушка пухова! Ой, какой размилый!*

г) цвет. По точному наблюдению Т.Ф. Волковой [2001: 152], цветовая гамма сравнений в языковой картине мира В.П. сведена практически к двум противоположным цветам – белому и черному/темному. Эталоном белого в сравнениях являются снег, репа, луна, покойник, черного – галка, ночь, ворон, головёшка, цыганские волосы, уголь, смола: *Это, брюки Коле – чёрненьки таки' – как они называются? Чё-орны-чёрны как галочка. Трико; А Фатя-то эта постира'т, дак как ворон пролетел, крылом задел – чёрно бельё-то; Зубы-то были густя'шшы, да хоро'ши – прям как репа были бе'лы.* Отмечено пока всего несколько исключений в этой весьма бедной палитре: *Краска така' жёлта как*

желток; Теперь камушки насобира'м всяки. Они други' как золоты', какой-то цвет жёлтенький у них; Николай, тот подточит, принесёт пилу: "Чё, Вера, подточить мале'нько?" – раз-раз, подправит. Я пойду, она прямо как серебряна там зубы, светют только.

Выделение в качестве основных цветов темного и светлого, как отмечает А. Вежбицкая, значимо для большинства языков мира, а для некоторых народов является единственным [1996: 233]. Хотя в лексиконе информанта зафиксированы прилагательные для обозначения практически всех основных цветов спектра, его сравнения, вероятно, отражают следы архаического варианта картины мира диалектоносителя, в которой цветообозначение представляется слабо дифференцированным.

Образные сравнения позволяют исследовать систему ценностей, этических и эстетических представлений в народном мировоззрении.

С эстетически привлекательным в сознании информанта связан образ сада и игрушки как чего-то маленького, изящного: *У нас всё завалили, всё замусорили. А там-то [в Тимирязево] идёшь, дак вот всё равно где-то в саду. Сильно красиво; Пе'рво посулила [дать самовар на вечер в школу]. А потом думаю: о'споди, да зачем буду давать самовар-то? Он у меня как игрушка стоит. Он чистенькый да хороший.* Видимо, с понятием прекрасного связывается и белый цвет: *Тюль така', худа'. У людей-то, у Поли-то, как снег, бе'лы-пребе'лы!; Тот-то уж красивый шибко был [кот], как зайчик белый; Бе'ло-то бе'ло, как снегово'! Свино' сало.*

Особенно ярко ценностная картина мира проявляется в сравнениях, субъектом которых является человек. Сравнения, посвященные человеку, сконцентрированы:

а) вокруг характеристики внешности, в первую очередь по фигуре и особенно по комплекции. Толстый, с крупной фигурой человек сравнивается с горой, бочкой, коробкой, бомбой, торбой, самоваром, хомяком, комбайном, столом; худой – с бичом, свечкой, веретёшком, бычьим хвостом, фитилём, сверчком, спичкой; стройный – со свечой, струнком, чем-л. выточенным; сгорбленный – с коромыслом: *Вовка-то никудышный, прямо как фитиль. Какой парни'на был здоровый! Сухой, худой; Толсту'ча-то кака', как коробка; Здоро'ва женшына, шибко здоро'ва. Как конба'йна здорова'; Стал, однако, выше отца ешо. Как струнка стоит, размилый, хороший.* С комплекцией тесно связано представление о здоровом, крепком человеке, который уподобляется лосю, лошади, орлу, кряжу, арбузу, ступке: *Никого не больна'. Здорова' как лось!; Он упива'т,*

упива'т. Но здоровый, как кряж; Вот, говорят, упивают, дак плохо. Никого, она прямо как ступка! Бе'гат. И даже ничё у ей не болит;

б) характеристики по темпераменту, подвижности. Подвижный человек сопоставляется с белкой, вьюном, огнём, метлой, машиной, юлой, пулей, сдуванием пыли; медлительный – с коровой, мохноногой курицей, поросюшкой или свиньёй, старухой, с кем-либо связанным, скованным, парализованным, с чем-либо варёным; неподвижный – со стелькой, пластом, спящим: *Напряла столько! Ну, она как машина. У ей в руках – кипит!; А он как вьюн подскакыват!; Колька-то идёт как связанный, помаленечку; Пришла домой – упала как стелька;*

в) характеристики ощущений, состояний. Большинство из них связаны с описанием болезненных состояний, чувства боли, сравниваемых с физическим воздействием извне: *как когти вцепил кто, как ножом режет, как топором секнёт, как отломится, как собаки грызут, как жига'лом горячим ткнёт, как чирей, как синяк, как кто <чем> ударил, как когтями сжало, в глаза как песок насыпанный*: *От сшшеми'ло грудь всю, как от когти вцепил кто; Край! Как собаки грызут [спину]; Сёдня встала утром – как кто ударил; Чеснок от я счас не могу тоже [есть]. У меня как всё равно кипятком облива'т там.* Психические состояния редко вызывают образные ассоциации, но если это происходит, то отражаются только негативные явления, которые тоже ассоциируются с физическим воздействием: *как костку проглотила, как кошки скребут, как кипятком ошпарило (обварили), как по сердцу ножом, как по заднице серпом: "Тётя Катя-то умерла, тёти Гутина". Я прямо, знашь чё, вот как… кипятком обварили; "Ба'ушка наша тёте Вере пиися'т тысяч денег выслала". Меня как по заднице серпом – о'споди, я никаких… она наоборот у меня просила, никаки' деньги я не видала, не высылала; А он это: "Нет, не пойду я. Не пойду в арьмию". Ой, как по сердцу ножом! Подумать на'доть! Это опе'ть поперёк пойдёт!;*

г) характеристики поведения. Показательна группа сравнений с объектом "человек", отражающая некие идеальные требования к его внешности и поведению *(Нарядился, оделся – вроде бы как человек; Ты бы ела как целовек, дак я бы сварила. Ты худо ешь; Только не напивайся, посиди как человек)*, а также свойственное крестьянской культуре различие в отношении к людям и животным (*Таня-то как с человеком с ей разгова'ривать, с собачкой; Ну и это, пнул Коля ли чё ли там [собаку]. "Ты совсем одичал! Ты чё это?" – прям ну скажи, как человека! Ой! Ну и по'дьте вы к чёрту с имя' вместе, с Корнетами*).

Семантически емким является также сравнение *как иза'болишный,* отражающее представление информанта о нормативном поведении в рамках какого-либо социального статуса, роли, ситуации: *А при чужих людя'х мало говорит [маленький ребенок]. Стесня'тся. Как иза'болишный* (как стеснялся бы всё понимающий взрослый); *А как иза'болишна ходит [ненормальная женщина, рассматривая в магазине товары и как бы собираясь делать покупки]. А денег нет. Ну куды' пошла? По чё пошла?; И она [жена] орёт как иза'болишна тоже, правда тоже кома'ндоват, между нами…* (как могла бы кричать, распоряжаться здоровая, полная сил женщина). *Она больна'-то кака'!; Чё-то Физа ешо не сеяла помидоры, а я как иза'болишна посадила… посеяла* (как более молодые, здоровые, образцово ведущие хозяйство).

Сравнения отражают нормы семейных отношений (*Сметану купила, пряники купила, виноград купила. А даю деньги хыть на дорогу, дак и то не берёт. Как дочь родна'*), возрастную дифференциацию общества, связывая с детством беспомощность, необходимость заботы, приписывая взрослому, в отличие от ребенка, умение логически рассуждать, соотнося с молодостью – подвижность, внешнюю привлекательность, порядок в хозяйстве, со старостью – большой жизненный опыт, умелость и малую подвижность: *Ты прямо уж для меня как для ребёнка [подкладываешь подушки]; Така' сму'гленька тоже, жива' – всё как молода'; "Дядя Гена приедет, ты его попроси…" – дак рассужда'т прям, как взрослый!; А она открыва'т шифоне'р: "О'споди, Вера-то! Как молода', всё скла'дыват [аккуратно] там-ка!"; Она всё протёрла всё – прям как старуха. Молодец она прям, молодец.*

В сравнениях диалектоносительницы отмечаются также мужские черты внешности и поведения, характера работы у женщин: *Мать штаны носит, шапку… Хоть куда её. Как мужик! "Дружбу", всё, гыт, берёт – и соберёт! Всё изде'лат. Режет так, в штанах, и придавля'т ногой, и всё – как мужик; Матерится шибко. И как-то прямо уме'т как мужуки'; Ой, как я маялась, как я работала, шибко работала! Ой-ой-ой! Приду на базу – ну как за мужука'; Сила-то кака' у меня была необнакове'нна! ~ как мужик ворочала.* Показательно, что сравнения, отражающие образный стереотип женщины, в речи информанта женского пола отсутствуют.

Сравнения, раскрывающие поведение человека в труде, основаны как на образах животных, так и на социальных характеристиках людей. Трудолюбие, постоянная занятость работой ассоциируются с представлением о муравье, мельнице: *А Рая гыт: это всё делают прям, как мураши', гыт, девчонки-то. Всё в огороде полют, всё делают!; Как*

мельница молола всё время [трудилась]. Тяжелый физический труд связан в сознании В.П. с образами коня и (немотивированно) волка: *Сам работал как конь; Всё воро'чат как конина; Ворочала как волк; А я работала как волк серый;* физически тяжелый женский труд постоянно сравнивается с мужским (примеры см. выше). Безделье, лень вызывают ассоциации с образом коровы *("Она лежит, гыт, как корова" – на сноху [не помогающую по дому]),* с социальными ролями барина или барыни, которые, ничего не делая, живут за счет чужого труда: *Я-то сижу, как барыня [пока другие работают]; Он [кот] прям придёт, как барин, нажрётся, да и полежит мале'нько, и уйдёт; Как барыня, проста' иду [налегке].*

В сравнительных конструкциях имеются и суждения о некоторых профессиях: *Поёт здо'рово, как артиска; Она же двадцать девятого году – ну кака' работница была [в войну]? ~ У ей отец был, ну в войну-то вроде бы раненый, брат Михаил, брат Алексей, и вот Лекса'ндр вот этот, мать молода'… она у их как барели'на там жила!* (последний пример ярко демонстрирует крестьянское представление о легком и беззаботном занятии балетом, очень далекое от реальности). С особенностями профессии и должности В.П. отчасти связывается поведение, образ жизни лиц с высоким социальным статусом и отношение к ним в обществе: *А он жале'т машину, он ли'шных не берёт никого. Сядет как кары'м* [*]*… один себе едет; Меня тут как попа ли врача возют гулять; Приедут по меня– езжу. Как батюшку возют меня. Ли врача ли; Хоронили его, дык е'то, кото'ры говорят, как какого президента хоронили. Друзей много было, всё доступно было, только двадцать девять венков было у его. Да е'то, народу сколь было, миру – ой!*

Другие характеристики человека – как внешние, так и внутренние – порождают малое количество сравнений. Показательно, что очень немногочисленны сравнительные высказывания о внешней привлекательности людей. В приятном по облику человеке отмечаются прежде всего глаза, ясный взор: *А он чернобровый такой, да румяный сидит, да глаза-то прямо как искры горят чёрны – ну, красивенький; Он же хорошенький так, чёрненький только. Глаза дак у его прямо как огни горели; Глаза-то разми'лы всегда как сияли, а счас каки'-то мутня'шшы таки'; Да глаза-то как у я'стрепа прям, я'сны таки', да взра'чны да…* Красивый человек сравнивается с куклой, игрушкой, с чем-нибудь нарисованным: *Фекти'ста была кругloли'ченька, как кукла; Мальчик родился. ~ "Ой, баба Вера! Прямо… хорошенький! Да как игрушка! Как игрушка!"; Стоит-то как нарисована*

[*] *Карым* в говоре – "богатый человек, богач" (вероятно, от имени богача Карыма Хамитова, или Карым-бая, жившего в Томске в начале XX века).

http://www.lib.tsu.ru

[на фотографии], правда. Непривлекательность воспринимается сознанием диалектоносителя не столько в связи с природными данными, сколько как результат неаккуратности, небрежности в одежде и прическе, нечистоплотности и т.п.[*] – того, что важно с точки зрения общественного поведения: *Воло'сья седы' да стра'шны да. Хожу как болу'дница [непричесанная, без платка]; Пошто' они [волосы] лезут-то? Холера их зна'т! Все скатаются. Как чёрт; Как шулю'кан надела, хожу. А шулю'кан – наряжаться на святки, на Новый год; Денег много получа'т, а сама ходит как бродяжка тоже… как я. Дак я-то ста'ренька, как попало хожу.* Прагматические характеристики, связанные с человеком как работником и членом коллектива, оказываются и здесь более значимыми, чем эстетические.

В сравнениях языковой личности отражается прежде всего ее активный словарный запас. В то же время идиолектная система образных средств постоянно подвергается трансформации, отражая изменения в лексиконе и в языковой картине мира говорящего.

Наряду с традиционной системой образов, присущей народному сознанию, в него вовлекаются новые предметы и явления действительности: *Прописали ему [ребенку] распорки таки'. Он год как самолётик был; Лицо большо'-пребольшо' тако'… ну, с экран [телевизора] почти; П.М. А, матеря' – кому они нужны'. В.П. Все подешевели. П.М. Ага. Никак не поднима'тся цена… Как упала, так и… В.П. Как на ваучеры; "Нина не может стряпать". Я говорю: "А чё?" – "Да, гыт, она чё, как бомба! То'лста, гыт, да така' кре'пка", – говорит.*

Устаревшая лексика включается в сравнения так же редко, как и новая: *Ну и померила [кофту] – она больша-а така', как зипун мне!; Прямо нарядилась, как куды'-нибудь… к обедне бы… раньше шишытали; Кастрюлей накла'ла! Стукаю, как в железном ряду, разбираюсь; Толстый как бешмет [халат]. Загрязнится – как стирать-то его?* Количество устаревшей и новой лексики в сравнениях примерно равное. Однако доля новых слов в лексиконе В.П. значительно выше, чем архаизированных. Очевидно, для включения единицы в систему образных средств личности необходима ее полная освоенность. Поэтому даже устаревшие лексемы, выходящие из употребления, используются в сравнениях несколько чаще, чем неологизмы.

Функционирование сравнений. Традиционная форма наиболее распространенной сравнительной конструкции "субъект сравнения + средство связи + объект сравнения" в

[*] Аналогичные выводы на материале брянских говоров делает С.А. Бойцов [1986: 9].

http://www.lib.tsu.ru

речи информанта часто подвергается трансформации. Субъект или основание сравнения могут опускаться: *[Человек] кудрявый как помело; Как война была. Умирали шибко [от тифа]; Тело-то како' [дряблое, морщинистое], как тряпичо'нка; А я взяла топорик, отбиваю – а это, кого там итобью? То рука болит. Юра пришёл [легко отбивает сучья] – как орешки пошша'лкиват: чик, чик, чик! Всё отбил, отпало всё.*

В эмоционально окрашенном тексте возможно появление цепочек сравнений: *Сидела-сидела, мне там плохо изде'лалось, в глазах тёмно… Ой… потом нет-нет – как это…ударит чем, и так пойдёт везде, как иго'лкими тычет, пойдёт – лу'чче станет; Ой, сильно рабо'тат! Дак она знашь как дела'т? Прямо не знаю чё, прям как метла. Ой-ой-ой! Така' проворна', така' проворна'! Никого в деревне таких нету, как она. Как огонь; А я говорю: бессовестный, как кобель… Как этот, предводитель какой-нибудь… Видит, что она пья'ненька, он её это, танцевали там, пристал к ей.* Но даже для насыщенных сравнениями фрагментов текста их контактное употребление нехарактерно.

Сравнение в дискурсе В.П. нередко сочетается с использованием других тропов; особенно тесны его связи с метафорой. Метафора и сравнение с общим формальным компонентом могут равноправно сосуществовать, заменяя друг друга в одном высказывании. В метатекстах информант, стремясь к разъяснению устаревших терминов (*шляпа, кишка*), поясняет недостаточно понятную носителю литературного языка внутреннюю форму метафоры через однокорневое сравнение, в котором ощущается более тесная связь с денотатом: *Суслоны ставили, "шляпы" называли… пять снопов поставишь сюды', а потом… а шестой сноп разла'мывашь и накрыва'шь, как шляпа; Снуёшь её [пряжу], а потом сыма'шь с основ-то, перекру'чивашь в кишку. Кишкой называли, как кишка.* И в метаязыковых, и в естественных текстах параллельно употребляющиеся метафора и сравнение взаимно усиливают образность друг друга: *Чё-то крышечки покупала я на почте – они, видно, большеваты. Я крутю'-крутю', а они какими-то фонборо'й получа'тся, завёртывашь-то, фонбора'*[*]*. И бежит; Да так вроде бы ротик мале'нько приоткрыл [мертвый младенец], как вроде бы разговаривать хочет. Прямо игрушка. Как игрушка.* Взаимозаменимы сравнение и метафора также в не связанных друг с другом контекстах. Ср.: *Лежит наша Лена, как гора [о беременной]; Ходит [беременная], ты не была у них? Больша' гора; Тело-то како', как тряпичо'нка; Ну, тряпичонка! [о дряблом теле]; Тюль така', худа'. У людей-то, у Поли-то как снег, бе'лы-пребе'лы!; Она не чёрна, мука эта, ну и не бе'ла. У Гути, говорю – от есь снег белый!*

[*] *Фонбора*' в говоре – "оборка".

Прямо шибко бе'ла. Подобные примеры свидетельствуют о наличии устойчивой системы образных средств в речи ЯЛ и единстве отраженной в ней языковой картины мира диалектоносителя.

Основные функции сравнений у диалектоносителя можно свести к двум – информативной и экспрессивной. Сравнения используются либо с целью более точного, наглядного описания предмета (как правило, неизвестного собеседнику), либо в составе экспрессивных высказываний для передачи эмоционального впечатления, экспрессивного подчеркивания каких-то признаков или действий. Ср.: *Я растаяла [молоко], а там как вода, от этой я размешиваю – сверьху поднялось вроде, как пенка кака'-то, а там как вода. Прямо тако' жи-идко, как сыворотка; А он пришёл, как чёрт из воды. Он весь мокрый пришёл, мокрый, мокрый!; Я вот лежу как свини'шка. Не заправлена койка, ничё.* Сравнения в метатекстах тяготеют к первой из выделенных функций, в естественных текстах – ко второй.

Говорить о специфике сравнений рядового носителя языка в отличие от творческой личности сложно, поскольку материал исследования не вполне сопоставим. Творческая языковая личность доступна для изучения лишь на основании созданных ею художественных текстов, главным образом поэтических. Бытовая речь писателей практически не изучалась. Только отдельные наблюдения позволяют предполагать, что она в значительной степени отличается от художественной речи. А.И. Девятайкин [1989] отмечает, что устная речь писательницы Е.М. Рязановой бедна образными элементами, чего нельзя сказать о ее произведениях.

Сопоставляя функционирование образных сравнений в художественных произведениях с речью диалектоносителя, попытаемся выделить особенности их использования рядовым носителем языка[*]. Для последнего характерны:

1. Бо'льшая доля тривиальных сравнений (в том числе компаративных фразеологизмов), употребляемых в рамках общеязыковой нормы (часть их зафиксирована словарями), меньший процент, в соотношении с творческой личностью, собственно индивидуальных компаративных оборотов. Некоторые поэты (В. Хлебников, А. Вознесенский и др.) вообще избегают узуальных сравнений в своих произведениях.

[*] Сравнение осуществлялось на основе обобщения материалов работ: Е.А. Некрасова [1982], Очерки истории языка русской поэзии XX века [1990]. Оттуда же заимствованы поэтические примеры, кроме особо оговоренных.

http://www.lib.tsu.ru

2. У нетворческой ЯЛ преобладают сравнения, основанные на сопоставлении конкретного (предмета, действия или признака) с конкретным. Связь между ними нередко базируется на стереотипных ассоциациях, существующих у говорящего. В идиостилях творческих личностей высока доля сопряжения конкретного с абстрактным *("Рассвет был сер, как спор в кустах, как говор арестантов…"* /Пастернак/), бо'льшая индивидуальность, нестандартность ассоциативных связей, порождающих сравнение *("Я, как камень неба, нёсся"; "Ночь смотрится, как Тютчев", "Со смехом стаканы – глаза!"* /Хлебников/), сложность их восприятия. У диалектоносителя семантика даже индивидуальных сравнений прозрачна и доступна для понимания любому человеку, владеющему национальным языком.

3. Различны механизмы порождения образных сравнений у рядовых и творческих ЯЛ. Е.А. Некрасова выделяет системы словесно-денотативного типа, в которых сравнения вызываются непосредственно денотатом, и словесно-ассоциативные системы, в которых ассоциации порождаются самим словом [Очерки истории языка XX века, 1990: 89–90]. У писателей встречаются оба типа систем. Так, для С. Есенина характерны денотативные сравнения (*"Все колосья в поле, как лебяжьи шеи…"),* для Б. Пастернака и М. Цветаевой, напротив, – сравнения, основанные на семантическом сближении слов, близких по звучанию (*"Там воздух садовый, как соды настой, Шипучкой играет от горечи тополя…"* /Пастернак/; *"В теле – как в славе, В теле – как в тоге, В теле – как в топи. В теле – как в склепе…"* /Цветаева/). Рядовой носитель языка оперирует преимущественно сравнениями денотативного типа (исключения редки: *здоро'ва как корова*).

4. В художественных текстах нередко встречается контактное расположение сравнений, объединение их в "цепочки" *("Люблю тебя, как странник – посох, как воин – милую в бою…"; "Но этот шар над льдом жесток и красен, Как гнев, как месть, как кровь"* /Блок/). У рядовой ЯЛ подобные цепочки почти отсутствуют, расположение сравнений в тексте обычно дистантное.

5. Для рядового носителя языка характерен более узкий спектр текстовых функций, сводящийся к информативной и экспрессивной. В художественном произведении они участвуют в создании сквозных образов, усиливают смысловую и образную нагрузку текста, многоплановость его восприятия; играют композиционную роль, служа для объединения разрозненных фрагментов текста, удаленных друг от друга. Даже тривиальные сравнения, как отмечает Е.А. Некрасова, выполняют нетривиальные функции, оживляя стертую образность и экспрессивность.

http://www.lib.tsu.ru

6. Творческая личность использует сравнения как один из приемов игры со словом, сталкивая в них разные значения полисеманта или омонимы *("Обоим надлежит отныне Пройти его во весь объём, Как рашпилем, как краской синей, Как брод, как полосу вдвоём"* /Пастернак/; *"Сколько надо отваги, чтоб играть на века, Как играют овраги, Как играет река, как играют алмазы, Как играет вино, как играть без отказа Иногда суждено…"* /Пастернак/), создавая каламбуры (*"Наплюйте Вы на эти годы, они Вас красят, как забор"* /Реформатский/[*]), сталкивая взаимообратимые, "зеркальные" сравнения (*"И луна плыла, как лодка, и ладья плыла луной"* /Мориц/). Рядовой личности такое употребление сравнений не свойственно.

Таким образом, сравнения в большинстве случаев могут быть использованы при делении на идиостили нефилологической и филологической ориентации [Очерки истории языка…, 1990: 90].

Параметр частотности, очевидно, нельзя считать одним из факторов, по которому противопоставляются творческие и рядовые ЯЛ. Среди тех и других есть люди, склонные к широкому использованию сравнений или редко употребляющие это образное средство. Е.А. Некрасова [1982] выделяет "сравнительные" (например, у Б. Пастернака) и "несравнительные" типы поэтических идиостилей. В дискурсе В.П., по нашим наблюдениям, сравнения более частотны, чем у многих других представителей Вершининского говора. Видимо, частоту сравнений в тексте можно отнести к индивидуальным характеристикам идиостиля.

В отношении набора формальных структур образных сравнений определенный вывод сделать затруднительно из-за отсутствия сопоставительного материала. Является ли преобладание конструкции "КАК + существительное" общим для всех носителей русского языка или творческие личности так же часто прибегают и к другим структурам? – ответа на этот вопрос пока нет. Остается открытым и вопрос об индивидуальности/типичности употребления многозначных сравнений, поскольку выводы на нашем материале расходятся с наблюдениями С.А. Бойцова.

М е т а ф о р а

[*] Пример из работы: [Опыт описания…, 1989].

http://www.lib.tsu.ru

К другим ярким и достаточно распространенным тропам в дискурсе информанта можно отнести метафору.

Метафора постоянно привлекает внимание лингвистов, но в большинстве работ рассматривается язык коллектива, а не индивидуума. В наиболее известных исследованиях последних лет [Арутюнова, 1979; Телия, 1988; Скляревская, 1988; 1993] материалом является узуальная метафора в русском литературном языке. Индивидуальная метафора отчасти служила предметом анализа в лингвостилистических и лингвистико-литературоведческих трудах, посвященных художественной речи М. Горького [Язикова, 1962], А. Фадеева [Черкасова, 1974], О. Уайльда [Вовк, 1986], В. Маяковского [Туранина, 1996], Т. Толстой [Серегина, 1998] и других писателей и поэтов. Создан словарь метафор С. Есенина в 1500 словоупотреблений [Туранина, 1998]. Метафора в идиолекте рядового носителя языка рассматривалась только в работе В.Д. Лютиковой [1999: 156–172].

Метафоризации подвергается лексика, находящаяся в активном словарном запасе ЯЛ. В дискурсе информанта при этом преобладают глагольные метафоры (около 65%), отражающие ассоциативное сходство действий.

Семантика метафор. В соответствии с выводами Г.Н. Скляревской в русской языковой метафоре самым активным источником метафоризации является сфера неодушевленных предметов, распространяется же она на все стороны бытия, от конкретных вещей до абстрактных категорий [Скляревская, 1988, ч. 1: 46]. Наш материал дает основания для иных умозаключений.

Как и у сравнений, субъектом метафоризации в лексиконе В.П. является прежде всего человек (269 единиц[*]). С помощью метафоры обозначаются его части тела, физические и психические состояния и действия, особенности социальных отношений и др.: *норка* "ноздря", *корень* "часть зуба", *лапа* "большая нога", *копнуть* "проткнуть", *мести* "много, быстро есть", *прожарить* "подвергнуть медицинскому облучению", *разламывать* "о сильной головной боли", *расползтись* "о разошедшихся тканях организма", *княгиня* "капризная женщина". Сфера артефактов, а также растений, животных и явлений неорганического мира значительно уступает сфере "человек" по активности метафоризации (соответственно 44, 32, 12 и 15 единиц): *козёл* "вид машины", *западня* "крышка погреба", *икать* "говорить тихо и неразборчиво (о радио)", *мясо* "мякоть

[*] Количественные данные приведены в соответствии с подсчетами Ю.Г.Дериной (Метафора в языке одной диалектной личности: лексикологический и лингво-культурологический аспекты: Дипломная работа. Рукопись. Томск, 1999. 102 л.).

http://www.lib.tsu.ru

картофеля", *коря'жник* "большие, длинные огурцы", *плюшевый* "с мягкой короткой шерстью (о зверьке)", *подняться* "начаться (о буре)", *ударить* "внезапно наступить (о жаре)".

В качестве объекта метафоризации у В.П. в первую очередь тоже выступают слова из семантической сферы "человек". Прежде всего, это наименования действий, присущих как человеку, так и животным (164): *охотиться* "проявлять внимание, интерес к женщине", *спать* "находиться где-л. ночью (о предметах)", *потянуться* "медленно, с трудом пойти", *ткнуть* "об ощущении сильной внезапной боли". Широко представлены также обозначения физических характеристик человека: его частей тела, состояний и действий (102): *пуп* "выпуклость на поверхности чего-либо", *посидеть* "находиться где-либо некоторое время (о предметах)", *запечатать* "лишить подвижности при отложении солей (о суставах)", *обмыть* "отпраздновать распитием спиртного". Активно участвуют в процессе метафоризации названия артефактов и их свойств (72): *шляпа* "безвольный человек", *шпингалет* "невысокий, щуплый мужчина", *грабли* "о больших кистях рук", *клеиться* "удаваться, получаться". Крупную группу объектов метафоризации (49 единиц) составляют, кроме того, слова из семантической сферы "животные": *хвост* "задняя часть предмета", *выводок* "группа людей", *яйцо* "об овальной крупной опухоли", *бодать* "отрицательно качать головой". Прочие группы метафор представлены незначительным количеством образований.

Основанием метафорического переноса может являться прямое подобие явлений, воспринимаемое зрительно (*рога* "наросты на овощах", *вилка* "штепсель", *ледяшки* "леденцы", *перо* "шелуха лука", *скорлупка* "кожура картофеля", *разбухнуть* "растолстеть", *выбежать* "вытечь") или на слух. Слуховые ассоциации в метафоре встречаются значительно чаще, чем у сравнений: *царапаться* "стучаться в дверь", *реветь* "кричать", *лаять* "бранить", *куковать* "надоедать просьбами", *икать* "говорить прерывисто (о радио)", *выть* "плакать" и др. Восприятие через другие органы чувств представлено в метафорах единичными примерами: *тыкать* "о резкой внезапной боли", *кусаться* "быть слишком дорогим по цене", *пахнуть* "быть более серьезным, дорогим, сильным, чем предполагалось". Однако значительно чаще, чем внешнее подобие, метафорический перенос отражает более сложное и тонкое ассоциативное объединение явлений, почти или совсем не имеющих ощущаемого органами чувств сходства: *взбеситься* "начать поступать необдуманно, глупо", *гнилой* "имеющий слабое здоровье", *тоскливый* "пасмурный (день)", *аппетит* "желание", *музыка* "о чем-л. доставляющем беспокойство, надоевшем", *чёрт* "неодобр. о человеке". Самым типичным для метафор можно считать перенос названия с

http://www.lib.tsu.ru

конкретного явления на более сложное, абстрактное: *откинуть* "убавить", *огрызаться* "отвечать резко, неуважительно", *ветер* "о легкомысленном человеке", *собирать* "рассказывать", *тащить* "красть", *трубить* "много и тяжело работать", *цвести* "находиться в приподнятом настроении".

В связи с тем, что в центре процессов образования метафоры стоит человек, можно выделить четыре **направления метафоризации** по отношению к нему: мир → мир, человек → мир, мир → человек и человек → человек.

Показательно, что первый тип представлен разнообразными, но немногочисленными моделями переноса: растение → артефакт (*лист* "часть растения" – "противень"), животное → растение (*бычок* "животное" – "гриб"), животное → артефакт (*крыло* "летательный орган птицы" – "часть автомобиля"), неорганический мир → артефакт (*ледяшка* "кусочек льда" – "леденец"), конкретное → абстрактное (*открыться* "стать доступным" – "начаться, проявиться какому-либо чувству") и др. Человеческое сознание способно установить ассоциативные связи между предметами органического и неорганического мира, различными абстрактными и конкретными сущностями, однако они не находятся в центре его внимания.

Несколько шире представлено второе направление метафоризации, отраженное в таких моделях переноса, как человек → артефакт (*задница* "часть тела" – "нижняя расширенная часть предмета", *льнуть* "нежно прижиматься" – "прилипать после покраски"), человек → растение (*задушить* "умертвить" – "воспрепятствовать росту", *дурить* "совершать нелепые поступки" – "чрезмерно расти в ущерб плодоношению"), человек → животное (*седой* "с побелевшими волосами" – "с примесью белой шерсти"), человек → неорганический мир (*завернуть* "покрыть со всех сторон, помещая внутрь" – "быстро и с силой начаться", *ударить* "нанести удар" – "внезапно или с силой начаться"). Здесь ярко проявляется антропоцентричность сознания личности, которая весь окружающий мир воспринимает через себя. Человек как бы распространяет свое влияние на мир, в каждом его проявлении видя частицу самого себя. Очеловечивая, он "одомашнивает" окружающую действительность, приближает к своему пониманию многие законы природы.

Еще более значимым является третье направление метафоризации, представленное продуктивными моделями "артефакт → человек" (*борона* "сельскохозяйственное орудие" – "большая семья", *трепаться* "колебаться от движения воздуха" – "изменять жене"),

http://www.lib.tsu.ru

"животное → человек" (*саранча* "насекомые" – "дети", *выть* "издавать вой" – "громко плакать"), растение → человек (*корень* "часть растения" – "часть зуба", *ягодка* "небольшой сочный плод" – "ласковое обращение к женщине"), неорганический мир → человек (*ветер* "поток воздуха" – "о легкомысленном человеке", *вода* "жидкость" – "водянистые выделения при насморке"). Эта группа метафор свидетельствует о том, что человек не отделяет себя от окружающего мира, ощущая себя его органической частью. Носитель языка познает и обозначает свои качества и действия через наиболее близкие и знакомые ему сущности, в первую очередь через известных говорящему животных и вещи.

Самым активным направлением метафоризации у ЯЛ является направление "человек → человек". Широко представлены переносы "действие человека → другое действие человека" (*заехать* "въехать куда-либо" – "ударить", *мести* "подметать" – "быстро и с аппетитом есть", *лепить* "приклеивать" – "говорить прямо, открыто"), "конкретное действие → физическое состояние человека" (*полоскать* "промывать после стирки" – "рвать, тошнить", *ныть* "издавать ноющие, тягучие звуки" – "о тянущей боли", *сжать* "сдавить, крепко обхватывая" – "стеснить, затруднив дыхание"). Особенно продуктивен у информанта перенос действия, присущего любому живому существу (как человеку, так и животным), на действия человека: *обдирать* "оголять, сдирая верхний слой" – "грабить", *лезть* "выходить наружу, цепляясь" – "выпадать (о волосах)", *гнуть* "наклонять, пригибать" – "заставлять много работать". Переносы указывают на то, что человеку в первую очередь интересен он сам и его связи с миром, тогда как связи между отдельными сферами окружающего мира занимают в его сознании меньшее место.

Наиболее значимы для постижения ЯЛ регулярные направления метафоризации. Они указывают на типичный ход мысли человека в процессе сопоставления одного явления с другим. Лексикон В.П. демонстрирует разные виды направленности процессов метафоризации. Для некоторых переносов характерна однонаправленность (животное → человек: *собака* "животное" – "бранно о человеке", *лаять* "издавать лай" – "ругать", *скалиться* "оскаливать зубы" – браниться"), другие характеризуются двунаправленностью. Ср.: человек → артефакт (*макушка* "верхняя часть головы" – "верхняя часть предмета", *погибнуть* "умереть" – "испортиться, о продуктах") и артефакт → человек (*разбухнуть* "расшириться от влаги" – "сильно располнеть", *куколка* "игрушка" – "красивая женщина"), растение → человек (*цветочек* "часть растения" – "синяк", *цвести* "быть в поре цветения" – "находиться в приподнятом настроении") и человек → растение

http://www.lib.tsu.ru

(*голова* "часть тела человека" – "крупный округлый корень свеклы", *мясо* "мышечная ткань" – "мякоть плодов"). Следует отметить асимметричность последних. Так, перенос артефакт → человек встречается в два раза чаще, чем обратный: человеку легче увидеть в себе черты сходства с предметом, чем наоборот. В то же время перенос растение → человек, напротив, менее характерен для сознания диалектоносителя, чем перенос человек → растение. Для информанта более типичен перенос конкретное → абстрактное, чем противоположный. Абстрактный мир нематериален, лишен наглядных признаков, его трудно представить. Поэтому человек наделяет его чувственно воспринимаемыми образами, придает ему наглядность для более легкого его постижения.

В дискурсе ЯЛ встречаются **типы метафор, соотносимые со всеми формами национального русского языка.**

Общерусская языковая метафора, известная всем носителям языка, наиболее частотна в речи В.П.: *лететь* "быстро идти", *лисички* "грибы оранжевого цвета", *забарабанить* "начать сильно стучаться", *гора* "большое количество чего-л., сложенного в кучу".

Несколько реже представлена диалектная метафора, что отражает общую закономерность в соотношении общерусских и диалектных единиц в языке вообще и в лексиконе ЯЛ в частности. В основном это диалектные ЛСВ общерусских слов: *барашек* "деталь бороны", *принести* "родить", *выводок* "группа людей", *поливать* "ругать". Собственно диалектные метафорические единицы редки: *сдверя'живать* "бить" (от "ссучивать нитку вдвое").

Имеют место также диалектно-просторечные элементы: *козёл* "автомобиль военного типа с брезентовым верхом", *нажраться* "напиться пьяным", *отключиться* "потерять контроль над собой, сильно опьянев", *обмыть* "отпраздновать распитием спиртного".

Для диалектной метафоры характерны те же типы переноса, что и для общерусской. Наблюдаемая общность моделей переноса свидетельствует об общности национального языкового коллектива, единстве его языковой картины мира. В то же время система метафорических словоупотреблений исследуемой личности имеет свою специфику. Часть метафор имеет несколько иное образное наполнение, чем в русском литературном языке. Так, *кабан* употребляется информантом в адрес мужчины, который ухаживает за девушкой намного младше его: *"О'споди! Ты же здоровый [в]он какой был, да старый, кабан, а я-то чё была, моло'денька"; Кемеровской области [жених]. ~ Чёрт-ё знат,*

кабан! Он старый, ему, наверно, тридцать с лишним лет. Мо'жеть, и женатый был (ср. литературное *кабан* "о грузном, толстом мужчине"). Для обозначения здорового, сильного мужчины В.П., в свою очередь, использует метафору *кобель* (ср. литературное *кобель* "о мужчине, непостоянном в любовных связях"): *А.П. Кого там. Володя [в]он какой здоровый. Железя'гой то'ркнет, и всё. В.П. Кобель такой.* Полностью меняется значение метафоры *куковать*. Вместо литературного "быть в одиночестве, терпя лишения, невзгоды" она получает в речи диалектоносителя значение "надоедать, много раз повторяя просьбу": *Ой, прям давай! Не куковала хоть, а… Ну, прям дово'льна [что ей налили водки].* Различными могут быть и ассоциации при обозначении предметов. Например, корневища гладиолуса в литературном языке получили название *луковиц,* а диалектоносителю они напоминают клубни картофеля: *Они [гладиолусы] ста'ры, да пошто'-то пропали все, засохли эти карто'вочки-то.* Квалифицировать подобные метафоры как употребительные в Вершининском говоре или свойственные только данному лицу затруднительно из-за неполноты диалектных словарей. Вследствие этого вопрос о соотношении узуального и индивидуального метафорического словоупотребления остается открытым. Определенно к индивидуальным можно отнести случаи метафор-шуток *(Катя! Там, наверно, закрыть печку надо? Прислуга моя; Пойду, наверно, я закроюсь. Поди уж, никто тапе'рь не придёт, провалили сёдня... свита; Да грибов купила… вон каки' цыгане! [почернели]),* а также окказиональные образования *(Вот чё-то не хвата'т им [комнатным растениям]. Надо обязательно подкорьмить… подпоить).*

Метафора так же, как и сравнение, содержит богатый материал для изучения **языковой картины мира** диалектной личности. Оценочные метафоры способствуют постижению ценностной картины мира говорящего субъекта, давая представление о норме, которая существует в сознании индивида и коллектива, и об отклонениях от нее.

Это образное средство отражает привычный мир информанта, хорошо известные носителю языка предметы, явления, их свойства и действия. Так, большие кисти рук ассоциируются с граблями, укромное убежище – с собачьей конурой, большое количество детей – с бороной, имеющей много зубьев, шелуха лука – с птичьим пером и т.д.: *Яичек восемь разбила да два стакана масла поло'жила растительного… Ну и… А сахар – от граблями от этими прямо [показывает на кисть руки]; Он [Дудаев] де-то так прятался, сидел де-нибудь в кунуре'; А.П. Молода' тоже овдовела. Ребяти'шек тоже от ро'стить.*

http://www.lib.tsu.ru

В.П. А с такой боронкой тоже никто не возьмёт [замуж]; [Чем красили яйца?] Пером. Лук… Ну пером, говорят, лу'чче.

Метафорические названия предметов в основном отражают их ассоциативное сходство с чем-л. по форме: *"Баба Вера, тебе хлеб надо?" Я говорю: "Нет, не надо. У меня ешо тот живой, – говорю, – кирпич, всё охота мяконький пои'сь"; Я в чай мало кладу [сахара], так… мале'нько, на носочек [ложки] беру да и… ем; М.А. От это место, тут ли – так дорожка [у перчатки] прогорела. В.П. Ага, дорожка только? Ты её заштопала?* Другие основания переноса (сходство по размеру, плотности вещества, цвету), в отличие от сравнений, где они представлены широко, отражены в небольшом количестве примеров. Цветовая палитра метафор (в основном касающаяся предметов, но затрагивающая также растения и животных) несколько богаче, чем у сравнений, хотя в центре ее также противопоставление "белый/темный": *Она не чёрна, мука эта, ну и не бе'ла. У Гути, говорю – от есь снег белый! Прямо шибко бе'ла; Да грибов купила… вон каки' цыгане! [о почерневших при засолке грибах]; В холодильник поставь эти бычки… "бычки" говорю! Эти… лисички; Седы' [котята] там-ка я увидала двух, седы', это, стального цвета.*

Явления неорганического мира занимают в языковой картине мира диалектоносителя факультативное место: *В.П. Я чё-то худо вижу глазом. М.А. Туман, или дым? В.П. Туман. Я это… болели они у меня. Прям чешутся!; Сопли бегут прямо! Вода одна; Ф.Г. В магазине конфетки есь. В.П. Две триста? Ледяшки?* Мир природы, наделяемый действиями и свойствами человека, одушевляется и обретает динамику: *А буран такой поднялся, буря, всё занесло!; Счас сено надо убирать, да всё, [в]он ишь… заходит, там зашла туча тёмна; С. С утра такой пасмурный день был. В.П. А потом как жар ударил; А вечером темно, угу. Просыпа'тся, видно, поздно всходит [луна].* По отношению к системе ценностей он обычно воспринимается как нейтральный. Оценочные метафоры здесь исключение: *Зима нынче будет серди'та.*

Шире отражен в метафоре растительный мир. Интересно, что сами названия растений практически не подвергаются метафоризации, хотя активно употребляются в речи (*картошка, лук, берёза, огурец* и др.). Переносное значение получают лишь обозначения их частей и действий: *И колбасы принесла – копчёной такой кусочек… и такой [вареной] сучочек принесла, как вроде бы отдельно, полненький; Его [перец] надо на три минуты спустить в солёну воду, кипячёну, это, ослободи'ть его, ствол-то это вытаскать всё; [Рассматривает синяк на руке:] Любуюсь всё, "светочек" отку'дова, не*

http://www.lib.tsu.ru

помню, кажется, я не убивала; [О мужчине:] О'споди, сидит цветёт, как молоденький! Оценочные метафорические словоупотребления дают представление об идеальных требованиях человека к свойствам растений: они должны хорошо расти, быть жизнестойкими, приносить здоровые плоды, пригодные в пищу: *Корень [перца] хороший такой, лохматый, а он уж сцепился, корень-то. Разорвать нельзя; По семь тысяч продавали два ведра [грибов]… Ну, хруста'льны! Ни червей, никого нету.* Их неэстетичный внешний вид *(От попадёт гнездо [картошки] – вроде кру'пненьки, хоро'шеньки, – а то от таки' бе'лы каки'-нибудь от всякими с рогами; Она гыт, плохо' [семя]. Такой, гыт, коряжник – не дай бог! Огурцы худы'. Больши', гыт, таки', до'лги)* и плохой рост (*Помидоры посадила в эту, в гря'ду, в назёмну-то, они нежутся; А я насадила их [помидоры], они дуря'т: от таки' выросли. А завязи ничё нету, мало)* получают отрицательную оценку.

Животный мир представлен в метафоре еще разностороннее. В отличие от названий растений, переносное значение получают не только обозначения частей тела, действий, результатов жизнедеятельности животных (*Дохожу, гыт, до автобуса – только хвос показал, ушёл; Кать, пей! О'споди, чё головой бода'шь?; У ней заболела грудь – како'-то большо' яйцо сделалось на груде')*, но и сами названия животных *(На бороне барашек. "Барашек" звали. Как такой… калач большой бы, только не совсем круглый он. Продо'лгенький такой; Ну, идного-то не назовут саранчой. А кода' много детей. Они гыт: "Саранча-то ить налетели дак…")*. Именно они дают большую группу оценочных метафор с переносом признаков животных на человека. Как отмечает Г.Н. Скляревская, "Тип метафоры ЖИВОТНОЕ → ЧЕЛОВЕК играет в языке роль одного из самых сильных экспрессивных средств, обычно такие наименования-характеристики направлены на дискредитацию, резкое снижение предмета речи и обладают яркой пейоративной окраской" [Скляревская, 1988, ч. 1: 43]. Эти метафоры обладают четкими и постоянными оценочными коннотациями. Как правило, сами названия животных оценки не содержат и приобретают ее в процессе метафоризации: *Я говорю: "Скажи, что Вера просила карточку Мишину". Она: "О'споди, да пусь он будет, пусь он будет" – мне не отдала, змея; Хи'тра кака'! Правда её назвали "ста'ра лиса". Рыбу минтай берёт: "Это кошке"; Аня придёт, попрошу заплатить сходить. Ли Маринки дождаться уж. Эта кого. Стрекоза. Кого она там уме'т?; Она [куртка] ей как вроде большевата. А он надел: "Мне са'мо то будет". Ну кого? Коро'тенька, от… хомяк такой!* В таких метафорах отражены русские национальные представления о типичных свойствах тех или иных животных: хомяк – толстый, стрекоза – лекомысленная, змея – злая, коварная, лиса – хитрая, клоп –

маленький и т.п. В некоторых случаях можно говорить о диалектных отклонениях от общерусских стереотипов (*кабан, кобель*).

Человек характеризуется через метафору во всей полноте его физических, психических и социальных характеристик.

Метафорические обозначения внешности отражают представление об идеальной фигуре через обозначение отклонений от нее. Нормой является средняя полнота человека (полный ассоциируется с хомяком, чем-то надутым, разбухшим, худой – с сухим, засохшим, высохшим), высокий рост (маленький мужчина именуется *шпингалетом*, женщина – *монголкой*): *А Де'на-то разбух; Она так на лицо-то вроде как помоложе стала. А то надутая така' была!; Матери девяносто четыре года… Прядёт ешо, гыт, суха'-суха'! Вся высохла; А Таня по'лна така', краси'ва, хоро'ша. А он такой… [смеется] шпингалет такой; Валя сёдня улетит у нас. Монголка. [Почему "монголка"?] Ма'ленька-то. Гена-то здоровый мужик.*

Сильный, здоровый, крепкий человек уподобляется кряжу, лесине, кобыле, кобелю: *С. Ну он и незаметно. Что выпил. В.П. Ну, такой кряж! Ему много надо; Я говорю: "О'споди! Они таки' кобылы, поди, по целой тележке таскали. А я-то кого?".*

Внешняя привлекательность передается через метафору *игрушка*: *Да так вроде бы ротик мале'нько приоткрыл [мертвый младенец], как вроде бы разговаривать хочет. Прямо игрушка. Как игрушка.* Метафора *кукла/куколка* многомерна: она может отражать и красоту человека *(Ну куколка! Куколка, правда),* и доброе, любовное отношение говорящего к нему *(Хоро'ша моя. Кукла [о девочке]; Вот у меня тоже куколка эта ничё не ес. Всё гыт "объелась уж").*

Небольшая группа метафор связана с обозначением возраста. Маленький ребенок воспринимается как нечто красивое, изящное (*игрушка*). Наряду с этим в сознании информанта закреплено представление о детях как беспомощных, неспособных к серьезным поручениям, их действия оцениваются как отклонение от "взрослой" нормы, а в речи появляются оттенки сочувствия или иронии: *Поймать могли бы, да задавить машиной: чё, такой клоп идёт; Эта кого. Стрекоза. Кого она там уме'т?*

Среди характеристик ощущений и физических состояний подавляющее большинство составляют обозначения болезней. Метафорическое представление о болезнях занимает одно из самых важных мест в языковой картине мира В.П. (более 70

http://www.lib.tsu.ru

метафор), что связано и с ее индивидуальными особенностями (пожилой возраст, интерес к собственному здоровью, самочувствию близких ей людей), и с важностью темы здоровья как основы жизнедеятельности, значимой для любой личности. Информант не пользуется научными медицинскими терминами; обычно в метафорическом словоупотреблении отражены признаки заболевания и особенности болевых ощущений: *А прямо знашь, у меня желудок станет горе-еть!; А он [укол] не пошёл мне. Да меня всю обсы'пало! Сыпью; Отвалилась спина, совсем, у бабки!; Ой! Ногу дёрнуло!; Нога всё болит… я заору другой раз одна себе. Как ткнёт-ткнёт!* Обилие безличных конструкций свидетельствует о том, что наивным языковым сознанием не осмысляется источник таких состояний. Болезни воспринимаются ЯЛ негативно не только из-за неприятных физических ощущений, но и в связи с тем, что они лишают возможности трудиться, вести нормальный образ жизни: *Она ко мне прибежит застегнуть. Не может, ру'ки… Ле'ва совсем не владе'т, ну и е'та ничё; Горба'та, а у ей тут захватило, схватило [нервные окончания позвоночника]. Нет, нет, никуды'шна.* Больной человек, не способный к труду, воспринимается резко отрицательно: *Она: "О'споди, перед таким говном унижалась бы!" Ну, сама-то из говна говно. Куды' го'дна-то? Никуды' не го'дна!*

Психические характеристики, передающие особенности эмоциональных состояний, памяти и мышления, отражаются в метафоре не часто: *Меня так прямо обида берёт; Это, как вроде мысли-то мелькнули, что кто-то кого-то увидал; Я говорю: "Чё, налить тебе сто грамм?" – как-то мне кажется, совесь меня мота'т; Вишь, память-то худа' стала. Уска'кыват всё. А я как вроде бы знала. Забыла.*

Метафорические характеристики поведения очень многочисленны и разнообразны. Они обозначают человека с тем или иным типом поведения, отрицательно оценивая слабоволие *(А у их зять, Галин муж… а зять-то, так он… тряпичонка тоже. Упива'л шибко он, и не знаю, чё),* безынициативность, неспособность сохранять достоинство *(С. А они его матерят /в/он как в глаза. В.П. Ну, кого там не материть! Такой… шляпа*), неразборчивость в еде (*Вот таки' банки… [о гуманитарной помощи]. Ешьте, ру'сски свиньи*), несерьезность и безответственность *(У наших не было газеты, а она, Анька пошла сверяться – она [девочка, носившая почту] её Лёне кладёт. Она, гыт, ветер, нехоро'ша девочка-то. Така', несамостоя'тельна. А с матерью руга'тся!),* с одобрением отзываясь об энергичном человеке, у которого все получается быстро и ловко (*У ей в руках кипит! Вот огонь есь – не знаю, кто в деревне таки' есь ли нет ли! Шибко она уда'ла).*

http://www.lib.tsu.ru

Однако главным образом эта группа включает наименования социальных характеристик поведения, также в основном акцентируя внимание на отклонениях от нормы. Метафора образно представляет конфликтные отношения в обществе, человеческую жестокость, неприятие и недовольство друг другом. Ситуация вражды и семейных ссор передается через образ огня: *Он жаловался мне, ну я же не буду ему поддакывать. И так огонь… ешо в огонь поддавать там!* Люди могут "затоптать" в доме престарелых – больного и беспомощного человека, а в семье – нелюбимого мужа и отца, с которым никто не считается: *Её бы увезли в дом престарелых, куды'-нибудь. А там затоптали бы сразу, кого там!; Ну Кольку – совсем ни за чё… [не считает жена]. Тфу, затоптали и всё! И дети, и она, и всё.* Родственники или члены одного трудового коллектива "ополчаются", "нападают" друг на друга, готовы "заклевать", "съесть", "проглотить": *А теперь, как за Кольку мале'нько пристаю' [заступаюсь], они мне не сказывают… А они это, все на его ополчились. Ну а… как не ополчаться?; Васе'ня-то напала на её [сестру] – то ли она психобольна' ли чё ли, гыт? "Она напала на меня: "Зачем ты ключ тут иставля'шь?"; А он это, подал заявление, говорит… потому что… требуют много, а деньги не дают, не отпускают. А тут, гыт, прямо заклюют; Отец если выпьет кода' – ну не всё же время он пьёт, всё время работал! Дак они рады съесть его, проглотить. А этого [жениха-пьяницу] можно было принимать.*

Значительная группа метафорических наименований связана с речевым поведением. Эти метафоры отражают представление о нормах речи и речевого этикета через характеристики отклонений от них. Нормальной считается речь средней громкости (*реветь* "кричать") и среднего темпа (*сыпать* "говорить быстро"), достоверная (*собирать* "говорить что-л. вздорное, нелепое"), с соблюдением этических норм (*рявкнуть* "грубо, резко сказать", *огрызаться* "непочтительно отвечать", *лепить* "говорить прямо, открыто", *грызть* "укорять", *уколоть* "уязвить"; особенно широко представлены метафорические обозначения брани *(поливать, скалиться, лаять, громить): Валя сама грубовата, я посмотрю на её, дак она тоже, сидит да чё-нибудь рявкнет!; Кто это лаял-то тут тебя? ~ Я слышу, что прям… "бессовестный!", прям… руга'т, шибко ревела; Как мало [денег] получит – Кольку грызут, грызут, грызут…а счас получили девять тысяч за больничный – молчали; Тоскливо кода', скучно, придёт – врёт, врёт там чё попало, собира'т.* Интересно, что отклонения от нормативной речи зачастую ассоциируются со звуками животных.

Через метафору раскрывается отношение ЯЛ к порокам, в первую очередь к пьянству, которое приводит к плохому самочувствию, болезням, воровству и даже к гибели: *Кода' пьют-то, ничё… и отключился… свалился; Нажрались ешо кода'-то, всё равно совсем сдурели; Серебренниковы-то прям спились. О-ой-ой! Наташка пьёт, мать пьёт, он пьёт… И Вика, наверно, не отбросит; А мать у ей пьяница была шибко, и отец, гыт, пьяница. А шибко – с вина тётка, с вина сгорела, ба'ушка с вина сгорела… И мать с вина сгорела у них.*

Метафорически представлено и восприятие информантом отношений между мужчиной и женщиной: *Он, гыт, за ей шибко старался, охотился. А он гыт: "А я наоборот её спас, от него, чтобы она с ём не пошла никуды'"; А потом уж он [парень] ко мне прилипал, шибко. Он синпати-ичный был!; Мужа-то отшвырнула. Мне кажется, что сама она больше. Ну он де-то там ездил, да и…беду [венерическую болезнь] поймал; А Таня-то не ходила [в больницу], они как разошлись. Он туды' ушёл домой, а она тут-ка, с детя'ми; Я говорю: "Ты будешь тут жить, а он там". Я говорю: "Тебя бросит, другу' найдёт".* Особо выделяется негативная характеристика измены в супружестве: *А он и до е'того мотался, как мой бы Степан болтался тоже, и это, он с Граней-то сошёлся; С. Сбежала к другому… В.П. Ну… С одним смоталась там на психе работала; А он ешо до войны тоже трепался, муж-то её, с одной та'мо-ка; Ну и Таня там покручивала с этим, кото'ро… вышла-то она [за которого]. Ну и он-то покрутил. Ну. Она уж того и момента ждала.*

Ряд метафор не столько дает характеристику человека, сколько выражает отношение говорящего к нему. Для обозначения отрицательной оценки поведения используются названия животных (*собака, свинья*) и болезней (*холера*), религиозные образы (*чёрт*): *Его чуть не до смерти убили [женщины]. От каки' молодцы… Код**а** там присудят чё ему, собаке [мужу, зарубившему жену]; Уме't всё делать, ну ленивый, холера; Катя, ить я забыла опе'ть! Хотела… да эти черьти-то, они надоели мне! Винишко-то выпить… Этот сидит. И ему надо наливать.* Человек высоких душевных качеств (и соответствующего им поведения) оценивается через сопоставление с драгоценным металлом: *"Капита'льна эта женшына! Золото эта женшына, хоро'ша!"* Положительное отношение говорящего к кому-либо передается через метафоры *ягодка, кукла.*

В метафорических образах отражаются и другие социальные характеристики человека как члена социума. Для обозначения занимающей важное положение в обществе, значительной персоны используются переносные наименования *высокий* "важный,

значительный" и *барыня: А он профессор, гыт, и это… Ну, хороший человек, высокий был. Высокого званья; В два часа уехали, в полшестого при… опе'ть меня на машине привезли оттэ'дова, барыню.*

Видимо, значимым в социальном плане является для ЯЛ выделение коллектива, которое находит отражение в метафорах *выводок, саранча, капелла, свита, табун: Я пошла к нашим. Думаю: там хороший выводок-то. Четверо же придут; Поди уж никто тапе'рь не придёт, провалили сёдня… свита [шутл.]; Целый табун был: Витя приехал, Лида, а Наташку раньше привозили, она тоже была тут.*

Единичны у В.П., но очень выразительны образные наименования человека в его отношениях с властью. Государство "гнёт" людей, "обдирает" их: *Она говорит: "Нас в войну-то… гнули, ли как ли там чё-то, в войну-то". Ну кто в войну не работал?; Так всё одма'нывают нашего брата… обдирают.*

Для оценки социальных условий жизни используются контрастные образы религиозного происхождения – рая и ада. Рай связан в представлении диалектоносителя с комфортом, достатком, доброжелательной атмосферой, ад – с материальными и духовными проблемами: *И рыбу, и мясо, и всё поставлю на снег, всё равно не так. Всё равно лу'чче в холодильнике. А это… ума не было. И прям ничё. А кода' купили, так это же рай!; А он холостой парень, и взял её [замуж]. Да в такой рай! Они же богачи присмёртны. И… чё, так "Любаша", "Любаша" её. ~ И травочки в чай-то им рвёт, Света, она хоро'ша така'. ~ Прямо не знаю, какой рай там ему был; А теперь эту квартиру итдала как-то. Там Тамаре этой… Татьяне Васильевниной дочери. До'черь с мужем там. А у ей трое детей, а дети у Татья'не. Ой, не знаю, там ад!*

Функционирование. Обычно употребление метафор в тексте происходит спонтанно. В редких случаях метафора в речи появляется как реакция на стимул, которым может служить либо данная лексическая единица в прямом значении (являющаяся лексическим мотиватором к ней), либо структурный мотиватор: *Зоечка хотела прийти, и так и не пришла. С ягодкой. [Ирон.:] "Ягодка моя"; Вот чё-то не хвата'т им [комнатным растениям]. Надо обязательно подкорьмить… подпоить.*

Употребление метафор может сопровождаться использованием других образных средств. Типичными для информанта являются метафорическая гипербола, метафорическая литота и сочетание с однокорневым сравнением: *Я тебе хоть мале'нько за водку деньги отдам… Ну дак ты таку' беду привезла, це'лу цистерну!; В погреб*

просятся, да у меня какой погреб? Там – о'споди, там от така' кону'рочка!; *А кото'ры [морковки] от таки' толшыной, да от таки' прям, рогатки. Много такой рогаткой, прямо це'ло ведро, уроды*. При этом связи метафоры и сравнения наиболее устойчивы и регулярны (см. с. 218-219).

В текстах информанта метафора выполняет ряд функций.

Многие метафорические единицы выступают в номинативной функции, служа для нейтрального обозначения явлений действительности. Сюда относятся как лексические единицы со стершейся или стирающейся образностью, являющиеся узуальным средством наименования какого-либо предмета, действия, состояния (*вилка* "штепсель", *перо* "шелуха лука", *всходить* "появляться на небосклоне", *рак* "болезнь", *бросить* "покинуть супруга", *подняться* "начаться, о буре", *свернуться* "потерять однородность", *клеиться* "получаться, удаваться": *Да вот, у меня есь жёлта [краска], она ма'сляна, она свернётся. А это эмаль; А правда, кода' народу-то много, тода' чё-то и не получа'тся… Не клеи'тся*), так и те, в которых образность ощущается легко (*выводок* "группа людей", *аппетит* "желание", *бодать* "отрицательно качать головой", *когти* "приспособление для захвата чего-л.", *плюшевый* "с короткой мягкой шерстью", *царапаться* "тихо стучаться": *Они не стали кидать ничё [навоз], он [трактор] этими когтями – от таки' глы'зы! от таки' от, мерзлота!; Он на последний [автобус] пошёл… на восемь пошёл. Ага, потом слушаю, сара'патся [в дверь]*).

Распространенным является также использование метафор в экспрессивной функции. Метафорические единицы в этом случае используются для выражения эмоционального отношения говорящего и/или передачи интенсивности/экстенсивности признака: *подмести* "съесть быстро, с аппетитом", *обсы'пать* "покрыть сплошь сыпью", *модный* "неодобр. изнеженный", *козырять* "неодобр. выставлять напоказ свои достоинства", *змея* "бранно о женщине" и др.: *Дала мне – бо'ле полбулки, такой… такой серый хлеб… А наши были, подчисту'ю всё подмели. Чёрный, белый, серый – всякий пойдёт; В.П. Мо'дны каки' тоже это! Кого "тяжело"-то? А.П. Ну, они не таскали сроду тяжёлого, это нам дык…*

В текстах В.П. встречаются также метафорические словоупотребления, которые можно квалифицировать как разновидность экспрессивной функции, а можно считать проявлением особой функции создания языковой игры. Все они являются индивидуальными и произносятся с шутливой интонацией: *Я не знаю, пошто'. Ругался, не*

http://www.lib.tsu.ru

итдавал [замуж отец]. То ли посолить меня хотел; А Илья на тракторе приехал. А говорит это: "А ты чё не собира'ся?" А Коля гыт: "Вон, такси под тебя подошёл". Я в окошко гля'нула – на! с тележкой; Катя! Там, наверно, закрыть печку надо? При'слуга моя; "Сшей, гыт, это… воротничок белый и грудочку так бе'лу вставь, пояс белый изде'лай…" Я говорю: "Ну, пионерка буду настоя'шша".

Различия в характере и функционирования метафор в дискурсе диалектной ЯЛ и в художественных произведениях близки к тем, что были описаны для сравнений (с. 220-221): у рядового носителя языка преобладают общеязыковые метафоры, писатели и поэты стремятся к созданию индивидуально-авторских образных переносов, обновлению стершейся образности; метафорическая плотность художественного текста выше, чем устного; состав функций метафоры в диалектном тексте значительно беднее, чем в художественном, равно как и связи данного образного средства с другими. При этом в разговорной речи писателей метафоры, как и сравнения, используются редко.

Сопоставление метафор диалектоносителей В.П. Вершининой и В.М. Петуховой дает основания для выводов о меньшей степени метафоричности речи нашего информанта: по данным В.Д. Лютиковой, у В.М. Петуховой каждые 4–5 связанных предложений содержат метафорическое словоупотребление, широко представлены развернутые метафоры [Лютикова, 1999: 165], редко используемые В.П. Общей чертой дискурса обеих ЯЛ является сочетаемость метафор со сравнениями, гиперболой, литотой.

Итак, метафора является достаточно распространенным тропом в речи ЯЛ.

У информанта отмечены виды метафор, соотносимые со всеми формами национального языка; большинство из них являются общерусскими. Общерусским является и характер продуктивных типов переносов, в том числе и у собственно диалектных метафор.

Метафорическое словоупотребление служит важным источником изучения языковой картины мира личности, в том числе ценностной языковой картины мира. Анализ этого образного средства свидетельствует об антропоцентрическом характере устройства лексикона диалектоносителя: как субъектом, так и объектом метафоризации является прежде всего человек; меньшее место отводится растениям, животным и артефактам; явления неорганического мира представлены слабо. Метафора отражает постижение мира индивидом на основе внешнего подобия явлений (воспринимаемого главным образом зрительно или на слух) или ассоциативного уподобления конкретного абстрактному. Наш

http://www.lib.tsu.ru

материал подтверждает выводы М.Э. Рут о том, что в процессах номинации для диалектной ЯЛ основной является ориентация на собственный опыт и на чувственно-конкретное знание очерченного этим опытом круга предметов [Рут, 1994: 29]. Предметная метафора в основном демонстрирует сходство вещей по форме. Человек характеризуется через это образное средство во всей полноте физических и социальных, в меньшей степени – психических характеристик. Метафора позволяет реконструировать представление ЯЛ об идеальной внешности (фигура, рост, привлекательность), детально описывает состояние здоровья человека (в основном через обозначения болезненных проявлений) и социальную сферу жизни индивида (межличностные отношения, речевое поведение, человеческие пороки). Обычно понятие о норме раскрывается через обозначение отклонений от нее.

Метафора в дискурсе ЯЛ реализуется, как правило, спонтанно, реже – на основе стимула. Она обладает особым набором текстовых функций (номинативная, экспрессивная, языковой игры) и связей с другими образными средствами, в первую очередь со сравнением.

Диалектные и индивидуальные метафоры представляют собой только вкрапления в целостную систему этих тропов, но их наличие позволяет говорить в ряде случаев об ином семантическом наполнении некоторых национальных стереотипов и отличном от литературного языка характере ассоциаций при образовании метафор в речи ЯЛ.

Г и п е р б о л а

Встречается в дискурсе В.П. также гипербола, вообще характерная, по наблюдениям Л.П. Крысина [1988], для непринужденного устного общения.

Основные объекты гиперболизации – человек и окружающие его предметы быта. С помощью гиперболы передаются такие смыслы, как:

– физическое состояние человека: *Вся в воде лежу, прямо споте'ла без ума; Отвалилась спина совсем, у бабки!;*

– поведение человека: *Пошла, там уже бутылку выташшыли – ой, как собаки! рады прям. Рады со стеклом проглотить. Ой, ой, каки' же пьяницы все; Ну, и он упивал*

http://www.lib.tsu.ru

шибко, приедет, чё – все дыры', мышьи норы вы'шнырит, и вы'пет всё у их – а кому погля'нется?;

– величина предмета: *Вот колбасы Катя привезли, чуть не ме'тру палку; Они подушки наладили да перины! как горы;*

– избыточное количество чего-либо: *На лошади не увезём – столько будем писать; Она знашь чё, вот таки' узли'шшы, э'таки вот прямо привезла этих, гладиолусов: таки' есь, таки', и ме'ленъки, а тут ешо деток у ей прямо – миллионы там будут!;*

– длительность чего-либо: *Припёрла уж карася моёго. ~ Сто лет лежало, не отдала раньше;*

– постоянность какого-либо процесса: *У Гутьки мясорубка от стола не отвёртывается. Конешно, они сколь скотины до'ржут! Сколь одних рогатых!*

Л.П. Крысин отмечает, что в разговорной литературной речи гипербола основана, как правило, на использовании готовых, имеющихся в языке средств и моделей, тогда как в художественной речи автор стремится к ее неповторимости [1988: 98]. Среди стандартных форм гиперболы у В.П. зафиксированы фразеологизмы *(Пятьсот рублей банку [продают]. Я прям глаза на лоб у меня! Грыбы' – полторы тысячи банку; У Аксиньи голос хороший. Я начинаю, она вытя'гиват, поёт. Идём где-нибудь гуля'м, дак аж деревня колется. Здо'рово пели),* узуальные метафоры и сравнения *(То ли она, наверно, аборт изде'лала ли кого ли, не знаю. Столько, Катя, крови было! Море, море!; Спала как уби'та),* но в большинстве своем гиперболы у диалектоносителя представляют собой индивидуальные речевые новообразования. Ряд из них являются индивидуальными сравнениями (*Татьяна Васильевна ро'стит, картошки вырастит с бычью голову; Разулся, а ноги лохма-аты! Как медведь)* или метафорами (*Я тебе хоть мале'нько за водку деньги отдам… Ну дак ты таку' беду привезла, це'лу цистерну!; Отец если вы'пет кода' – ну не всё время же он пьёт, всё время работал! Дак они рады съесть его, проглотить*). Встречаются развернутые метафорические образы: *А выташшыла бутылку – он один её выпил. Вот так осталось мале'нько, я думаю: хоть Кольке оставить… а он всё равно пришёл, опе'ть допил. Ой, только бутылки свистят!*

Литота как разновидность гиперболы употребляется В.П. сравнительно редко, связана с количественными характеристиками предмета речи и также обычно носит метафорический или сравнительный характер: *Да кака' там капуста? Каки'-то десять*

*кулачочков вот таки' вот, как у меня; В погреб просятся, да у меня какой погреб? Там – о'споди, там от така' конурочка!; А там осколки были в ей [ноге], он нет-нет… "Ой, у Володи опять нога заболела, опять в больницу поехал!" А там, гыт, в больнице, бисери'ночку каку'-нибудь вынут, и заживёт; Я это… Рожковой-то налила немножко… мале'нько, грамм пиися't, мо'жеть, налила. Дак она гыт: "Кого она мне там налила, – Физе гыт, – слезинку!" Я говорю: "Ешо мн**о**го надо!"; Помидоры ме'лки как гнидки; Вот такой поросёночек! Ну, с кы'ску, мале'нько побо'ле!; Ну усыпаны [кусты мелкими помидорами], как мошки.*

И р о н и я

Ирония определяется обычно как употребление наименования или целого высказывания в смысле, противоположном буквальному [Скребнев, 1979: 98]. В лингвистике она изучена мало, а в языке рядовой личности вообще не рассматривалась.

Ирония – достаточно распространенное выразительное средство в речи исследуемой ЯЛ. Объектом иронии могут быть самые различные явления внеязыковой и языковой действительности: человек, его качества, состояния и действия, животные, ситуации, а также отдельные слова и высказывания в своей и чужой речи. Л.Г. Гынгазова [1998: 44] подчеркивает, что для информанта "…в большой степени характерна самоирония, что может быть отнесено к личностным качествам автора".

Проявления иронии в дискурсе В.П. весьма разнообразны. Она бывает присуща всему высказыванию или может реализовываться на уровне отдельной лексемы.

В некоторых высказываниях ирония представлена только интонационно, переносный смысл контекста лишь весьма приблизительно можно считать противоположным буквальному. В этих случаях ирония направлена на собственную речь говорящего и нейтрализует, "смягчает" морализаторский тон отдельных суждений, являясь своеобразным извинением за вмешательство в чужую жизнь: *Говна' [старую, плохую] машину взяли. Ну зачем взяли? Меня бы спросили [усмехается]; А ей продать бы [трехкомнатную квартиру], да купить одну комнату. И хватило бы. ~ Одну бы комнату… Без тебя бы мы не знали; Люда гыт, он тоже попива't хорошо. Придёт, думаю, поговорю ему, скажу: "Ты чё это? Такой человек был, – говорю, – да испортился тоже!" Послу'шат меня так!*

http://www.lib.tsu.ru

Ирония может относиться и к чужой речи, если какое-либо словоупотребление собеседника представляется В.П. неверным или неточным: *В.П. Жирная [свинина], не рубили так? ~ Н.Н. Ну… ну как тебе сказать? Нормальный [поросенок]. В.П. "Нормальный!" [ирон.] Н.Н. Жирный.*

В большинстве случаев объектом иронической оценки является внеязыковая действительность.

Высказывания диалектоносителя часто отражают сомнение в истинности чьего-либо суждения; ирония служит средством его опровержения как ложного: *"Так я работала, да так работаю да…" [хвасталась односельчанка]. Переработала!; "Прокофьевна счастли'ва!" [сказали соседи, так как на ее похоронах было много родственников и цветов]. Я говорю: "Ну как не счастли'ва: в гробу лежит, куды' же, како' ешо счастье надо"; Она "хвора'т" – лета'т по деревне как пуля… така' толшыной; "На сердце рубец…" – на заднице, поди, рубец [об односельчанке, которую считает ленивой]; Ф.Г. Аня сказала: "А мы чё, болеем, что ли?" В.П. [ирон.] Здоро'вы, как лошади. Все болеют.*

При характеристике человека иронически переосмысливается высокая положительная оценка, восприятие кого-либо как весьма значительного (с точки зрения В.П, неоправданное): *Женечка! Там комок золота родился [о внебрачном ребенке, рождение которого не одобряется]; Ну, наверно, много положат [подарят на свадьбу]. Что ты, свидетель был! [о 18-летнем родственнике из семьи со скромным достатком].*

Встретился также случай иронической замены отрицательного наименования на положительное, не соответствующее реальному: *[Ночью <u>воры</u> залезли в огород за огурцами.] Те от ходили, "<u>гости</u>", да прямо так, по им [огурцам] ходили.*

Весьма типичным для информанта является ироническое уничижение. В этом случае иронически употребляется слово для обозначения чего-либо, что, по мнению говорящего, не заслуживает такого наименования в силу своей неполноценности: *Молочка добавлю тебе? Ну помидоры ешь хоть. "Ужин"!* (с точки зрения В.П., слишком легкую пищу нельзя считать ужином); *"Подарки" там!* (о незначительных подарках); *Да о'споди, "собака" там!* (о маленькой собачке, которую можно не бояться).

Классической разновидностью иронии является оценка отрицательно воспринимаемых явлений действительности (свойств предметов, качеств человека,

http://www.lib.tsu.ru

ситуаций в целом и т.п.) как положительных: *Гли, кака' кофта "наря'дна"!; Свету-то нет, и хлеба-то нет, говорю: "Ну, Кате [приехавшей в гости] "подфарти'ло"!*

Иронически может комментироваться также факт несбывшегося намерения (*[Местные пьяницы просили у односельчанки продукты, а та отказала, сказав, что у самой ничего нет.] "Ну соседи, ну соседи!" повернулись, пошли. Всего "набрались"; "От вы**ы**дет на работу, от тод**а**-то вы'дет, от тод**а**-то вы'дет!" И всё: "вышел" [Ельцын опять заболел]*) или заведомо невероятный факт (*Ф.Г. [о пьянице]: Она кричит: "У меня завтра день рожденья!" В.П. [ирон.] Ну, собирать будешь. ~ А сёдня заявилась опе'ть пришла: "У меня сёдня день рожденья". Дак а чё по людя'м-то ходить? Делай дома! "Хлеб не' на чего купить мне, не хвата'т на хлеб". На спирт не хвата'т; М.П. При людя'х достаёшь [деньги]. В.П. Ну, вы меня обокра'дете!*).

Все выделенные разновидности иронии тесно связаны наличием оценочных характеристик, модальных элементов, общим интонационным рисунком, установкой говорящего на опровержение, отрицание словесного обозначения чего-либо. Поскольку точная интерпретация иронических высказываний возможна лишь при условии знания ситуации и контекста, иногда весьма обширного, не исключена их различная трактовка и многие случаи нельзя интерпретировать однозначно.

Ю.М. Скребнев [1979] считает, что ирония "…обычно не выражена формально (особая ироническая интонация в звучащей речи и употребление кавычек на письме факультативны), а выявляется на основе контекста или фонового знания, исключающих возможность буквального понимания сказанного (написанного)". Однако наш материал дает основания утверждать, что ироническая интонация является главным и постоянным формальным средством выражения иронического содержания. В дискурсе В.П. не отмечено ни одного иронического контекста, в котором этот особый интонационный рисунок бы отсутствовал. Кроме того, существуют и лексические показатели иронии (также в сочетании с иронической интонацией). У В.П. это слова *беда* и *брат* в функции междометий: *А.П. Надо было Колю с Геной заставлять. В.П. Беда, заставишь! Не шибко разбегутся, Гутя!; Объелась, чисто беда! [не верит, что гостья сыта]; Приедут, да только ходи за имя'. Беда сколько изде'лают всё; Надо вырастить пе'рво [огурцы]. – "Ну, вырастим". Кого, брат, наро'стит тоже?; Затопила печку, она чё-то погасла. ~ А он говорит это: "Ты плотно накла'ла". Я говорю: "Ага, первый раз затопила!" [ирон.] Кого, брат, неужели, чё, первый раз затопила? Ну бува'т так, что не загорелось, и всё;* фразеологические сочетания *что ты* и *что там: "Ходики" назывались. Ну, они какие-то,*

гирькими подтягывают – что ты!; Ну, тапе'рь деньги появились – что ты! Надо и за лопухи рашшытываться, и самому надо горло смазывать!; Поехал по конба'йну, и не его дело было, а вишь, он какой: "Я, – что там, – я, я, я!"[*]

Ядром иронического словоупотребления можно считать оценочные лексические единицы, употребляющиеся в прямо противоположном буквальному смысле (*счастливый, нарядный, подфартило, переработать*). К лексическим средствам выражения иронии можно отнести также замену обозначения "высокого" денотата на "низкий"[**] (*сердце* → *задница*) и наоборот (*воры* → *гости*). Усиливать ироническую оценку контекста могут гипербола (*здоро'вы, как лошади*) и антитеза (*Она "хвора'т" – лета'т, как пуля по деревне… така' толшыной*), развернутый комментарий, раскрывающий мотивы иронической оценки ситуации *(Ну как не счастли'ва: в гробу лежит, куды' же, како' ешо счастье надо).*

Ирония тесно связана с эмоциональной оценкой. Ироническая интонация часто осложняется интонацией неодобрения (*Ой! Как без рук прям были! Как без рук они без него были! без Женечки*) или шутливой интонацией (*Гли, кака' кофта "наря'дна"!).* В иронических контекстах широко используются (хотя и не обязательны) экспрессивные синтаксические конструкции с повторами, усилительными частицами и наречиями, междометиями и т.п.: *Вот у'мны дак у'мны; О'споди, "собака" там; "Ну соседи, ну соседи!" – повернулись, пошли. Всего "набрались"; "Хоро'ши картошки?" Я говорю: "Шибко хоро'ши!"*

Хотя данные для сопоставления очень скудны, можно утверждать, что ирония у исследуемой ЯЛ имеет много общерусских черт: общими являются механизмы создания иронического контекста на базе оценочных слов и некоторых безоценочных характеристик, основные средства выражения иронического содержания (в первую очередь интонационные). В то же время в речи диалектоносителя не отмечено присущее русскому литературному языку ироническое употребление наименований профессий, должностей со значением "неумелый работник", "сомнительный специалист", не встретилась ирония преуменьшения признака, оказались неупотребительными конструкции типа "хорош + существительное" [Ермакова, 1997], "этого ещё не хватало", "ничего себе…" [Скребнев, 1979]. В свою очередь, у информанта выделены

[*] Сам Ю.М. Скребнев отмечает некоторые клишированные конструкции, которые всегда выражают лишь иронический смысл ("Этого ещё не хватало!", "Ничего себе, удружил!"), но у данной ЯЛ они не встретились.

[**] Термины С.Э.Мартыновой [1992].

http://www.lib.tsu.ru

специфические случаи иронической оценки (смягчение морализаторских суждений, уничижение) и нелитературные формальные средства выражения иронии. Являются ли они индивидуальными или присущи всем носителям Вершининского говора, еще предстоит исследовать.

К а л а м б у р

Каламбур можно считать нетипичным для набора выразительных средств текста В.П. Метаязыковым сознанием отмечаются каламбуры в чужой речи (*Ну и я утаскываю десятку, хыть дам на горю'че ему, а он: "А ты меня заправля'шь горючим, дак не берёшь деньги с меня?" ~ "Ты меня заправля'шь, гыт, горючим". ~ Ну, кода' пода**ю**, кода' есь – бражонку он вы'пет тоже)*, но в собственных высказываниях диалектоносительница их практически не использует. Обусловлено это возрастом или индивидуальными особенностями данной ЯЛ, сказать трудно. Целый ряд каламбуров отмечен в речи ее племянника Н.Н. Вершинина, 1948 г. рождения, речь которого по многим параметрам близка к речи В.П.: *А.П. Ну, ты бросил [пить]? Н.Н. Не знаю, кто подобрал ли; В.П. А нам, говорят, дрова будут давать, лапшу да. Я по радио тоже слышала. Н.Н. Лапшу на уши вешать [смеется]* и др. За 20 лет регулярного наблюдения над речью информанта нами зафиксирован всего один случай каламбурной игры значениями многозначного слова: *Мне задалось, я пол мою, на коле'нкав. А Валя пришла, гыт "<u>бе'дненька</u>!" <u>Бе'дненька</u> ли бога'та ли.* Два других примера употребления каламбуров, используемых В.П., нельзя отнести к сознательному проявлению языковой игры, поскольку они закреплены в прецедентных текстах: *Она же ненорма'льна, куды' люди, туды' и мысле'те* (игра значениями: *люди* "мн. к человек" и "устаревшее название буквы "л"); *В.П. Не дам, никого не дам, у меня никого нет. Никого не дам. Н.Н. Я же вечером отдам! В.П. "Отдам"! Да <u>был Отдам</u>, <u>да помер</u>!* (языковая игра с онимизацией апеллятива).

Р и ф м о в к а

Как отмечает Б.Ю. Норман [1994: 78–79], фонетические ассоциации не являются прерогативой творческих личностей. Встречаются они и в разговорной литературной речи, и в просторечии [Янко-Триницкая, 1968]. Достаточно широко рифмовка слов представлена в прозаическом дискурсе В.П. Помимо пословиц, поговорок и присказок, часть которых отмечена рифмой (*не пойма'шь, так не узна'шь; не бей кнутом, напо'й*

http://www.lib.tsu.ru

вином; одна мучка, да не те же ручки; здоро'ва, как корова и т.п.), это явление наблюдается во многих других типах высказываний (всего их зафиксировано около сорока).

1. В ряде случаев появление рифмы восходит к имеющимся в лексиконе информанта различного рода устойчивым словосочетаниям и выражениям, изначально содержащим созвучные лексемы:

а) типично фольклорные словосочетания, в которых второй компонент выполняет роль приложения: *Там домов мало было. Ну я не знаю, сколько, вот у Моти никода' не спрошу, своей кумушки-то голубушки; Огород не со'дит, травой-муравой зараста'т всё; [Возвращается из холодных сеней:] О-ой! Мороз… красный нос; [О себе:] Износился конёк… горбунок;*

б) фразеологизмы: *села да запела, от горшка два вершка, ни дома ни лома, ни стуку ни звуку* и др.

2. Случаи, в которых рифмовка не воспроизводится, а создается языковой личностью:

а) рифмуются узуальные лексические единицы: *Не моется, не сту'кат, не бря'кат – ницё; В баночке грызётся в ку'скиной, мышка. А Васька та'мо-ка. Я его взяла, бросила туда, он – ничё, даже внимания не обрашша'т. То ли слепой, то ли глухой; А им же жрать надо! Их накормить – легше похоронить; А я… пироги стряпаю, на плите стряпаю. Не обязательно так, ну, с чем-нибудь: с ливером, ли с капустой, ли с картошкой, ли с морко'шкой там.*

Среди них можно выделить группу созвучий, в которых компоненты утрачивают самостоятельное лексическое значение, приобретая статус фразеологических единиц *(Пишут всё, у них там ешо девять де'вочков. Песни да басни* ["образцы народной речи вообще"], *всё пишут да пишут, не пристают; Он как загорелся, этот навоз-то! Да как они там – я их посадила, огурцы-то, они как начали' как пы'шать-ды'шать!* ["интенсивно расти"] *расти-то за грехи-то за вели'ки-то!),* либо один из компонентов частично десемантизируется, усиливая экспрессивность другого компонента: *Ну вот, буду жарить… парить [блины]* [= экспр. "жарить"]; *Хто-нибудь-то бы помоложе там побежали бы, она – раз, раз! побежит! То'нка-зво'нка* [= экспр. "тонкий"], *ноги от таки' то'неньки, и пойдёт рвать.*

http://www.lib.tsu.ru

Слово-стимул может вызывать также неоднословную реакцию, содержащую рифму к нему: *[Перебирая лекарства:] Все тут, препараты. Аптека… для больного человека; Она гыт: "Он [муж] некрасивый у меня". Ну она-то краси'ва… А то скажет "спасибо"; Дойду до ворот… удивился весь народ; А чё продают? [Пиво.] Пиво… чтоб с ног сбило; Этот-то? Махо'р. [Глаженый.] И чё, что глаженый… под венец налаженный; Ну выпей ты всё-то, выпей! Наме'сто кваску'… заманить тоску; Муха лета'т… Муха тяни за у'хо; Пейте сразу! наме'сто квасу; А но'нче всё лето просидела. Оглянуться не успела*. Некоторые из приведенных реакций, вероятно, являются "отголосками" прецедентных текстов (хотя это нельзя утверждать с абсолютной уверенностью, поскольку в дискурсе информанта такие тексты не зафиксированы), другие могут быть созданы самим диалектоносителем.

Между рифмующимися элементами возможно как наличие семантической связи (*аптека – для больного человека, пиво – чтоб с ног сбило*), так и полное ее отсутствие (*глаженый – под венец налаженный, краси'ва – скажет "спасибо")*. Как пишет Б.Ю. Норман, "…асемантичность звуковых ассоциаций компенсируется в конкретном тексте игровым эффектом, и в результате формальное сходство приобретает новую, эстетическую значимость" [1994: 80];

б) рифмуется узуальное слово с окказиональным. Окказионализм при этом образуется по модели слова-стимула (*Волни'сто како'-то [стекло в окне]. Волни'сто, говни'сто*), но значительно чаще отличается от нормативной единицы только одним начальным звуком: "*Никуды' он уехал, он сидит". Ой! её как по жопе серьпом, как она забры'гала, как задры'гала!; [Кошке:] Ты не вякай, надоела, прямо надое'с. Будет вякать-мя'кать; У меня широ'кенька кастрюлька така', Геночка-Пе'ночка [неодобрительно] увёз её этот раз ~. А он собрал да увёз, Гена… Пена*. Такие рифмы служат средством создания экспрессивно-эмоциональных высказываний, выражая отрицательные эмоции говорящего;

в) рифмуются два окказиональных элемента (также различающиеся только начальным звуком). Окказиональный комплекс, как и в предыдущем случае, служит для выражения отрицательной эмоциональной оценки предмета: *Ну-ка, давай, убери-ка там эту свою шу'ндру-му'ндру [о магнитофоне], а я тебе покажу дорожку счас*.

Создание рифмованных высказываний, видимо, можно считать общей чертой речи диалектоносителей: оно отмечено и у А.Г. Горшковой [Малышева, Скитова, 2000: 244], и

у В.М. Петуховой [Лютикова, 1999: 76], но анализ этого явления в языке личности отсутствует.

Р и т м

К числу выразительных средств текста В.П. следует также отнести его ритм. Известно, что ритм может выполнять структурирующую, текстообразующую и экспрессивно-эмоциональную функцию [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990: 416]; в дискурсе информанта все они значимы.

Средствами создания ритма служат чередующиеся объемные и дробные части текста, конструкции, характеризующиеся синтаксическим параллелизмом, анафорические повторы союзов, вкрапления паремий (как правило, ритмически организованных), а также сегменты высказываний с правильным чередованием ударных и безударных слогов.

Ритмическая структура различных фрагментов текста разнообразна, однако общей закономерностью является преимущественное чередование ударного слога (–) с одним или двумя (реже – с тремя-четырьмя) безударными (^)Синтагмы обычно содержат от 2 до 6 слогов (1–3 слова):

*Картошки полола. О'споди, даже так… чисто, да свету'т хорошо – сдаля'-то, туды' не хожу… Полола я, **э**ту грядку полола, и **э**ту полола. А две в серединке не полола. Ну, кажется, там мало, поди, травы. А пошла – и на этой трава, и на этой трава, а там ешо больше, от така' от прямо, така'. Знашь, кака'? Прямо от как ота'ва кака'-то.*

– ^ – – ^ – | ^ – – | ^ – ^ | ^ – | – – ^ | – – ^ | – ^ – | – ^ – – ^|

– ^ – – | ^ – ^ – – ^ –| – ^ – – ^ –| – ^ – – ^ –| – – ^ –| – ^ – –|

– ^ – – ^ | – ^ | – – ^ | – – ^ – – ^ | – ^ – – ^ – | – – ^ – ^ –| – ^ |

^ – ^ | ^ – | – – ^ – – ^ –|

Состав выразительных средств, употребляемых ЯЛ, не исчерпывается перечисленными. К ним можно также отнести экспрессивные лексические единицы,

http://www.lib.tsu.ru

окказиональные элементы, антонимы и синонимы, прецедентные тексты, рассмотренные выше, часть тропов и фигур речи, оставшихся за пределами нашего внимания (метонимия, эпитеты, аллегория, антитеза, градация, анафора и др.), а также фонетические, интонационные и синтаксические средства создания нестандартного текста.

***

Таким образом, текст личности обладает рядом особенных признаков.

1. К своеобразным чертам строения текста, характеризующим данную ЯЛ, относятся: развернутость и конкретность изложения, высокая степень его композиционной, логической и внутритекстовой связности (трехчастное строение, кольцевая композиция, обобщающие сентенции, последовательность изложения, незначительное количество заполнителей пауз, употребление в роли средств связи служебных слов и повторов), некатегоричность повествования; ярко выраженное личностное начало речи; слабое проявление самоповторов; диалогичность; широкое использование цитации (своей и чужой речи, прецедентных текстов); наличие особого набора выразительных средств текста.

2. В число наиболее типичных для исследуемой ЯЛ выразительных средств текста входят экспрессивная лексика и фразеология, отдельные тропы, паремии, прозаический ритм, широкое употребление синонимов и антонимов. Самым распространенным среди тропов является сравнение; несколько реже представлена в текстах метафора; частотно употребление пословиц и поговорок; немногочислены случаи гиперболы, иронического и окказионального словоупотребления, рифмовки. Не характерно для В.П. использование приемов языковой игры. Выразительные средства в дискурсе личности связаны между собой, сочетаясь в высказывании или синтезируясь в одной формальной оболочке. Особенно тесные связи обнаруживаются между метафорой и сравнением. Однако в отличие от сравнений, носящих в основном индивидуальный характер и являющихся результатом наблюдений самой ЯЛ над действительностью, метафоры в ее речи чаще узуальны, индивидуальное начало проявляется в них слабее. Вероятно, это явление, так же как и более низкую, чем у сравнений, частотность метафор в тексте, можно объяснить большей абстрактностью метафоры как тропа: сознание диалектоносителя тяготеет к конкретике.

http://www.lib.tsu.ru

3. Тропы дают важный материал для реконструкции языковой картины мира говорящего субъекта. Ее основополагающими чертами следует считать анропоцентричность, конкретность и прагматическую ориентированность.

Образные средства позволяют выделить сферы бытия, имеющие первостепенную значимость в языковой картине мира личности. Материал подтверждает теорию антропоцентрического устройства лексикона, показывая, что во всем многообразии окружающего мира человека интересует прежде всего он сам. Реалии отражаются в тропах в соответствии с их приближенностью к человеку и практической значимостью. Активно задействованы в сравнениях и метафорах артефакты (предметы быта) и животные, в первую очередь домашние, наиболее близкие деревенскому жителю. Реже представлены растения, еще реже – явления неорганического мира. Разрыв между сферой "человек" и остальными сферами достаточно велик.

В центре языковой картины мира стоит человек. Характеристика человека многоаспектна; в ней раскрываются физические состояния, психическая и умственная деятельность, социальные особенности поведения индивидуума. Отражены они неравномерно. Большое место в мировосприятии диалектоносителя отводится особенностям телосложения (полный/худой, стройный/сгорбленный), физического состояния организма (сильный, здоровый/больной – через описание болевых ощущений), темперамента (подвижный/медлительный). Как можно заметить, все они прагматически ориентированы на представление о труде как необходимом условии жизнедеятельности: с особенностями фигуры и комплекции тесно связано понятие о здоровом человеке, который способен к полноценному труду, состояние болезни лишает такой возможности. Тип темперамента также важен как показатель плодотворной деятельности субъекта. Область психической деятельности фиксируется в тропах редко. Характеристики поведения очень разнообразны, причем преобладают оценочные наименования социальных особенностей поведения, в том числе речевого поведения.

Картина мира диалектной ЯЛ отличается предельной конкретностью. Абстрактные сущности в ней почти отсутствуют; сопоставляется преимущественно конкретное с конкретным (особенно в сравнениях); мир постигается информантом главным образом через внешнее сходство разнородных явлений, воспринимаемое органами чувств, чаще всего зрением. Цветообозначение в языковой картине мира информанта (в отличие от его лексикона) слабо дифференцировано.

http://www.lib.tsu.ru

Тропы и в особенности прецедентные тексты поставляют богатый материал для изучения мировоззрения исследуемой личности – ее философских, этических и эстетических взглядов, системы ценностей и т.д.

Философские воззрения субъекта, дающие представление о связях категорий причины и следствия, тождества и различия, сущности и ее проявления, добра и зла, раскрывающие понимание таких явлений, как жизнь и смерть, молодость и старость, законы познания и др., закреплены в пословицах и поговорках.

Как прецедентные тексты, так и тропы позволяют судить о моральных установках личности в качестве члена социума. Они отражают нормы взаимоотношений людей в семье и в обществе, освещают правила поведения в быту и в труде, особенности межличностных отношений, речевого этикета, затрагивают вопросы благосостояния, жизненной позиции человека в критических ситуациях и др. Через анализ многочисленных отрицательных характеристик негативных качеств человека возможна реконструкция образа идеальной личности, существующего в сознании говорящего: трудолюбивой, скромной, простой, серьезной, умной, честной, дружелюбной, лишенной пороков.

http://www.lib.tsu.ru

Глава 3

Метаязыковое сознание личности

Как известно из психологии, главным признаком личности является наличие сознания. Главным признаком языковой личности является, соответственно, наличие языкового сознания [Никитина, 1989: 34]. Термин этот многозначен, но в самом общем виде языковое сознание, по определению А.Н. Ростовой, представляет собой "…механизм регуляции человеческих отношений с миром посредством языка" [2000: 34].

В лингвистических работах, обращенных к языковому сознанию, складывается два основных направления его исследования: этот феномен рассматривается как способность говорящего к мыслительной деятельности в процессе практического владения языком и как способность его к языковой рефлексии. В первом случае происходит реализация глубинного уровня языкового сознания – подсознания, контролирующего автоматизированные действия говорящего: закономерности номинации, образования тропов и строения текста, формирование культурных концептов и др.; в втором – актуализуется поверхностный уровень языкового сознания, находящий выражение в суждениях индивида о языке [Ростова, 2000: 24–41]. Глубинный уровень языкового сознания изучается в психолингвистике и когнитивной лингвистике, лингводидактике, семасиологии, лингвистике текста, лингвокультурологии (А.А. Леонтьев, А.Р. Лурия, М.И. Гохлернер, Г.В. Ейгер, П.Н. Денисов, И.А. Стернин, Н.Е. Сулименко, М.В. Ляпон, А. Вежбицкая, В.Н. Телия, Е.С. Кубрякова и др.). Поверхностный уровень языкового сознания, получивший название "метаязыкового сознания" (МЯС), нашел теоретическое осмысление в работах О.И. Блиновой, А.Н. Ростовой, А.А. Белобородова, Ю.Н. Караулова, С.А. Ромашко.

Достаточно давно установлено, что метаязыковое сознание, как и другие виды сознания, существует в форме коллективного сознания какой-л. общности, группового сознания внутри этой общности и индивидуального сознания отдельного носителя языка. Последнее "…характеризуется специфическим количеством языковых единиц, "частотой" и направленностью связей между ними, определенным различием в социальной, эстетической и этической оценке одних и тех же языковых единиц", некоторыми отличиями в осознании норм [Ейгер, Гохлернер, 1982: 44-45]. Реализация МЯС в речи носителей языка пока анализируется для коллективной ЯЛ и в основном на диалектном материале. Выявлены его формы, сферы функционирования, жанровые признаки

http://www.lib.tsu.ru

метатекстов, описаны объекты языковой рефлексии, стратегии осознания говорящим семантики слова и др. (А.Н. Ростова, О.И. Блинова, Е.В. Ухмылина, Л.В. Кирпикова, Л.К. Лыжова, В.И. Дьякова, С.Е. Никитина и др.).

Диалектологами же сделаны первые шаги в исследовании индивидуальных особенностей МЯС: так, Л.В. Сахарным и О.Д. Орловой [1969] рассматривалась специфика семантизации слов у нескольких представителей Акчимского говора; В.Д. Лютиковой [1999: 91–110] выделены с привлечением большого иллюстративного материала тематические области языковой рефлексии у В.М. Петуховой из Курганской области (к ним отнесены: общие представления о языке, происхождение языка и его элементов, элементы языковой системы, слово, речь, субъект речи); А.Н. Ростовой [2000: 170–173] охарактеризованы яркие черты индивидуальной метаречевой деятельности нескольких информантов на фоне однородной социально-возрастной группы носителей традиционных сибирских говоров среднеобского бассейна. МЯС носителей литературного языка не изучено совершенно (имеются лишь общие замечания Р.А. Будагова [1970] о роли сознательного начала в зависимости от типа разговорной или письменной речи); нет его описания и в языковом портрете А.А. Реформатского.

Рассмотрим метаязыковое сознание отдельной ЯЛ, проявляющееся в осмыслении и оценке диалектоносителем особенностей своей и чужой речи. Небезынтересно соотнести представления о жителе современной деревни как типе языковой личности (работы С.Е. Никитиной [1989], Р.Ф. Пауфошимы [1989]) с воплощением этого типа в конкретном человеке, сопоставить МЯС широкого круга информантов (работы А.Н. Ростовой [1983; 2000 и др.], О.И. Блиновой [1984]) и единичного носителя диалекта, а главное – дать целостное описание этого феномена у отдельного индивида.

Естественная речь информанта обычно спонтанна, проявления рефлексии в ней достаточно редки: "Сознательность обыденной разговорной (диалогической) речи в общем стремится к нулю" [Щерба, 1974: 25]. По подсчетам А.Н. Ростовой, в дискурсе В.П. на 180 страниц текста ("плотность" записи – 260 словоупотреблений на странице) приходится всего 12 метатекстов, из которых 4 спровоцированы собирателем, а 8 заданы естественными условиями общения [Ростова, 2000: 57], тогда как в условиях лингвистического эксперимента доля метатекстовых конструкций составляет 25–34% [Калиткина, 1990: 9]. Заметим, что провокация лингвиста на вербализованное выражение МЯС вызывает у информанта дифференцированное отношение в зависимости от характера вопросов. Охотно комментируются только те языковые явления, которые, по

http://www.lib.tsu.ru

мнению В.П., неизвестны диалектологам (толкование устаревших и собственно диалектных слов, описание семантики слов, связанных с реалиями старого быта, терминологии традиционных промыслов и т.п.). Вопросы о значении обыденной лексики, а также касающиеся осознания мотивационных отношений лексических единиц, воспринимаются негативно, ответы на них даются без желания. Ср.: *В Бату'рино продавали, суды' привезут. Ла'дки, кринки, горшки, корчаги. [Чем ладка отличается от горшка?] Ну, вот така'. Как бы тебе сказать, как кастрюля бы счас, то'ко без крышки, вот таки'. Ставят в ладке прямо на стол [драчёну]; Прокосок? А косишь-то когда. Видывали? Косой косют, только ряд тут травы получа'тся, а тут на выкошенное кладёшь кучки; "Хворосты" зовут [печенье], ну и "ро'занцы" звали, раньше. [Почему?] Ну как? ~ Имя такое им; [Когда больные лёгкие у человека, как его называют?] А то вы не зна'те! Ну туберкулёзный.*

Формы проявления МЯС могут быть различными. Наиболее изученными в лингвистике являются самые яркие, явные случаи его реализации – так называемые "показания метаязыкового сознания", под которыми понимаются, по определению А.Н. Ростовой, "…вербализованные суждения о языке как результат осознания языковой действительности" [2000: 55]. Явные показания МЯС отражаются в метатекстах – высказываниях, содержащих суждения говорящего о языке. Метатексты возникают, когда языковая норма нарушается собеседником или самим говорящим (в редких случаях отмечается с одобрением соблюдение языковой нормы), а также когда норма варьируется либо меняется (оценочная функция): *Раньше никто "навоз" не звал, всё – "назём"; Копать картошку – "царапка", а кото'ры зовут "лапка", "кошка" ешо говорят.* Возможны, кроме того, рассуждения о языке, не связанные прямо с вопросами нормативности. Обычно они спровоцированы прямым или косвенным вопросом (а иногда просто присутствием) собеседника – представителя другой формы национального языка, главным образом лингвиста (функция пояснения): *Исподки – рукавицы вя'заны-то, кто как назовёт.* Маркерами явных показаний МЯС в тексте являются глаголы речи в роли сказуемого (*звать, говорить, называть, называться, сказать*) в 1-м л. ед. числа, в 1-м или 3-м л. мн. числа настоящего или прошедшего времени. В качестве подлежащего выступают преимущественно местоимения (*я, мы, все, никто, некоторые* и т.п.), существительные с собирательным значением (*дети, приезжие, старики* и под.) либо антропонимы. Общая формула явных показаний метаязыкового сознания: Х [не] зовёт (говорит и т.п.) У [+ возможная оценка этого факта].

http://www.lib.tsu.ru

В то же время думается, что это не единственный способ реализации метаязыкового сознания. Оно существует и в скрытых, менее ярко выраженных формах. Скрытые показания МЯС не реализуются в виде развернутых суждений о языке, хотя и отражают представления говорящего о нем. Скрытые показания МЯС возможны только в условиях естественного, спонтанного говорения: при оговорках, когда норма нарушается случайно; при использовании неологизмов, когда новые единицы не вполне освоены говорящим; при употреблении сниженной или ненормативной лексики; при имитации чужой речи. Способами их экспликации в речи диалектоносителя являются прежде всего фонетические средства (интонация, понижение тона голоса; особенности произнесения отдельных звуков), а также смех, мимика и жесты, отбор лексических единиц, эвфемистические замены, фигура умолчания, формулы извинения при употреблении грубых слов, маркеры неуверенности *ли как ли, ли как, ли чё ли, как его* и т.п.

Скрытые показания МЯС так же, как и явные, связаны с оценкой соблюдения языковой нормы, а кроме того, с установкой информанта на документальное воспроизведение чужой речи.

В первом случае проявления метаязыковой рефлексии могут выполнять собственно оценочную или оценочно-корректирующую функцию: *Да чё-то я не знаю, признали каку'-то му… муню' ли кого ли… [смеется]. А ничё, гыт, это ничё, гыт, нету, гыт. Му… мумуню' како'-то [смеется]. [Миому?] Миому! А я "муню"'* (словосочетание *ли кого ли* и смех указывают на то, что В.П. осознает неосвоенность ею нового слова)*; А это… я говорю, Аганя-то тоже прям… у ей [понижает голос] полюбовник какой-то. ~ Ну и вот, этот мужик-то ей помога'т всё* (понижение тона – указатель оценки информантом лексической единицы как грубой, сниженной)*; Сколь там долготня'?[Со смехом:] "Долготня' "! – долгота дня* (оценка ненормативного словоупотребления, выраженная смехом, сочетается с исправлением оговорки). При воспроизведении диалектоносителем чужой речи скрытые показания МЯС используются в оценочно-имитирующей функции: *Приходит суды' в такой панике. Ну ты знашь, она кака', прям руками, – ну ей восемьдесят два года, – да руками, как вот конь хлешшется: "Ой, жалко мне его, Верочка Прокофьевна, до сме'рти жалко! Я так во-ою, во-ою, во-ою!"; А Де'на-то невзлюбил. Она там [в гостях] долго пробыла, он [изображает, грубо]: "Наела там морду! Наела морду!"*.

http://www.lib.tsu.ru

Объединяет все случаи проявления метаязыкового сознания общий объект осмысления – речь, тогда как условия реализации, характер осмысливаемых языковых явлений и средства выражения МЯС могут быть различными.

Какие же свойства, области и элементы речи осознаются языковой личностью? Попытаемся ответить на этот вопрос, исходя из анализа имеющегося материала.

Как главная черта жителя современной деревни исследователями отмечается осознание принадлежности к населению своей деревни, невыделенность личности из социума [Никитина, 1989; Пауфошима, 1989]. По мнению Р.Ф. Пауфошимы, на языковом уровне это проявляется в развитой системе групповых и индивидуальных прозвищ, типичности обращения по имени, отсутствии формы вежливости "Вы". В Вершининском говоре эти особенности стираются. Названия жителей разных частей деревни (*горёвски, го'рошны, татары*…) еще помнятся, хотя в непринужденной речи уже не употребляются. Наряду с обращением по имени широко распространено называние по имени-отчеству. Невыделенность личности из социума действительно имеет место, что обусловлено слабой социальной дифференциацией внутри этой общности (связанной с её небольшим объемом, высокой частотностью тесных контактов), традиционным образом жизни, одинаковостью занятий, неофициальным характером общения (в сравнении с городом). Однако представляется, что чувство общности с социумом проявляется у ЯЛ прежде всего как осознание общих для своего коллектива языковых норм. Деревня ощущает себя единым языковым сообществом, имеет общий словарный запас, общие фонетические и грамматические нормы и общую ценностную картину мира, запечатленную в языке.

Таким образом, в центре МЯС говорящего находится языковая норма.

Метаязыковое сознание диалектоносителя относится к сфере обыденного сознания, для которого типичны неполнота и неоднородность (в отличие от систематизированного, относительно полного научного сознания) [Белобородов, 1987]. Обыденное МЯС "…фиксирует только некоторые характерные черты языковой структуры и языковой деятельности, значимые для данной культуры и подлежащие нормированию" [Ромашко, 1987: 42].

К главным областям языковой рефлексии В.П. относятся сфера речевого этикета, фонетический и лексический ярусы языка.

Наиболее частотны в речи В.П. показания МЯС, связанные с **областью речевого этикета** как чрезвычайно значимой для диалектоносителя. В дискурсе информанта можно

http://www.lib.tsu.ru

найти комментарии ко всем аспектам проявления речевого этикета: правилам ведения речи, характеру именования лиц, употреблению личных местоимений, этикетных формул, использованию бранной лексики.

I. Правила речевой деятельности. Диалектоносителем высоко оценивается такое центральное правило ведения речи, как доброжелательное отношение к собеседнику: *Я говорю: "Можно?" – "Можно". Я зашла. Он говорит: "К бабушке?" Я говорю: "Ага". – "Она, гыт, утром ешо убежала, и всё-то ешо нет!" ~ А мне пондра'вилось, я говорю: не Лексе'я Констинти'нычевы [внуки], те бы сказали, как от раньше они ма'леньки были, я помню [изображая, говорит сердито, отрывисто:] "Чё! Нету ма'ми дома, бабушки нету!" – сказали бы. А этот прям такой [приветливый], я говорю, в Гошину породу-то, в эту. Ага. "Утром ешо убежала и всё-то нету!"*

Находит выражение в текстах информанта и другое правило речевой деятельности – вежливость: *Он вчара' пришёл… как он? [Изображает:] "Дай денег на пачку папирос!" – от так от, ты как-нибудь повежливей бы сказал бы. А то прям заревут как с полки упадут.* В то же время излишняя вежливость оценивается отрицательно и воспринимается как лицемерие: *Ну Нюра непроста' женшына. Ну и Валентина тоже, ну Нюра-то уж совсем жестока. Ну жестока она даже. То'ко "извини" да, "пожалуйста извини" да "простите", да "извините" да… Я – никого, чё попало говорю, не извиняюсь, ни перед кем не прошшаюсь…* Как наиболее вежливая, очевидно, является предпочтительной некатегорическая, смягченная форма императивных высказываний: *А потом я говорю: "Андрей, ты мне расколи там дрова", так думаю, не говорю, что "не расколешь?", говорю: "Расколи". Он побежал, довольный такой – они правда, как-то до'бры для меня.*

Важным для языковой личности является правило предпочтения слушания перед всеми другими видами деятельности, когда ради разговора с уважаемым гостем прерываются дела: *В.П. Ну пойдём, Катерина Вадимовна. Хозяйка гостям не рада. А я вот не люблю – кума, не обижайся на меня… Хоть обижайся, горя мало. У меня кто зайдёт – хоть я пряду либо чё, я сразу бросаю. Не люблю я. Чё… Чё, ты не починила бы? Поговорила бы, посидела да и всё. М.А. [откладывает починку:] Ну ладно. Не торопи'тесь; А я не люблю, когда на меня внимания, думаю, не обраща'т, пером занялась, дак… как… как мешаю я. Я собираюсь сразу. Она: "Сиди, да сиди". Я говорю: "Не хочу". Ну я всё равно посидела бы, если бы она перо не резала бы; Сама перо режет. А я не люблю, кода' кто у меня есь, я ничё не делаю. Ей-богу.* Существенным является также следование общей теме разговора: *М.А. Ну, чё бог дас – выполняю, чё господь дас. В.П.*

Этот был у меня… М.А. Говорят, ши-ибко надо верить. Там [в книге] не написано, ничё? А это, а там де-то написано, есть что… В.П. Ты про своё, я про своё! М.А. Ну ладно, не буду. В.П. Зоя была Рожкова у меня; точность, определенность речи: *В.П. Жирная [свинина], не рубил так? Н.Н. Ну-у…В.П. Ну, чё ны'кашь-то? Ну, жирный, ли не жирный? Ну так, ну кажется, ходил-то жирный. [Передразнивает:] "Ны-ы…"* [*]

II. Использование этикетных средств.

Особенно ярки и многочисленны высказывания по поводу именования лиц. Комментируется как соблюдение норм при именовании, так и нарушение их. Показания МЯС диалектоносителя фиксируют:

1. Неточное употребление формы имени:

а) искажение имени: *Она её "Ма'тя" звала. Не "Мотя", а "Матя". Ну она у нас глуховата была, мама-то тоже; Аскинья, а он гыт "Апроси'нья". Я хохочу, пошто'-то смешно показалось; Я называю всё время "Крошко'". А она [односельчанка] "Рожко'";*

б) замена паспортного имени: *У Ага'ни-то больша' квартира-то, они живут, с ей вместе, трёхкомнатна у их. Ага'ня она вобше-то, они её Анной зовут; Была я у Агани. У Аганьки, они её Анькой зовут, а я Аганькой.*

2. Неточный, приблизительный характер именования, не вполне соответствующий действительности (главным образом при обозначении родственных отношений): *А сватья-то говорит, что "Я тебе за всё заплачу". Анина мать [Аня – жена племянника] я сватьей зову; Говорю: "Валя! Пособи мне ба'ушку перевернуть!" Мы её [мачеху, пожилую вторую жену отца] ба'ушкой звали; Пирог с рыбой она [мачеха] испекла. А он: "Ма-ама, дай! Ма-ама, дай!" – всех [жен отца] мамой звали [дети], Физу эту мамой тоже звали; "Мамка" её звал, Физа-то мачеха ему была; А потом пришёл Рамиль [к пожилой соседке] и гыт: "Пойдём, ба'ушка, по ягоду! Пойдём, пойдём!" – то мамой называ'т её, то ба'ушкой; Он: "Это уж бабе Вере!" – бабой Верой он [муж племянницы] меня зовёт; Они зовут [Верой], и Физа там зовёт, и, мо'же быть, за глаза Андрей [внук] "тётя Вера" зовёт; Тётка, родна' тётка, материна сестра ~. А Вовка [ее племянник] зовёт "ба'ушка" её. Меня Коля [племянник] тоже трезвый "тётя Вера" зовёт, а напьётся – "баба Вера, баба Вера".*

[*] Отмеченнные у информанта правила речевой деятельности выделены Н.И. Формановской [1989: 18–24], Н.Г. Бойковой и др. [Бойкова: 1988: 12–13].

http://www.lib.tsu.ru

3. Отклонения от нормы называния при выборе формы имени, не соответствующей статусу именуемого. При этом определяющими являются возрастные параметры, часто осложняемые ролевыми. Отмечается:

а) называние взрослого неполным, "детским" именем: *А тут прибега'т ко мне сестра двою… трою'родна уж! Нинина мать прибега'т: "Веру'нька, пойдём!" Это меня в детстве… И меня Василий [брат], пока не умер, всё Веру'нькой звал – так привык, и Верунькой звали. Я уж, поди – сколько мне лет было, пиисят, наверно, – всё "Веру'нька" звал; Это Володя гыт – мы Володей зовём всё, Владимира-то, Нюриного-то [мужа];*

б) называние невзрослого полным именем: *Ну и сёдня говорю Сергею: "Сергей", – всё зову Сергеем его [подростка, сына племянника], ага, я говорю: "Сергей, ты меня свози туды'"; Я говорю: "Коля, как его… Сергей, ты меня свози… – привыкла, так Сергеем зову его, не зову ни "Серёжка", ни "Серёжа", – Сергей, – говорю, – ты меня свози на это, на картошки на мотоцикле";*

в) называние старшего с позиций ровесника, по имени: *А много меня [людей] Верой зовёт. Ни ба'ушкой, ни "тётя Вера" – "Вера". Гутя зовёт "Вера", Поля зовёт "Вера", Рая зовёт "Вера" [о более молодых односельчанках]; "Тётя Вера, тебе куда навоз?" Я говорю: "А чё, привезли?" Он гыт: "Ну". Я говорю: "А с кем?" – "С Вовкой". Он бы так… брат же [его отца], "дядя Володя" бы звал, ли "дядя Вова" – "с Вовкой"; Дуня'ха – они её Дуня'хой звали, не "тётка", а "тётя Дуся" бы звали, а то… "Дуня'ха";*

г) называние ровесника с позиций младшего: *А сам, как пригонит коров, так бежит [за вином]: "Пошёл до тёти Поли". [Усмехается:] "До тёти Поли" – сам чуть не с ей одного'док;*

д) именование еще не старого человека как старого: *А е'тот парень-то: "Ну ба'ушка, ты же была!" – Нину-то "ба'ушкой" зовёт, не "тётенька", а "ба'ушка". Ну так-то ба'ушка она, ну всё равно молода' ешо: шеисят лет нет, кого!;*

е) выбор ребенком "взрослой" формы имени: *Не "тётя", не "ба'ушка" – ну тода'-то кака' баушка, молода' ешо была – [ребенок сказал:] "У Вере Прокофьевне каки' светы' хоро'ши свету'т!" Ага. Я говорю, прям подивилась даже. Ну надо же такого, ребёночек маленькый, ну сказал "тётя Вера" ли кто ли, а он… ну, люди называют, и он…*

http://www.lib.tsu.ru

Учитываются также собственно социальные факторы. Так, осознается в качестве отклонения от нормы называние чужого человека как родственника *(Катя, итодвинь! Я как свою дочку: "Катя, Катя")* и называние родственника как чужого человека *(А Ленка-то говорит: "Ничё, мама, нету жрать. Таки' мы сёдня у нас большо' горе: Марь Иванна… " – она [невестка] её зовёт, свекровь-то, не "мама", а "Марь Иванна"… Ну, она гыт: "Марь Иванна попала под машину"; И её не зовёт никак [зять тёщу]. "Тётя Валя" кода' называ'т).*

4. Нарушение или (реже) соблюдение, с точки зрения информанта, стилистических норм говора:

а) при выборе стилистически сниженного варианта наименования лица: *Тапе'рь всё ба'бкими зовут: "Бабке передай". Лекса'ндр Иваныч всё говорил: "Бабка у коро'ви". "Бабки" всё, "бабка"; А потом это, лёг да давай кровь бежать. А Таня-то [жена сына] говорит: "Отец, ты чё?" – они же не зовут… папкой бы назвала да и всё [свекра], – "Отец, ты чё это?" А он гыт: "Всё, наверно, отжи'л"; "Пусь она мне "Малютку" мамка отдас" [говорит дочь]. Ну не "мамка", а "мать". ~ Ольга мне говорила: "Отец мне говорит… – она "отец" да "мать" зовёт, – отец мне говорит: "Кода' я первый раз лежал в больнице, я ешо тода' с ей познакомился"*. Все контексты такого типа произносятся с интонацией неодобрения;

б) при именовании лиц с использованием пейоративных форм: *Ну и вот, и… и они, Федосьюшка, свекровь-то моя – Федосьюшкой называю её! Худого-то она мне ничё не делала, а из-за Степана так зову; Старушонка-то не приехала? Я-то старушонкой зову её!*

Особенно часто подлежат негативной оценке имена с уничижительным суффиксом -К-. Хотя самой В.П. они широко употребляются заочно по отношению к младшим родственникам почти нейтрально, их использование осознается как невежливое при общении лиц близкого возраста или при именовании немолодых людей: *Он: "Мы сами расколем, Генка да я", – он не зовёт "Гена"-то, Коля-то; "Ну в одну-то сторону хватит горючего, а там, гыт, Мишка заправит", – он его так называ'т [а не "Миша"], Володя-то; Н.Н. На Вальку и то [пёс] лает, ёлки. В.П. На кого? Н.Н. На нашу Вальку. В.П. Ну ты уж не зови "Валька"-то. Зови "Валентина". Пошто' "Валька"-то? Тридцать пять лет. Тридцать пять лет бабе – всё "Валька". "Генка" да "Валька"; Н.Н. А Генка спокойненько застегнул и всё. В.П. "Геннадий" зови, а то "Генка" зовёшь – тоже некрасиво. Как*

http://www.lib.tsu.ru

*маленького; А.П. Мы сами так всё, где по имя, где полуи'мя. В.П. Ну, сами-то ста'ры, а они-то ма'леньки, надо привыкать. Вон Васе письмо написал: "Здравствуй, Васька". Ну м**о**жно написать: "Здравствуй, Вася". А он: "Здравствуй, Серёга" его написал.* Эти формы оцениваются как сниженные, грубоватые: *Отец от умер тапе'рь. Ну он никода' не называл [детей] ни… чтобы Валькой назвал, ли "Валька" – "Юра", только "Юра", "Коля", "Валя", всех только так называл. Добрый был отец, хороший.* Постоянное употребление "полуимени" подлежит осуждению: *А Маруся Ермола… э, приходит ко мне Орлова ~ [Изображает:] "Маруся Ермолаева плоха' ". Я говорю: "А чё с ей?" – "Да хвора'т! И Райке [дочери] телеграмму отбили" – она така' полуи'мка, всех так [зовет "полуименем": "Райка" и т.п.];*

в) при неуважительном именовании с употреблением прозвища: *Я её зову "Нина Васильевна". Ну не буду я звать "Лабу'жиха", как люди. Мне неудобно; "А у меня была Демчу'шка" – она так её называ'т, Де'мчукову-то;*

г) при уважительном именовании, выражающемся обычно в наличии при имени отчества: *А я… её называю "Зоя Михална". А она… как? Она говорит… Поля пришла и говорит: "Во'споди! Я думаю: кака' пожила' ли там Зоя Михална. Кака'-то девчо'нчишка, ты зовёшь". Я говорю: "Ну как же? Заслужили они этого" [о молодом диалектологе]; А тут Никулины-то, знашь? Дак вот и'хна сноха, её сестра Галя. Татарка. Как её зовут-то? Вот мне неудобно же… величать её – не знаю, как. Зою-то – она гыт "Зоя, да и всё"; А меня… ходила фе'рьшал ко мне, уколы ставила ~. Дак она меня… всё придёт – "Вера Митрофановна" [смеется]. "Митрофановна"! А кото'ры "Петровна". "Ба'ушка", да и всё, кого теперь, каки' там навели'чиванья. Хватит, повеличали. Ума не было, работала шибко. Авторитет большой имела в деревне; Да какой же он славный был! царьствие ему небесное! Только через порог переступлю, он сразу стул берёт: "Садись, Вера Прокофьевна, Вера Прокофьевна" – навели'чивать меня.*

5. Индивидуальные особенности именования как некое отклонение от узуальной нормы: *Я скажу "Вера Гавриловна" – я её так зову, она тридцать шестого где-то года, я её зову "Вера Гавриловна". Она бригадиром у нас была, работала, мы в игороде. А так "Вера Палкина" зовут, фамилия Палкина; Думаю, надо позвонить Катюхе-то там. Колюха всё "Катюха" зовёт. Ага. Катюхе позвонить надо; "Я Катюхе позвонил" – не зовёт ни "Катя", ни "Катерина" – "Катюхе позвонил"; А это… кото'ры зовут "Нина Даниловна", а Рассо'лиха: "Нинка, гыт, Данилкина". Хе! Мне чудно' кажется, я ешо не слыхала так. "Нинка, гыт, Данилкина".*

6. В показаниях МЯС отражена также смена нормы называния, связанная как с изменением социально-возрастных отношений (*Гыт, "выгнала меня тётя Вера". "Баба Вера" ешо зовёт теперь [племянник, поскольку В.П. сильно постарела]*),так и с устареванием одного из дублетов (*А… мы тятей звали раньше, отцов-то,"мама" да "тятя"; Я пошла и говорю: "Ой! Тятя", – говорю – тятей мы звали-то; А Коля говорит, по метрикам-то: "Тятя! Ты… Папка…" – он же не "тятя" звал, "папка". "Папка, ты же родился первого декабря!")* Переход слова "тятя" в пассивный запас для средней и младшей возрастной группы носителей говора, надо сказать, постоянно отмечается и другими пожилыми информантами в Вершинино.

В высказываниях В.П. часто фиксируются возможные варианты называния человека: *Я говорю: "А у тебя как…" – Санёшкой звали её, Шурой звали и Лекса'ндрой – я её Санёшкой. Я: "У тебя, Санёшка, ноги не мёрзнут?"; Он ему звонил. А это… как её… говорит: "Илюха зво'нит… И'льша зво'нит", "Илюха" ли он… [назвал]. Говорит: "Приходи, попьём мале'нько!"*

Варианты именований могут отражать их разграничение по параметрам:

а) близкородственный / чужой или находящийся в дальнем родстве: *[Обращаясь к сыну племянника:] Кастрюля на веранде, ты её возьми, скажи: "Баба Маша! Вот тебе баба наша присла'ла" – ли "баба Вера" назовёшь меня за глаза. [Поясняет собирателю:] Они в глаза-то меня "бабой" зовут, за глаза – "баба Вера"; Как-то… как стесняется вроде [сын племянника сходить в аптеку]. Ну а чё, пришёл бы: "От, поишшы'те, ба'ушка наша… баба Вера…" ну, назвал бы…* (наиболее ласковое, интимное из этих обозначений – "баба", употребляемое без добавления имени собственного, используется только по отношению к родной бабушке; два других применяются и к чужим пожилым женщинам);

б) более официальный, полный, конкретный / менее официальный, неполный, абстрактный: *И упала в калитку-то, и лежит [пожилая женщина]. Ну и Лекса'ндра Степановна [односельчанка, младше первой на 20 лет] её – "тётка Аксинья", ли как – потаскала, – "Аксинья Николавна", может, "ба'ушка" там назвала – потаскала-потаскала – ничё не получа'тся [поднять];*

в) заочный / очный. Этот параметр тесно переплетается с параметрами а) и б), поскольку заочное именование нередко менее официально и может по-другому, чем

http://www.lib.tsu.ru

очное, обозначать степень родства: *А его Ильёй зовут, а в глаза-то И'лей; За глаза [мачеху] зовут "Физа", а в глаза-то и Колька зовёт "мама";*

г) ролевой статус именуемого: *Ит Елене взяла [бы дочь] да позвонила: "Передайте нашей ба'ушке или маме…"* (бабушка – по отношению к внучке, мама – по отношению к дочери); *"Мы пришли к тебе…" – он [племянник] зовёт "тётя Вера", она [его жена] – "баба Вера". "Баба Вера, мы к тебе по деньги пришли".*

Предположительные варианты называния используются также как результат стремления к точности повествования, когда либо перечисляются реально варьирующиеся (например, в семейном кругу) формы *([Передает речь мужа сестры:] "Уснули. Слушаю, гыт – она пошла на ведро. А я говорю…" – там "мать", ли как она, "ба'ушка", ли "Прокофьевна" – он её тоже "Прокофьевна" называ'т, и "мать", и "ба'ушка" – вся'ко. "Сколько, гыт, время-то?")*, либо уточняется имя адресата в зависимости от адресанта *(Нету её. Я говорю: "Витя! Это, как тебя? Серёжа! Саша! Идите, говорю… От в магазин ступайте. Постукайте – "тётя Валя" там, ли "мама", ли кто ли там, – постукайте [и позовите] [Серёжа – племянник Вали, Саша – ее сын].*

МЯС информанта позволяет квалифицировать имена как широко распространенные и редкие, модные и немодные и давать их оценку с точки зрения благозвучности:

И так прямо много всяких имя'н. "Анна" дак вовсе много. А Ива'нов, дак я не знаю, прям шибко много. А Коля гыт, Лекса'ндров всех больше – а Лекса'ндров мало в календаре. [И Коль много.] И Ко'лев тоже, угу. А тут таки' имена, дак даже я выговорить не могу. [У вас тоже были: Селифон…] Селифон. Селифон Иваныч был, надо же! А Ево'пия была, Николаевна – у этого… у Степана тётка. А потом… кто, Еропия Николаевна, Кирилла Николаевич, ну это тоже чеча'с дают Кириллом, а раньше-то… Я не люблю [это имя]. Кирилла Николаевич, Данила Николаевич, Опе'н Николаевич, Мирон Николаевич – от сколько таки', Никанор Иваныч – это сродный и'хний, Макар – это всё и'хна родня была. Нет, у нас таких не было имён. Ну, Прокофий, правда [звали отца В.П.] – оно тоже како'-то немо'дно имя тако'. [Коля хотел так внука назвать.] Ага. Я говорю: "О'споди, зачем?"

Негативно оценивается языковой личностью фоника имен "Кирилл", "Вера", "Дарья", "Данила": *Я говорю: "Не могли меня [назвать] – там Вера, Надежда, Любовь. Надя бы назвали, ли Люба. Мне не гля'нется [имя "Вера"]. Теперь мало дают. Ста'ры*

имена мало дают; "Даша" дак кажется ласково, а как "Дарья", так кажется грубовато; Данилой назвали ~. А это… Я говорю: "Хрести'ть хоче… хо'чете, – говорю, – это? А мне не гля'нется ваше имя". ~ Я говорю: "Ну, хоть как-нибудь бы дали. Кирилл бы дали, и то бы лу'чче".

При оценке этикетного употребления личных местоимений метаязыковым сознанием фиксируются нормы обращения на "ты" и "вы". Диалектоноситель считает правильным использование формы "вы" при общении с образованными людьми, даже хорошо знакомыми, особенно в присутствии посторонних. Нарушение этого правила комментируется: *А сколь он, Катя, сто'ит? Я тебя на "ты" называю – ну ладно… нету никого да ничё да…*

Среди многочисленных формул речевого этикета наиболее важными, вероятно, являются формулы приветствия, прощания и благодарности: *А они так ве'жливы, хоро'ши. Всегда здороваются; Ну он как вроде, Юра так тут сидел – даже "до свидания" не сказал, встал и пошёл; И от она придёт, я ей чё-нибудь дам – она никода' не говорит ни "царьство небе'сно", ничё, [в]станет и пойдёт. ~ Ну она ненорма'льна. Больна'.* Другие формулы речевого этикета, видимо, являются менее актуальными, и оценка их в метатекстах отсутствует.

При включении в речь бранных слов МЯС отражает этические представления информанта о грубой, с его точки зрения, лексике, и о нравственных правилах ее использования. Частое употребление грубой брани некоторыми односельчанами подлежит осуждению: *А она и сама ничё, с кулаками налететь может. В общем, нехоро'ша семья. Этот Андрей матерится прям так, ругается, ой, шибко ругается. У нас вот Колька матерится, но уж как-то не так. Где они всё берут-то, свы'ворот-навы'ворот, да вся'ко-ра'зно. И Мотя сама матерится шибко. Надо же, прямо никого, сына не стесня'тся. Я при Мише – ой, боже избавь, и он при мне никогда не матерился. Ра'зи можно.* Особенно негативно бранная лексика воспринимается в отношениях между детьми и родителями: *А свой мальчик, четыре года от ему было… Четыре в августе… отца зовёт "милиционер вонючий". ~ Я говорю: "Ну, раз бы его по губам-то, вот такого-то надо, можно ешо бахать"; Меня бы от назвал бы Миша [сын] бы так, например, как он и мать называ'т вс'яко: "Ты проститутка и така' и сяка'…", а меня бы назвал бы, я бы чё, я поди помешалась бы.* Резко осуждается использование нецензурной брани в женской речи: *Ой, как она его материла! Мужики так, Александра Степановна, не выражаются, как она; И как-то уме'т прям [ругаться], как мужики!*

Все рассмотренные случаи можно квалифицировать как явные показания МЯС. Скрытые проявления метаязыкового сознания в области речевого этикета менее разнообразны. Это коррекция оговорок при нарушении грамматической формы имени *([А у второго сына нет ребенка?] У Оле'ги нет. – "У Оле'ги нет!" У Олежки нет)*, замена ненормативного именования по прозвищу *(А Карташи'ха… Карташова не уехала? [в беседе с соцработником])* или не соответствующего этикетному употребления личных местоимений *(А ты, это… "А ты"! [считая, что в присутствии односельчанки надо сказать "вы"]. А… не знашь, каки' это таблеточки, Георгиевна?)*. Отражены в скрытых проявлениях языковой рефлексии и этические нормы употребления грубых слов: сниженная лексика в адрес людей и негативная информация о покойных сопровождается формулами извинения *"прости ты бог (господи)": А она пожила-пожила, да и… ешо говна такого взял [замуж], прости бог! – разошлась, ушла от него, кра'дучи убежала, бабёнка-то – с ребёнком взял её!; Пошто' он ей писал-то? Чёрт его знат, не знаю, прости ты меня, о'споди, грешницу: мёртвого обозвала.* Осознавая ненормативность бранных элементов в речи, но считая необходимым передать их для документального воспроизведения чужих высказываний, В.П. понижает голос или прибегает к эвфемистическим заменам: *[Шепотом:] "Хи'тра жопа" – руга'тся! [соседка по поводу действий односельчанки]; [Изображая:] "Дак фамилия-то, я Вершинин, а ты чё тут написала, каку' таку'-то мать?"*

Специфическую и значительную по количеству высказываний группу скрытых проявлений МЯС составляют оговорки, в которых нарушается соответствие именования субъекту: *А это… она вышла вза'муж, эта Лида… "Лида" говорю! Лариса. Лариска её зовут; Ну про Ольгу спросила. "Про Ольгу"! Про Зою спросила; Нюра… "Нюра" говорю! Юра – вот таку' селёдку принёс мне, вот таку' шириной; В.П. А Люда-то как? Купчикова? В.Н. Карякина. В.П. Карякина.*

Возможно, показания МЯС, касающиеся речевого этикета, потому так частотны и многообразны в речи диалектоносителя, что в них отражены представления не только о языковых, но и об этических нормах говора. Показания МЯС, затрагивающие собственно языковые вопросы, встречаются реже.

Метаязыковое сознание личности отражает ее **отношение к своей речи,** к той форме языка, которой она владеет.

http://www.lib.tsu.ru

Типично для диалектоносителя, как считают некоторые ученые, осознание непрестижности своего говора. По нашим наблюдениям, это не совсем так. "Некультурность", непохожесть своей речи на речь горожан действительно четко осознается жителями села Вершинино, однако большинство из них комплексов (вопреки утверждению Р.Ф. Пауфошимы) по этому поводу не испытывает, принимая отмеченный факт как данность. В.Д. Лютиковой [1988] показано, что как неправильную и, соответственно, непрестижную оценивают свою диалектную речь прежде всего люди, знакомые с литературной нормой в результате обучения, хотя бы отчасти владеющие ею активно, – сельская интеллигенция и молодёжь*. В.П. в этом отношении скорее исключение, чем правило. Красоты и богатства своего языка она не осознает, но твердо усвоила внушенное ей сыном (единственным, любимым и рано погибшим) положение о неграмотности, "ущербности" своей речи: *Мы и говорим-то неправильно, раз мы негра'мотны*. Она стесняется писать письма, особенно образованным людям: *Разобрать-то можно, ну… худо. Я стыдю'сь; А счас от она прислала открытку – ну ей надо ответ хоть написать бы. ~ А это… я стесняюсь. ~ Думаю: о'споди! Говорим неправильно, и то… А тут и вовсе. В письме-то худо; Я хотела открыточку, дак я худо пишу-то, кого, там будут смеяться надо мной;* не любит слушать воспроизведения своей речи на магнитофоне. В то же время в МЯС диалектоносительницы живет представление о единой общерусской основе говора и литературного языка: *Он раньше мале'нько покручивал. [Это что значит?] Ну, такой головорез. Ну, бойкий, развитый. По ходу речи-то мы понима'м друг друга.*

В сфере обыденного метаязыкового сознания находятся и разные **уровни языка.** С.Е. Никитина утверждает, что "…рефлексии подвергается прежде всего фонетика… Морфология и синтаксис становятся предметом осознания значительно реже" [Никитина, 1993: 20]. Исключением в этом отношении не является и наш информант. Его явные показания МЯС охватывают в основном фонетику и лексику.

Диалектоносителем осознается отличие своего говора от говора соседней деревни прежде всего в **произношении**:

В Бату'риной с Вершининой совсем ра'зны… Речь-то ра'зна. [Чем отличается?] Ну чем, по-другому же говорят, совсем по-другому. [Словами или как произносят?] Не-ет,

* Ср.: "Крестьянину, не бывшему в школе и избежавшему влияния школы, даже и в голову не может прийти, что речь его может быть "правильна" или "неправильна". Он говорит, как птица поёт" [Пешковский, 1959: 54].

http://www.lib.tsu.ru

так произносят, речь-то. [А слова те же?] Ну дак… Ну чё надо сказать – ну "Катя", дак я тебя назову "Матрёна"? Так и говорят.

Комментируются особенности выразительного произношения, часто используемого эмфатического ударения у некоторых людей:

Кто меня звала в гости-то? Ну как-то говорит прямо это… с прижи'мом как-то так: "Приезжай! Приезжай!" Ли "приходи!" скажет, "приходи!" – как-то ит души, с прижи'мом, так от говорят. Это и Мотя тоже любит это говорить. С прижи'мом.

Отмечается убыстренный темп и неразборчивость произношения:

А у нас Аня говорит – ты её хорошо понимаешь? Она другой раз говорит, да как-то часто [быстро], я её недослышу, не пойму её; Прям рёвом ревёт вот, горькими слезами плацет, а… ревёт прямо! "И-ви-ви-ви…" – а у её не поймёшь, у Ани, она тоже говорит как-то не шибко так хорошо;

дефекты речи:

А она "Кры'ски"! Не "крышки" она, "кры'ски". Она, видно, така'… карта'ва ли чё ли. ~ "Крыски вам надо?"

Обращается внимание на необычность, странность произносительной манеры говорящего:

Говорил чудно', кото'ры передразнивают прям… чудно' говорил… [Пытается воспроизвести:] "Ребята! я… почту…" – мне не выговорить так – " почту я потерял" – чудно' говорил. Его все передразнивали так. "По-очту"… Не выговорить, не передразнить. Вот кото'ры дак умеют точно передразнивать так, как он говорил: "Почыты… почыту-у" – от так… "Почту я потерял".

Осознается и различие в **написании** (связанное с произношением) в говоре и литературном языке:

*А позавчара' Дими'трев день был, а я говорю: "От я бы стала…" – в календаре там, в чи'сленнике: дэ… дэмэ, сразу. А я говорю: "А от я бы, – Вале говорю, – а я бы стала писать: дэ–и–ми… тода' бы. А я бы, говорю, т**а**к стала писать. А там: дэ, мэ сразу".*

Наиболее разнообразны показания МЯС, связанные с **лексическим** ярусом языка. Они могут дать сведения:

1. О наличии / отсутствии слова в говоре. Такую информацию содержат только метатексты, регистрирующие ответы информанта на вопросники: *Прорва – это говорят у нас кто много ест, так это прорва; Тунг'уска – это не знаю, не говорят, не слыхала; Селе'ток – я не знаю чё. Слыхала, но не знаю; Водоворот – не знаю, не говорят так у нас.*

2. О точной форме употребляемого слова. Заданная вопросником форма корректируется в соответствии с нормой говора: *[Саду'шки?] "Садо'вки" называ'тся у нас – где семя, например, морковочку посо'дишь; "Мя'льница" не называли, мялка – лён мять; [Рогач?] Рогач – рогатый. У нас зовут рогатый скот: бык, корова "рогатый". "Три рогатых" скажут.*

3. О значении слова. Лингвист может получить от информанта сведения о денотативной соотнесенности бытующего в говоре слова: *Есь сено плохо' – сенчу'к. На сено говорят у нас ["сенчук"], а на реку не знаю; [Называли ссыльную женщину "спецовка"?] Спецовка есть одежда, а так не слыхала, ага, одежду только зовут.*

Важные данные о семантической характеристике нелитературного слова поставляют сформулированные диалектоносителем толкования значений.

У В.П. отмечены следующие способы толкований лексических единиц.

а) Описательный способ. Он представляет собой развернутое описание значения с указанием семантических признаков, составляющих его объем.

Строгое описательно-логическое толкование, приближенное к научному и определяющее значение слова через видовое понятие и видовое отличие, встречается редко: *Ураган – сильный, большой ветер; Кут – это просто помешшенье тако' у печки; Брат если мужнин, то деверь, деверь, ага; Москвичка – пальто мужско', коро'тко тако'; Мизги'рь – вот букашки паутину-то вьют, паутинку.* Иногда в толкование включается либо только родовой идентификатор *(Рябчик – птички; Ну, поста'ть. Ну… место тако')*, либо конкретизирующая часть *(Ягнёнок – [детеныш] у овечки; Цыплёнок – у курицы и у утки цыплёнок и у гуся).* Значительно чаще имеет место собственно описательный способ толкования. Описываются внешний вид, особые качества, реже – функция, назначение, способ образования, место расположения, устройство предмета и др.: *Слепе'нь – под вид*

http://www.lib.tsu.ru

мухи, куса'тся только шибко. Пёстренька така', чёрненька с беленьким, жёлтеньки пя'тнушки есь у них; Отыма'лка – это зовут [тряпку] отымалка, дак это прихватывают-то. Чугу'нки раньше, горшки прихватывали – это отыма'лка; Позёмка – это ветер переметает дороги, наметает гребешо'чкими, ку'чкими снежок. Затверде'т такой жёсткий. По земле несёт ветерок со снежком; Связка – горсть льна возьмёшь, половинку изомнёшь, потом втору', и связываешь эти половинки.

Поскольку языковая действительность тесно связана с внеязыковой, описание значения тесно переплетается у информанта с описанием денотатов, зачастую приобретая черты энциклопедизма. Такую особенность отмечают многие исследователи [Стернин, 1982; Ростова, 1983; Сороколетов, Кузнецова, 1987 и др.]. И.А. Стернин считает лексическое и энциклопедическое значение явлениями одного порядка, видя их различие только в объеме и степени детализации [1982: 14]. Появление энциклопедических толкований обусловлено стремлением информанта дать более точное описание реалии, учесть все известные диалектоносителю признаки предмета, представить его наглядно: *Шо'рох чё: застынет, застынет толстый лёд, вода прибыла и шорох е'тот изде'лался – не пройдёшь, не проедешь. Шишками, кочками разными застыл на реке; Сенкосилка – приделают каку'-то… как её называли… плошшадку – убирают, косют. Тоже вдвоём косили на её. Один лошадью управляет, а другой хлеб подправляет. Едут как на лодке.*

б) Парадигматический способ. При этом способе возможно:

– сопоставление диалектного и литературного эквивалентов. Обычно к диалектному слову подбирается литературный синоним, реже отождествление происходит в обратном направлении, от литературной единицы к локально ограниченной: *Человек трясётся весь – сбе'льхиватся; Вон ходит бык какой-то бузу'ет. [Это что значит?] Ну кричит ли как ли. Так и говорят "бузует"; Там чува'л один видать. Дымоход-то там – "чува'л" называют;*

– отождествление через синонимический ряд близких или тождественных по значению слов: *Пурга кака'-то. Снег метёт. Метель така' была, позёмки, а мы скажем: "пурга, метель, буран";*

– толкование через противопоставление: *Нетель – это не тёлочка уж, а больша'; Подросток-то – не скажешь, что он большой, не ребёнок он же теперь уж. Ребёнок-то он маленький, а подросток подраста'т.*

http://www.lib.tsu.ru

в) Эпидигматический способ – толкование слова через мотивирующую единицу: *Пару'нья – курица па'рит. Клохчет курица, и её называют "парунья". Парит она. Цыплят упа'ривать; Бегуне'ц – конь. Хорошо бе'гат – бегунец.* Этот способ, вероятно, можно отнести к разновидности описательного.

Данные способы могут комбинироваться.

Подробное объяснение значения обычно сопровождается иллюстрацией со ссылкой на типичный пример его употребления в речи: *Лощина – это мале'нько ложочек. "Таку' лощинку выкосил. Я ли спахал в этой лощине"; Убоина – это слово тако': "У меня никакой убоинки нет". "Была убоина?" – "Да была, убили мы нынче бычка или тёлочку". Вот убоинка. Кото'ру убили скотину – убоинка. "Есь у меня убоинка"; А шулю'каны наряжаются на святки, на Новый год. Говорят: "Шулю'каны ходили"; [Почему о человеке говорят "мо'дна пенка"?] Не знаю. Ну, кото'ра так… видать – ну девочка, например, одева'тся хорошо, да форсит так… ну как сказать? "О'споди, така', гыт, мо'дна пенка!" – это-то говорили. А так я не знаю. "Ну, мо'дна пенка! Садись, садись чай пить!" – "Нет, не хочу, не хочу". – "Да садись". – "Нет, не хочу". – "Ну, кака' модна пенка-то!" Так тоже скажут. А гля чё это, пошто'? – не знаю.* Такое представление семантики, очевидно, является универсальным для диалектной речи и обусловлено существующей в сознании диалектоносителя тесной связью форм речевого поведения с характерными для этих форм обстоятельствами: "…обычный способ сосредоточиться на той или иной ситуации, приблизить ее к себе и к слушателю, войти в нее заключается в произнесении того, что может быть сказано или обычно говорится в соответствующих обстоятельствах. Без этого оформления прямой речью ситуация-тема, по-видимому, представляется диалектоносителю невоспроизведенной или неполно воссозданной в текущем общении" [Гольдин, 1997: 27].

У В.П. отсутствуют определения слов, обозначающие отвлеченные понятия. Толкования, данные ею, связаны главным образом с описанием явлений природы, животных, растений, предметов быта, с характеристиками человека, т.е. с тем, что её окружает повседневно.

В диалектологии уже была сделана попытка соотнести способы толкования значения с индивидуальными особенностями языковой личности. Л.В. Сахарным и О.Д. Орловой [1969] проводилось сопоставление наиболее распространенных способов семантизации у четырех носителей Акчимского говора. Оказалось, что у каждого из них есть свои

http://www.lib.tsu.ru

предпочтительные приемы толкования. Аналогичный вывод можно сделать в отношении нашего информанта. У В.П. излюбленными способами определения лексического значения являются описательный (описательно-логический и собственно описательный) и комбинированный (наиболее распространенной является комбинация описательного и эпидигматического способов). Ср. данные из дипломной работы Н.Н. Столяренко[*]:

Типы толкований	Разновидности толкований	Количество случаев
Описательный	Описательно-логический	57
	Собственно описательный	49
Парадигматический	Синонимический:	
	через эквивалент	27
	через ряд синонимов	4
	Противопоставление	5
Эпидигматический		29
Комбинированный		102

4. Встречаются показания МЯС о стилевой окрашенности слова: *Башка. Не'которы: "Ой, башка болит, ой, так бо'шка болит!" Мало так назовут, но называют. [Это грубо?] Мне кажется, грубо. Ну голова дак голова, а то "башка"!; А этот раз эта, Бояркина Татьяна с Ке'меровой, передаёт [по радио]: "Вот, связи' с такими морозами и у нас пришлось кое-которых пу… пути'ровать конечности" – не сказала "ноги-руки", – а "конечности пути'ровали".*

5. Стилевая характеристика слова тесно связана с его эмоционально-экспрессивными характеристиками, которые также находят отражение в показаниях МЯС: *А бабёнка тоже беспу'тна, она и счас бе'гат су'чит, бе'гат без ума. Вы уж это не пишите, слово-то худо'; Во зле скажут: "Носила суразя'т" [о внебрачных детях].*

[*] Н.Н. Столяренко. Проявления языкового сознания диалектной личности: типологический и лингвоисточниковедческий аспекты: Дипломная работа. Рукопись. Томск, 1999. 235 л.

http://www.lib.tsu.ru

6. Суждение о языке может содержать информацию о носителях данной языковой нормы:

а) сопоставляется норма называния, обычная для данного говора, и норма носителей других языков: *Мы зовём "пла'стики" [соленой капусты], а она [украинка] "пилю'шки". Мы смеёмся, на' смех зовём "пилю'шки"; Так она зовёт – не "хоро'ше", не "га'рно" – хохлуша-то всё "га'рно" зовёт, а эта тоже как-то;*

б) указывается на вариативность нормы в русском языковом коллективе: *"Перья" кото'ры говорят кода', а кото'ры: "ботва-то хоро'ша у лука"; Ну "са'нки" говорят и "сано'чки". "Салазки" говорят; Косы попускают огурцы… Кото'ры: "стебли попускают", кото'ры: "усики". Прие'зжи: "Усики попускают огурчики". А у нас всё зовут "косы"; А кото'ры зовут пижму девяти'льником; "Близнецы" зовут и "двойники'" зовут; Испо'дки – рукавицы вя'заны-то, кто как назовёт; Ну це'вка, кото'ры зовут "икры".* Диалектная норма при этом характеризуется как использование слова "в простонародье", оценивается как "неправильная" в сравнении с литературной: *Они осы, а в простонародье стро'ки; Скажем: "си'вер". Гра'мотны люди назовут "северный ветер", а мы же неправильно называ'м: "си'вер". "Сёдня си'вер";*

в) отмечается ограниченность употребления слова в рамках какой-либо социолингвистической группы (дети, пожилые люди, диалектоносители, некоренные жители села и т.п.): *Все по радио, кото'ры пожилы', дак тятей зовут. По радио: "Тятя, гыт, там был". Кото'ры "отец" назовут; Болят пальцы – "змеёвец" называют. Не врачи говорят, а в международье* (см. также высказывание о словах *косы / усики*). Следует учесть, что указание на общерусский или диалектный характер слова может быть неточным. Например, В.П. утверждает, что профессионального забойщика скота, именуемого в говоре "маркита'ном", *"везде зовут так".* Осознаваемое как общерусское слово на самом деле является диалектным;

г) дается ссылка на употребление в речи конкретного лица: *Ну, сколь я тебе виновата? [сколько должна] – как ба'ушка наша говорила; Физа, Физа всё гыт: "Скажи, дак и я скажу" – забыла, гыт: "Скажи, дак и я скажу"; Катерину Васильевну всё поминаю [как говорила]: "Вот умер да лежал бы! Умер да и лежал бы, никому не мешал бы, не досажа'л". ~ Всё пословица была [у нее], руками так махала всё; Вот чё поделаю мале'нько – лежу, лежу, лежу. [Вспомнила, как говорила соседка:] "Вою, вою, вою", как Катерина Васильевна! [смеется]. Всё: "Ой, я вою, вою, вою!" – так и я. Лежу, лежу,*

лежу; Она, если сядет за стол: "О'споди, поешь!" – "Да я ча, молотила?" Ничё не ес, я говорю: "Да возьми ты возьми!" – "Да я ча, молотила?", в том числе индивидуальные особенности номинации: *Палку называ'т конём всё [односельчанка].*

Отмечается общность лексикона, усвоение младшими родственниками особенностей речи старших: *А Коля чё-нибудь станет говорить – **я** говорю так, и он. Я чё-нибудь стану говорить: "О'споди, я почём знаю?" – так. И он, я чё-нибудь спрошу, он: "Я почём знаю?" – так от всё тоже говорил.*

7. Показания МЯС дают сведения о системных отношениях между единицами лексикона информанта.

а) Наиболее регулярно метаязыковое сознание диалектоносителя фиксирует слова с тождественным значением – дублеты и формальные варианты слов: *Раньше никто "навоз" не звал, всё – "назём"; А где-то помело – золу в печке мести, "поме'льник" можно звать; Сито – муку сеять. "Решето" ешо называют; Дак она всё пускала вечеринки, посиде'нки эти, сидели-то мы. "Посиделки" зовут так-то, а раньше "посиде'нки" звали; Говорили "вдова" или "вдову'ха" и "вдо'вушка". Овдовела так и вишь, муж помер, овдовела – вдо'вушка, овдова'я.* Указание на эти виды системных отношений обычно сопровождается сведениями о сфере употребления слова ("раньше" / "теперь", "в простонародье" / "по-культурному" и т.п.). При этом межсловные и внутрисловные отношения единиц не разграничиваются. В высказываниях лексемы и абсолютно различные по форме, и с некоторыми формальными отличиями осознаются как тождественные: "это одно и то же", "Х – это У", "Х – такой же У" и т.п.: *Ну там одно и тоже тенёты и паутина; Бату'н – такой же севок; Ку'хта и куржа'к – одно и то же; И "коса" зовут, и "косови'ца" – всё одно и то же.*

В большинстве своем показания об идентичности семантики единиц достоверны, но иногда в качестве дублетных в суждении могут оцениваться отношения слов, фактически являющиеся родовидовыми: *А там дорьме'з. Телегу называют. "Дорьме'з" называют, кто "тележка", кто "железный ход". На их больше ничё не возют [кроме людей]. А дорьме'з – груз возить. Ну он отличается от одёра. Е'тот длинный, а та коро'тка телега. Дорьме'з и телега – одно и то же; Вены рвани'нами так и зовут. Раньше-то и говорят "рвани'на". Рвани'ны [варикозное расширение вен] на ногах. А потом закупорка получа'тся у рванин; У нас у ма'ми были кашеми'ровы платья хоро-оши, шерстяны' кашеми'ровы. Это называли. Счас "шерстяны'" зовут – кашемир был [раньше].*

http://www.lib.tsu.ru

б) Встречаются высказывания с указанием на мотивационные отношения слов. Осознание мотивированности по собственной инициативе, без вопроса собирателя – достаточно редкое явление: *И Таня, поддо'нной зовёт её, называ'т: "Поддонка! Поддонка, гыт, ты". ~ [Так ругаются у вас?] Ну, кото'ры таки'… несамостоя'тельны кото'ры называют, "поддонка", гыт! А я не знаю, чё, так шибко, ну вот думаю – как кирпичи-то поддо'нны там эти… Дак наверно, так от, таких… нехороших баб; "Хлебозо'р" называли [ночь с молниями без дождя]. Хлеб зо'рят, говорят.* Как правило, актуализация мотивационных отношений провоцируется диалектологом.

Осознаются обычно только отношения лексической мотивации: *Ну раз разженились они обратно, дак разже'ня; Залив – это заливает где вода, тут зали'вно место, зали'вное; Рыжка – рыжий конь, рыжка, кобыла – рыжуха.* Отмечен лишь один случай осознания структурной мотивации слова: *Кипят ли нет ли гриби'шки? "Гриби'шки", главно. Как Коленька называл "супи'шка".*

Степень осознания мотивированности у информанта может быть различной. Метатексты демонстрируют градацию уровня осознанности мотивационных связей слов – от установления закономерности такой связи до восприятия мотивированной единицы как целостного образования, в котором мотивировочный признак не вычленяется (подробнее см. с. 92-93).

в) Полисемия отражается в метатекстах редко: *[Что такое бахилы?] Сапоги таки' больши' шили раньше – бахилы. Из кожи. Просто больши' таки', неуклю'жи. Говорят: "Каки'-то бахилы надел". Или большие, не по ноге. Для работы. "Вот, гыт, каки-то бахилы надел"; Годови'к – и трава быва'т годови'к, лече'бна кака'-то трава. Дуб надо трёхгодичный. Годовик – год ему. И поминки делают, годовщину когда справляют – годови'к, и телёнок тоже годови'к, и жеребёнок [когда ему год]; Шалабо'лка – девчонка, вон, шалаболка, беспу'тна. У картошки цветочки процветут – шалаболки – семена; Теперь-то зовут "тяпка" всё, а раньше мотыгой. Я помню. "Мотыга". Мотыга. На человека так говорят: "Ой! Мотыга, гыт, мота'тся" [поясняет второе значение сама]. [На какого человека?] Да… ну на пьяницу, ли какого-нибудь… худого. "Мотыга, гыт, он". Болта'тся ходит.*

Показания МЯС об омонимии лексических единиц у В.П. отсутствуют.

http://www.lib.tsu.ru

8. Встречаются показания МЯС о сочетаемости лексических единиц: *[А ботва только у огурца?] Ну. [А у картошки?] Тоже ботва. "Ботва хоро'ша", – скажут. [А у лебеды не скажут "ботва"?] Пошто' не скажут? Скажут. Даже на лук и то говорят. "Перья" кото'ры говорят кода', а кото'ры: "Ботва-то хоро'ша у лука".* Они могут отражать одновременно и данные о многозначности диалектного слова: *Нет, это я так буро'блю, чё попало собираю. [А еще про что говорят "буро'бить"? Про половик?] Ну конечно. Половик буробить, ли так от… всё сбуробил. Кожу кото'ры скажут – как от вы-то не скажете, а мы-то скажем. Ну, кожу… содрал кожу, например: "Кожу так всю сбуро'бил" – тоже говорят. И говорят – ой, неохота… "Чё попало, гыт, буро'бит".*

9. Показания МЯС о происхождении слов редки: *Гево'ргиевна готовится на свою уразу'. [У неё день рождения.] Ну всё равно гульба-то. Однако у татар ураза', гыт, была. Вот у нас Петров день будет – "ураза скоро будет", говорят.* Их достоверность должна уточняться лингвистами с привлечением других источников.

10. Достаточно широко распространены суждения об устаревших и новых словах в составе говора. Для них типичны конструкции "раньше Х, теперь / счас У".

Обычно показания МЯС указывают на устаревший элемент лексикона: *Раньше называли "азям". Мужчины носили и женщины; Полотенце раньше "рукоте'рник" называли, руки тереть. Счас мне скользит сказать-то так.* Может отмечаться давняя традиция употребления слова: *Чё-то по'моха на наш край. Боле'зь привязалась! Кака'-то по'моха – так называли раньше. Нину в больницу поло'жили, Лёня – в больнице, Таня – в роддоме. Вот по'моха на наш край; Свекровь – мать мужнина, свекровка, свёкор – отец мужнин. Когда выходит [замуж], редко – "свекру'ха" зовут. Как раньше звали, теперь переходит из поколенья в поколение.* При этом очень часто вышедший из употребления дублет противопоставляется его современному соответствию: *Ну сродный – это раньше все говорили "сродный брат", "сро'дна сестра", это теперь-то говорят "двою'родна", а раньше "ср'одна" называли; Матки клали. Раньше так называли. ~ А теперь больше "балки" зовут. А раньше "матка", так и звали "матка"; Бешмет меховой назывался. Теперь бы "пальто", а раньше "бешмет" называли. Тоже в талию был шитый, носили; Раньше станки называли "кросна'".* Реже противопоставляются как новый и устаревший не абсолютные синонимы, а варианты одного слова, формальные и семантические: *А вот это бува'т, как по Писанию – Стре'тенье. А мы раньше звали "Устре'тенье". Это раньше мы звали. Второго февраля. Зима с летом встретится. А счас по Писанию в*

календаре – Стре'тенье; У нас раньше говорили, дык… всё больше "ча". "А ча". "А чё" [надо], а мы всё "ча", видно, говорили; А раньше называли ветер дует, не говорили, что ветер, а "погода": "Ой, сёдня погода". Это уж ветер. "Така' погода была – жуть!"; Не звали "кухня". Где печка, теперь кухней зовут, а раньше "изба". А друга' горница. Теперь зал да кухня, да спа'льна, а раньше нет.

Имеются показания МЯС о социально-возрастной дифференциации в говоре, связанной с устареванием его отдельных элементов и вытеснением их другими в речи более молодых диалектоносителей: *[Как назовут женщину, ждущую ребенка?] В положении. Брюха'та. И счас скажут, скажут! [Это не грубо?] Ну, ну! [с отрицательной интонацией]. Ну вот кото'ры как мы, таки' [пожилые], дак чё не скажем? Раньше ведь не звали, что "в положении". "Бере'менна", теперь говорят, "женщина в положении". А она брюха'та. [А Таня, которой 26 лет, сказала бы так?] Нет, ну конечно нет. И старый не ка'жный скажет, всё равно, не ка'жный.*

В отдельных случаях по высказываниям информанта можно судить о времени устаревания или появления в говоре лексической единицы: *У Лексе'я брат родился тридцатого году. А тут уже папами звали, как приучили. Он в декабре родился. А Катя… Катерина Фёдоровна-то говорит: "Ваня, ты зови "папа". А он гыт: "Папа, дак чай надо". Дескать, хлеб папой называли.*

11. Показания МЯС могут отмечать частотность употребления слов ("больше говорят Х, меньше У"): *И "ве'село" говорят, и "весело'" говорят. [А чаще?] Как вот в деревне – "весело'". "Хорошо было, ве'село"; Ну "мозгови'тый" скажут и "мозгова'тый"… "мозгови'тый" больше; Окучивать картошку – кучками нагребать. Подгребать тоже, подгребать картошку. "Огребать" – меньше говорят у нас; Соболя'тница – под вид соболя, лохма'тенька соболя'нка. Больше как-то называют их "соболь".* Исследования ученых показали, что интуитивное определение частотности лексических единиц в речи совпадает с объективными данными, полученными в результате статистических подсчетов [Фрумкина, 1966].

Наряду с констатацией особенностей нормативного словоупотребления, метаязыковое сознание диалектоносителя фиксирует также отклонения от них ("надо Х, а не У"): *А потом шла [односельчанка], ни'мо меня идёт: "Коня ставила, а он хра'пат". "Ржёт" надо сказать, а она "хра'пат". [Так не говорят?] Ну говорят, дак хра'пат как уж редко, как испуга'тся кого-то. Так идёт, он никода' не хра'пат; Мотя-то: "Все*

ребёнки у меня хоро'ши". Не "дети" назвала, а "ребёнки". Кто так называ'т, "ребёнки"? Ребёнки… жеребёнки; [Вспоминает раннее детство:] Едут из городу, кото'ры на теле'гав-то там. А я спрашиваю: "Тятю там нашего не на'лили?" "Не видали" [надо], а я "не на'лили"; Морози'на-то какой на улице. А градусов много, восемь, девятый, полдевятого… "полдевятого" говорю! Как на часы; "А я хотела тебя попросить, чтобы ты дала Володе двадцать тысяч рублей". "Рублей", – пишет так; А тепе'рича приезжают, а он мёртвый виси'тся на удавке. [Усмехается:] "Мёртвый виси'тся на удавке!" На удавке виси'тся, дак какой живой будет? В двух последних примерах ярко проявляется лаконизм диалектной речи. Дублирование смысла, избыточность словесного выражения воспринимается В.П. как ненормативное словоупотребление.

Большую подгруппу осознаваемых отклонений от нормы составляют неосвоенные неологизмы, в которых обычно отмечается искажение формы: *А ей врачи сказали, у ей эти гиглоби'ны-то, я их называю неправильно, не могу я выговорить… Как их правильно? А это, у ей чё-то мало было; Брюки-то долго лежали, с год, наверно, – я за три тысячи купила, чёрны таки', эти… ну, как… ла'стики ли как ли там называют их таки'… как трико эти … [Спортивные?] Спортивные, ага.*

Явные показания МЯС, непосредственно связанные с осмыслением **грамматического яруса языка**, у диалектоносителя не выявлены. Отчасти затрагивает грамматику комментарий к слову *ребёнки*, приведенный выше.

Разумеется, выделенные в целях классификации типы показаний МЯС в реальной речи жестко не противопоставлены и нередко сочетаются в рамках одного высказывания: *Лонча'к – это жеребёнок годови'к, а это лонча'к. Как лони'шный. Это было прошлого'д, а раньше говорили "лони'сь"* (толкование значения через противопоставление; ссылка на мотивировочный признак; сопоставление устаревшего и нового дублетов).

Показания МЯС, касающиеся лексического яруса языка, встречаются в естественной речи, а также могут быть спровоцированы вопросом собирателя; прочие отмечены только в спонтанной речи. Как явствует из примеров, в основном они отражают объективные характеристики языка, не зависящие от воли и сознания говорящего ("язык – макромир", по определению А.Н. Ростовой [1998; 2000]).

Скрытые показания МЯС, отражающие представления информанта о ярусах языковой системы, касаются фонетики, лексики и грамматики.

http://www.lib.tsu.ru

Наиболее часто они реализуются в ситуации подражания чужой речи. Имитация чужой речи отражает в первую очередь ее фонетические особенности: тембр, темп речи, громкость голоса, типичные интонации (иногда в сочетании с передачей жестов, мимики, позы говорящего):

Я говорю: "Ты как худо топишь, я накладу-накладу це'лу печку" – правда! Она [подражает высокому голосу и интонации односельчанки:] "А дрова-то куды' девались? Он каки' поленницы были, их нету!"; Ну я пошла [со студентами к соседке]. А там известно, Катерина Васильевна [изображая, говорит очень быстро, оживленно жестикулируя:] "От, два сына по'мерло схоронила – всё говорила, говорила – как машиной задавило…" – ну им неинтересно; [Подражая грубому мужскому голосу:] "Ой! Знашь чё, Вера Прокофьевна? Хотел сёдня повешаться ночью. Така' боль была, така' боль – а'дски боли были"; А у ей полушалок был, хороший-прехороший… А Володя выташшыл [на похоронах]… а мужик дак мужик и есь, да пьяненькый [изображает пьяный, плачущий голос и жест, якобы волоча шаль по полу]: "Я уж Маринке, это я Маринке!" – ташшыт Маринке, полушалок; А это, я говорю: "Поди, купила [горбушу]?" [Изображая, говорит громко, отрывисто:] "А чё? – я говорить шибко не могу, а реву! – А чё? Неужели это… хочу ись, да отказывать себе?"

Метаязыковое сознание также позволяет отбирать при передаче чужой речи лексику, соответствующую социальным и индивидуальным особенностям речи других людей, не совпадающую с нормами словоупотребления самой В.П.: *Лена вчара' прибежала – она меня в баню звала – она там де-то криче'ла, а я не слыхала. Сижу тут-ка, она: "Баб, ты чё, не слышишь ли чё ли?" Я говорю: "Нет, а чё?" – "Да я тебя кричала-кричала. В баню пойдёшь? Ступай мойся"* (передавая речь внучки, информант использует вариант *кричать*, хотя в своей речи употребляет *кричеть*); *Его одного оставляла. Да Клавде'юшка раз пошла [изображает]: "Ты ча там, ошшеле'ла, ли ча ли? Парнишка-то зарёвыватся"* (передавая речь односельчанки, использует уже устаревший сейчас в говоре вариант *ча*; в своей речи произносит только *чё*).

Достаточно достоверно передается и детская речь:

А он это, заходит и говорит: "Папа?" [на фотографии]. Я говорю: "Нет, это дядя Миша". – "Мися? Мися?" Я говорю: "Зови дядя Миша". – "Мися!" А потом на меня говорит: "Ве'я?" Я говорю: "Зови баба Вера". – "Вея! Кофе'тки дай, кофе'тки!"; А Анька так тут, и я, он [изображает, как бы указывая рукой поочередно]: "Баба Вея, баба Аня,

http://www.lib.tsu.ru

баба Вея, баба Аня!" – от так как-то: "Баба Аня, баба Вея, баба Аня, баба Вея" [усмехается] разгова'ривать; "Бананы", – всё говорит, Женька-то… "Тебе чё мама купила?" – "Банани". Яблоки как-то не так зовёт; А он идёт опе'ть с Колей: "Баба Вея, дря'стуй!" – по ручке здоро'вается. Давно говорит, а не… не так чисто. А я говорю: "А чё?" – "Дай, грюшку ешо!" Грушки-то погляну'лись, я дала ему; Она ей подала чё-то [выпить], она ушла. А он: "Ой, кака' тётенька нехоо'са была!" А Лена приходит, да пе'нзию принесла им. "А эта тётенька хоо'са была! И руки чи'сты у ей и сама чи'ста и деньги принесла нам"; А только Лена дверь открыва'т, он: "Я бабу Вею не обижял!"; У нас вот рядом, чё, я не хвалю, Колькины ребятишки. Придут Елена раньше ма'ленька была, дак: "В магазин пошля" – по ковру идёт: "Кольбасы килогля'м взвешайте" – ма'ленька была, ничё не лезла. Ну е'ти, ну е'ти!

При имитации речи детей от года до пяти лет не произносится или заменяется на [j] или [л] звук [р] (*Вея, хооса, килоглям*), смягчаются некоторые твердые согласные (*пошля, банани, обижял, кольбасы, грюшку*), шипящие меняются на свистящие (*Мися*), упрощаются сочетания согласных (*кофетки, дрястуй*), передаются отдельные элементы лексики (*тётенька*), синтаксиса (неполные, эллиптические предложения) и жесты ребенка.

Во многом общую природу с подражанием чужой речи имеет звукоподражание. Звукоподражательные междометия у В.П. очень многочисленны и разнообразны; имитируются звуки, издаваемые не только человеком, но и предметами: *Тётка Лизавета всё: "Пф-ф! пф-ф!" – всё отпыхивалась так от; А спит, а так "сссс! сссс!"– свистит вроде; И на сосну де-то залетел и тут-ка на железя'гу на трубу, всю ночь буксовал, тут сидел. "Тыры'-тыры'-тыры'!"; Копала, копала там лёд [в холодильнике], а потом оттэ'да: ф-ф-ссс! – как её называют? Жидкость-то эта. Вся вышла.* Исследователи отмечают, что широкое использование ономатопеи, когда говорящий как бы отождествляет себя со звучащим предметом, свойственно детям и лицам с низким уровнем образования и является одной из черт портрета ЯЛ [Дьяков, 1994: 47; Гольдин, 2000: 61].

Как можно видеть из примеров, во всех случаях подражания внимание языковой личности акцентируется в первую очередь на звуковой стороне языка, а также на невербальных средствах, сопровождающих речь (жесты и мимика). Лексические особенности речи отражаются в скрытых показаниях МЯС гораздо реже, чем в явных.

http://www.lib.tsu.ru

Второй типичной ситуацией скрытого проявления МЯС являются речевые оговорки. Отмечается нарушение норм:

– при выборе лексической единицы: *От овца скоро отели… ягнится, наверно. [Шутливо:] "Отелится"!;*

– при контаминации близких по звуковой оболочке и значению слов и форм: *Сколь там долготня'? "Долготня"! [смеется]. Долгота дня. Долготня [повторяет забавное слово еще несколько раз]; Физа в больнице, у ей грыжа прогрызла в пах. Она с палочкой ~ и вот это… прогрызла у ей в пах, а в одне'м правом боху'… боку была [усмехается], в паху- боху', а счас в левом опе'ть прогрызла;*

– при отклонении в образовании грамматических форм: *[Кошке:] Брысь! Две рыбки сожрал, ешо просит. Сожрала – "сожрал" говорю!; А.Н. А здоровье мы сами должны беречь. В.П. Да годы', годы'! Года подошли, "годы' "! [смеется]; Л.И. Дядя Серёжа её звать. В.П. "Её"! Л.И. Его, уже за собой не слежу; И она даже плясала в клубе, это дён… "дён"! День был это, пожилых-то людей; Коров в семь пога'нят… пого'нят коров в семь часов, уго'нят – я уже пробудилась.*

Особую большую группу скрытых показаний МЯС составляют оговорки, которые не являются собственно языковыми. В них нарушаются не фонетические, лексические или грамматические нормы, а соответствие называния денотату. Они аналогичны упомянутым выше антропонимическим оговоркам:

Поля купила ведро слив за пятнадцать рублей. "За пятнадцать рублей!" За пятнадцать тысяч; А по сколько же центнер-то? По сто… сто двадцать рублей, килограмм. Сто двадцать, наверно, тысяч, ли чё ли? Двенадцать тысяч. "Сто двадцать тысяч"!; Дак она три… вчара' – "вчара"! Прошлого'д сын приезжал – другой, не этот; Стакан перцу… "стакан"! Килограмм перцу покупала, сказала она, болгарского.

Все высказывания с оговорками строятся однотипно: оговорка + ее повтор с характерной интонацией, близкой к иронической, + факультативно возможное "говорю". Оговорки с нарушением языковых норм часто сопровождаются смехом.

Скрытые формы МЯС проявляются также в высказываниях с неологизмами, если они недостаточно усвоены личностью и она это чувствует:

http://www.lib.tsu.ru

Они в Тимиря'зевой, а теперь, там не отстроено, это и'хный – хот… хотэ'дж-то это… [смеется] не отстро… – они в бане, гыт, живут!; А кто будет убивать, тому будут давать лицензии, ли как это, на лосей; А он рыбак, охотник, рыбу и всяко… суйда'к… суйда'к ли судак, как-то его…; Ну я села суды' вроде… [усмехается] фотофоризова'ться [фотографироваться]; От деколо'н у меня, от "звёздочка", вот тут это… как её? ба… ба… байза'м [смеется].

Показателями скрытых проявлений МЯС при неосвоенности неологизмов (редко – при забывании устаревших слов) являются маркеры неуверенности *ли как ли, ли как, ли чё ли, как его* и т.п., а также смех, усмешка как реакция на осознание искажения.

При употреблении неологизмов нередко встречаются высказывания переходного типа между скрытыми и явными проявлениями МЯС с глаголом "называть":

Может, к глазнику пойдёте, гыт, там, кули'… как? кули'сту… ли как называют?; Вале-то дали, гыт, каку'-то дотацию ли как ли называют-то?; Какой-то купили… как его называют-то? Плед ли кого ли. На диван; Измеряют его там, всё… огло… как их называют, оглоби'ны ли поглоби'ны ли? Ни'зки у него, не знаю чё.

Отмечено несколько контекстов с шутливым использованием ненормативных для В.П. лексических элементов, которые, на наш взгляд, также можно рассматривать как скрытые проявления МЯС: *Всё состряпали. Шарику после… [шутит:] посля' уж; А чё-то пожили-пожили и всё это… разошлись. [Ирон.:] Разбежались.* Эти примеры аналогичны широко представленным у носителей литературного языка случаям шутливо-иронического употребления нелитературных элементов [ср.: Опыт описания…, 1989: 156; Девтайкин, 1989: 60].

Метаязыковая рефлексия информанта отражает также его представление о сниженной, ненормативной лексике. При произнесении последней понижается тон голоса или осуществляется эвфемистическая замена (см. примеры на с. 265). Близки к подобным и высказывания с фигурой умолчания, когда в определенных ситуациях В.П. предпочитает опускать нежелательное слово или заменять его жестом: *А те ничё живут [жест: ладонью рисует округляющийся живот – "жена беременна"]. Не знаю, кода' будет-то [рожать]; И е'та тоже… Ленка-то. Бегала-бегала тут, прям… всем мужиков всех стаскала, принимала. А тепе'рича… [тот же жест: "беременна"]. Надо делать [аборт]. Поди, деньги надо, ли бесплатно, не знаю; Эта, как её… Марина была в положении. И чё-то "не буду, не буду делать" [аборт], месяца три ли четыре уж было…*

http://www.lib.tsu.ru

изде'лала; Алла у нас в положении. В октябре, наверно, будет [рожать]; Курочка-то в гнезде, а яичко… [не договаривает]. [Какая это поговорка?] Матерши'нна.

Сопоставление с особенностями проявления метаязыкового сознания коллективной языковой личности носителя диалекта [Ростова, 1983; 2000; Никитина, 1989; Пауфошима, 1989] и ЯЛ представителя говора села Кодское (Курганской области) В.М. Петуховой [Лютикова, 1999] позволяет выявить общее и индивидуальное в характере языковой рефлексии В.П.

К общим чертам всех исследуемых диалектоносителей можно отнести ориентацию на соблюдение языковых норм, осознание преимущественно фонетических и лексических особенностей речи, редкую оценку грамматических явлений. Объекты языковой рефлексии в сфере лексики у В.П. в основных чертах сходны с выявленными А.Н. Ростовой на обширном материале среднеобских говоров (форма и семантика лексических единиц, вариативность нормы, системные отношения лексем и т.д.). В то же время метаязыковое сознание В.П. Вершининой и В.М. Петуховой имеет много несовпадающих черт. У последней отмечено больше высказываний, предметом которых являются общие представления о языке (его роли в жизни человека, происхождении, влиянии слова на адресата речи); оценке часто подлежит слово в целом ("весёлое слово", "недоброе слово", "прямое слово", "суетное слово", "умное слово", "урочливое слово" и т.д.); характерна бо'льшая концентрация на языке как на "эго-мире" (по А.Н. Ростовой); зафиксировано множество пословиц и поговорок, посвященных речи; различными являются предпочтительные способы толкования значения слов. В.П. не отличается особой склонностью к анализу языка, к развернутым, обобщающим суждениям о нем; абстрактные оценки свойств языка и слова почти отсутствуют, число паремий на тему речи незначительно. Отметим, кстати, невысокую частотность существительных *слово* (4/14), *язык (*1/10) и *речь* (0/2)* в лексиконе информанта. Рефлексии подвергаются обычно только конкретные лексические единицы.

***

Подведем итоги.

Для информанта типичен низкий уровень рефлексивности речи, что закономерно для естественных условий общения. В метаязыковом сознании В.П. представлен обыденный, а

* Дробью указано число словоупотреблений, зафиксированное в двух частях картотеки "Полного словаря языковой личности" (одна из которых отражает сплошное, а другая – выборочное расписывание материала).

http://www.lib.tsu.ru

не научный характер языковой рефлексии, для которого типичны неполнота и отсутствие строгой системы при отражении лингвистических сведений. Объектом МЯС является прежде всего языковая норма, в особенности – в сфере речевого этикета: правила ведения речи, характер именования лиц, употребление личных местоимений, этикетных формул, использование сниженной лексики. Видимо, важность соблюдения этикетных норм определяется переплетением в нем собственно языковых и этических правил поведения. Язык осознается В.П. как "макромир", независимый от говорящего: рефлексия направлена главным образом на реализацию языковых норм коллектива, гораздо реже – на осмысление своих норм. При этом отраженная в метаязыковом сознании оценка собственной речи у информанта негативная. Примеры осознания орфографических и грамматических явлений единичны; осмыслению в основном подлежат фонетический и лексический ярусы языка. Сведения о лексике представлены в показаниях МЯС наиболее полно и разнообразно: метатексты могут отражать представление говорящего о наличии слова в говоре, его форме, семантике, стилевой окрашенности и коннотации, давать информацию о системных отношениях единиц лексикона, их сочетаемости, происхождении, традиционности или новизне, частотности, о носителях языковой нормы и т.д. Основными функциями показаний МЯС у В.П. Вершининой можно считать: 1) оценочную (оценка нарушения, соблюдения или изменения языковой нормы) с оценочно-корректирующей и оценочно-имитирующей подфункциями; 2) пояснительную (пояснение отдельных языковых фактов представителю другой формы национального языка).

Метаязыковое сознание личности реализуется в разных формах – от явных до скрытых, от развернутых суждений о языке до косвенных маркеров (чаще невербальных) восприятия и оценки особенностей своей и чужой речи. Каждая из этих форм связана с набором типичных речевых ситуаций и имеет особые средства выражения. Явные показания МЯС встречаются в метатекстах, прежде всего спровоцированных лингвистом, скрытые характерны для спонтанной речи. Они менее разнообразны, но более частотны в естественных условиях говорения.

http://www.lib.tsu.ru

Заключение

Проведенное исследование лексикона ЯЛ диалектоносителя позволяет утверждать, что ее словарный запас весьма обширен (около 22500 ЛСВ слов и формально-семантических вариантов фразеологизмов) и представляет собой систему множеств, находящихся в отношениях соположения, пересечения и включения. Это множества грамматических классов слов, лексико-семантических полей, классов единиц по их соотнесенности с формами национального языка, по принадлежности к ядерной или периферийной части словаря, по наличию в значении слов коннотативных компонентов и их особенностям. Каждая единица лексикона может быть определена как элемент перечисленных множеств; совокупность таких характеристик позволяет дать многоаспектное описание слова, аналогичное лексикографическому.

Идиолексикону информанта свойственны развитость различных видов системных отношений слов, разнообразие тематических групп и лексико-семантических полей, высокая доля экспрессивных образований, постоянное пополнение новыми элементами.

Анализ текстов изучаемой ЯЛ показал, что им присущи высокая степень организованности, использование богатого набора выразительных средств. При изучении метаязыкового сознания обнаружены различные формы его экспликации в речи индивида (явные и скрытые), типичные объекты, сферы и функции его проявления.

Поскольку каждая личность является одновременно, как отмечает Ю.Н. Караулов, и типовым представителем данной языковой общности (а также более узкого по отношению к ней речевого коллектива), и индивидуальностью, отличной по своему характеру, интересам, предпочтениям и установкам [Русский язык, 1997: 671], попытаемся выделить среди проанализированных особенностей общерусские черты, присущие нашему информанту как языковой личности, типологические характеристики диалектной ЯЛ и, наконец, сугубо индивидуальные показатели речевого портрета В.П. Вершининой.

Общерусские черты. В идиолексиконе В.П. имеют место все типологические классы, все виды системных отношений лексических единиц, выделяемые лингвистами при исследовании словарного состава русского языка.

К чертам, свойственным любой русской ЯЛ, предположительно можно отнести распределение единиц лексикона по частям речи.

http://www.lib.tsu.ru

Универсальной для носителя русского языка (как и любого другого) является асимметрия устройства лексикона, обнаруживающаяся при анализе всех составляющих его классов, подклассов и подсистем. Асимметричность проявляется в преобладании нейтральных лексических единиц над экспрессивными, мотивированных слов – над немотивированными, новых – над архаичными, общерусских – над территориально ограниченными в употреблении; в представленности различных семантических полей идеографического словаря и в характере их наполнения.

Типична для русской языковой личности высокая степень экспрессивности ее словаря.

Как общерусское следует также расценивать первенство мотивационных связей среди всех видов системных отношений слов, доминирование семантического варьирования над формальным и синонимии над антонимией.

Общим для любой ЯЛ независимо от ее национальной принадлежности является антропоцентрический принцип полевого устройства лексикона и языковой картины мира, отраженной в системе языковых средств говорящего (лексика, тропы и фигуры речи, прецедентные тексты). Универсальный характер носят также многие процессы в области лексики: изменение словарного запаса в связи с общественно-историческими преобразованиями, освоение заимствованных слов, мощное влияние литературной формы национального языка на диалектную и др.

Большинству носителей языка при организации текста свойственно преобладание диалогической формы речи над монологической, первенство сравнений среди других тропов.

Метаязыковое сознание личностей, владеющих литературным языком, почти не изучено, что не позволяет делать обобщающих выводов, однако можно предположить, что формы его проявления в виде явных и скрытых показаний присущи всем говорящим.

Диалектные черты. Лексикон диалектоносителя своеобразен по идеографическому устройству, что обусловлено особенностями набора актуальных для говора денотатов и спецификой представлений о них, иным объемом и несколько иной организацией лексико-семантических полей. Бросаются в глаза асимметрия физических и психических характеристик человека, свидетельствующая о большем внимании носителя говора к физической, биологической сущности индивида, нежели к его духовным проявлениям; слабая представленность отвлеченных понятий; немногочисленность полей "наука",

http://www.lib.tsu.ru

"промышленность", "культура" (причем в последнем из них отражена в основном устаревающая диалектная лексика) и некоторых других.

Для лексикона диалектной ЯЛ (в сравнении с носителями литературного языка) характерны также:

– специфика системных связей лексических единиц, проявляющаяся, с одной стороны, в более широкой, чем в литературном языке, распространенности формального варьирования и дублетности, с другой – в их большем типологическом разнообразии по соотношению с формами национального русского языка. Синонимы, антонимы, ЛСВ и формальные варианты слова образуют парадигмы с различными комбинациями общерусских, диалектных и просторечных элементов (О – Д, О – ДО, П – ДП, О – ПО, Д – ДО и др.), преобладающей среди которых является О – ДО. У носителя литературного языка обычны ряды с соотношением О – О, О – ПО;

– более свободное образование и употребление экспрессивных лексических единиц, а также звукоподражаний; особенности коннотативной шкалы, в которой отсутствуют отдельные виды литературной оценки, но имеются специфические диалектные виды коннотации;

– устный путь обогащения лексикона; пополнение словаря через влияние литературного языка и саморазвитие говора. Устаревание преимущественно диалектных слов и приток неологизмов, заимствованных в основном из литературного языка.

К диалектным особенностям следует отнести высокую степень конкретности дискурса В.П. и широкую употребительность в нем малых жанров фольклора.

Диалектная специфика метаязыкового сознания говорящего проявляется в ярко выраженном осмыслении общности своей языковой нормы и норм социума, представителем которого является данная личность.

Анализ состава лексики, тропов, паремий и строения текста позволяет выявить некоторые особенности мировосприятия и мировоззрения, отраженные в языковой картине мира диалектной ЯЛ: конкретность восприятия действительности; постижение ее главным образом через внешние признаки предметов и явлений, при помощи органов чувств (в первую очередь зрения); ощущение единства человека со всеми формами природного макрокосма в его органических и неорганических проявлениях; осознание своей тесной связи с социумом (выраженное в ориентации на соблюдение речевых и

http://www.lib.tsu.ru

этических норм говора) и значимости семейно-родственных отношений, отражающей архаические следы общинного уклада жизни крестьянства; приоритет этических норм над эстетическими и прагматическую ориентированность языковой картины мира диалектоносителя.

Индивидуальные черты лексикона информанта можно выделить лишь на фоне анализа словаря другой ЯЛ (а в идеале – ряда ЯЛ, различных по социолингвистическим характеристикам), причем для адекватности сравнения материал должен быть сопоставим по объему и методам сбора. Поскольку подобных исследований других информантов в лингвистике нет, о личностных особенностях словарного запаса исследуемого субъекта допустимо говорить лишь предположительно, на основе частных объектов сравнения.

Сугубо индивидуальными чертамий ЯЛ являются объем и состав ее словаря, особенности наполнения типологических классов и реализации системных связей единиц, входящих в него, а также функциональные (в том числе частотные) характеристики словника и текстов.

К специфическим показателям идиолексикона В.П., кроме того, относятся:

– преобладание в классе экспрессивов лексических единиц с коннотацией мелиоративности, широкая представленность ласкательных форм;

– наличие комплекса разнообразных средств для выражения смягченного, некатегоричного обозначения признака: экспрессивы со значением смягчительности (*пьяненький, ненормальненький*), высокочастотные вводно-модальные слова, частицы, союзы и др. для выражения некатегорического утверждения (*поди, бышно, наверно, может, ли чё ли, правда ли неправда* и т.п.); смягчение категоричной характеристики качества в ряду синонимов (*красивый, синпати'чный; меленький, некрупный*); квазиантонимы с неполярной, смягченной противопоставленностью (*плохой – ничё, маленький – ничё*).

Индивидуальной является также большая часть выделенных у В.П. особенностей строения текста (за исключением диалогичности и конкретности). Отметим более широкое, чем у других представителей Вершининского говора, использование информантом фольклорных прецедентных текстов, а также частое употребление пословиц в буквальном смысле.

http://www.lib.tsu.ru

К своеобразию метаязыкового сознания данной личности можно отнести негативную оценку своей речи, затрудненное осознание мотивационных связей слов, развитое и точное подражание чужой речи, преобладание показаний метаязыкового сознания, касающихся области речевого этикета.

Система взглядов, мотивов деятельности и ценностей ярко представлена в паремиях ЯЛ. Принципы их отбора из общего для говора фонда, частотность употребления, тематическая представленность отражают значимость для В.П. тем "старость" и "болезни", слабую выраженность религиозного начала в мировоззрении информанта, важность таких правил поведения, которые закреплены в темах "гостеприимство", "взаимные расчеты и обязательства как основа хороших отношений", "важность компромиссов, осмотрительности и терпимости", "необходимость активной, деятельной жизни в труде, невзирая на обстоятельства".

К индивидуальным для исследуемой ЯЛ следует отнести установки на достоверность речи (влекущую за собой широкое включение в дискурс лексики чужой речи, цитирование, подчеркнутое внимание к содержательной стороне высказываний и др.), на следование этическим нормам народной культуры (в том числе речевым этикетным нормам), стремление к доброжелательному, неконфликтному общению.

Разумеется, "поуровневое" разграничение общего, особенного и единичного в ЯЛ весьма условно, поскольку в речевой практике все выделенные черты проявляются в совокупности, накладываясь друг на друга. Так, свойственная всем русским экспрессивность лексикона преломляется в еще более интенсивном образовании и использовании коннотативно окрашенных элементов в диалекте; склонность диалектоносителей к включению в речь паремий сочетается с индивидуальной высокой частотностью их у информанта и т.д. Черты общерусской ЯЛ реализуются в ее диалектном варианте, а индивидуальные особенности языковой личности В.П. Вершининой, в свою очередь, являются вариантными по отношению к обобщенной ЯЛ носителя говора.

Некоторые особенности идиолексикона, проанализированные в работе, трудно квалифицировать как общерусские, диалектные или индивидуальные из-за недостаточности сопоставительного материала. Однако хочется надеяться, что данное исследование послужит толчком для появления ряда ему подобных и будет способствовать созданию типологической классификации языковых личностей на основе анализа речи конкретных носителей языка.

http://www.lib.tsu.ru

Автором не ставилась в качестве особой задача выявления специфических черт рядового носителя языка в отличие от творческой личности. Отметим лишь, что четкой определенности особенностей лексикона и текста В.П. в этом плане не наблюдается.

Установка на следование языковым нормам, отношение к языку как к "макромиру", характер образования окказиональных элементов и сравнений, однотипность прецедентных текстов (главным образом фольклорных), стилистическая однородность дискурса, довольно узкий круг функций тропов, окказионализмов, синонимов, антонимов, мотивационно связанных слов, слабая представленность языковой игры позволяют причислить В.П. к рядовым языковым личностям. В то же время богатство словарного запаса исследуемой личности, развитость системных связей слов, ряд своеобразных черт строения ее текста (его композиционная стройность, высокая степень связности и вариативности, широкое употребление в устной речи средств создания выразительности) сближают информанта с ЯЛ писателей в наиболее творческих проявлениях их речи – художественных текстах.

Далеко не все вопросы, касающиеся характеристики идиолекта изучаемой ЯЛ, нашли разрешение в рамках настоящей работы. Остались за ее пределами задачи создания идеографического, частотного и ономастического словарей одного диалектоносителя и их анализ. Ждет своих исследователей богатый фразеологический фонд информанта, нуждается в дальнейшей разработке проблема реконструкции языковой картины мира говорящего. Необходимо изучение стилевой системы и системы речевых жанров личности, детальное описание грамматического яруса ее языка.

К перспективам постижения языка личности можно отнести и широкий спектр различного рода сопоставительных исследований ЯЛ В.П. Вершининой с другими личностями: носителями диалекта, литературного языка и городского просторечия, жителями села Вершинино и иных сел и городов, с представителями разных социовозрастных групп и т.д. С завершением издания "Вершининского словаря" становится реальной возможность объективного изучения ЯЛ на фоне социума, представителем которого она является.

Каждая из перечисленных задач (а также многие другие, оставшиеся за пределами перечня), как представляется, может служить целью самостоятельного масштабного исследования.

http://www.lib.tsu.ru

Основные словарные источники

Блинова О.И., Мартынова С.Э., Юрина Е.А. Словарь образных слов и выражений народного говора. – Томск: Изд-во научно-технической литературы, 1997. – 206 с. – То же. – 2-е изд., испр. и доп. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. – 307 с.

Богословская З.М. Словарь вариантной лексики сибирского говора. – Томск, 2000. – Т. 1: А – К. – 303 с.

Вершининский словарь / Гл. ред. О.И. Блинова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998–2001. – Т. 1–5.

Иванцова Е.В. Обратный словарь одного говора (с. Вершинино Томского района Томской области) / Томский ун-т. – Томск, 1985. – 160 с. – Деп. в ИНИОН АН СССР 24.07.85, № 21769.

Огольцев В.М. Устойчивые сравнения русского языка. – СПб.: Просвещение, 1992. – 176 с.

Мотивационный диалектный словарь: говоры Среднего Приобья / Ред. О.И. Блинова. – Томск: Изд-во Том.ун-та, 1982–1983. – Т. 1–2.

Полный словарь сибирского говора / Гл. ред. О.И. Блинова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992–1995. – Т.1-4.

Раков Г.А. Диалектный идеографический словарь Нарымского говора // Раков Г.А. Диалектная лексическая синонимия и проблемы идеографии. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1988. – С. 131–245.

Словарь просторечий русских говоров Среднего Приобья / Ред. О.И. Блинова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1977. – 182 с.

Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна реки Оби / Ред. В.В. Палагина. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1964–1967. – Т. 1–3.

Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна реки Оби: Дополнение / Ред. О.И. Блинова, В.В. Палагина. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1975. – Ч. 1–2.

Словарь русского языка. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981–1984. – Т. 1–4.

Словарь синонимов русского языка / Гл. ред. А.П. Евгеньева. – Л.: Наука, 1970–1971. – Т. 1–2.

Словарь современного русского литературного языка. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965. – Т. 1–17.

http://www.lib.tsu.ru

Среднеобский словарь: Дополнение / Ред. В.В. Палагина. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983–1986. – Ч. 1–2.

http://www.lib.tsu.ru

Литература

Абдушукурова Л.А. Сравнения, вводимые союзом comme, как средство художественной выразительности (на материале произведений Р. Роллана): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1969. – 28 с.

Александров М.А. Личность, ее поведение и мышление. – Петрозаводск, 1988. – 47 с.

Андреева Л.К., Горланова Н.В. Существительные с уменьшительно-ласкательными суффиксами в народно-разговорной речи // Живое слово в русской речи Прикамья. – Пермь, 1971. – Вып. 2. – С. 71–78.

Антропова М.В. Личностные доминанты и средства их языкового выражения (на материале художественного текста): Автореф. дис. … канд. филол. наук. – М., 1996. – 24 с.

Антропоцентрический подход к языку. – Пермь, 1998. – Ч. 1–2.

Армина С.Т. Фукидид как языковая личность (логика построения парных речей) // Языковая личность и семантика: Тез. докл. науч. конф. 28–30 сентября 1994 г. – Волгоград: Перемена, 1994. – С. 11.

Арутюнова Н.Д. Языковая метафора // Лингвистика и поэтика. – М., 1979. – С. 147–173.

Арутюнова Н.Д. Национальное сознание, язык, стиль // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы: Тез. междунар. конф. – М., 1995. – Т. 1. – С. 32–33.

Белобородов А.А. Языковое сознание: сущность и статус // Современная наука и закономерности ее развития. – Томск, 1987. – Вып. 4. – С. 131–147.

Берневега С.И. Проблема повтора в лингвистической литературе // Духовная культура: проблемы и тенденции развития: Всерос. науч. конф. 11–14 мая 1994 г.: Тез. докл. – Сыктывкар, 1994. – С. 124–125.

Беспамятнова Г.Н. Языковая личность телевизионного ведущего: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Воронеж, 1994. – 19 с.

Блажес В.В. Языковая игра в этикетном речевом поведении горожан // Языковой облик уральского города. – Свердловск, 1990. – С. 122–124.

Блинов И.Я. Выразительное чтение и культура устной речи. – М.: Учпедгиз, 1946. – 58 с.

Блинова О.И. Введение в современную региональную лексикологию. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1973. – 257 с. – То же. – 2-е изд. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1975. – 257 с.

Блинова О.И. Проблемы диалектной лексикологии: Дис. … д-ра филол. наук. – Томск, 1974. – Т. 1. – 465 с.

http://www.lib.tsu.ru

Блинова О.И. Явление мотивации слов. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. – 190 с.

Блинова О.И. Введение // Полный словарь сибирского говора. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992. – С. 6–22.

Блинова О.И. Послесловие // Полный словарь сибирского говора. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. – С. 270–274.

Блинова О.И. Лексикографический метод исследования языка // Природные и интеллектуальные ресурсы Сибири: Тез. докл. 3-й междунар. науч.-практ. конф. – Томск, 1997. – С. 148–149.

Блинова О.И. Томская лингвистическая школа (взгляд изнутри и извне) // Вестн. Том. гос. ун-та. – 1998. – Т. 266. – С. 69–77.

Блумфилд Л. Язык: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1968. – 606 с.

Богин Г.И. Разговорная речь и индивидуальные характеристики личности // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. – Горький, 1973. – Сб. 4. – С. 3–11.

Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. – Л., 1984. – 31 с.

Богословская З.М. Явление варьирования слова в системе говора: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Томск, 1984. – 19 с.

Богуславский В.М. Человек в зеркале русской культуры, литературы и языка. – М.: Космополис, 1994. – 237 с.

Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 1–2.

Бойкова Н.Г., Коньков В.И., Попова Т.И. Устная речь: Учеб. пособие. – Л., 1988. – 87 с.

Бойцов С.А. Устойчивые сравнения в брянских говорах: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Л., 1986. – 17 с.

Болотнова Н.С. Функционирование сравнений, конкретизирующих речь, в произведениях Ю.М. Нагибина // Языковые единицы русского языка в функциональном аспекте. – Иркутск, 1995. – С. 50–58.

Бондарко Л.В., Щукин В.Г. Языковая инвариантность и индивидуальная вариативность // Речь, эмоции и личность: Материалы и сообщения Всесоюзного симпозиума 27–28 февраля 1978 г. – Л., 1978. – С. 17–21.

Бондарчук Н.С., Кузнецова О.Д. Опыт реконструкции языковой личности рубежа XVIII–XIX веков как социального типа. "Летопись о событиях в Твери…" М. Тюльпина // Среднерусские говоры: проблемы истории. – Тверь, 1994. – С. 25–34.

http://www.lib.tsu.ru

Борзунова С.Н. Фрагмент орфоэпического портрета Ивана Михайловича Москвина // Русское сценическое произношение. – М.: Наука, 1986. – С. 131–143.

Борисовская Е.В. Просторечная лексика в словарном запасе диалекта (на материале говора д. Акчим Красновишерского района Пермской обл.) // Живое слово в русской речи Прикамья. – Пермь, 1989. – С. 105–112.

Брагина А.А. Синонимы в литературном языке. – М.: Наука, 1986. – 125 с.

Будагов Р.А. Литературные языки и языковые стили. – М.: Высш. шк., 1967. – 375 с.

Будагов Р.А. Человек и его язык (заметки об отношении людей к литературному языку) // Вопросы языкознания. – 1970. – № 6. – С. 3–14.

Будагов Р.А. Человек и его язык. – 2-е изд. – М.: Изд-во МГУ, 1976. – 430 с.

Бухарева Н.Т. О специфике лексического состава русских говоров Сибири // Вопросы языка и литературы. – Новосибирск, 1968. – Вып. 2, ч. 1. – С. 88–100.

Вандриес Ж. Язык: Пер. с франц. – М.: Соцэкгиз, 1937. – 410 с.

Введенская Л.А. Проблемы лексической антонимии и принципы составления словаря антонимов: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. – Ростов, 1973. – 36 с.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание: Пер. с англ. – М.: Русские словари, 1996. – 410 с.

Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – 2-е изд. – М.: Высш. шк., 1972. – 614 с.

Виноградов В.В. О художественной прозе // Виноградов В.В. Избранные труды: О языке художественной прозы. – М.: Наука, 1980. – С. 53-175.

Виноградова С.Б. Номинации водного пространства в творчестве Н.А. Клюева: лингвопоэтические аспекты: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Вологда, 2000. – 23 с.

Винокур Т.Г. Речевой портрет современного человека // Человек в системе наук. – М.: Наука, 1989. – С. 361–370.

Вирковская А.М. Общественно-политическая лексика книги В.И. Ленина "Что делать?": Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Минск, 1961. – 15 с.

Вовк В.Н. Языковая метафора в художественной речи. – Киев: Наукова думка, 1986. – 140 с.

Волков В.В., Суран Т.И. Прагмалингвистика, или на пути к филологии личности // Лингвистика: взаимодействие концепций и парадигм. – Харьков, 1991. – Вып. 1, ч. 2. – С. 317–320.

Волкова Т.Ф. Сравнения в языке диалектной личности // Juvenilia. – Томск, 1996. – Вып. 1. – С. 124–126.

http://www.lib.tsu.ru

Волкова Т.Ф. Образные и логические сравнения в языке диалектной личности // Juvenilia. – Томск, 1998. – Вып. 2. – С. 98–100.

Волкова Т.Ф. Диалектные сравнения и языковая картина мира (формально-семантический аспект) // Juvenilia. – Томск, 1999. – Вып. 4. – С. 14–15.

Волкова Т.Ф. Особенности употребления сравнений отдельной личностью на фоне языка социума // Филологические исследования. – Томск, 2000а. – С. 16–23.

Волкова Т.Ф. Функционирование сравнений в речи диалектной личности // Juvenilia. – Томск, 2000б. – Вып. 5. – С. 41–43.

Волкова Т.Ф. Семантика сравнений в речи диалектной личности // Актуальные проблемы лингвистики. – Томск, 2001. – С. 148–152.

Воркачев С.Г. Этносемантика паремии: сопоставительный анализ метафоризированных показателей безразличия в русском и испанском языках // Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград; Архангельск, 1996. – С. 16–25.

Воркачев С.Г. Безразличие как этносемантическая характеристика личности: опыт сопоставительной паремиологии // Вопросы языкознания. – 1997. – № 4. – С. 115–124.

Воркачёв С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.

Воронов Ю.С. Ораторский стиль Ленина: Очерки. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1971. – 127 с.

Воронов Ю.С. Ораторское искусство В.И. Ленина.– Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1983. – 207 с.

Ворончак Е. Методы вычисления показателей лексического богатства текстов // Семиотика и искусствометрика. – М., 1972. – С. 232–249.

Гайнуллина Н.И. Дискурс Петра Великого как объект истории русского литературного языка // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы: Тез. междунар. конф. – М., 1995. – Т. 1. – С. 116–117.

Галуза О.Ю. Лексико-морфологическое варьирование имен существительных в амурском говоре: к проблеме тождества слова: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Томск, 1982. – 17 с.

Гаспарян С.К. Сравнение как "изъяснение" в научной речи и как средство лингвопоэтического творчества в художественной литературе: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. – М., 1994. – 54 с.

Глисон Г. Введение в дескриптивную лингвистику: Пер. с англ. – М.: Иностр. лит., 1959. – 486 с.

http://www.lib.tsu.ru

Головин Б.Н. Основы культуры речи. – М.: Высш. шк., 1988. – 320 с.

Голубева-Монаткина Н.И. Язык и культура: О русской "эмигрантской" речи в Канаде // Облик слова: Сб. статей памяти Д.Н. Шмелева. – М., 1997. – С. 321–332.

Гольдин В.Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии: Дис. … д-ра филол. наук. – Саратов, 1997. – 52 с.

Гольдин В.Е. Внутренняя типология русской речи и строение русистики // Русский язык сегодня. – М., 2000. – Вып. 1. – С. 53–65.

Григорьев В.П. Грамматика идиостиля: В. Хлебников. – М.: Наука, 1983. – 224 с.

Грузберг Л.А., Егорьева М.П. О соотношении языка говора и речи одного носителя говора (на материале вводных элементов) // Живое слово в русской речи Прикамья. – Пермь, 1969. – Вып. 1. – С. 65–75.

Гузий С.В. Безличное предложение в языке диалектной личности // Актуальные проблемы лингвистики. – Томск, 2001. – С. 153–157.

Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию: Пер. с нем. / Под ред. Г.В. Рамишвили. – М.: Прогресс, 1984. – 397 с.

Гуц Е.Н. Ненормативная лексика в речи современного городского подростка (в свете концепции языковой личности): Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Барнаул, 1995. – 23 с.

Гынгазова Л.Г. Жанр оценки в языке личности // Проблемы лексикографии, мотивологии, дериватологии. – Томск, 1998. – С. 40–49.

Гынгазова Л.Г. Тональность текстов-воспоминаний в языке личности // Язык и культура: Сб. науч. ст. XIII междунар. науч.-метод. конф., посвященной 120-летию Том. гос. ун-та. – Томск, 1999. – С. 50–55.

Гынгазова Л.Г. Чужая речь в языке диалектной личности // Актуальные проблемы русистики. – Томск, 2000. – С. 230–238.

Гынгазова Л.Г. О речевом жанре воспоминания (на материале языка личности) // Актуальные направления функциональной лингвистики: Материалы Всерос. науч. конф. "Языковая ситуация в России конца XX века" (1–3 декабря 1997 г.). – Томск, 2001. – С. 167–174.

Девкин В.Д. Немецкая разговорная речь: Синтаксис и лексика. – М.: Междунар. отношения, 1979. – 256 с.

Девятайкин А.И. Устная речь писателя // Язык и личность. – М., 1989. – С. 58–63.

Девятайкин А.И. Устная речь писателей и ученых. Соотношение общеустного и функционально-стилевого. – Саратов: Изд-во Сарат. гос. ун-та, 1992. – 180 с.

http://www.lib.tsu.ru

Демешкина Т.А. Жанровая типология диалектного высказывания (на материале языка личности) // Явление вариативности в языке. – Кемерово, 1994. – С. 67–69.

Демешкина Т.А. Теория диалектного высказывания: Аспекты семантики. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. – 188 с.

Диденко Л.В. Высказывания с выражением чувств в языке личности: к вопросу о языковой картине мира // Актуальные проблемы лингвистики. Томск, 2001. – С. 157–161.

Долгова О.В. Синтаксис как наука о построении речи. – М.: Высш. шк., 1980. – 191 с.

Дьяков Ю.А. Семантика звукоподражания и языковая личность // Языковая личность и семантика: Тез. докл. науч. конф. 28–30 сентября 1994 г. – Волгоград, 1994. – С. 46–47.

Дядечко Л.П. Лингвистическая характеристика цитат-реминисценций в современном русском языке: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Киев, 1989. – 16 с.

Евтюгина А.А. Прецедентные тексты в поэзии Высоцкого (к проблеме идиостиля): Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Екатеринбург, 1995. – 17 с.

Ейгер Г.В., Гохлернер М.М. Языковое сознание: психолингвистический и методический аспект / Харьковский ун-т им. Горького. – Харьков, 1982. – 155 с. – Деп. в ИНИОН АН СССР 31.12.82, № 11974.

Ейгер Г.В., Раппопорт И.А. Язык и личность: Учеб. пособие. – Харьков, 1991. – 81 с.

Еремеева О.А. О понятии "языковая личность" // Лингвистика: взаимодействие концепций и парадигм. – Харьков, 1991. – Вып. 1, ч. 2. – С. 434.

Ермакова О.П. Об иронии и метафоре // Облик слова: Сб. статей памяти Д.Н.Шмелева. – М., 1997. – С. 48–57.

Ерофеева Т.И. "Речевой портрет" говорящего // Языковой облик уральского города. – Свердловск, 1990. – С. 90–103.

Ерофеева Т.И., Скитова Ф.Л. Развитие социальной диалектологии в Пермском университете // Лингвистическое краеведение Прикамья. – Пермь, 1988. – С. 60–68.

Ефимов А.И. О культуре речи агитатора и пропагандиста. – Калуга, 1948. – 68 с.

Залевская А.А. Вопросы организации лексикона человека в лингвистических и психологических исследованиях: Учеб. пособие. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1978. – 88 с.

Захарова А.В. Опыт статистического исследования устной речи ребенка // Исследования по языку и фольклору. – Новосибирск, 1967. – Вып. 2. – С. 16–38.

Захарова А.В. Опыт лингвистического анализа словаря детской речи: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Новосибирск, 1975. – 23 с.

Земская Е.А. Еще раз о языке русского зарубежья // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. – М., 1995. – С. 233–241.

http://www.lib.tsu.ru

Земская Е.А. Речевой портрет эмигрантки первой волны (к вопросу об объяснительной силе теории естественной морфологии) // Русский язык сегодня. – М., 2000. – Вып. 1. – С. 100–121.

Золотова Н.О. Разграничение ядра и периферии в исследовании организации лексики // Психолингвистические исследования: звук, слово, текст. – Калинин, 1987. – С. 101–108.

Зубова Л.А. Лингвистический аспект поэзии М.Цветаевой: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. – Л., 1990. – 37 с.

Иванова В.А. Антонимия в системе языка. – Кишинев: Штиинца, 1982. – 163 с.

Ивушкина Т.А. Речь английского аристократа как предмет лингвистического изучения // Языковая личность и семантика: Тез. докл. научной конф. 28–30 сентября 1994 г. – Волгоград, 1994. – С. 51.

Ивушкина Т.М. Манера речи и голос как характеристики языковой личности // Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград; Архангельск, 1996. – С. 133-141.

Из наблюдений над речью Лыковых – старожилов на реке Абакан / З.М. Альмухамедова, В.С. Маркелов., Г.П. Слесарева и др. // Фонетика и письмо. – Устинов, 1986. – С. 103–115.

Казакова О.А. Речевой жанр оценки (на материале языка личности) // Juvenilia. – Томск, 1999. – Вып. 4. – С. 11.

Казакова О.А. Диалогические единства в речи языковой личности // Juvenilia. – Томск, 2000а. – Вып. 5. – С. 43–45.

Казакова О.А. Информативные жанры в языке личности (опыт составления типологии) // Филологические исследования. – Томск, 2000 б. – С. 49–54.

Казакова О.А. Диалогические единства в речи языковой личности // Актуальные проблемы лингвистики. – Томск, 2001. – С. 161–166.

Калентьева Т.Л. Индивидуально-типические особенности устного способа формирования и формулирования мысли студентом на родном языке // Сб. науч. тр. Моск. гос. ин-та иностр. яз. им. М. Тореза. – М., 1989. – Вып. 327. – С. 72–76.

Калиткина Г.В. Формы субъективной оценки имен в аспекте теории мотивации: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Томск, 1990. – 20 с.

Калугин В.В. Языковая личность и особенности стиля князя А.М. Курбского // Русский язык за рубежом. – 1999. – № 1. – С. 76–87.

Карасик В.И. Оценочная мотивировка, статус лица и словарная личность // Филология. – 1994. – № 3. – С. 2–7.

http://www.lib.tsu.ru

Караулов Ю.Н. "Четыре кита" современной лингвистики, или О предпосылках включения "языковой личности" в объект науки о языке (от содержания науки к ее истории) // Соотношение частнонаучных методов и методологии в филологической науке. – М., 1986. – С. 33–52.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 262 с.

Караулов Ю.Н. Способ аргументации как характеристика языковой личности // Вопросы философии. – Ереван, 1988. – Вып. 6–7. – С. 211–218.

Караулов Ю.Н. О русском языке зарубежья // Вопросы языкознания. – 1992. – № 6. – С. 5–18.

Караулов Ю.Н., Красильникова Е.В. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. – М., 1989. – С. 3–9.

Квиквидзе Л.Н. Повторы и их стилистическая функция в публичных выступлениях В.И. Ленина 1917–1919 гг.: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Тбилиси, 1972. – 19 с.

Киселева Т.В. Рациональное / эмоциональное в национальном языковом сознании // Актуальные проблемы филологии в вузе и школе. – Тверь, 1997. – С. 111–112.

Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Русский речевой портрет: Фонохрестоматия. – М., 1995. – 114 с.

Клобукова Л.П. Феномен языковой личности в свете лингводидактики // Междунар. юбил. сессия, посвященная 100-летию со дня рождения академика В.В. Виноградова: Тез. докл. – М., 1995. – С. 321–323.

Клюева В.Н. Краткий словарь синонимов русского языка. – М., 1956. – 280 с.

Клюканов И.Э. Языковая личность и интегральные смысловые образования // Язык, дискурс и личность. – Тверь, 1990. – С. 69–73.

Кнорина Л.В. Словоупотребление – компонента индивидуального стиля (на материале разговорной речи) // Язык и личность. – М., 1989. – С. 116–121.

Коготкова Т.С. К вопросу о диалектной стилистике // Учен. зап. / Моск. обл. пед. ин-т им. Н.К. Крупской. – М., 1967. – Вып. 13: Русский язык в вузе. – С. 310–321.

Коготкова Т.С. Заметки об изучении лексики в индивидуальной речи диалектоносителя (по материалам современных областных словарей) // Русские говоры: К изучению фонетики, грамматики, лексики. – М., 1975. – С. 285–301.

Коготкова Т.С. Русская диалектная лексикология (состояние и перспективы). – М.: Наука, 1979. – 333 с.

Козырев В.А., Черняк В.Д. Слово в системе словарей русского языка: Учеб. пособие к спецкурсу. – Л., 1989. – 106 с.

http://www.lib.tsu.ru

Коллектив. Личность. Общение: Словарь социально-психологических понятий / Под ред. Е.С. Кузьмина, В.Е. Семенова. – Л.: Лениздат, 1987. – 144 с.

Кондрашов Н.А. История лингвистических учений. – М.: Просвещение, 1979. – 224 с.

Конрад Н.И. О "языковом существовании" // Японский лингвистический сборник. – М., 1959. – С. 5–16.

Копылова Н.И. Сравнения как средство выражения авторского "я" в лирике А. Фета // Язык и стиль произведений фольклора и литературы. – Воронеж, 1986. – С. 80–86.

Кормилицына М.А. Языковая личность В.В. Виноградова в его письмах к жене // Вопросы стилистики. – Саратов, 1996. – Вып. 26: Язык и человек. – С. 63–71.

Королева Е.Е. Диалектный словарь одной семьи (Пыталовский район Псковской области). – Daugavpils: Saule, 2000. – Ч. 1–2.

Кохман С. Словарь языка Пушкина и язык пушкинского времени // Междунар. юбил. сессия, посвященная 100-летию со дня рождения академика В.В. Виноградова: Тез. докл. – М., 1995. – С. 84.

Кошкарева А.М. Из наблюдений над лексикой одного сибирского говора // Проблемы грамматики, словообразования и лексики сибирских говоров. – Красноярск, 1978. – С. 152–156.

Крапивец Е.А. Средства выражения экспрессивности в лексиконе одной диалектной личности // Juvenilia. – Томск, 1996. – Вып. 1. – С. 126–128.

Крапивец Е.А. Оценка диалектоносителем поведения человека в труде и в быту // Juvenilia. – Томск, 1998. – Вып. 2. – С. 95–98.

Крапивец Е.А. Языковое сознание диалектной личности как важнейший источник информации о семантике экспрессивного слова // Juvenilia. – Томск, 1999. – Вып. 4. – С. 15–17.

Крапивец Е.А. О семантических типах экспрессивных лексических единиц в языке диалектной личности // Juvenilia. – Томск, 2000а. – Вып. 5. – С. 46–48.

Крапивец Е.А. Ценностная картина мира диалектной личности (на материале экспрессивных лексических единиц) // Язык. Человек. Картина мира: Материалы Всерос. науч. конф. – Омск, 2000б. – Ч. 1. – С. 114–118.

Крапивец Е.А. Специфика употребления языковой личностью экспрессивных лексических единиц в речевых жанрах // Филологические исследования. – Томск, 2000в. – С. 87–94.

Крапивец Е.А. Языковые средства создания экспрессии в речи диалектной личности // Актуальные проблемы лингвистики. – Томск, 2001. – С. 166–173.

http://www.lib.tsu.ru

Красина М.Л., Сыпченко С.В. Сравнение как средство эстетического воздействия в поэзии Н. Гумилева // Коммуникативные аспекты слова в текстах разной жанрово-стилевой ориентации. – Томск, 1995. – С. 92–104.

Кривонкина М.Л. Синонимы в повести А.М. Горького "Мать". – Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. пед. ин-та, 1967. – 60 с.

Крылов И.А. Басни. Словарь языка басен Крылова. – М.: Школа-Пресс, 1996. – 704 с.

Крысин Л.П. Гипербола в русской разговорной речи // Проблемы структурной лингвистики. 1984. – М., 1988. – С. 95–111.

Крысин Л.П. Современный русский интеллигент: штрихи к речевому портрету // Литературный язык и культурная традиция. – М., 1994. – С. 262–282.

Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка. – 2-е изд. – М.: Высш. шк., 1989. – 216 с.

Лабов У. Исследование языка в его социальном контексте // Новое в лингвистике. – Вып. 7: Социолингвистика. – М., 1975. – С. 96–181.

Лаврентьева Н.Б. Экспрессивно-выразительная глагольная лексика (на материале говоров Новосибирской области): Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Томск, 1980. – 18 с.

Лаптева О.А. Мысли Виктора Владимировича Виноградова о социальных и личностных факторах речи в связи с теорией литературного языка // Вопросы языкознания. – 1989. – № 4. – С. 111–127.

Лебедева С.В. Психолингвистическое исследование близости слов в индивидуальном сознании: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Саратов, 1991. – 16 с.

Левковская К.А. Лексикология немецкого языка. –М.: Учпедгиз, 1956. – 247 с.

Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энцикл., 1990. – 682 с.

Ломов Б.Ф. Изучение человека на основе системного подхода // Человек в системе наук. – М., 1989. – С. 5–13.

Лукьянова Н.А. Системные отношения в лексике говоров Сузунского и Ордынского районов Новосибирской области: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Новосибирск, 1966. – 19 с.

Лукьянова Н.А. О семантике и типах экспрессивных лексических единиц. II. Семантические классы экспрессивов русского языка // Экспрессивность лексики и фразеологии. – Новосибирск, 1983. – С. 12–41.

Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. Проблемы семантики. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1986. – 230 с.

http://www.lib.tsu.ru

Лыжова Л.К. Об особенностях синонимов разных частей речи (на материале говоров одного из сел Воронежской области) // Изв. / Воронеж. пед. ин-т. – 1969. – Т. 68. – С. 169–175.

Лютикова В.Д. Социальная дифференциация лексики говора на территории позднего заселения: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – М., 1984. – 16 с.

Лютикова В.Д. Роль языкового сознания в развитии диалекта // Тез. IX Всесоюз. симпозиума по психологии и теории коммуникации "Языковое сознание". – М., 1988. – С. 109–110.

Лютикова В.Д. О пословицах и поговорках одного носителя диалекта // Региональные аспекты лексикологии. – Тюмень, 1994. – С. 73–78.

Лютикова В.Д. Языковая личность и идиолект. – Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 1999. – 188 с.

Лютикова В.Д. Словарь диалектной личности. – Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2000а. – 188 с.

Лютикова В.Д. Языковая личность: идиолект и диалект: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. – Екатеринбург, 2000б. – 41 с.

Ляпон М.В. Языковая личность: поиск доминанты // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. – М., 1995. – С. 260–276.

Ляпон М.В. Картина мира: языковое видение интроверта // Русский язык сегодня. – М., 2000. – Вып. 1. – С. 199–207.

Малышева В.А. Идиолект как лингвистическая реальность // Антропоцентрический подход к языку. – Пермь, 1998а. – Ч. 1. – С. 66–79.

Малышева В.А. Функционирование обращений в речи диалектоносителя // Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты: Материалы науч.-практ. конф. (3–5 декабря 1998 г.). – Бийск, 1998б. – Т. 2. – С. 5–7.

Малышева В.А., Скитова Ф.Л. Общее и индивидуальное в речи носителя диалекта // Материалы междунар. съезда русистов в Красноярске (1–4 октября 1997 г.). – Красноярск, 1997. – Т. 1. – С. 138–140.

Малышева В.А., Скитова Ф.Л. Повтор в обиходной диалектной речи // Актуальные проблемы русистики. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. – С.239–244.

Маркелов В.С. Анализ ритмической организации звучащих текстов (опыт прочтения писем и "Слова о полку Игореве" А. Лыковой – старожила на р. Абакан) // Духовная культура: проблемы и тенденции развития. – Сыктывкар, 1994. – С. 55–56.

Маркелов В.С. Письма Агафьи Лыковой // Русская речь. – 2000. – № 3. – С. 65–73.

http://www.lib.tsu.ru

Мартынова С.Э. Народно-поэтический стиль диалекта: Дис. … канд. филол. наук. – Томск, 1992. – 257 с.

Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие. – М.: Academia, 2001. – 203 с.

Матвеева Т.В. Тематическое развертывание разговорного текста // Языковой облик уральского города. – Свердловск, 1990. – С. 46–54.

Мельниченко Г.И. Характеристика словарного состава местного говора по степени употребительности слов // Докл. на науч. конф. 1962 г. – Ярославль, 1962. – Т. 1, вып. 2. – С. 245–254.

Минакова Е.Е. Сопоставительный анализ многозначных существительных в немецком и русском языках // Лексикон человека и речевая деятельность. – М., 1991. – С. 31–38.

Мягкова Е.Ю. О двух подходах к исследованию эмоциональности лексики // Языковое сознание: Тез. IX Всесоюз. симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации "Языковое сознание". – М., 1988. – С. 124.

Найдён Е.В. Функции мотивационно связанных слов в народно-разговорной речи (на диалектном материале): Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Томск, 2001. – 22 с.

Наставшева Н.Г. Лингвостилистическая природа компаративных средств в современной английской художественной речи: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Киев, 1979. – 24 с.

Наумов В.Г. Явление мотивации слов в системе диалекта (лексикологический аспект): Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Томск, 1985.– 18 с.

Неверов С.В. Общественно-языковая практика современной Японии. – М.: Наука, 1982. – 149 с.

Некрасова Е.А. Сравнения в стихотворных текстах (А.Блок, Б.Пастернак, С.Есенин) // Некрасова Е.А., Бакина М.А. Языковые процессы в современной русской поэзии. – М.: Наука, 1982. – С. 5–189.

Нерознак В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод. – М., 1996. – С. 112–116.

Никитина С.Е. Языковое сознание и самосознание личности в народной культуре // Язык и личность. – М., 1989. – С. 34–40.

Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. – М.: Наука, 1993. – 186 с.

Николаева Т.М. Категория связности текста как многокомпонентное иерархическое образование // Текст и аспекты его описания. – М., 1977. – С. 48–49.

http://www.lib.tsu.ru

Новиков Л.А. Типы антонимов в русском языке (структурная классификация) // Русский язык в школе. – 1973. – № 3. – С. 69–76.

Новиков Л.А. Семантика русского языка. – М.: Высш. шк., 1982. – 272 с.

Новиков Л.А. Русская антонимия и ее лексикографическое описание // Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка. – М., 1985. – С. 5–30.

Новиков Л.А. Лексикология. // Современный русский язык. – М., 1989. – Ч. 1. – С. 165–297.

Норман Б.Ю. Грамматика говорящего. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1994. – 228 с.

Нуриахметова А.Г. Синонимические связи многозначных слов (на материале качественных прилагательных) // Слово как предмет изучения. – Л., 1977. – С. 59–64.

Общение. Текст. Высказывание. – М.: Наука, 1989. – 175 с.

Общество, язык, личность: Материалы Всерос. науч. конф. (Пенза, 23–26 октября 1996). – М., 1996. – Вып. 1. – 96 с.

Опыт описания языковой личности. А.А. Реформатский // Язык и личность. – М., 1989. – С. 149–212.

Оссовецкий И.А. Лексика современных русских народных говоров. – М.: Наука, 1982. – 197 с.

Очерки истории языка русской поэзии XX века: Поэтический язык и идиостиль: Общие вопросы. Звуковая организация текста. – М.: Наука, 1990. – 304 с.

Очерки истории языка русской поэзии XX века: Опыты описания идиостилей. – М.: Наследие, 1995. – 538 с.

Панов М.В. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. – М.: Наука, 1990. – 453 с.

Паршина В.А. Указатель слов в поэтических произведениях Н.А. Некрасова. – Ярославль: Изд-во Ярослав. пед. ин-та, 1983–1986. – Вып. 1–3.

Пауфошима Р.Ф. Житель современной деревни как языковая личность // Язык и личность. – М., 1989. – С. 41–48.

Пешковский А.М. Объективная и нормативная точка зрения на язык // Пешковский А.М. Избр. тр. – М., 1959. – С. 50–62.

Плющ-Высокопоясная М.П. Сравнения в произведениях М. Горького: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Киев, 1963. – 15 с.

Порядина Р.Н. О "магической" функции деминутива (на материале среднеобских говоров) // Проблемы лексикографии, мотивологии, дериватологии. – Томск, 1998. – С. 249–255.

Поэт и слово: Опыт словаря. – М.: Наука, 1973. – 450 с.

http://www.lib.tsu.ru

Прокошева К.Н. Очерк афористики Прикамья // Литературное краеведение Прикамья. – Пермь, 1988. – С. 3–19.

Протченко И.Ф. Лексика и словообразование русского языка советской эпохи. – М.: Наука, 1985. – 352 с.

Пушкин А.А. Способ организации дискурса и типология языковых личностей // Язык, дискурс и личность. – Тверь, 1990. – С. 50–60.

Пушкин А.А. Прагмалингвистические характеристики авторитарной языковой личности: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Чебоксары, 1992. – 16 с.

Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка: Лексика / Под ред. О.Б. Сиротининой. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1983. – 253 с.

Райская Л.М. Антонимия в лексической системе говора (на материале нарымского говора): Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Томск, 1985. – 18 с.

Райская Л.М. Об идиолектной антонимии // Материалы междунар. съезда русистов в Красноярске (1–4 октября 1997 г.). – Красноярск, 1997. – Т. 1. – С. 112–114.

Раков Г.А. Диалектная лексическая синонимия и проблемы идеографии. – Томск, 1988. – 271 с.

Резанова З.И. Функциональный аспект словообразования: Русское производное имя. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. – 218 с.

Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. – М.: Просвещение, 1976. – 543 с.

Ромашко С.А. Культура, структура коммуникации и языковое сознание // Язык и культура: Сб. обзоров. – М., 1987. – С. 37–58.

Ростова А.Н. Показания языкового сознания носителей диалекта как источник лексикологического исследования: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Томск, 1983. – 22 с.

Ростова А.Н. Языковая картина мира и языковое сознание // Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты. – Бийск, 1998. – Т. 2. – С. 140–144.

Ростова А.Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. – 193 с.

Рубинштейн С.Л. К психологии речи // Учен. зап. / Ленингр. гос. пед. ин-т им. Герцена, 1941. – Т. 35. – С. 6–20.

Русский язык: Энциклопедия. – М.: Сов. энцикл., 1979. – 432 с.

Русский язык: Энциклопедия. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: БРЭ, 1997. – 704 с.

http://www.lib.tsu.ru

Рут М.Э. Образная ономастика в русском языке: ономасиологический аспект: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. – Екатеринбург, 1994. – 32 с.

Санджи-Гаряева З.С. Словообразование в становлении языковой личности ребенка // Общество, язык, личность: Материалы Всерос. науч. конф. (Пенза, 23–26 октября 1996 г.). – М., 1996. – Вып. 1. – С. 68–70.

Сахарный Л.В., Орлова О.Д. Типы употребления в речи нескольких вариантов одной гиперлексемы (опыт психолингвистического анализа текста) // Живое слово в русской речи Прикамья. – Пермь, 1969. – Вып. 1. – С. 83–113.

Седов К.Ф. Становление языковой личности в онтогенезе // Языковая личность и семантика. – Волгоград, 1994. – С. 104–105.

Седов К.Ф. Типы языковых личностей и стратегии речевого поведения (о риторике бытового конфликта) // Вопросы стилистики. – Саратов, 1996. – Вып. 26: Язык и человек. – С. 8–14.

Седов К.Ф. Речевое поведение и типы языковой личности // Культурно-речевая ситуация в современной России. – Екатеринбург, 2000. – С. 298–311.

Сенкевич В.А. Исследование лексических и аффиксальных особенностей функционирования русского языка. – Челябинск, 1973. – 267 с.

Сентенберг И.И. Языковая личность в коммуникативно-деятельностном аспекте // Языковая личность: проблемы значения и смысла. – Волгоград, 1994. – С. 14–25.

Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии: Пер. с англ. – М.: Прогресс: Универс, 1993. – 655 с.

Сердобинцев Н.Я. Семантическая структура слова и его коннотации // Теория слова и функционирования словарных единиц. – Саратов, 1981. – С. 4–25.

Серегина Л.В. "Пламень небесный вслепую нашаривает свою жертву" (авторская метафора в рассказах Т.Толстой) // Язык. Система. Личность: Материалы докл. и сообщ. междунар. науч. конф. 23–25 апреля 1998 г. – Екатеринбург, 1998. – С. 148–149.

Сиротинина О.Б. Современная разговорная речь и ее особенности. – М.: Просвещение, 1974. – 143 с.

Сиротинина О.Б. Человек и его язык // Вопросы стилистики. – Саратов, 1996. – Вып. 26: Язык и человек. – С. 3–7.

Сиротинина О.Б., Ларькина Т.В. Устная речь рабочих в неофициальной обстановке // Язык и личность. – М., 1989. – С. 49–52.

Скитова Ф.Л., Огиенко Е.А. Из наблюдений над словарным запасом одного человека // Живое слово в русской речи Прикамья. – Пермь, 1971. – Вып. 2. – С. 26–39.

http://www.lib.tsu.ru

Скляревская Г.Н. Языковая метафора в толковом словаре: Проблемы семантики (на материале русского языка). – М., 1988. – Ч. 1–2.

Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка. – СПб., 1993. – 144 с.

Скребнев Ю.М. Ирония // Русский язык: Энциклопедия. – М., 1979. – С. 98.

Слесарева Г.П. Из наблюдений над ритмикой фразы одного сибирского говора (по данным осциллограмм) // Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика. – Казань, 1989. – С. 60–62.

Слесарева Г.П. Отражение особенностей говора на письме (по материалам магнитных записей и писем от А. Лыковой) // Духовная культура: проблемы и тенденции развития. – Сыктывкар, 1994. – С. 57–58.

Слесарева Г.П. Звуковой портрет Агафьи Лыковой // Материалы междунар. съезда русистов в Красноярске (1–4 октября 1997 г.). – Красноярск, 1997. – Т. 1. – С. 173–174.

Словарь автобиографической трилогии М. Горького.– Л.: Изд-во ЛГУ, 1974–1986. – Вып. 1–6.

Словарь драматургии М. Горького: "Сомов и другие", "Егор Булычев и другие", "Достигаев и другие". – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1984–1994. – Вып. 1–2.

Словарь поэтического языка Марины Цветаевой / Под ред. О.Г. Ревзиной. – М., 1996–1998. – Т. 1–2.

Словарь русских народных говоров. – Л.: Наука, 1974. – Вып. 10. – 388 с.

Словарь языка Пушкина / Под ред. В.В. Виноградова. – М., 1956-1961. – Т. 1-4.

Словарь языка русских произведений Шевченко. – Киев: Наукова думка, 1985–1986. – Т. 1–2.

Словник мови Шевченка. – Київ: Наукова думка, 1964. – Т. 1–2.

Соколова А.Н. Изменение территориального диалекта под влиянием социальных факторов // Очерки по социолингвистике. – Шадринск, 1971. – С. 29–63.

Соловьева А.К. Проблемы индивидуального говорения // Вопросы языкознания. – 1962. – № 3. – С. 93–106.

Сорокин Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текста: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. – М., 1988. – 52 с.

Сороколетов Ф.П., Кузнецова О.Д. Очерки по русской диалектной лексикографии. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1987. – 232 с.

Стернин И.А. Лексическое значение и энциклопедическое значение // Аспекты лексического значения. – Воронеж, 1982. – С. 10–18.

Столярова Э.А. Типы лексико-семантических полей в русской разговорной речи // Русский язык сегодня. – М., 2000. – Вып. 1. – С. 433–443.

http://www.lib.tsu.ru

Судавичене Л.В., Бразаускене Е.М. Словарь языка Паустовского в Литве // Глагол и имя в русской лексикографии: вопросы теории и практики. – Екатеринбург, 1996. – С. 167–175.

Сулименко Н.Е. От трех до пяти: о путях формирования языковой личности ребенка // Языковая личность: проблема выбора и интерпретации знака в тексте. – Новосибирск, 1994. – С. 6–15.

Супрун А.Е. Повтор в лексической структуре текста // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. – М., 1995. – С. 135–139.

Сусов И.П. Деятельность, сознание, дискурс и языковая система // Языковое общение: процессы и единицы. – Калинин, 1988. – С. 7–13.

Сусов И.П. Личность как субъект языкового общения // Личностные аспекты языкового общения. – Калинин, 1989. – С. 9–16.

Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М., 1988. – С. 173–205.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа "Языки русской культуры", 1996. – 288 с.

Тимофеев В.П. Личность и языковая среда. – Шадринск, 1971а. – 122 с.

Тимофеев В.П. Диалектный словарь личности. – Шадринск, 1971б. – 141 с.

Толстой Н.И. Славянская географическая терминология: Семасиологические этюды. – М.: Наука, 1969. – 262 с.

Труфанова В.Я. О соотношении индивидуального и общего в интонации актера // Русское сценическое произношение. – М., 1986. – С. 166–180.

Туранина Н.А. Из наблюдений над метафорой в поэзии Маяковского // Русский язык в школе. – 1996. – № 3. – С. 66–70.

Туранина Н.А. Реализация ассоциативного потенциала в словаре // Язык. Система. Личность. – Екатеринбург, 1998. – С. 166.

Тюрина Р.Я. Об энантиосемии в среднеобских говорах // Говоры русского населения Сибири. – Томск, 1983. – С. 104–111.

Уфимцева Н.В. Русские глазами русских // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. – М., 1995. – С. 242–249.

Уфимцева Н.В. Доминанты образа мира современных русских // XII междунар. симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации "Языковое сознание и образ мира". – М., 1997. – С. 157–158.

http://www.lib.tsu.ru

Филин Ф.П. О словаре языка В.И. Ленина. // Вопросы языкознания. – 1974. – № 6. – С. 3–10.

Формановская Н.И. Речевой этикет и культура общения. – М.: Высш. шк., 1989. – 159 с.

Фрумкина Р.М. Объективные и субъективные оценки вероятностей слов // XVIII Междунар. психологический конгресс: Тез. сообщ. – Т. 2: Проблемы общей психологии. – М., 1966. – С. 343.

Ханпира Э. Окказиональные элементы в речи // Стилистические исследования (на материале современного русского языка). – М., 1972. – С. 245–317.

Херольянц Р.В. Заметки о полисемии в народном говоре // Краткие очерки по русскому языку. – Курск, 1966. – С. 186–193.

Херольянц Р.В., Кретова В.Н. Лексическая синонимия в народном говоре // Изв. / Воронеж. пед. ин-т. – 1966. – Т. 53. – С. 149–162.

Цыб Е.А. К вопросу об изучении образных средств поэтического языка (автоматический словарь образных сравнений поэзии Н. Заболоцкого) // Духовная культура: проблемы и тенденции развития. – Сыктывкар, 1994. – С. 103–104.

Частотный словарь романа Л.Н. Толстого "Война и мир". – Тула, 1978. – 380 с.

Частотный словарь русского языка / Под ред. Л.Н. Засориной. – М.: Русский язык, 1977. – 936 с.

Частотный словарь языка М.Ю. Лермонтова // Лермонтовская энциклопедия. – М.: БРЭ, 1999. – С. 717–774.

Человек и его язык: антропологический аспект исследований. – Нижний Новгород, 1996. – 117 с.

Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. – М.: Наука, 1991. – 240 с.

Черемисина М.И., Рыжкина О.А. Экспрессивно-лексический фонд русского языка // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. – Новосибирск, 1977. – Вып. 6. – С. 3–24.

Черепанова О.А. К оценке вариативности в речи индивида // Вопросы грамматического строя и словообразования в русских народных говорах. – Петрозаводск, 1976. – С.74–78.

Черкасова Е.Т. Особенности метафорического употребления прилагательных в прозе А.А. Фадеева // Очерки по лексикологии. – Л., 1974. – С. 3–14.

Чувакин А.А. К пониманию объекта современной филологии // Человек – коммуникация – текст. – Барнаул, 1998. – Вып. 2. – С. 178–179.

http://www.lib.tsu.ru

Чулкина Н.Л. Модель лексикона носителя русского языка как способ представления лексической системы: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – М., 1987. – 14 с.

Чумаков Г.М. Чужая речь как лингвистическая категория и проблемы грамматики, лексикологии, стилистики: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. – Днепропетровск, 1977. – 47 с.

Шанский Н.М., Тихонов А.Н. Современный русский язык. – Ч. 2: Словообразование. Морфология. – М.: Просвещение, 1981. – 270 с.

Шахматов А.А. Описание лекинского говора Егорьевского уезда Рязанской губернии. – СПб., 1914. – 48 с.

Шейдаева С.Г. Русское слово в контексте языковом и национальном // Духовная культура: проблемы и тенденции развития: Всерос. науч. конф. 11–14 мая 1994 г.: Тез. докл. – Сыктывкар, 1994. – С. 22–23.

Шершевская Е.В. О некоторых особенностях лексической синонимии в художественной прозе И.А. Крылова // Синонимия в языке и речи. – Новосибирск: Изд-во АН СССР. Сиб. отд-ние, 1980. – С. 122–137.

Шмелева Т.В. Повседневная речь как лингвистический объект // Русистика сегодня: Функционирование языка: лексика и грамматика. – М., 1992. – С. 5–15.

Щерба Л.В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1974. – С. 24–39.

Щукина И.Н. Функционирование устойчивых сравнений литературного языка в речи диалектоносителя // Литературный язык и народная речь. – Пермь, 1991. – С. 164–168.

Юнаковская А.А. Детерминанты частной языковой картины мира (на примере общерусского просторечия) // Человек – коммуникация – текст. – Барнаул, 1998. – Вып. 2, ч. 2. – С. 195–196.

Юшина Н.А. Абзац, его структурно-семантические типы и функционирование их в произведениях В.И. Ленина: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – М., 1972. – 16 с.

Язикова Ю.С. Анализ метафор стиля повести М. Горького "В людях" // Учен. зап. / Дальневосточный ун-т. – 1962. – Вып. 5. – С. 127–137.

Язык, дискурс и личность. – Тверь, 1990. – 133 с.

Язык и коммуникация: деятельность человека и построение лингвистических ценностей: Материалы Сочин. междунар. коллоквиума по лингвистике. Сочи, 14–19 октября 1996 г. – Сочи; Краснодар, 1996. – 108 с.

Язык и личность. – М.: Наука, 1989. – 212 с.

http://www.lib.tsu.ru

Языковая личность и семантика: Тез. докл. науч. конф. 28–30 сентября 1994 г. – Волгоград: Перемена, 1994. – 143 с.

Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград; Архангельск: Перемена, 1996. – 257 с.

Языковая личность: проблемы выбора и интерпретации знака в тексте. – Новосибирск, 1994. – 124 с.

Языковая личность: проблемы значения и смысла. – Волгоград: Перемена, 1994. – 204 с.

Языковая личность: проблемы изучения и формирования / И.А. Раппопорт, М.М. Гохлернер, Г.В. Ейгер и др. // Вопросы лингводидактики. – Таллинн, 1990. – С. 54–90.

Язык. Система. Личность: Материалы докл. и сообщ. междунар. науч. конф. 23–25 апреля 1998 г. Екатеринбург, Россия. – Екатеринбург, 1998. – 202 с.

Язык. Система. Личность. – Екатеринбург, 1999. – 243 с.

Янко-Триницкая Н.А. "Штучки-дрючки" устной речи (повторы-отзвучия) // Русская речь. – 1968. – № 4. – С. 48–52.

http://www.lib.tsu.ru

Список условных сокращений и обозначений

вин.	– винительный падеж	предл.	– предложный падеж
В.П.	– В.П.Вершинина	см.	– смотри
Д	– собственно диалектное слово	снисх.	– снисходительное
дат.	– дательный падеж	собир.	– собирательное
ДО	– диалектный вариант общерусского слова	тв.	– творительный падеж
ДП	– диалектный вариант диалектно-просторечного слова	увелич.	– увеличительное
ед.	– единственное число	ум.	– уменьшительное
ж.	– женский род	ум.-ласк.	– уменьшительно-ласкательное
им.	– именительный падеж	усилит.	– усилительное
ирон.	– иронически	ЧР	– чужая речь
кат. сост.	– категория состояния	шутл.	– шутливо
л.	– лицо	экспр.	– экспрессивное
-л.	– либо	ЯЛ	– языковая личность
ласк.	– ласкательное	~	пропуск фрагмента текста
ЛСВ	– лексико-семантический вариант	<…>	сокращение цитаты
м.	– мужской род	а'	ударение
мн.	– множественное число	**а**	эмфатическое ударение
МЯС	– метаязыковое сознание	< >	факультативные элементы устойчивого словосочетания
нар.	– наречие	*[ ]*	пояснения диалектолога
неодобр.	– неодобрительно	а [1]	омоним
О	– общерусское	а [#]	формальный вариант входит в ряд оппозиций
одобр.	– одобрительно	Ø	отсутствие аффикса
П	– диалектно-просторечное слово	–	безударный слог
ПО	– диалектно-просторечный вариант общерусского слова	^	ударный слог

http://www.lib.tsu.ru

К последней странице обложки:

Иванцова Екатерина Вадимовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Томского государственного университета. Лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники (1997), премии им. П.И. Макушина (1998) и конкурса Томской области в сфере образования и науки (1999). Автор работ по диалектной лексикологии и лексикографии, антрополингвистике, лингвистическому источниковедению и топонимике.

http://www.lib.tsu.ru